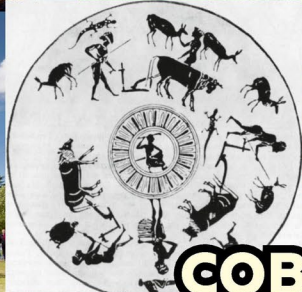
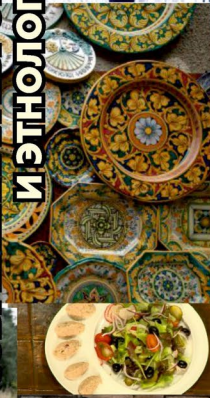

ИНСТИТУТ
ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**СОВРЕМЕННАЯ
ЕВРОПЕЙСКАЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ
И ЭТНОЛОГИЯ.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ**

**ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ**

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Москва
2018

ББК 63.5(4)
УДК 39+93(4)
С 56

**Исследование выполнено в рамках
Темы НИР «Многообразие культур и стратегий развития. Институты и управление в
полиэтнических обществах».**

Рецензенты:
доктор исторических наук Л.Б. Заседателева,
кандидат исторических наук Н.А. Лопуленко

Ответственный редактор и составитель
доктор исторических наук М.Ю. Мартынова

С-56 Современная Европейская социокультурная антропология и этнология. Историографические очерки / Отв. ред. М.Ю. Мартынова / Кол. авт.: Э.Г. Александренков, М.А. Андрунина, А.Вл. Верещатина-Гурко, Р.А. Григорьева, Н.Г. Деметер, И.Ю. Заринов, М.М. Керимова, А.Н. Кожановский, М.К. Любарт, М.Ю. Мартынова, В.В. Руднев, Е.А. Сорокина, О.Д. Фаис, Г.П. Шантек. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 426 с.

ISBN 978-5-4211-0229-8

Монография подготовлена сотрудниками Центра европейских и американских исследований ИЭА РАН. Задача книги – показать те направления и школы европейской науки, которые порой оказываются на периферии внимания учёных и мало знакомы научной общественности за пределами изучаемых регионов. Авторы стремились исследовать не ведущие мировые научные школы, а частные сюжеты, которые вместе с тем, позволяют проследить развитие социокультурной антропологии и этнологии на современном этапе в более полном объёме. Книга состоит из 12 очерков, каждый из которых посвящён одному или нескольким аспектам развития науки в разных странах Европы. Выбор регионов и сюжетов в какой-то степени объясняется научными интересами учёных, принявших участие в подготовке предлагаемого читателям научного труда.

Для этнологов, историков, культурологов и всех интересующихся проблемами этнокультурных процессов в современном мире.

© ИЭА РАН – 2018 г.
© Кол. авторов – 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ. ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ (М.Ю. Мартынова)	3
--	----------

Беларусь

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ (Р.А. Григорьева, А.Вл. Верещагина-Гурко)	11
---	-----------

Великобритания

БРИТАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИЙ (В.В. Руднев)	49
--	-----------

Испания

ИСПАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: «ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ» И ТРУДНОСТИ РОСТА (А.Н. Кожановский)	63
---	-----------

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АМЕРИКАНИСТИКА В ИСПАНИИ: ОБЗОР ЖУРНАЛА «REVISTA ESPAÑOLA DE ETNOLOGÍA AMERICANA» (Э.Г. Александренков)	103
--	------------

Италия

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИЦИЛИИ (О.Д. Фаис)	117
---	------------

Польша

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОЛЬСКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
В ЛЮБЛИНЕ**

(М.А. Андриянина)195

ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ В ПОЛЬСКОЙ ЭТНОЛОГИИ

(И.Ю. Заринов).....225

Сербия

**ПРИОРИТЕТЫ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ В
СЕРБИИ**

(М.Ю. Мартынова)241

Франция

**ЭТНОЛОГИЯ В БРЕТАНИ: ПРОБЛЕМЫ И
НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ**

(М.К. Любарт)277

Хорватия

**ЭТНОЛОГИЯ В ЗАГРЕБСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(2005–2017 гг.)**

(М.М. Керимова, Г.П. Шантек)321

Швеция

**ШВЕДСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ И РЕАЛИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ**

(Е.А. Сорокина)375

Европа

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОМИСТИКА

(Н.Г. Деметер)405

ПРЕДИСЛОВИЕ

М.Ю. Мартынова

ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ. ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Социокультурная антропология как область научного познания зародилась в европейской культуре в XIX веке. На протяжении двух столетий накапливался эмпирический материал, менялось исследовательское поле, предмет и методы исследования. Институционализация культурной антропологии началась именно в Европе. В 1838 г. этнологическое общество возникло во Франции, в 1843 г. – в Великобритании, (из которого в 1863 г. выделилось антропологическое общество), с 1869 г. этнологическое общество начало функционировать в Германии. В 1871 г. был учреждён Институт антропологии Великобритании и Ирландии, который в 1907 г. получил статус Королевского. Несколько позднее научные учреждения культурно-антропологического или этнологического профиля появились и в других странах континента. В 1905 г. возникла Венская культурно-историческая школа, объединившаяся вокруг журнала «Антропос». В Нидерландах в начале XX века на базе кафедры этнологии Амстердамского университета сложилась школа эволюционистской направленности. В том же городе в Лейденском университете возникло датируемое 1930 г. структуралистское исследовательское направление этнологии, известное как Лейденская школа. С 1852 г. там издается существующий по сей день журнал «Bijdragen tot de taal, laren volken kunde». В Лейпциге с 1888 г. по 1947 гг. выпускался журнал «Международный этнографический архив» («Internationales Archiv für Ethnographie»). В первой половине XX века кафедры с преподаванием этнологии или культурной антропологии возникли в целом ряде европейских университетов.

Многие европейские учёные приобрели мировую значимость. Ими были разработаны ведущие научные антропологические концептуальные

течения. Концепцию эволюции общества и культур (эволюционализм) сформулировали британские ученые Э. Тэйлор, Дж. Мак-Леннан и Дж. Лёббок. Крупнейшие представители школы эволюционизма работали в Германии, Австрии, Франции и других странах. Немецкая «культурно-историческая школа» Ф. Ратцеля и Л. Фробениуса, разработанный британскими социальными антропологами и социологами Б. Малиновским и А. Рэдклифф-Брауном функционализм, структурализм К. Леви-Строса, французская социологическая школа Эмиля Дюркгейма и его последователя Марселя Мосса, теория культурных кругов Фрица Гребнера, лингвистическая антропология, психологическая антропология, когнитивная антропология, неозволюционизм, постмодерн и другие течения в значительной степени разрабатывались европейскими учеными.

Разные политические, исторические и социально-экономические факторы влияли на мировоззрение ученых и давали гуманитарной науке новые стимулы развития. Особенно стремительно меняется исследовательское поле и познавательные парадигмы этнологии и социокультурной антропологии в последние десятилетия.

Данная монография подготовлена сотрудниками Центра европейских и американских исследований ИЭА РАН. Замысел книги – показать те направления и школы европейской науки, которые порой оказываются на периферии внимания ученых и мало знакомы научной общественности за пределами регионов. Авторы стремились исследовать не ведущие мировые научные школы, а частные сюжеты, которые вместе с тем, позволяют проследить развитие социокультурной антропологии и этнологии на современном этапе в более полном объеме. Книга состоит из 12 очерков, каждый из которых посвящён одному или нескольким аспектам развития социокультурной антропологии или этнологии в разных странах Европы. Выбор регионов и сюжетов в какой-то степени объясняется научными интересами учёных, принявших участие в подготовке предлагаемого читателям научного труда. Но это лишь усиливает профессионализм изложения материала и глубину исследовательских подходов и методик.

Р.А. Григорьева совместно с белорусской коллегой А.Вл. Верищагиной-Гурко в главе «Этнологические исследования в Беларуси» обстоятель-

но описывает проблемы, которые изучаются белорусскими этнологами на современном этапе. Среди них, по мнению авторов, – установление закономерностей формирования этнической и национальной идентичностей жителей независимого государства, определение роли и значения этнических традиций в современной жизни белорусского народа, выявление региональных этнокультурных особенностей Беларуси и др.

Глава «Британская антропология: потенциал традиций», написанная В.В. Рудневым, посвящена анализу научных трудов нескольких британских ученых рубежа XX и XXI веков, снискавших мировую известность. Это Мэрилин Стразерн, областью научных интересов которой являются гендерные проблемы и культура жителей Папуа Новая Гвинея, и Тимоти (Тим) Ингольд, специализирующийся на теме экологии, взаимоотношений человека и природы на примере культуры и быта саамов на северо-востоке Финляндии. В.В. Руднев также описывает работу британских антропологов в созданных ими комиссиях Международного союза антропологических и этнологических наук (Антропология и образование, Старение и возраст, Городская антропология, Антропология пищи и питания, Кочевые народы).

А.Н. Кожановский, назвавший свое исследование «Испанская антропология: "второе рождение" и трудности роста» рассматривает ряд аспектов развития антропологии в Испании, связанных с антропологическим образованием, с организационными структурами, в рамках которых осуществляется и координируется профессиональная деятельность испанских антропологов, с состоянием дел в антропологической периодике, с осмыслением испанскими коллегами места и роли своей специальности в науке и в общественной жизни, с тематикой их исследовательской и прикладной деятельности.

Э.Г. Александренков на материале десяти последних выпусков (за 2007 – 2016 гг.) журнала «Revista Española de Etnología Americana» рассказывает об антропологической американистике в Испании. Как пишет ученый, в журнале сохранены представления об антропологии Америки, сформировавшиеся в тот период, когда преобладал интерес к древним (доколумбовым) цивилизациям и к культуре потомков их носителей, в т.ч. в духовной сфере. Вместе с тем, появились и новые аспекты этого интереса:

язык тела, эротизм, красота и некоторые другие. Исследователь отмечает, что в журнале отсутствуют статьи, касающиеся не аборигенного населения, в первую очередь, современного.

О. Фаис в главе «Некоторые направления научных исследований в Сицилии» рассказывает о направлениях развития антропологии в Италии на примере одного из её регионов. К этому её побудил тот факт, что в 90-е годы XX в. в Италии наметился поворот к определённому «исследовательскому сепаратизму» и к сужению круга исследуемых вопросов до проблем исключительно «местного» уровня. Более того, как считает исследовательница, радикально изменился и характер анализируемых тем – отойдя от глобальных, имеющих широкий тематический охват и явный философско-идеологический «профиль» вопросов, от разработки теоретических моделей, итальянские антропологи обратились к анализу эмпирики, к предельно конкретным, казалось бы, мелким материям и темам: локальной кухне, архитектуре, определённым историческим событиям, особенностям сугубо местного быта и т.д.

О направлениях развития польской этнологии дают представление две главы книги. Работа М.А. Андруниной посвящена междисциплинарным исследованиям польской этнолингвистической школы в Люблине. Оно повествует о деятельности коллектива учёных, собранных вокруг профессора Ежи Бартминьского в Отделе этнолингвистики Института польской филологии Государственного университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине (UMCS). Автор анализирует отличия люблинской школы от других ведущих этнолингвистических школ, в первую очередь, американской и московской, и видит его в том, что польские исследователи ориентированы на живой языковой материал, преимущественно рассматривают вопросы современной языковой ситуации. Исследовательница доказывает, что Люблинская школа ставит перед собой амбициозные задачи, её интересы лежат не только на уровне исследований языков в различных их стратах и проявлениях, но они постоянно развиваются в направлении широкой компаративистики, охвата огромного массива языковых и экстралингвистических данных, реконструкции картины мира, проявляющей себя по-разному в разных жанрах народных текстов.

И.Ю. Заринов рассматривает три направления польской этнологии: монголоведение, диаспороведение и историография. Оправдывая название данной работы «Три направления современной польской этнологии», автор утверждает, что персонифицируют эти направления трое известнейших и до сих пор здравствующих учёных: профессора – Збигнев Ясевич, Александр Посер-Зелиньский и Славой Шинкевич.

М.Ю. Мартынова в главе «Приоритеты современной этнологии и антропологии в Сербии» рассказывает об этапах становления этнологии и антропологии в этой стране. В исследовании показано, как этнология/антропология в Сербии в первом десятилетии XXI в. рефлексировала в связи с происходящими в обществе процессами и в то же время подвергается определённой саморефлексии, пересмотру самой научной дисциплины. Исследовательская смелость, научный расчёт и определённый человеческий авантюризм приводят к тому, что дискурс этнологии/антропологии в Сербии, как и в других регионах мира, множится или, можно сказать, фрагментируется, создаётся целый ряд самостоятельных антропологических направлений (антропология или этнология спектакля, антропология жестов, антропология потребления, антропология тела, антропология спорта, визуальная антропология, музейная антропология, региональная этнография и др.). Происходит децентрализация подходов и научных направлений.

М.К. Любарт выбрала объектом своего научного анализа одну из региональных этнологических школ Франции – Бретонскую. Характеризуя деятельность многих ярких бретонских учёных, особое внимание исследовательница уделила Центру бретонских и кельтских исследований – (Centre des recherches bretonnes et celtiques – CRBC), в котором работают преподаватели разных дисциплин, занимающихся изучением Бретани и регионов, населённых кельтскими народами. Несмотря на то, что собственно этнологи не столь многочисленны в этом центре, именно это учреждение сегодня является флагманом в изучении этнологии и культуры бретонцев.

Целью главы «Этнология в Загребском университете», написанной М.М. Керимовой в соавторстве с хорватским коллегой Г.П. Шантеком, является стремление представить исторический обзор становления и развития этнологических знаний в хорватской образовательной сфере и, в част-

ности, в Отделении этнологии и культурной антропологии Философского факультета Загребского университета. Авторы анализируют проблематику лекционных курсов, методику и методологию преподавания в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре с 2005 по 2017 г., обозначают основные направления хорватской этнологии и оценивают роль Отделения этнологии и культурной антропологии в хорватском общеобразовательном процессе.

Е.А. Сорокина в главе «Шведская этнология и реалии общественной жизни» показывает становление «новой» (по сравнению с традиционной) этнологии, основными векторами которой стало не только изучение общескандинавских проблем и их проявлений конкретно в Швеции, но и проведение разного рода компаративных исследований, анализ изменения жизненных стандартов и образа жизни, культурных традиций жителей Швеции. По мнению автора, на примере шведских этнологических исследований видна прямая взаимосвязь науки с экономическими, социальными и политическими проблемами страны и поисками путей их разрешения. Задачи сохранения шведской идентичности приобретают особо актуальное значение на протяжении последних десятилетий также в связи с качественными изменениями характера миграций и значительным количественным ростом численности вновь прибывающих жителей страны.

Завершает книгу глава Н.Г. Деметер «Европейская ромистика», в которой автор показывает, какие исследования в области истории, фольклора, этнографии цыган ведутся в разных странах Европы в начале третьего тысячелетия. В работах зарубежных авторов много внимания уделяется обзору положения цыган в центральной части Европы, изучению экономического, политического, культурного и правового контекста их существования, а также процесса маргинализации, с которым цыгане сталкиваются практически во всех странах проживания. В научный оборот вводятся материалы по языку, фольклору и культуре цыган, их современной идентичности. Эти исследования, несомненно, имеют и прикладное значение, особенно для принятия законов и специальных решений, касающихся цыган.

Р.А. Григорьева, А.Вл. Верещагина-Гурко

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

Основные направления этнографических исследований Беларуси сложились ещё в довоенный период. Изучались различные стороны культуры и быта сельского населения: материальная культура, народное творчество, семейный и общественный быт, обычаи и обряды, верования, народные знания. С образованием в системе Академии наук БССР Института искусствоведения, этнографии и фольклора им.К. Крапивы (1957) и в нём сектора этнографии, исследования различных сторон народной культуры приобретают системность и последовательность. Усиливается интерес к изучению этнической истории белорусского народа. Большое внимание стало уделяться методике проведения полевых исследований на территории Беларуси, анализировались и обобщались собранные в предшествующие периоды сведения, которые вошли в изданные в 1960–90-е гг. труды. Так, например, в 1996 г. был издан атлас «Беларусы. Этнагеаграфія. Дэмаграфія. Дыяспара. Канфесіі», который стал научной публикацией нового формата среди других этнологических работ на постсоветском пространстве [Бела-

русы, 1996]. Подробный анализ этнологических исследований в этот период в Белоруссии представлен в книге: «Беларусы. Гісторыя этналагічнага вывучэння» [Беларусы, 1999. Т. 3].

С появлением на международной арене в 1991 г. независимого государства Республика Беларусь этнологические исследования вышли на новый уровень, основным направлением которых стало обобщение результатов ранее проведённых исследований и анализ закономерностей развития этнических традиций, их роли в формировании культуры белорусского государства, этнокультурного представительства белорусов на международной арене.

Научным преемником академического сектора, а затем отдела этнографии, стал отдел народоведения, объединивший ведущих этнологов страны в составе Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, созданного в 2012 г.

Основная цель научной деятельности отдела народоведения – фундаментальные исследования этнокультурных процессов и отдельных составляющих культуру белорусов и других народов, проживающих на территории Беларуси и за её пределами.

В этот период этнологические исследования приобрели идеологическую направленность. Государственное строительство, формирование национальной и языковой политики страны, государственная политика в области культуры, направленная на сохранение историко-культурного наследия, определили круг важнейших проблем современной белорусской этнологической науки.

Проблемы, которые изучаются белорусскими этнологами на современном этапе это – установление закономерностей формирования этнической и национальной идентичности жителей молодого независимого государства; определение роли и значения этнических традиций в современной жизни белорусского народа; выявление региональных этнокультурных особенностей Беларуси и популяризация этнокультурного наследия для туристической деятельности. В условиях идущих процессов глобализации, нивелирования этнических особенностей отдельных народов, распространения массовой культуры исключительно важной стала задача сохранения и развития самобытной

белорусской культуры, комплексного анализа современных этнических традиций и научное обоснование их роли в развитии белорусского гражданского общества. С ней связаны задачи возрождения белорусского села, развития городской культуры.

Не менее важная задача – исследование основных закономерностей межкультурного взаимодействия в современных этнических процессах в Беларуси и за рубежом, выработка адаптационных стратегий в условиях изменения этнокультурной среды. С этой задачей тесно связаны исследования адаптации мигрантов в Республике Беларусь, а также этнокультурного развития белорусской диаспоры с целью выявления белорусского присутствия в мире, и возможностей политической и экономической поддержки Беларуси на международной арене.

ИЗДАНИЕ СЕРИИ «БЕЛАРУСЫ»

В начале XXI в. была продолжена работа над многотомной серией «Белорусы», начало которой относится к 1990-м гг. Это издание, выделяющееся необычайно широким охватом проблем, представляет большой интерес, прежде всего, тем, что в нём анализируются и обобщаются результаты многолетних этнологических исследований большого коллектива ученых, впервые привлекаются новые исторические, археологические и этнографические данные, переосмысливаются некоторые распространенные в науке взгляды и позиции. Всего за период с 1995 по 2012 гг. было издано 13 томов, в которых рассматриваются многие важнейшие вопросы жизнедеятельности и культуры белорусского народа в диахронном и тематическом аспектах.

Каждый том этой серии посвящается отдельной проблеме. В трёх томах, вышедших в 1995, 1997 и 1999 гг., подробно и основательно характеризуются особенности промысловых и ремесленных занятий белорусов (1-й том), зодчества (2-й том), истории этнологического изучения (3-й том)*.

Обобщающие исследования культуры белорусского народа, которые разрабатывались этнологами в конце XX – нач. XXI вв. и представленные в

* См. рецензию в журнале «Этнографическое обозрение». 2001. № 3.

серии «Белорусы», были удостоены в 2008 г. премии президента Республики Беларусь «За духовное возрождение». Белорусские этнологи А.И. Локотко, В.Н. Белявина, А.В. Гурко, Г.И. Касперович, Т.И. Кухаронак, Л.В. Ракова и И.В. Чаквин, согласно Указу президента Республики Беларусь от 08.01.2009 № 6, стали лауреатами премии «За актыўную падзвіжніцкую дзейнасць у гуманітарнай галіне, накіраваную на развіццё прагрэсіўных мастацка-маральных традыцый, што садзейнічаюць усталяванню духоўных каштоўнасцей, ідэй сяброўства і братэрства паміж людзьмі розных нацыянальнасцей і веравызнанняў» («За активную подвижническую деятельность в гуманитарной области, направленную на развитие прогрессивных художественно-моральных традиций, которые способствуют укреплению духовных ценностей, идей дружбы и братства между людьми разных национальностей и вероисповеданий»).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БЕЛОРУСОВ

Одной из основных тем исследований белорусских этнологов в рассматриваемый период является этническая история белорусского народа. В 2001 г. этнологи М.Ф. Пилипенко, И.В. Чаквин, Г.И. Касперович завершили обобщающий труд по этой проблеме, опубликовав свои выводы в 4-м томе серии «Беларусы» [*Беларусы*, 2001. Т. 4], который посвящён вопросам исторического и современного развития белорусского этноса. Большое внимание в этой работе уделяется одной из наиболее важных и актуальных проблем, определяющих теоретическую основу всего издания – ранней истории белорусского народа, его истокам.

Проблема происхождения белорусского народа приобрела особую значимость в 1990-е гг. в связи с ростом этнического самосознания и усилением интереса к национальной проблематике. В процессе переосмысления истории Беларуси и этнической истории белорусов обострилась дискуссия по вопросам происхождения белорусского народа, в частности, об их предках, а также общности трёх восточно-славянских народов – белорусов, русских и украинцев. Именно поэтому опубликованная работа представляется очень важной и актуальной.

В монографии анализируются существующие точки зрения на происхождение белорусов, часто противоположные и взаимоисключающие одна другую. В них, как подчеркивается в работе, больше всего разногласий высказано по вопросу ранней истории белорусов.

В работе предпринимается также попытка на основе широкого круга источников проследить историю формирования населения на территории современной Беларуси, изменение его этнического состава на протяжении более тысячи лет. Авторы книги анализируют причины появления белорусского этноса, историческую преемственность и эволюцию его материальной и духовной культуры, языка, семейно-родственных отношений, развитие специфических черт этого этноса в культуре, языке, самосознании от зарождения до настоящего времени.

В главе «Истоки», написанной известным ученым М.Ф. Пилипенко, представлены выводы и заключения автора на основе анализа большого числа источников – древних летописей, данных археологии, языкознания, топонимики, фольклора, этнографии. Исследование исторических и археологических данных позволили М.Ф. Пилипенко убедительно обосновать ошибочность многих из существующих концепций. Автор доказывает, что ассимиляция славянами балтского населения на территории Белоруссии происходила до формирования белорусского этноса, в IX–X вв., в период образования восточнославянских общностей – дреговичей, радимичей, кривичей, которые содержали в себе и балтский субстрат. Эти выводы представляют огромный научный интерес и, возможно, позволят сблизить представленные в науке точки зрения не только на причины появления белорусского этноса, но и на формирование специфических черт в его культуре и языке.

М.Ф. Пилипенко (основные результаты его исследований были опубликованы ранее [Пилипенко, 1991]) и другим авторам книги удалось показать глубокую историческую и генетическую связь белорусов с русскими и украинцами, обосновать восточнославянские истоки белорусского этноса.

Одним из авторов книги И.В. Чаквиным в главах «Этнічныя працэсы ў XVI–XVII ст.», «Беларускі этнас у другой палове XIV – першай палове XVII ст.» [Беларусы, 2001, Т. 4:48–170] сделан вывод, что белорусский на-

род сформировался на протяжении XIII–XVI вв. под воздействием нескольких факторов, одним из которых было изменение исторических условий развития Поприпяття, Понеманья, Подвинья и Поднепровья в позднем средневековье, а именно: продолжительная борьба населения этих земель с немецкими крестоносцами на западе и татарами на востоке.

Другим фактором формирования белорусского этноса было изменение экономического положения этих земель, более быстрое развитие в этот период Понеманья, Минщины, Могилёвщины, установление более тесных связей этого региона с поприпятскими и подвинскими землями.

Третьим фактором было изменение политических условий развития поприпятских, понеманских, подвинских и поднепровских земель и возникновение одного из самых могущественных в Европе государств – Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, которое консолидировало и объединило эти земли. На создание белорусского этноса существенно повлияло переселение в поприпятские, понеманские и поднепровские земли под влиянием новых исторических условий части западнославянского (польского), восточнобалтского и тюркского (татарского) населения, его взаимодействие и объединение с местным восточнославянским населением.

В четвёртой главе монографии «Этнокультурные процессы в XIX ст.» (авторы В.К. Бондарчик, В.Н. Белявина, А.Н. Курилович, Т.И. Кухаронак) рассмотрены изменения в социально-экономическом положении белорусского народа, его культуре, языке, самосознании в этот период.

Характеризуя сложную и противоречивую языковую и социально-этническую ситуацию на белорусских землях в составе Российской империи, авторы отмечают появление в этот период большого интереса общественности к белорусам как к народу с самобытной культурой. В монографии подробно и основательно освещается исследовательская деятельность литераторов, этнографов, краеведов, различных научных обществ России и Польши, представлены убедительные доказательства огромного влияния этих исследований на развитие профессиональной культуры белорусов, на усиление их этнического самосознания. Именно в этот период (конец XIX – начало XX вв.) получил широкое распространение термин «белорусы» как название белорусской этнической общности.

В книге анализируются и современные этнические процессы, в основе которых Г.И. Касперович выделила существенные закономерности, связанные с обретением белорусами государственности в начале 1990-х гг. Так, исследователем отмечается формирование новых форм этнической идентичности: произошло активное распространение политонима «белорусы», когда не только этнические белорусы, но и представители других этносов, являясь гражданами белорусского государства, считают себя белорусами. Результаты исследования этнического развития белорусов в новейшее время, проведённого Г.И. Касперович, составили основу её докторской диссертации «Этнокультурное развитие белорусов в 20–80-е гг. XX в.», которая была успешно защищена в 2002 г.

Проблемы происхождения и этнического развития белорусов на основе комплексного анализа факторов (социально-экономических, политических, конфессиональных, географических и др.) глубоко проанализировал И.В. Чаквин, талантливый этнолог, ушедший из жизни в 2012 г. В 2014 г. был издан сборник [Чаквин, 2014], в котором представлены его наиболее важные теоретические работы. Творческое наследие И.В. Чаквина охватывает как область фундаментальной, так и прикладной исторической и этнологической науки, а также ряд смежных дисциплин – антропологии, фольклористики, религиоведения и др. Значительный интерес представляют взгляды И.В. Чаквина на этногенез и этническую историю белорусов.

В 2004 г. была опубликована монография этнолога П.В. Терешковича [Терешкович, 2004], в которой на основе сравнительного анализа народов Центрально-Восточной Европы рассматривается специфика этнической истории Беларуси XIX – начала XX в. с использованием широкого круга источников.

ПОДГОТОВКА АТЛАСА «НАРОДЫ БЕЛАРУСИ»

Следующее этнологическое исследование, начавшееся во второй половине 1990-х гг. и продолженное в 2000-е гг., было посвящено созданию атласа «Народы Беларуси» (научный руководитель В.К. Бондарчик). В про-

цессе подготовки его проведена значительная исследовательская работа: проанализированы и систематизированы данные переписей населения Беларуси о национальном и конфессиональном составе более чем за 100 лет, начиная с 1897 г. и заканчивая 1999-м. К сожалению, в силу ряда причин атлас так и не был опубликован, однако собранные данные легли в основу книги «Кто живёт в Беларуси», о чём будет сказано ниже [*Кто живёт в Беларуси*, 2012].

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В начале XXI в. ученики и последователи В.К. Бондарчика, автора серии работ, в т.ч. и обобщающей работы о 200-летнем историографическом наследии белорусской этнологии [*Беларусы*, 1999. Т. 3], продолжили историографические исследования. Состоялись защиты нескольких кандидатских диссертаций по этой тематике: в 2003 г. Н.Е. Луйгас была защищена кандидатская диссертация и подготовлен ряд публикаций по теме «Историография семьи белорусов в XIX–XX вв.» [*Луйгас*, 2003]; в 2005 г. этнологом из БГУ А.И. Махначем – диссертация «Эволюционизм в этнологическом изучении Беларуси» [*Махнач*, 2005]; в 2008 г. – диссертация М.А. Михайлеца «Польская этналогія XIX – першай паловы XX стагоддзя аб матэрыяльнай культуры беларусаў» (им опубликована также одноименная монография), посвящённая анализу достижений польской этнологии XIX – первой половины XX вв. в области изучения народной материальной культуры белорусов [*Михайлец*, 2008].

В 2017 г. была защищена диссертация И.В. Олюниной «Традиционная социальная культура Белорусского Полесья в работах польских этнологов 1920–1930-х гг.», в которой проанализирован вклад польских учёных в изучение традиционной социальной культуры Белорусского Полесья [*Олюнина*, 2017].

Изучению истории исследований материальной культуры белорусов во второй половине XX – начале XXI вв. была посвящена диссертационная работа И.Г. Бочило, преподавателя этнологии, музеологии и истории искус-

ств исторического факультета Белгосуниверситета (защищена в 2018 г.). В её диссертации «Отечественная этнология второй половины XX – начала XXI вв. о традиционной материальной культуре белорусов» выделены этапы развития этнологических знаний о жилище, костюме, традициях питания и занятиях, раскрыто научное значение работ белорусских исследователей и их вклад в изучение традиционной материальной культуры белорусов [Бачыла, 2018].

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ

Один из томов издания «Беларусы» (авторы: В.К. Бондарчик, А.Н. Курилович, Т.И. Кухаронак, Л.В. Ракова, М.Ф. Пилипенко) посвящён традиционной теме этнографических исследований – семье [Беларусы, 2001. Т. 5].

Как известно, семья в развитии и воспроизводстве этноса всегда играла существенную роль. Она активно влияла и влияет на формирование и сохранение этнических традиций, передачу родителями накопленного социального опыта детям. Характерная особенность семьи заключается в том, что она аккумулирует и отражает основные черты общества, в котором она функционирует. В этой связи монография, в которой белорусская семья рассматривается в историческом развитии, представляет большой интерес.

В работе на большом фактическом материале исследованы особенности развития семейного уклада жизни белорусов в прошлом и в современный период, показаны распределение ролей женщин и мужчин в повседневной жизни семьи, а также положение в семье престарелых людей в разные исторические периоды [Беларусы, 2001. Т. 5]. Значительное внимание уделено традициям воспитания детей, уходу за ними, семейным обрядам. Одним из основных достоинств работы является её насыщенность фактическими и статистическими данными, многие из которых опубликованы впервые.

Следуя сложившейся в этнографических исследованиях традиции в разделе «Семейный уклад жизни» (автор А.Н. Курилович) большое внимание уделяется эволюции форм и типов белорусских семей. В результате анализа огромного фактического материала автор приходит к выводу о

том, что во все исторические периоды жизни белорусов господствовали две формы семьи: 1) *неразделенная* – с её типами (отцовская, братская с племянниками, шуринами и др.) и подтипами (многолинейная и однолинейная); 2) *малая* – простая (брачная пара), нуклеарная (брачная пара с незамужними, неженатыми детьми) и усложнённая (кроме детей живёт кто-либо из родственников). С изменением социально-экономических условий в результате разделов семей упрощался их родственный состав, а вместе с этим и их размер. Автору удалось показать, как постепенно изменялось соотношение неразделённых и малых семей.

Большое внимание в монографии уделяется и вопросам рождаемости. Как показывает исследование, сокращение рождаемости и рост смертности повлияли не только на размер семьи, но и на численность населения страны.

В работе подробно освещаются внутрисемейные отношения, которые в значительной степени определялись нормами обычного права и религиозными предписаниями. В ней рассматривается также изменение роли и положения женщины в сторону большей независимости и равенства с другими членами семьи.

Пристальное внимание уделяется в работе хозяйственной деятельности семьи на разных этапах истории. Приведённые факты говорят о том, что эволюция хозяйственной деятельности семьи происходила в непосредственной связи с государственной политикой по отношению к земледельцам – волочная помера*, реформа 1557 г., реформа 1861 г., декрет о земле, коллективизация, закон о крестьянском фермерском хозяйстве 1990-е гг. и др. Земледелие и животноводство как ведущие отрасли хозяйственной деятельности белорусов, определяли особенности их питания. Особый интерес исследователей вызывают также вопросы обеспечения семьи одеждой, преимущественно в крестьянских семьях.

В монографии рассматривается эволюция крестьянского жилища, которое развивалось от «хаты» с земляным полом, маленькими окнами или без них, с «курной» печью, до дома с деревянным полом, несколькими комната-

* Аграрная реформа в Великом княжестве Литовском, проводившаяся во второй половине XVI – начале XVII веков.

ми, большими окнами и печью с дымоходом. В некоторых местах, особенно в 1980–90-е гг., строились дома типа коттеджей с водопроводом и газом. Несмотря на сложные жилищные условия, белорусские семьи во все времена старались поддерживать порядок в доме и соблюдали личную гигиену.

Большой раздел монографии посвящён семейным обычаям и обрядам – свадебным, родильным, похоронным, связанным с проводами юношей на службу в армию, строительством и заселением дома.

И.В. Романенко (Лавриновской) проведено системное исследование трансформации статуса и роли сельской женщины в семейной и общественной жизни белорусов в XX – начале XXI вв., результаты которого были опубликованы в монографии [Романенко, 2015]. Автор проанализировал влияние социально-экономических, политических и культурных преобразований в белорусской деревне на добрачное поведение девушек, на статус женщин в семье, на структуру трудовой занятости и роль женщин в общественной жизни.

В этнологических исследованиях сотрудников ИИЭФ им. К. Крапивы важное место занимает изучение традиций в народной педагогике. Проводимые в 2000-е гг. исследования семейных традиций белорусов стали основой для реализации п. 14 Президентской программы «Дети Беларуси» «Разработка и осуществление комплекса мероприятий по возрождению народной педагогики». На основе проведённых исследований Л.В. Раковой и И.И. Калачевой была создана теоретико-методологическая концепция динамики этнокультурных процессов в городской семье белорусов в последней трети XX – нач. XXI вв.; исследован механизм преемственности традиций как фундаментальный принцип функционирования этнокультурных процессов в семье; определено влияние модернизации и урбанизации на этнокультурные процессы вообще и на городскую белорусскую семью, в частности. Предложена модель развития этнокультурных процессов через формирование системы социокультурной, образовательной и воспитательной работы специалистов с молодыми семьями и молодёжью. В 2012 г. разработки белорусских этнологов в сфере народной педагогики начали внедряться в систему национального образования.

Результаты исследований Л.В. Раковой были опубликованы в монографиях [Ракова, 2000; 2009], в которых проанализированы основные тенденции развития семьи и семейно-брачных отношений в Беларуси на протяжении двух столетий, выявлены нормативные критерии дифференциации возрастных групп детей в традиционном сознании белорусов и определены основные этапы детства. Л.В. Раковой раскрыта сущность процесса эволюции семьи и традиции детности белорусов в XIX–XX вв.; установлены и охарактеризованы этапы структурно-функциональных и типологических изменений семьи; определена роль родственных отношений как важнейшего фактора воспитания и социализации; раскрыто содержание основных семейных воспитательных традиций белорусов.

Проблемам воспитания детей, их социализации посвящён ряд диссертационных исследований. В 2004 г. на тему семантики и функций традиционных игрушек белорусов в XIX–XX вв. кандидатскую диссертацию защитила С.В. Костюкевич [Касцюкевіч, 2004]. В 2009 г. А.Д. Якубинской была защищена кандидатская диссертация на тему: «Традыцыйныя спосабы і сродкі сацыялізацыі дзяцей у беларускіх сялян у другой палове XIX – першай палове XX стагоддзяў» [Якубинская, 2009]. В работе рассматривалась роль традиционных способов и средств обеспечения здоровья детей, роль игр, игрушек и фольклора в социализации детей, охарактеризовано участие детей в семейных и календарных обрядах, выявлена возрастная и половая специфика в формировании трудовых навыков и распределении обязанностей детей в семье [Якубинская, 2009].

ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ

В 2002 г. этнологами ИИЭФ им. К. Крапивы* в серии «Белорусы» был опубликован обобщающий труд «Грамадскія традыцыі» [Беларусы, 2002. Т. 6], где рассматриваются традиции государственных, профессиональных, календарных и христианских праздников, общественные формы

* А.Вл. Гурко, И.В. Чаквин, Г.И. Касперович, Т.И. Кухаронак, В.Н. Белявина, Л.В. Ракова, В.Ф. Батяев.

использования свободного времени, формы самоуправления, обычное право и судебная система, общественные объединения. Так, И.В. Чаквин обосновал важный вывод о том, что «белорусский этнос создал богатую правовую культуру, наиболее древней частью которой являются обычаи – неписанные нормы общественного поведения, которые регулировали отношения в этнической общности и её социальных группах».

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ

Белорусскими этнологами изучались проблемы взаимосвязи белорусских духовных традиций и традиций других славянских народов. Результаты исследований этнологов И.В. Чаквина, А.Вл. Гурко, Т.И. Кухаронак в серии «Беларусы» были опубликованы в 2007 г. в томе «Славянскія этнакультурныя традыцыі» [*Беларусы*, 2007. Т. 10]. В одном из разделов этого тома «Этнагенетычныя карані славянскіх этнакультурных традыцый беларусаў» (автор И.В. Чаквин) [*Беларусы*, 2007. Т. 10:С. 13–104] были определены основные историографические проблемы и вопросы этногенеза белорусов в контексте изучения вопросов происхождения славянских народов, их прародин, исторических взаимосвязей и общих этногенетических корней. Во втором разделе этой же монографии «Славянскія рэлігійныя традыцыі беларусаў» [*Беларусы*, 2007, Т. 10:106–384]. А.Вл. Гурко обосновывает вывод, что структура белорусских христианских традиций складывалась из общей канонической основы, выработанной каждой из конфессий на протяжении столетий, а также заимствованной у соседних славянских народов. Эти этноконфессиональные взаимодействия свидетельствуют в пользу того, что религия стала важным фактором консолидации славянских этносов.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Исследования этнокультурного развития белорусского народа начала XXI в. были в значительной степени определены инновационными задачами: включением этнических традиций в развитие современной белорусской

культуры. В 1999 г. белорусскими этнологами (И.В. Чаквин, В.Н. Белявина, А.В. Гурко, Г.И. Касперович, Л.В. Ракова, И.И. Калачёва и др.) [*Беларусы*, 1999] опубликован обобщающий труд «Беларусы. Сучасныя этнакультурныя працэсы» («Современные этнокультурные процессы»). В этой книге на основе большого фактического материала даётся обзор современных этнокультурных процессов в Беларуси, исследуется роль государства в управлении этими процессами. В монографии рассматривается широкий круг вопросов, среди которых: происхождение белорусского народа, факторы современных этнокультурных процессов, семья и традиции воспитания, общественные и религиозные праздники. Духовная культура представлена в книге на двух уровнях – традиционно-бытовом и профессиональном. Включение в исследование профессиональной культуры обосновывается авторами, прежде всего, возрастанием её роли в формировании и развитии самосознания и этнической идентичности белорусов в современной жизни.

В монографии обозначены несколько ареалов. Это пограничные территории Беларуси с Россией, Беларуси с Украиной и Польшей, где на протяжении длительного исторического периода происходили этнокультурные взаимодействия белорусов с соседними народами, где формировались межнациональные и межконфессиональные отношения.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Значительная работа проводится белорусскими этнологами по исследованию этнокультурных особенностей белорусских регионов и популяризации этнокультурного наследия для туристической деятельности. В 2010 г. этнологами была начата новая серия изданий под названием «Этнокультурные процессы в историко-этнографических регионах Беларуси». С 2010 г. в Беларуси начата реализация пятилетней Государственной программы социально-экономического развития и комплексного использования природных ресурсов Припятского Полесья, направленной на создание благоприятных условий для проживания населения, развитие туризма в регионе. Научными сотрудниками НАН Беларуси, преподава-

телями Гомельского госуниверситета им. Франциска Скорины, Мозырского гос. педагогического университета им. И.П. Шамякина были исследованы районы Мозыря, Турова, Речицы, Брагина, Лоева, Петрикова и некоторых территорий региона Восточного Полесья, отличающихся своеобразными культурно-этнографическими характеристиками. Эти исследования продолжили на новом качественном уровне работу, начатую ранее, и явились основой для создания монографии «Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем» (2010). По итогам международного конкурса 2011 г. на лучший издательский проект «Научная книга» в Киеве, эта монография была удостоена Гран-при Международной ассоциации академий наук.

Кроме этой монографии, вышли ещё три книги этой серии, в их числе: «Этнокультурные процессы Гродненского Понеманья в прошлом и настоящем» (2014); «Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем» (2016); «Этнокультурные процессы Белорусского Подвинья (Витебщины) в прошлом и настоящем» (2017). Это первое комплексное исследование традиций материальной, социальной и духовной культуры населения указанных историко-этнографических регионов Беларуси от древности до нашего времени. В монографиях даётся комплексное представление об этнокультурных традициях, ранней этнической и этноконфессиональной истории, этнических процессах, особенностях материальной (жилище, одежда, традиции питания), социальной (семейные отношения, национально-культурные объединения и новые этнические группы) и духовной (календарные праздники и обряды) культуры населения регионов Беларуси. Созданию книг предшествовали исследования, проведенные в 2000–2018 гг. этнологами НАН Беларуси, региональных вузов, в рамках Государственной программы научных исследований (ГПНИ), а также проектов Белорусско-Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Готовится к изданию книга по Брестскому (Западному) Полесью.

Необходимость сохранения культурного наследия, включения его в сферу туристической деятельности послужила толчком к исследованиям академика НАН Беларуси А.И. Локотко, опубликовавшем несколько книг:

в 2002 г. – «Историко-культурные регионы Беларуси», в 2005 г. – «Топография природноценных территорий и историко-культурного ландшафта Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта», в 2006 г. – «Историко-культурные ландшафты Беларуси» [Локотко, 2006]. На основе проведённых исследований в 2007–08 гг. коллективом авторов под руководством А.И. Локотко, совместно с Министерством спорта и туризма Республики Беларусь, были разработаны маршруты и рекомендации по организации въездного туризма в Беларуси.

В 2012 г. ученица А.И. Локотко В.Л. Блищ защитила кандидатскую диссертацию на тему «Этнографическое наследие белорусов в агроэкотуризме», в которой были выделены локальные туристическо-этнографические территории Беларуси, перспективные для развития отечественного агроэкотуризма, составлены их картосхемы [Блищ, 2012].

Региональные исследования историко-культурного ландшафта Беларуси анализируются С.В. Грунтовым в опубликованных им разделах монографий серии «Этнокультурные процессы историко-этнографических регионов Беларуси» [Этнокультурные, 2017:403–421; 2014: 102–103; 2016:211–232]

Сакральный ландшафт Белорусского Подвинья представлен Ю.С. Пракофьевой в разделе коллективной монографии «Этнокультурные процессы Белорусского Подвинья (Витебщины) в прошлом и настоящем» [Этнокультурные, 2017:363–402].

ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

Среди важнейших прикладных задач современности – мониторинг этноконфессиональной ситуации, который проводят белорусские этнологи совместно с коллегами из стран, ранее входивших в состав СССР, с целью предупреждения конфликтов.

Религиозная жизнь белорусов, почти не исследованная с этнологической точки зрения до 1990-х гг., стала важной частью современных этнологических исследований. В конце XX – нач. XXI вв. в Беларуси идут процессы восстановления конфессиональной структуры общества. В настоящее время, по оценкам исследователей, около 60% населения республики –

верующие. В Беларуси действуют религиозные организации 25 конфессий и религиозных направлений. Сосуществование различных конфессий является продолжением исторической традиции веротерпимости, характерной для белорусских земель ещё со средневековых времен. Стремительный рост религиозности населения страны, ставит перед исследователями-этнологами совершенно новые задачи, связанные с изучением таких проблем, как: взаимосвязь конфессиональной принадлежности и этнической идентичности; роль религиозных традиций в трансляции этнического опыта; проблемы новых религий; религиозная толерантность и др. Исследованиями конфессиональной истории, этноконфессиональной структуры общества, исследованием религиозных праздников и традиций, проблем новых религий в начале XXI в. занимаются этнологи А.Вл. Верещагина (Гурко), А.В. Гурко, И.В. Чаквин, В.В. Шейбак, Я.А. Милош, А.А. Крумплевская и др. Истории христианских традиций в Беларуси посвящены работы А.В. Верещагиной (Гурко) и А.В. Гурко. Ими написан обобщающий труд по истории конфессий Беларуси «Гісторыя канфесій у Беларусі: мінулае і сучаснасць» [Верещагіна, Гурко, 2000].

А.В. Гурко – автор монографий «Новые религии в Республике Беларусь: этнологическое исследование» [Гурко, 2003] и «Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи» [Гурко, 2006]. В этих книгах обосновывается место и роль новых религий в этноконфессиональной структуре белорусского общества, рассматриваются закономерности появления, распространения новых религий, влияние религиозной доктрины на культуру и этническое сознание верующих, исследуются особенности структуры религиозных организаций.

А.В. Верещагина (Гурко) исследовала особенности церковной жизни белорусов (православных, католиков и протестантов), историю конфессий на территории Беларуси, роль, место и особенности религиозной обрядности в современном белорусском обществе. Результаты исследования христианских праздничных традиций А.В. Гурко (Верещагиной) были опубликованы в 2005 г. в пособии для школ и вузов «Хрысціянскія святы на Беларусі» [Верещагіна, 2005]. Она же – автор книги «Праздники, обряды и таинства в

жизни христиан Беларуси» [Верецагина, 2009], которая посвящена истории христианских обрядов, праздников и таинств и особенностям современной церковной жизни в Беларуси. В книге описываются обряды, праздники и таинства, которые, отличаясь в канонической трактовке каждой конфессии, за тысячелетний период существования на белорусской земле, стали частью её истории и культуры, приобрели особенности, связанные с белорусской традицией. Ученики А.В. Верецагиной (Гурко) – В.В. Шейбак и Я.А. Милош продолжили изучение отдельных аспектов начатого ею исследования.

В.В. Шейбак исследовал традиции паломничества в Беларуси. В 2008 г. им была защищена кандидатская диссертация «Генезис и эволюция христианских традиций паломничества у белорусов» [Шейбак, 2008], в которой впервые в белорусской этнологии был проведён комплексный анализ становления и развития христианских традиций паломничества в Беларуси с XII по нач. XXI вв., рассмотрено влияние на традиции поликонфессиональной структуры белорусского общества, показано влияние традиций паломничества на этнические процессы.

Я.А. Милош изучает процессы формирования и развития белорусских христианских традиций в конце XIX – нач. XXI вв. В её публикациях раскрываются механизмы становления национальных традиций в православии, католицизме и протестантизме и их влияние на формирование белорусского этноса, его самосознание и историческую память [Мілаш, 2013].

ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИЙ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Белорусскими этнологами успешно изучается материальная культура белорусов. В 90-е гг. XX в. – начале XXI в. опубликован ряд монографий А.И. Локотко о белорусском зодчестве и традиционном белорусском жилище [Лакотка, 2014, Локотко, 2007]. Так, в 2014 г. академик А.И. Локотко опубликовал книгу «Народнае дойлідства» [Лакотка, 2014], в которой в популярной форме рассказывается о народной архитектуре: истории и особенностях белорусских поселений (деревень, поселков, городов), даётся описание традиционного жилища, церквей, хозяйственных и обществен-

ных построек [Лакотка, 2014], прослеживается связь народного зодчества с современным строительством. Отдельно рассказывается о сохранении историко-архитектурного наследия, музея под открытым небом и др. А.И. Локотко показал, что белорусское зодчество является одной из чётких культурных характеристик белорусского этноса.

Этнологическое исследование эволюции женского и мужского костюма в Беларуси, проведенное В.Н. Белявиной и Л.В. Раковой, определило новые подходы к исследованию особенностей современной материальной культуры белорусов. Два тома, которые посвящены этой проблеме, были опубликованы издательством «Беларусь», и, несмотря на большой тираж, уже стали библиографической редкостью. Авторам этих книг была присуждена высшая награда (Гран-при) на Республиканском конкурсе искусства книги (Минск, 2008) за монографии «Мужчынскі касцюм на Беларусі» [Бялявіна, Ракава, 2007б] и «Жаночы касцюм на Беларусі» (Минск, 2007) [Бялявіна, Ракава, 2007а].

В 2017 г. В.Н. Белявина и Л.В. Ракова опубликовали монографию «Беларускі касцюм» [Бялявіна, Ракава, 2017]. В книге на основе различных исторических источников (древних летописей, хроник, актовых документов XV–XVIII вв.), этнографической и этнолингвистической литературы XIX–XX вв. показан процесс развития костюма различных социальных слоёв населения Беларуси с глубокого прошлого до современности.

Ученица Л.В.Раковой О.А. Мацулько провела исследование, опубликованное в разделе «Головные уборы населения Центральной Беларуси (конец XIX – начало XXI в.)» монографии «Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем» [Этнокультурные, 2016:272–287].

ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ

Результаты многолетних исследований традиций питания белорусов Т.А. Новогродского были опубликованы в монографиях: «Традыцыі народнага харчавання беларусаў» и «Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стагоддзях» [Навагродскі, 2000; 2015]. Автором исследова-

но значение традиций питания в системе культуры белорусского этноса, выделены и проанализированы основные компоненты традиций питания, выявлены особенности традиций питания привилегированных сословий Беларуси, определены факторы, которые оказали влияние на эволюцию традиций питания белорусов в XIX–XX вв.

Изучением традиций питания этнических групп Беларуси занимается Н.С. Бункевич. Результаты её исследований представлены в главах коллективных монографий серии «Этнокультурные процессы историко-этнографических районов Беларуси» [*Этнокультурные*, 2017:446–482; 2014:146–156; 2016:498–513]. Отдельные разделы этих же монографий посвящены ритуально-праздничному питанию (автор Л.В. Бохан) [*Этнокультурные*, 2016:288–300; 2014:146–156]

В последние годы значительное место в этнологических исследованиях занимает изучение традиционных приёмов и методов, используемых в полеводстве, животноводстве, садоводстве, огородничестве, в промыслах. В наши дни они представляют интерес не только для людей, интересующихся историей, но и для практиков, охотно внедряющих народный опыт на усадьбах, дачных участках.

Этнологи В.Н. Белявина и Л.В. Ракова провели исследование эволюции традиционных форм земледелия, традиций огородничества. Результаты их многолетних исследований были опубликованы в книгах: «Гісторыя на градках. Агародніцтва на Беларусі» [*Ракава*, 2008], «Хлеб надзённы беларускай вёскі» [*Бялявіна*, 2016]. Традиции животноводства исследуются в работах Г.И. Касперович и её учеников Л.П. Сивуровой и О.Ю. Бабич. Они являются авторами монографии, сданной в 2018 г. в печать.

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И МЕСТЕЧЕК

Вопросам этнокультурных процессов в городах Гомельщины городского населения посвящены публикации преподавателя Гомельского государственного университета О.Г. Яценко, которая является автором многих научных статей и разделов в коллективных монографиях, изданных ИИЭФ [*Яшчанка*, *Ганчар*, 2011:64–68; *Яценко*, *Будникова*, 2008: 132–140].

Поскольку на смену классовому подходу, характерному для всех общественных наук в период существования СССР, пришёл плюралистический, в этнологической науке Беларуси было восполнено исследование некоторых проблем, которые длительный период были вне поля зрения исследователей. Это относится как к исследованиям в области религии, так и к проблемам развития культуры привилегированных слоёв белорусского общества. Культуру привилегированного сословия в Беларуси (XIV–XVI вв.) исследовала преподаватель БГУ А.А. Килбас, защитив кандидатскую диссертацию в 2003 г. [Килбас, 2003]. В 2009 г. преподавателем Полоцкого госуниверситета С.О. Шидловским была защищена диссертация и опубликована монография (2011) на тему «Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг.» [Шыдлоўскі, 2011]. В работе С.О. Шидловского проведён комплексный анализ культуры привилегированного сословия Беларуси первой половины XIX в.: систематизирована историография проблемы, прослежены основные тенденции развития и инновационной динамики материальной культуры; определены особенности трансформации духовной и социальной культуры, охарактеризованы социокультурные адаптационные стратегии в эволюции культуры привилегированного сословия Беларуси.

Исследованию этнокультурных особенностей такого сложного и многогранного явления белорусской истории как местечки посвящена монография А.И. Тяпковой, «Местечки Беларуси» [Тяпкова, 2018]. На основе собственных полевых этнографических материалов, архивных и опубликованных источников автор прослеживает эволюцию материальной культуры местечек и их этнокультурную специфику, рассматривает особенности развития населённых пунктов, которые в прошлом имели статус местечек.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ

Народные знания белорусов о культурных растениях, домашних животных, о дикорастущих растениях и диких животных, о способах определения погоды и прогнозирования будущего урожая классифицированы и

опубликованы в монографиях К.А. Шумского «Традыцыйныя веды беларусаў аб раслінным, жывёльным свеце і надвор'і (XIX – пачатак XXI ст.) і іх экалагічная значнасць» [Шумский, 2009], «Традыцыйныя экалагічныя веды беларусаў у XIX ст. – пач. XXI ст.» [Шумский, 2009].

Результаты исследований Я.С. Кнуревой об использовании дикорастущих растений в календарной и семейной обрядности, верованиях белорусов в XX–XXI вв. опубликованы в ряде статей [см. напр., Кнурэва, 2017:319–323].

СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В изучение семейной обрядности внесла большой вклад ведущий этнолог Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Т.И. Кухаронак. Ею собран, систематизирован и проанализирован большой полевой этнологический материал о семейных и календарных обычаях и обрядах белорусов в конце XIX–XX вв. В 2001 г. по результатам исследования Т.И. Кухаронак была опубликована монография «Маскі ў каляндарнай абраднасці беларусаў» [Кухаронак, 2001]. В 2017 г. вышла из печати научно-популярное работа «Радзіны і маленства ў традыцыйнай культуры беларусаў», в которой даётся представление о родильных обычаях и обрядах белорусского народа [Кухаронак, 2017]. В книге подробно охарактеризованы народные знания, регламентация поведения женщин в период беременности, родов, акушерские и обрядово-магические действия, традиции имянаречения ребенка, посещения роженицы, выбора кумовьёв, празднования крестин.

Ряд исследований семейной обрядности выполнены молодыми этнологами. Так, гродненский этнолог И.С. Черникевич в 2006 г. защитила кандидатскую диссертацию «Гісторыка-этнаграфічнае раянаванне вясельнай абраднасці Беларускага Полесся», в которой исследовала процессы трансформации свадебной обрядности в Белорусском Полесье во второй половине XIX–XX вв. [Чарнякевіч, 2006].

В 2013 г. исследователь из Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины В.О. Гончар защитил кандидатскую диссертацию «Эвалюцыя зна-

харства ў Беларускім Палессі ў XX – пачатку XXI ст.». В исследовании на основе полевых этнографических, анкетных материалов, архивных и опубликованных источников выявлены типы знахарей, характерные черты носителей знахарских представлений, охарактеризованы особенности эволюции функций знахарей, изменения структуры и компонентов знахарской практики [Ганчар, 2013].

ИЗУЧЕНИЕ РИТУАЛЬНО-МЕМОРИАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

Результаты исследований ритуально-мемориальных традиций отражены в работах С.В. Грунтова, В.Е. Овсейчика, И.В. Сорокиной. В 2011 г. была защищена кандидатская диссертация С.В. Грунтова «Семантика мемарыяльных помнікаў беларусаў канца XVIII – пачатку XXI стагоддзяў», где автор впервые исследовал место мемориальных памятников в этнической культуре белорусов, их роль в погребально-поминальной обрядности и значение для укрепления семейной и родовой идентичности (на примере крестьянского и привилегированного сословия Беларуси) [Грунтоў, 2011]. В 2012 г. полоцкий исследователь В.Е. Овсейчик защитил кандидатскую диссертацию на тему «Эвалюцыя пахавальна-памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння ў XX – пачатку XXI стагоддзя» и опубликовал ряд статей на данную тему [Аўсейчык, 2013]. В 2018 г. опубликована монография И.В. Сорокиной (Азевич) «Феномен адыходу жыцця ў беларускай традыцыйнай культуры ў XIX – пачатку XXI ст.», в которой впервые в белорусской этнологии исследована семантика танатоса (смерти) в материальной и духовной культуре белорусов [Сарокіна, 2018].

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Ряд работ посвящён исследованиям этносоциальной структуры населения Беларуси. По этой теме была подготовлена и защищена кандидатская диссертация А.Г. Раюка, в которой рассмотрена этносоциальная структура

белорусского общества в 1772–1863 гг. в связи с включением, вследствие нескольких разделов Польши, белорусских земель в состав Российской империи [Раюк, 2008]. В работе исследованы пути социальной мобильности представителей различных сословий белорусского этноса и основных этнических групп Беларуси в 1772–95 гг. и рассмотрены их изменения в период 1795–1863 гг. Результаты исследования этносоциальной структуры населения Витебской области опубликованы А.А. Крумплевской, в разделах коллективной монографии «Этнокультурные процессы Белорусского Подвинья...» [Этнокультурные, 2017:202–223, 224–247].

Изучению общественных объединений Беларуси посвящена, опубликованная в 2007 г. монография В.Ф. Батяева [Батяев, 2007]. Результаты этих исследований легли в основу защищённой в 2017 г. В.Ф. Батяевым докторской диссертации.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП, ПРОЖИВАЮЩИХ В БЕЛАРУСИ

Следствием полиэтнической структуры белорусского общества и их участие в этнокультурных процессах является взаимопроникновение и переплетение различных элементов культуры белорусов и других этнических групп. В этой связи представляются важными исследования особенностей культур этнических групп, которые издавна живут на белорусской земле и связаны крепкими узами с белорусской историей и культурой. Изучение истории этнических групп на белорусских землях и особенностей их культуры – в одежде, жилище, традициях питания, предметах быта, верованиях, семейных отношениях, фольклоре и др., взаимовлияние культур белорусов и представителей других этнических групп, современное состояние межэтнических и межконфессиональных отношений – все эти проблемы стали темой фундаментального исследования сотрудников отдела народоведения ИИЭФ НАН Беларуси в 2006–10 гг. Этнологами изучались формирование и эволюция традиций материальной, социальной и духовной культуры этнических общностей Беларуси; взаимосвязи культур этнических

групп Беларуси; выявлялись перспективы развития современных традиций этнических общностей.

В процессе исследования традиционной материальной и духовной культуры этнических общностей Беларуси (белорусской, русской, украинской, польской, литовской, еврейской, татарской, цыганской и др.) по материалам статистических данных, литературных, архивных, исторических источников, полевых этнографических исследований были сделаны выводы, что этнокультурные традиции всех этнических общностей Беларуси постоянно находились в тесном взаимодействии и подвергались взаимному влиянию. Результатом стало издание книги «Кто живет в Беларуси» [*Кто живет в Беларуси*, 2012]. По итогам Международного конкурса на лучший научно-издательский проект «Научная книга – 2013» в Москве книга «Кто живет в Беларуси» получила «Гран-при» Международной ассоциации академий наук.

В продолжение книги «Кто живет в Беларуси» по итогам новейших исследований в 2017 г. было опубликовано научно-популярное издание «Беларусь. Этнічныя супольнасці», в которой представлены наиболее распространенные в Беларуси этнические группы: белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи, татары, цыгане, немцы, латыши, литовцы [*Беларусь. Этнічныя супольнасці*, 2017]. В ней определены особенности их материальной, социальной и духовной культуры, проанализировано современное состояние их национально-культурного развития. В издании дана информация и об этнических группах, которые создали свои диаспоры в Беларуси в XX в.: азербайджанцах, армянах, грузинах, казахах и др.

Этнокультурным характеристикам этнических групп в Беларуси посвящены отдельные исследования белорусских этнологов. В монографии Ю.И. Внуковича «Литовцы Беларуси: этнологическое исследование» проведён анализ участия различных этнических групп в формировании литовской этнической общности в Беларуси. Согласно полученным материалам автор доказывает, что в формировании литовской общности наибольшее участие принимала этническая группа аукштайты. Выявлены общие и особенные черты в традиционной культуре литовской этнической группы в Беларуси и белорусов, что является особенно важным, т.к. ранее проводи-

лись исследования только литовскими учеными по выявлению общего и особенного у литовцев в Беларуси и Литве [Внукович, 2010].

А.Н. Рагимов впервые в отечественной этнологии провёл исследование, посвящённое этническим группам народов Кавказа в Беларуси, их этнокультурным особенностям, социально-правовому положению, дана оценка характеру процессов их адаптации в этнокультурной среде и социально-экономической структуре белорусского общества. Результаты исследования нашли воплощение в книге «Кто живет в Беларуси» в разделе «Народы Кавказа» [*Кто живет в Беларуси*, 2012:606–641].

Традиционную социальную культуру цыган Беларуси исследовала О.Э. Бартош. Результаты этих исследований нашли отражение в защищённой ею диссертации и в разделе «Цыгане» книги «Кто живет в Беларуси» (2012), написанном в соавторстве с И.В. Чаквиным [*Кто живет в Беларуси*, 2012:658–685].

Новому аспекту этнической истории белорусов, а именно формам взаимоотношения белорусского этноса с этническими группами, была посвящена кандидатская диссертация этнолога из Белгосуниверситета С.А. Захаркевича (2010) «Этнические меньшинства на территории Беларуси в XIV–XVIII вв.: стратегии культурной адаптации». Автор диссертационного исследования проанализировал документы и материалы о материальной, социальной и духовной культуре этнических меньшинств в XIV–XVIII вв. Материалы исследования вошли в раздел «Немцы» в книге «Кто живет в Беларуси» (2012), написанном в соавторстве с И.В. Чаквиным [*Кто живет в Беларуси*, 2012:642–657].

Кроме этнических групп или сообществ, проживающих на территории Беларуси длительный исторический период, в последние десятилетия характерно появление новых этнических групп, связанных как с трудовой миграцией, так и с миграцией населения из очагов конфликтов. Складывающаяся ситуация требует разработки механизмов этнической адаптации мигрантов к условиям жизни в Беларуси, их интеграции в белорусское общество. Новой теме белорусской этнологии посвящена монография С.Л. Сакумы «Особенности этносоциальной адаптации вьетнамцев, китайцев, корейцев и японцев в

Беларуси в 1980–2011 гг.» [Сакума, 2014]. В работе анализируются изменения, которые происходят в материальной, духовной и социальной культуре вьетнамцев, китайцев, корейцев и японцев в Беларуси, характер расселения, динамика численности. Рассматривается процесс адаптации мигрантов, прибывших на учебу в ВУЗы Беларуси из Восточной и Юго-Восточной Азии, анализируются факторы, которые влияют на этот процесс.

С.А. Стурейко провёл исследование афганцев в Беларуси, результаты которого были воплощены в главе «Этнические группы Афганистана» в книге «Кто живет в Беларуси» [*Кто живёт в Беларуси*, 2012:686–715]. Исследователь делает вывод, что принимающее белорусское общество, которое обладает хорошими стабилизирующими институтами, создает для афганских мигрантов некую «подушку безопасности», предотвращающую чрезмерную актуализацию этнических противоречий внутри диаспоры.

Вопросам межэтнической коммуникации белорусов и китайцев посвящено современное исследование А.В. Гурко. Результатом изучения этнического аспекта китайских психофизических практик в культуре современной Беларуси стал цикл публикаций, статья в Псковском регионологическом журнале [Гурко, 2018а:41–54], а также раздел «Закономерности распространения в Беларуси китайских психофизических практик в 1980–2014 гг.» в коллективной монографии «Этнокультурные процессы в Центральной Беларуси в прошлом и настоящем» [Гурко, 1917:419–434].

БЕЛОРУССКАЯ ДИАСПОРА

Современная белорусская этнология распространяет сферу своих исследований на весь белорусский этнос, независимо от государственных границ, и изучение белорусских диаспор становится одним из важных и новых направлений работы. В 2014–15 гг. этнологами НАН Беларуси (А.В. Гурко, И.В. Романенко, В.В. Шейбак, Н.С. Бункевич, С.Л. Сакумой) был выполнен отдельный проект научных исследований НАН Беларуси «Белорусская диаспора: белорусы Калининградской области». В 2015–18 гг. проводилось исследование белорусов Литвы (Е.Н. Изергина), Польши,

Японии (С.Л. Сакума), Китая (Д.Г. Зубко). Этнологи Центра А.В. Гурко, А.В. Верещагина (Гурко), В.В. Шейбак, Н.С. Бункевич провели исследования особенностей культуры представителей белорусской диаспоры в Молдове, Украине, Польше, Австрии, Италии в мае–октябре 2016 г. Этнологами были проведены опросы экспертов из числа наиболее активных представителей белорусской диаспоры об особенностях белорусской культуры в условиях зарубежья. Результаты исследований опубликованы в серии статей в журнале НАН Беларуси «Наука и инновации» и газеты «Веды». А.В. Гурко была опубликована обобщающая статья «Праздничные традиции белорусской диаспоры и их роль в сохранении этнической идентичности» в Псковском регионологическом журнале [Гурко, 2018б]. В статье рассматриваются некоторые результаты исследований праздничной культуры белорусов зарубежья, проведенные в 2014–17 гг. учеными Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси в регионах России, Литвы, Польши, Украины, Японии, Китая.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Для осуществления фундаментальных исследований важным являются контакты и взаимодействия с учеными соседних стран и проведение совместных работ по актуальным проблемам. В настоящее время продолжается сотрудничество белорусских этнологов с рядом ведущих зарубежных научных центров – Российской академией наук, Румынской академией наук, Академией наук Украины, Пермским государственным университетом, Российским этнографическим музеем и др.

С начала XXI в. совместно с исследователями Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Р.А. Григорьевой, М.Ю. Мартыновой и др.) белорусские этнологи (А.И. Локотко, Г.И. Касперович) в 2000–05 гг. изучали этнокультурные особенности белорусско-русского пограничья. Результаты совместной работы были опубликованы в коллективных монографиях «Население белорусского пограничья...» и «Беларуско-русское паграничье...» [Григорьева, Касперович, 2004; *Белорусско-русское пограничье*, 2005].

По результатам выполнения совместного белорусско-российского проекта «Диалог культур, религий, идентичностей (на примере Калининградской и Гродненской областей)» (договор с БРФФИ № Г09Р-010 от 15.04.2009 г.) в 2012 г. был издан совместный научный сборник в Институте этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН «Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья [*Границы культуры*, 2012].

Совместно с сотрудниками Пермского государственного университета в процессе работы над белорусско-российским проектом БРФФИ – РГНФ № Г12Р – 005 «Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси (конец XIX–XXI вв.)» были исследованы проблемы апотропейных функций, представленных в одежде, вышивке, ткачестве и организации жилого пространства у народов Беларуси и Урала. Материалы были опубликованы в изданной совместно с российскими коллегами коллективной монографии «Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси» [*Апотропейные функции*, 2012].

По результатам выполнения совместного с Российским этнографическим музеем проекта был издан научный сборник «Сержпутуўскі, А.К. Палешукі-беларусы: этнаграфічны нарыс» [*Сержпутуўскі*, 2017]. Это первое белорусское издание рукописи А.К. Сержпутовского, созданной в 1908 г. для Российского этнографического музея, где она хранится до настоящего времени. Данное издание содержит авторские рисунки и чертежи, а также фотографии из экспедиции в Центральное Полесье, опубликованные впервые. Изданию сборника предшествовала проведенная в 2014 г. в Минске Международная научная конференция, приуроченная к 150-летию со дня рождения А.К. Сержпутовского [*Матэрыялы*, 2014].

Этнологи Центра А.В. Гурко и А.В. Верещагина (Гурко) с 1997 г. являются экспертами Международной сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов и авторами многочисленных публикаций в бюллетенях этой Сети и ежегодных докладах [*Верещагина, Гурко*, 2013:500–507].

Совместно с исследователями Национальной академии наук Украины опубликован специальный выпуск научного журнала «Народна творчість та етнографія» [*Народна творчість*, 2009]. В нём помещены 15 научных статей белорусских этнологов.

В сотрудничестве с польскими исследователями изучалась традиционная культура белорусско-польского пограничья. По результатам исследований раз в два года проводится международная конференция в Гродно или Белостоке и публикуются сборники [см. напр., *Droga ku wzajemności*, 2017]. В 2013 г. совместно с Польским институтом в Минске была проведена Международная конференция и опубликован сборник докладов «Беларусь вачыма польскіх этнографаў XIX – першай паловы XX ст.» [*Беларусь вачыма*, 2013].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в течение постсоветского периода в Беларуси была значительно усовершенствована теоретическая база исследований по этнологии, расширилась их тематика, разрабатываются совершенно новые направления исследований. В отделе народоведения Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси продолжает развиваться созданная в предыдущие десятилетия научная школа в области этнологии и этнографии. Ведётся работа по усилению контактов и взаимодействия научных школ в изучении происхождения и этнического развития белорусского народа, его материальной и духовной культуры, социальной организации, а также в исследовании современных миграционных и этноконфессиональных процессов в соответствии с мировыми тенденциями в этнологической науке. Развитие белорусской этнологии в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Центра белорусского культуры, языка и литературы НАН Беларуси, в региональных вузах соответствует высочайшим образцам мировой науки, отвечает вызовам времени, запросам и потребностям белорусского государства.

Литература:

1. Апотропейные функции, 2012 – Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси (кон. XV–XXI вв.) / Материалы Международного семинара (Минск, 7–8 октября 2012 г. / Институт истории и археологии (Екатеринбург). Пермский филиал; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы; Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы» (Минск). Пермь: «ОТ и ДО», 2012. 155 с.
2. Аўсейчык, 2013 – *Аўсейчык У.Я.* Эвалюцыя пахавальна-памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння ў XX – пач. XXI ст.: Аўтар. дыс. ... канд. гіст. н. / Дзяржаўная навуковая ўстанова «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». Мінск, 2013.
3. Батяев, 2007 – *Батяев В.Ф.* Развитие белорусских общественных объединений в XIX –20-е гг. XX в.: Этнологическое исследование / Науч. ред. А.И. Локотко. Минск: Право и экономика, 2007.
4. Бачыла, 2018 – *Бачыла І.Г.* Айчынная этналогія другой паловы XX – пач. XXI ст. аб традыцыйнай матэрыяльнай культуры беларусаў: Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. н. / Дзяржаўная навуковая ўстанова «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». Мінск, 2018.
5. Беларусь, 1996 – Беларусь [Карты]: Этнагеаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі: Атлас / Рэдкалад: В.К. Бандарчык, В.М. Пейхвассэр, А.В. Саўчэня, К.В. Свірская / Складзены і падрыхтаваны да друку Мінскай картаграфічнай фабрыкай у 1995–1996 гг. Мінск: Камітэт дзяржаўных знакаў пры Міністэрстве фінансаў РБ, 1996. 32 с.
6. Беларусь, 1999 – Беларусь: Сучасныя этнакультурныя працэсы / Каспяровіч Г.І. і інш. / Рэдкалегія: А.І. Локотка і інш. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы. Мінск: Беларуская навука, 2009. 605 с.
7. Беларусь, 1999. Т. 3 – Беларусь / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. Т. 3: Гісторыя этналагічнага вывучэння / В.К. Бандарчык. Мінск: Беларуская навука, 1999. 365 с.
8. Беларусь, 2001. Т. 4 – Беларусь / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы. Т. 4: Вытокі і этнічнае развіццё / В.К. Бандарчык і інш. Мінск: Беларуская навука, 2001. 432 с.
9. Беларусь, 2001. Т. 5 – Беларусь / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. Т. 5: Сям’я / В.К. Бандарчык і інш. Мінск: Беларуская навука, 2001. 374 с.

10. Беларусь, 2002. Т. 6 – Беларусь / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы / Т. 6: Грамадскія традыцыі / В.Ф. Бацяеў і інш. Мінск: Беларуская навука, 2002. 605 с.
11. Беларусь, 2007. Т. 10 – Беларусь / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы. Т. 10: Славянскія этнакультурныя традыцыі / І.У. Чаквін, А.У. Гурко, Т.І. Кухаронак. Мінск: Беларуская навука, 2007. 513 с.
12. Беларусь. Этнічныя супольнасці, 2017 – Беларусь. Этнічныя супольнасці / Кол. мон. / Пад навук. рэд. А.В. Гурко. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя ім. П. Броўкі, 2017. 161 с.
13. Беларусь вачыма, 2013 – Беларусь вачыма польскіх этнографаў XIX – першай паловы XX ст.: да 200-годдзя Ю. Крашэўскага і 125-годдзя К. Машыньскага / Мат-лы Міжнарод. навуковай канферэнц. (Мінск, 18–20 кастрычніка 2012 г.) // уклад.: Н.С. Бункевіч і інш. / Адказ. рэд. А.І. Лакотка / НАН Беларусі; Цэнтр даслед. бел. культуры, мовы і літаратуры; Філіял Ін-та мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы; Польскі інтытут у Мінску. Мінск, 2013. 342 с.
14. Белорусско-русское пограничье, 2005 – Белорусско-русское пограничье: этнологическое исследование / Р.А. Григорьева и др. / Отв. ред.: Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова / Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. М.: Изд-во РУДН, 2005. С. 377.
15. Блищ, 2012 – *Блищ В.Л.* Этнографическое наследие белорусов в агроэкотуризме: Автореф. дис. ... канд. ист. н. / Институт искусствovedения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси. Минск, 2012.
16. Бункевич, Романенко, 2015 – *Бункевич Н., Романенко И.* Белорусы Калининградской области // Наука и инновации. 2015. № 4. С. 71–72.
17. Бялявіна, 2016 – *Бялявіна В.М.* Хлеб надзённы беларускай вёскі. Мінск: Беларусь, 2016. 312 с.
18. Бялявіна, Ракава, 2007а – *Бялявіна В.М., Ракава Л.В.* Жаночы касцюм на Беларусі. Мінск: Беларусь, 2007. 350.
19. Бялявіна, Ракава, 2007б – *Бялявіна В.М., Ракава Л.В.* Мужчынскі касцюм на Беларусі. Мінск: Беларусь, 2007. 302 с. (Культурная спадчына Беларусі).
20. Бялявіна, Ракава, 2017 – *Бялявіна В.М., Ракава Л.В.* Беларускі касцюм. Мінск: Мінск. выд-ва «Беларусь», 2017. 464 с.
21. Верашчагіна, 2005 – *Верашчагіна А.У.* Хрысціянскія святы на Беларусі / Дапаможнік для настаўнікаў гісторыі і выкладчыкаў курса «Рэлігіязнаўства». Мінск: Бел. навука, 2005. 255 с.
22. Верещагина, 2009 – *Верещагина А.В.* Праздники, обряды и таинства в жизни христиан Беларуси. Минск: Белорусская наука, 2009. 232 с.

23. Верашчагіна, Гурко, 2000 – *Верашчагіна А.У., Гурко А.В.* Гісторыя канфесій у Беларусі: Мінскае і сучаснасць: Дапам. для настаўнікаў. Мінск: Тэхналогія, 2000. 157 с.
24. Верещагина, Гурко, 2013 – *Верещагина А.В., Гурко А.В.* Этнополитическая ситуация в Беларуси // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году / Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2013. 548 с.
25. Внукович, 2010 – *Внукович Ю.И.* Литовцы Беларуси: этнологическое исследование. Минск: Беларуская навука, 2010.
26. Ганчар, 2013 – *Ганчар У.А.* Эвалюцыя знахарства ў Беларускім Палессі ў XX – пач. XXI ст.: Дыс. ... кан. гіст. н. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2013.
27. Границы, культуры, 2012 – Границы, культуры и идентичности: этнология восточнославянского пограничья / Сб. ст. / Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / Ред.-сост. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2012. 443 с.
28. Григорьева, Касперович, 2004 – *Григорьева Р.А., Касперович Г.И.* Население белорусского пограничья. Демография, язык, этническая идентификация. Минск: Право и экономика, 2004. 79 с.
29. Грунтоў, 2011 – *Грунтоў С.У.* Семантыка мемарыяльных помнікаў беларусаў канца XVIII – пач. XXI ст.: Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. н. / Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». Мінск, 2011
30. Гурко, 2003 – *Гурко А.В.* Новые религии в Республике Беларусь: Этнол. исслед. Мінск: «Тэхналогія», 2003. 242 с.
31. Гурко, 2006 – *Гурко А.В.* Новые религии в Республике Беларусь: Генезис, эволюция, последователи. Минск: Изд-во МИУ, 2006. 274 с.
32. Гурко, 2008 – *Гурко А.У.* Сувязі беларускага этнасу // Навука. 2016. № 33. С. 6.
33. Гурко, 2017 – *Гурко А.В.* Закономерности распространения в Беларуси китайских психофизических практик в 1980–2014 гг. // Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем / Кол. моногр. / Национальная академия наук Беларуси, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Минск: Беларуская навука, 2017. С. 419–434.

34. Гурко, 2018а – *Гурко А.В.* Китайские психофизические практики в культуре современной Беларуси: этнический аспект // Псковский регионологический журнал. 2018. № 1 (33). Псков: Псковский гос. ун-т, 2018. С. 41–54.
35. Гурко, 2018б – *Гурко А.В.* Праздничные традиции белорусской диаспоры и их роль в сохранении этнической идентичности // Псковский регионологический журнал. Псков: Псковский гос. ун-т., 2018. № 4 (32). С. 3–15.
36. Изергина, 2017 – *Изергина А.* Белорусы Литвы: история формирования этнической группы и современность // Наука и инновации. 2017. № 12. С. 67–70.
37. Калачёва, 2008 – *Калачёва И.И.* Семья в современном белорусском обществе: реалии и перспективы развития. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2008. 80 с.
38. Калачова, 2009 – *Калачова І.І.* Этнакультурныя працэсы ў гарадской сям’і беларусаў у апошні трэці ХХ – пач. ХХІ ст. Мінск: Беларуская навука. 2009. 266 с.
39. Касцюкевіч, 2004 – *Касцюкевіч С.У.* Семантыка і функцыі традыцыйных цацак беларусаў у ХІХ–ХХ ст.: Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. н. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К.Крапівы. Мінск: 2004.
40. Килбас, 2003 – *Килбас А.А.* Культура привилегированного сословия на Беларуси (XIV–XVI вв.): Дис. ... канд. ист. н. / Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси. Минск, 2003.
41. Кнурэва, 2017 – *Кнурэва Я.С.* Выкарыстанне дзікарослых раслін у пахавальнай абраднасці беларусаў к. ХІХ–ХХ ст. (агульная характарыстыка) // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі: Зборнік артыкулаў / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Дзяржаўная навуковая ўстанова «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры», філіял «Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы». 2017. Вып. 22. С. 319–323.
42. Кто живет в Беларуси, 2012 – Кто живет в Беларуси / А.В. Гурко и др. / Науч. ред. А.И. Локотко / Нац. академия наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. Минск: Беларуская навука, 2012. 798 с.
43. Кухаронак, 2001 – *Кухаронак Т.І.* Маскі ў каляндарнай абраднасці беларусаў / Рэд. савет: Я.В. Малашэвіч і інш. Мінск: «Ураджай», 2001. 237 с.
44. Кухаронак, 2017 – *Кухаронак Т.І.* Радзіны і маленства ў традыцыйнай культуры беларусаў. Мінск: Беларуская навука, 2017. 140 с.
45. Лакотка, 2014 – *Лакотка А.І.* Народнае дойлідства // Мінск: «Беларуская навука», 2014. 200 с.
46. Локотко, 2006 – *Локотко А.И.* Историко-культурные ландшафты Беларуси. Минск: Белорусская наука, 2006.

47. Локотко, 2007 – *Локотко А.И.* Народное зодчество // Современная Беларусь: Энциклопедический справочник: В 3 т. Т. 3: Культура и искусство / Редкол.: М.В. Мясникович и др. Минск: Белорус. наука, 2007. С. 177–197.
48. Луйгас, 2003 – *Луйгас Н.Я.* Гістарыяграфія праблемы сям’і беларусаў у XIX–XX ст.: Діс. ... канд. гіст. н. / Ін-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси. Мінск, 2003.
49. Матэрыялы, 2014 – Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі да 150-годдзя А.К. Сержпутоўскага (19–20 чэрвеня 2014 г. Мінск) / Укл. А.Г. Алфёрава, С.У. Грунтоў, Ю.С. Пракоф’ева / Рэдкал.: А.І. Лакотка і інш. Мінск: Права і эканоміка, 2014. 180 с.
50. Махнач, 2005 – *Махнач А.И.* Эволюционизм в этнологическом изучении Беларуси (кон. XIX – нач. XX). Концептуально-историографический анализ: Автореф. дис. ... канд. ист. н. / Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси. Минск, 2005.
51. Маховская, 2000 – *Маховская И.С.* Белорусская традиционная родинная обрядность в восточноевропейском контексте (кон. XIX – нач. XX в.): Дис. ... канд. ист. н. / Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси. Минск, 2000.
52. Мілаш, 2013 – *Мілаш Я.А.* Беларускія хрысціянскія традыцыі і іх уплыў на этнічныя працэсы на беларускіх землях у канцы XIX – пач. XX стст. // Пытанні масштатнаўства, этнаграфіі і фалькларыстыкі: збор. арт. Мінск, 2013. Вып. 15. С. 334–339.
53. Міхайлец, 2008 – *Міхайлец М.А.* Польская этналогія XIX – першай паловы XX ст. аб матэрыяльнай культуры беларусаў. Мінск: Беларус. навука, 2008. 146 с.
54. Навагродскі, 2000 – *Навагродскі Т.А.* Традыцыі народнага харчавання беларусаў. Мінск: Нац. ін-т адукацыі, 2000. 112 с.
55. Навагродскі, 2015 – *Навагродскі Т.А.* Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX ст. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2015. 243 с.
56. Навуковая спадчына, 2014 – Навуковая спадчына Яўстафія Тышкевіча (да 200-годдзя з дня нараджэння) / Мат-лы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (18 красавіка 2014 г., Лагойск) / уклад.: А.Г. Алфёрава, Ю.С. Пракоф’ева, С.Л. Сакума. Мінск: Права і эканоміка, 2014. 180 с.
57. Народна творчість, 2009 – Народна творчість та этнографія / Міжнародна асоціація українських етнологів. Спецвыпуск: Білоруська етнологія. 2009. № 6.
58. Олюнина, 2017 – *Олюнина И.В.* Традиционная социальная культура Белорусского Полесья в работах польских этнологов 1920–1930-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. н. / Государственное научное учреждение «Центр исследований Белорус-

-
- ской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси». Минск, 1991.
59. Пилипенко, 1991 – Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии: новая концепция. Минск: Беларусь, 1991. 142 с.
 60. Ракава, 2000 – *Ракава Л.В.* Традыцыі сямейнага выхавання ў беларускай вёсцы. Мінск: «Ураджай», 2000. 111 с.
 61. Ракава, 2008 – *Ракава Л.В.* Гісторыя на градках. Агародніцтва на Беларусі. Мінск: Беларусь, 2008. 144 с.
 62. Ракава, 2009 – *Ракава Л.В.* Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання беларусаў у XIX–XX ст. Мінск: Беларуская навука, 2009. 311 с.
 63. Раюк, 2008 – *Раюк А.Р.* Этнасацыяльная структура беларускага грамадства і шляхі сацыяльнай мабільнасці ў 1772–1863 гадах: Аўтарэф. ... канд. гіст. н. / Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы» Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Мінск, 2008. 24 с.
 64. Романенко, 2015 – *Романенко И.В.* Трансформация статуса белорусской сельской женщины в XX – нач. XXI в. Минск: Беларус. навука, 2015. 201 с.
 65. Сакума, 2014 – *Сакума, С.Л.* Особенности этносоциальной адаптации вьетнамцев, китайцев, корейцев и японцев в Беларуси в 1980–2011 гг. / Редкол.: А.В. Гурко, Л.В. Ракова, А.Вл. Гурко / Национальная академия наук Беларуси, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы». Минск: Беларуская навука, 2014. 123 с.
 66. Сакума, 2017 – *Сакума С.Л.* Белорусы в Японии // Наука и инновации. 2017. № 4. С. 65–67.
 67. Сарокіна, 2018 – *Сарокіна І.В.* Феномен адыходу жыцця ў беларускай традыцыйнай культуры ў XIX – пач. XXI ст. Мінск: Беларуская навука, 2018. 223 с.
 68. Сержпутоўскі, 2017 – *Сержпутоўскі А.К.* Палешукі-беларусы: этнаграфічны нарыс / Пер. з рус. і камент. С. Грунтова / Падрыхт. тэксту, іл. і паслясл. А. Лысенкі. Мінск: Беларуская навука, 2017. 173 с.
 69. Терешкович, 2004 – *Терешкович П.В.* Этническая история Беларуси XIX – нач. XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Минск: БГУ, 2004. 223 с.
 70. Тяпкова, 2018 – *Тяпкова А.И.* Местечки Беларуси. Этнологическое исследование. Минск: Беларуская навука, 2018. 189 с.
 71. Чаквин, 2014 – *Чаквин И.В.* Избранное: теоретические и историографические статьи по этногенезу, этническим и этнокультурным процессам, конфессиональной

- истории белорусов / Отв. ред.-сост. А.Вл. Гурко. Минск: Беларуская навука, 2014. 463 с.
72. Чарнякевіч, 2006 – *Чарнякевіч І.С.* Гісторыка-этнаграфічнае раянаванне вясельнай абраднасці Беларускага Палесся: Дыс. ... канд. гіст. н. / Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». Мінск, 2006.
73. Шейбак, 2008 – *Шейбак В.В.* Генезис и эволюция христианских традиций паломничества у белорусов: Автореф. дис.... канд. ист. н. / ГНУ «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси». Минск, 2008. 24 с.
74. Шумскі, 2011 – *Шумскі К.А.* Традыцыйныя экалагічныя веды беларусаў у XIX ст. – пач. XXI ст. Мінск: БДАТУ, 2011. 192 с.
75. Шумский, 2009 – *Шумский К.А.* Традыцыйныя веды беларусаў аб раслінным, жывёльным свеце і надвор’і (XIX – пач. XXI ст.) і іх экалагічная значнасць. Мінск: Права і эканоміка, 2009.
76. Шыдлоўскі, 2011 – *Шыдлоўскі С.А.* Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг. Мінск: Беларуская навука, 2011. 168 с.
77. Этнокультурные, 2010 – Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем / А.Вл. Гурко [и др.] / Национальная академия наук Беларуси, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. Минск: Беларуская навука, 2010. 466 с.
78. Этнокультурные, 2014 – Этнокультурные процессы Гродненского Поместья в прошлом и настоящем / А.Вл. Гурко [и др.] / Редколл.: А. Вик. Гурко [и др.] / Нац. акад. наук Беларусі, Центр исследований белорус. культуры, языка и лит. Минск: Беларуская навука, 2014. 445 с.
79. Этнокультурные, 2016 – Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем / А.Вл. Гурко [и др.] / Науч. ред. А.Вик. Гурко / Нац. акад. наук Беларусі, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Фил. «Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы». Минск: Беларуская навука, 2016. 538 с.
80. Этнокультурные, 2017 – Этнокультурные процессы Белорусского Подвинья (Витебщины) в прошлом и настоящем / А.Вл. Гурко [и др.] / Науч. ред. А. Вик. Гурко / Нац. акад. наук Беларусі, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. К. Крапивы. Минск: Беларуская навука, 2017. 628 с.
81. Якубинская, 2009 – *Якубинская А.Д.* Традыцыйныя спосабы і сродкі сацыялізацыі дзяцей у беларускіх сялян у другой палове XIX – першай палове XX стагоддзяў: Автореф. дис. ... канд. ист. н. Минск, 2009.

82. Яшчанка, Ганчар, 2011 – *Яшчанка А.Р., Ганчар У.А.* Адносіны гарадскога насельніцтва да знахарства на сучасным этапе (па матэрыялах Гомеля // Веснік БДУ. Сер. 3: Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2011. № 2. С. 64–68.
83. Ященко, Будникова, 2008:132–140 – *Ященко О.Г., Будникова Т.А.* Эволюция культурно-бытовых процессов в городской среде в 1990-е – 2000-е годы (по материалам Гомеля) // Известия Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины. 2008. № 4. С. 132–140.

* * *

84. Droga ku wzajemności, 2017 – Droga ku wzajemności =Шлях да ўзаемнасці: Materiały XXIII Międzynar. conf. nauk (Białystok, 22–23 września 2017) // Polsko-Białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe // Pod. red. B. Siegień. Białystok: Zarząd Główny Białoruskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 2017. T. XVIII.

В.В. Руднев

БРИТАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИЙ

Проблема анализа социально-культурной неоднородности общества стала одной из наиболее актуальных тем современности. Процессы модернизации и глобализации, сложно повлиявшие на жизнь всего человечества, создали новую реальность, которая нуждается в понимании характерных для неё смыслов и угроз. В этом контексте, обращение к британской антропологии – основатели которой стояли у истоков европейской антропологической науки XIX века, и сегодня активно работающей в большом «оркестре» наук, изучающих проблемы социума, представляется актуальным.

Антрополог Клайд Клакхон, анализируя роль антропологической науки, отметил, что «антропология включает в себя ряд обобщений, выстроенных в течение долгого времени, не нуждаясь в которых государственный деятель, администратор или социальный работник может только по незнанию...» [Клакхон, 1998: 297]. Британская антропология широко известна именами учёных (Джеймс Фрэйзер, Эдвард Тэйлор и др.), которые стали классиками мировой науки.

В последние десятилетия британскую антропологию связывают с именами нескольких учёных, также снискавших мировую известность.

Мэрилин Стразерн (Marilyn Strathern) – выдающийся британский антрополог рубежа XX–XXI веков. В Кембриджском университете она изучала археологию и антропологию (в колледже Girton), а в 1968 г. получила степень Ph.D. Научную карьеру начала в 1970 г., став исследователем в Отделении изучения народов Новой Гвинеи австралийского Национального университета. С тех пор основной областью её научных интересов стали гендерные проблемы и культура народов Папуа Новая Гвинея [Strathern, 1981]. В 1985 г. Мэрилин Стразерн стала профессором социальной антропологии в Манчестерском университете. После этого она возвратилась в Кембриджский университет, с которым была связана её дальнейшая научная карьера.

Уже в диссертации в 1972 г. «Women in Between» проявился интерес исследовательницы к гендерным проблемам. В качестве редактора сборника статей «Dealing with Equality: Analysing gender relations in Melanesia and beyond» Мэрилин Стразерн рассматривала проблему гендерного равенства в разных обществах [Strathern, 1987]. Обращение к сравнительным исследованиям в Меланезии и Европе позволили Стразерн по новому взглянуть на проблему гендерных отношений и репродуктивных технологий в обществе. В 1990-е гг. исследовательница обратила внимание на появление новых репродуктивных технологий *in vitro fertilization* (экстракорпоральное оплодотворение – ЭКО). В работах 1992 г. [Strathern, 1992a, 1992b] М. Стразерн доказывала, что процедуры репродукции трансформируют существующие модели природы и культуры. В коллективном исследовании «Technologies of Procreation...» М. Стразерн и её коллеги предположили, что новые дефиниции родства и происхождения появятся в будущем как результат расширения использования новых репродуктивных технологий. Эти работы открыли путь для новых исследований родства (*new kinship studies*) [Strathern, 1981].

Мэрилин Стразерн – автор более 15 книг и статей, написанных ею персонально или в соавторстве. Сосредоточив внимание на изучении гендерных представлений в культуре жителей Меланезии и проблемах использования репродуктивных технологий народами Европы, М. Стразерн уточнила их представления о культуре. По её мнению, книга «Partial Connections» (написанная в 1991 г.) наиболее полно отражает её взгляды на проблему

[Strathern, 1991]. Между тем, наибольшей популярностью у читателей пользуется её книга «The Gender of Gift», опубликованная в 1988 г. [Strathern, 1988]. В ней М. Стразерн отмечает, что дефиниции в подходе к гендерным различиям связаны с культурой общества.

Работа Мэрилин Стразерн отмечена многочисленными почётными званиями. В 1987 г. она была избрана членом Британской академии (Fellow of the British Academy – FBA).

Tim Ingold – Тимоти (Тим) Ингольд – британский антрополог, глава Отдела социальной антропологии в Университете Абердина. Проблемы экологии, взаимоотношения человека и природы – сфера научных интересов Тима Ингольда. Исследования культуры и быта саамов на северо-востоке Финляндии легли в основу его диссертации о саамах-скольта/колтта [Ingold, 1976]. Он занимался преподавательской деятельностью в Университете Хельсинки (1973–1974 гг.) и в Университете Манчестера, где получил звание профессора в 1990 г. С 1999 г. работает в Университете Абердина.

Проблемы адаптации человека к суровым природным условиям представляют особый интерес для Тим Ингольда, рассматривающего на этом материале вопросы когнитивистики и природопользования, особенности восприятия окружающего мира человеком и место художественного творчества в этом процессе. Тим Ингольд удостоен почётных наград и является автором множества книг и статей [см. напр. наиболее известные книги: Ingold, 1976; 2011; 2013; 2015; 2017].

В XX веке британские антропологи были инициаторами создания благоприятных условий для международного сотрудничества антропологов. При их активном участии была создана Европейская ассоциация социальных антропологов (EASA), которая регулярно (раз в два года) проводит конференции в странах Европы. Эти конференции привлекают внимания антропологов всего мира и стали важной площадкой для обмена мнениями. В конце XX – начале XXI вв. британские антропологи выступили инициаторами создания нескольких комиссий при Международном союзе антропологических и этнологических наук (IUAES). Эти комиссии создают возможность для консолидации усилий антропологов

разных стран при исследовании и разработке современных проблем антропологии.

Комиссия «Антропология и образование» (Anthropology and Education) была организована Дэвидом Шанкландом (David Shankland) (Королевский антропологический институт / Royal Anthropological Institute) в 2015 г. на Интерконгрессе IUAES в Таиланде. Комиссия предполагает объединить исследователей, педагогов и студентов, интересующихся проблемами антропологии и образования. Комиссия поддерживает обмен опытом в области подготовки антропологов в колледжах, университетах и образовательных центрах с целью изучения сходства и различий в сфере приобретения знаний. Комиссия организует секции на конференциях антропологов и на Интерконгрессах IUAES.

Комиссия «Старение и возраст» (Aging and Aged) занимается исследованием возрастных проблем в обществе. Возглавляет комиссию Скиннер Джонатан (Skinner Jonathan) из Университета Рохэмптон, Лондон (University of Roehampton, London). Комиссия регулярно организует секции на международных конференциях и Интерконгрессах IUAES. Тематика Комиссии разнообразна: от проблем социально-экономического характера до форм досуга. Рассматривается также влияние культурных традиций на качество жизни людей разного возраста.

Комиссия «Городская антропология» (Urban Anthropology) занимается изучением проблем горожан и городских мигрантов. Возглавляет комиссию Джулиана Прато (Prato Giuliana) (Кентский университет / University of Kent). Комиссия объединяет исследователей разных стран и основное внимание фокусирует на анализе социокультурных проблем городского населения. Комиссия регулярно проводит конференции и организует секции на международных Интерконгрессах IUAES.

Комиссию «Антропология пищи и питания» (Anthropology of Food and Nutrition) возглавляет Хелен Макбет (Helen Macbeth) (Оксфордский Брукс университет / Oxford Brookes University). Эта комиссия объединяет исследователей из Великобритании, Австрии, Чешской Республики, Франции, Германии, Венгрии, Италии, Норвегии, Португалии, Румынии, Сло-

вении, Испании, Швейцарии. Она регулярно организует секции на конференциях и Интерконгрессах IUAES. Тематика обсуждаемых проблем обширна и включает вопросы о роли пищи при адаптации человека к локальным природным условиям (в процессе миграции), в контексте изменения условий среды и т.п.

В 2014 г. в издательстве «Berghahn» был издан сборник статей «Пища в зонах конфликта: междисциплинарные перспективы» под редакцией П. Коллинсон и Х. Макбет [*Food*, 2014]. В книге представлены статьи исследователей разных стран, участвующих в работе комиссии. В ней рассматривается связь между голодом, бедностью, насилием и войной. Конфликты всегда влияют на производство и распределение еды, вызывая соревнование за ресурсы, еду и землю. В статьях анализируется проблема в разных регионах мира в разные эпохи.

Трой Стернберг (Troy Sternberg) (Оксфордский университет) заместитель председателя **комиссии «Кочевые народы» (Nomadic Peoples)**, которая объединяет исследователей разных стран интересующихся проблемами кочевых народов. Комиссия издает международный журнал «Nomadic Peoples» (Кочевые народы), информирующий читателей о жизни кочевников. Журнал имеет вебсайт [*URL 1*].

Современная британская антропология, сохранив многое из наследия прошлого, сложно отвечает на трансформации, происходящие в мире. Когда-то Фредерик Барт (Fredrik Barth) писал, что научная жизнь британских антропологов ограничивается достаточно узким кругом, в который входят лишь Оксфордский, Кембриджский, Манчестерский университеты и Лондонская школа экономики [*Barth*, 2010:56].

Сегодня антропологию преподают во многих университетах страны, а темы исследований стали разнообразнее. Эту тенденцию хорошо иллюстрирует Кентский университет. Здесь проводятся исследования в достаточно новой области антропологической науки – Urban Anthropology (городской антропологии). Этот термин нередко вызывает дискуссии, в силу определённой неточности как при его использовании в английском, так и при переводе на другие языки. Многие исследователи уточняют этот термин как «ан-

тропологические исследования в городской среде». Этот факт, однако, не мешает достаточно широкому использованию названия «городская антропология», возможно, в силу его краткости.

Несколько десятилетий назад споры об уместности работы антропологов в городе подвигли американского антрополога Роджера Саньека отметить, что глобальное стремление к урбанизации превратит городское пространство в естественное место проведения антропологических исследований [Sanjek, 1990:151–186]. За минувшие с той поры три десятилетия сказанное исполнилось и теперь антропологи «направились» в города вслед за сельскими жителями, культура которых, традиционно, была объектом основного внимания антропологической науки.

Город, городские поселения, всегда воспринимались как особый мир, кардинально отличающийся от того мира, который находится за стенами города. Традиционно город рассматривается как особый социально-культурный феномен. Так, по мнению философа Б.В. Маркова, в городе заключено начало цивилизации, а Ю.М. Лотман определял город как живой организм [Лотман, 1993:84–95]. Изучение культуры городского населения всегда было уделом социологов.

Они первыми обратили внимание на различия в образе жизни горожан и сельских жителей. Города Британии – «главной мастерской мира» в XIX веке активно привлекали исследователей социокультурных проблем общества. Например, Фридрих Энгельс подробно описал в работе «Положение рабочего класса в Англии» города Англии и Ирландии. Это позволяет социологам считать его родоначальником социального картирования городских районов, одного из направлений социологии. Анализ положения городского населения Великобритании позволил К. Марксу и Ф. Энгельсу прийти к выводу, что высокие темпы индустриализации и урбанизации были причиной поляризации общества. Англичанин Чарльз Бут, исследовавший положение городских жителей Альбиона, ввёл понятие «черта бедности», а его работы способствовали принятию законодательных актов о минимуме зарплаты, пенсионном обеспечении и пособиях по безработице.

Антропологи Великобритании, как и других стран, обратились к исследованию проблем городских жителей достаточно поздно. Лишь в 1930-е гг. антропологи, работавшие в Институте Ливингстона (на территории нынешней Замбии), стали изучать быт трудовых мигрантов (банту) прибывавших в поисках работы в шахтерские города «Медного пояса» (Copperbelt) [Mitchel, 1966].

На территории Британских островов начало исследованиям в области городской антропологии положил Рэймонд Фирт, который в 1947 г. предложил членам Отдела социальной антропологии (в Лондонской школе экономики) участвовать в исследовании систем родства среди жителей Южного Лондона [Firth, Hubert and Forge, 1969].

До середины XX века исследования британских антропологов (под руководством Глюкмана) ограничивались городскими центрами Африки. После назначения Глюкмана в 1949 г. главой отдела социальной антропологии в университете Манчестера эти исследования стали основой нового направления – **школы городской антропологии** (school in urban anthropology).

Британские исследования в области городской антропологии всегда находились под влиянием разработок этой проблематики в зарубежных научных социологических центрах, а также под влиянием изменений демографической ситуации в мире. Заметное влияние оказали исследования проводившиеся в Чикагской школе городской социологии. Здесь, в 1915–35 гг. разрабатывалась новая теория и подход к исследованиям города и его жителей. Наибольшие успехи были достигнуты в области изучения городской экологии и прикладных исследований городской окружающей среды. Чикагская школа активно опиралась на исследования отдельных районов города. Такая «мозаика» не давала возможности составить полное представление о характере городских проблем. Поэтому, в дальнейшем, признание получили локальные исследования, учитывающие специфику макропроцессов, влияющих на динамику местной жизни.

Немногочисленные британские исследования в области городской антропологии в 1980-е гг. были сосредоточены на изучении мигрантов из

стран Содружества. Их выполняли Бурхарт и Воллмэн [*Burghart*, 1987; *Wallman*, 1984]. Исследования также проводились в этот период британскими антропологами М. Кенни и Д. Кертзер в странах Средиземноморья [*Kenny*, *Kertzer*, 1983].

Продолжавшая доминировать тенденция изучения локальных общностей (без достаточного привлечения данных о макропроцессах) способствовала тому, что исследовательские проекты, используя метод включённого наблюдения, ограничивались территориальными, социальными или культурными границами (мигранты, маргиналы и т.п.) [*Pardo*, *Prato*, 2012].

Процессы глобализации, активно заявившие о себе в 1990-е гг., показали всю важность анализа отношений между событиями микро и макро уровней и актуальность использования антропологических подходов к изучению локальных общностей. Пришло понимание значения долгосрочных полевых исследований и сотрудничества антропологов и социологов. Это способствовало повышению качества исследований [*Falzon*, 2009], т.к., по мнению Пардо, повысился уровень доверия со стороны интервьюируемых [*Pardo*, 2000].

Создание Комиссии городской антропологии (Urban Anthropology) при Международном союзе антропологических и этнологических наук (IUAES) в 1982 г. открыло возможности для активного международного сотрудничества в исследовании проблем городской антропологии и обмена информацией о достигнутых результатах. Так, исследования американского антрополога Л. Селигманн (*Linda J. Seligmann*) в городах Перу (среди уличных торговцев) позволили выявить сложную взаимозависимость между микро- и макропроцессами в экономике этой страны, и подтвердили ценность полевых антропологических исследований в современном городе [*Seligmann*, 2004; 2012].

Такие исследования были особенно важны для понимания общих черт и различий городской жизни и классификации городов. Выяснилось, что города, имеющие аналогичные параметры (по численности населения, например), имеют свои особенные черты, которые варьируются в зависимости от социальных и культурных условий. Также выяснилось, что лишь

полевые антропологические исследования (при изучении гендерных проблем, вопросов толерантности и т.п.) позволяют уточнить различия, характерные для населения городов однотипных (по определённым параметрам), но отличающихся по своим социокультурным особенностям (как отличаются, например, Нью-Йорк и Токио, Лондон и Бейрут). В этом контексте особую ценность представляют сравнительные антропологические исследования среди новых мигрантов и старожилов (их отношение к социально-культурным изменениям и т.п.) в городах однотипных, но расположенных в разных регионах мира [Schiller and Çağlar, 2011].

В 1996 г. антрополог Сета Лоу (Low Setha), заявив об актуальности исследований в области городской антропологии, отметила отсутствие теоретических дискуссий по этой проблеме среди антропологов [Low, 1996: 383–409]. Это заявление стимулировало появление работ, посвящённых отдельным вопросам, относящимся к теме городской антропологии. Например, была опубликована работа Х. Доннер (Голдсмит колледж), посвящённая родственным и трудовым отношениям в городе [Donner, 2008], проблемам законопослушания была посвящена работа Прато (Кентский университет) [Prato, 2000], вопросам религии – Дж. Пэрри (Лондонская школа экономики) [Parry, 2008], проблемы мультикультурализма были освещены в работе Д. Нагл (университет Белфаста) [Nagle, 2009]. Выполненные британскими антропологами в разных странах эти работы демонстрируют как многогранность интересов исследователей, так и многообразие тем, консолидированных в сложной проблеме изучения городской антропологии. Сложность и актуальность изучения этой проблемы привлекает многих исследователей, работающих в смежных областях науки.

Профессор Линда МакДауэлл (Оксфордский университет), обратившись к изучению экономических проблем разных поколений мигрантов, живущих в Лондоне, выявила разницу между мигрантами, приехавшими из стран, входящих в зону Шенгена, и из стран Индостанского полуострова, не входящих в эту зону. У мигрантов, живущих в одном городе, разнятся как ожидания, так и опасения, страхи [McDowell, 2013].

Тематика проблем, предлагаемая современным городом, многообразна. Она не ограничивается проблемами мигрантов, трущоб или самоопределения и интеграции. Она включает вопросы лояльности и положения горожан (в частности, «городского ребёнка»), коммуникации, гендерных различий и восприятия города как особой сущности. Исследователь А. Рид обратил внимание на то, как жители Лондона обращаются к деталям городской среды, когда пытаются показать иностранцам особую индивидуальность своего города [Reed, 2002:127–141]. Исследователи определяют это действо как «городское воображаемое».

Сегодня лучше, чем когда-либо прежде, видно, что города являются уникальными творениями человечества. Судьба их достаточно неопределенна. С одной стороны, новые технологии открывают возможности для кардинального изменения образа жизни горожан (растёт популярность дистанционных форм занятости, дистанционного получения образования, товаров и услуг), что заметно снижает актуальность существования больших городов, а с другой стороны наблюдается перемещение в города населения из отдалённых регионов (т.к. города продолжают служить площадкой активной социально-культурной жизни, чем и привлекают многих). В этих условиях изучение антропологами процессов, происходящих в среде городского населения, – актуальный путь исследования этнокультурных проблем в современном социуме. Изучение антропологами городского населения, городов как центров взаимодействия представителей разных культур, актуально для понимания процессов, происходящих в полиэтнической, социально неоднородной среде, и создания моделей, обеспечивающих гармоничное социально-культурное развитие городского населения.

Особый интерес британских антропологов, изучающих городскую антропологию, к образу жизни горожан вне пределов Великобритании – одна из традиционных тенденций, органично сопряжённая с пониманием важности сравнительных исследований (как и междисциплинарных разработок) для антропологии. Это способствует пониманию места антропологии в «оркестре» наук, изучающих человека и общество.

Анализируя работу британских антропологов сегодня можно отметить несколько тенденций. Как и прежде, они уделяют много внимания полевой работе: сбору материала и проведению интервью. По традиции,

они предпочитают проводить полевые исследования вдали от Великобритании. Это хорошо заметно по тематике докладов, с которыми британские исследователи выступают на международных конференциях. Исследование недугов и методов лечения в странах Латинской Америки и Южной Азии, культурные особенности групп горожан в Польше и странах Балканского полуострова – темы, хорошо иллюстрирующие эту тенденцию. Многие британские исследователи изучают народы России и стран бывшего СССР. Так, например, Кэролайн Хамфри – почётный профессор антропологии Кембриджского университета проводила исследовательскую работу в России и на Украине; Джулиан Тетт – профессор социальной антропологии Кембриджского университета собирала полевой материал в Таджикистане. Опыт полевых исследований в странах Азии или Африки имеет большинство антропологов Великобритании (как старшего поколения, так и более юных).

Другой важной особенностью исследований британских антропологов является активное привлечение социологических разработок, данных смежных наук и естествознания. Это относится не только к работам по экологии или проблемам медицинского характера, но и по гендерным и семейным проблемам (привлекаются разработки психологов и др.).

Привлечение британскими антропологами разработок наук о Человеке, Природе и Обществе приносит положительные результаты. Недавно Президентом Королевского антропологического института (RAI) стала профессор Дэм Сью Блэк (Dame Sue Black) – специалист в области судебной антропологии (forensic anthropology). Профессор Блэк, получившая биологическое образование, стала одним из ведущих специалистов в этой области. Теперь в RAI осуществляется подготовка антропологов по специальности «судебная антропология».

Привлечение новых технологий в процессе исследования открывает хорошие перспективы для уточнения представлений о прошлом и работ по реконструкции. Например, применение изотопного анализа биоматериалов позволило уточнить данные о питании в прошлом, реконструировать модели детского питания. Изотопные методы позволили получить новые

данные о детской смертности и выживаемости в минувшие эпохи (исследования Ю. Бимонт (Университет Бредфорда). Анализ крови жителей высокогорий Анд позволил расширить представления об их здоровье (Пене-лопа Дрансарт – университет Уэльса). Сравнительные этнопсихологические исследования – одно из популярных сегодня направлений. М. Полторак (Кентский университет) проводил такие исследования среди народа тонга, а Д. Опп (университет Сасекса) – среди индейцев Перу.

Полевые исследования высоко оцениваются британскими антропологами сегодня как по результатам собранных полевых материалов, так и в силу того опыта общения, который они предоставляют. Джулиан Тетт (социальный антрополог, получившая степень в Кембриджском университете) ныне работает колумнистом в газете Файнэншл Таймс (Financial Times) в США (она предсказала финансовый кризис 2008-го г. за два года до его наступления) и считает время, проведённое в таджикском горном ауле, положительным опытом, помогающим в её работе в Нью-Йорке.

Технологии XXI века активно влияют на организацию научной работы британских антропологов: они осваивают киберпространство и активно участвуют в международных проектах, сохраняя определённую приверженность традициям (в частности, полевому сбору антропологических данных), которые обеспечили, в свое время, общемировую известность британским антропологам.

Литература:

1. Лотман. 1993 – Город и время: интервью с Ю.М. Лотманом // Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. С. 84–95.
 2. Клакхон. 1998 – *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. Евразия. С. 297.
- * * *
3. Barth, 2010 – *Barth F.* One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology. University of Chicago Press, 2010. P. 56.

4. Burghart, 1987 – *Burghart R.* (ed.). *Hinduism in Britain: The Perpetuation of Religion in an Alien Milieu*. London: Tavistock., Wallman, S., 1987.
5. Donner, 2008 – *Donner, H.* *Domestic Goddesses: Maternity, Globalization and Middle-class Identity in Contemporary India*. Farnham: Ashgate, 2008.
6. Falzon, 2009 – *Falzon M.A.* (ed.) *Multi-sited Ethnography: Theory, Praxis and Locality in Contemporary Research*. Farnham: Ashgate, 2009.
7. Firth, Hubert and Forge, 1969 – *Firth R., Hubert J. and Forge A.* *Families and Their Relatives: Kinship in a Middle Class Sector of London*. London: Routledge & Kegan Paul, 1969.
8. Food, 2014 – *Food in Zones of Conflict: Crossdisciplinary perspectives* / Eds. Collinson P. and Macbeth H. Berghahn, New York and Oxford, 2014.
9. Ingold, 1976 – *Ingold T.* *The scolt Lapps today*. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.
10. Ingold. 2011 – *Ingold T.* *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description*. Routledge, London, 2011.
11. Ingold, 2013 – *Ingold T.* *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. Routledge, London, 2013.
12. Ingold, 2015 – *Ingold T.* *The Life of Lines*. Routledge, London, 2015.
13. Ingold, 2017 – *Ingold T.* *Anthropology and/as education*. Routledge, London, 2017.
14. Kenny, Kertzer, 1983 – *Kenny Michael, Kertzer David.* *Urban life in Mediterranean Europe: anthropological perspectives*. Oxford: Brookes University, 1983.
15. Low, 1996 – *Low S.* *The Anthropology of Cities: Imagining and Theorizing the City* // *Annual Review of Anthropology*. 1996. No. 25. P. 383–409.
16. McDowell, 2013 – *McDowell, Linda.* *Working Lives: Gender, Migration and Employment in Britain, 1945–2007*. Willey-Blackwell, 2013.
17. Mitchel, 1966 – Mitchell, J.C. *Theoretical Orientations in African Urban Studies* // *The Social Anthropology of Complex Societies* / Ed. M. Banton, London: Tavistock, 1966.
18. Nagle, 2009 – *Nagle J.* *Muticulturalism's Double Bind: Creating Inclusivity, Cosmopolitanism and Difference*. Farnham: Ashgate, 2009.
19. Pardo, 2000 – *Pardo I.* (ed.) *Morals of Legitimacy: Between Agency and the System*. Oxford: Berghahn Books, 2000.
20. Pardo, Prato, 2012 – *Pardo I., Prato Giuliana B.* *Anthropology in the city: methodology and theory*. Oxford: Brookes University, 2012.
21. Parry, 2008 – *Parry J.* *The Sacrifices of Modernity in a Soviet-built Steel Town in Central India* // *Religion on the Margins* / Eds. F. Pine and J. Pina-Cabral. Oxford: Berghahn Books, 2008.
22. Prato, 2000 – *Prato G.B.* *The Cherries of the Mayor: Degrees of Morality and Responsibility in Local Italian Administration* // *Morals of Legitimacy: Between Agency and the System* / Ed. Pardo I. Oxford: Berghahn Books, 2000.
23. Reed, 2002 – *Reed A.* *City of Details: Interpreting the Personality of London* // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2002. No. 8. P. 127–141.

-
24. Sanjek, 1990 – *Sanjek R.* Urban Anthropology in the 1980s: A World View // Annual Review of Anthropology. 1990. No. 29. P. 151–186.
 25. Schiller and Çağlar, 2011 – *Schiller, Nina Glick and Çağlar, Ayşe* (eds.) *Locating Migration. Rescaling Cities and Migrants*. Ithaca: Cornell University Press, 2011.
 26. Seligmann, 2004 – *Seligmann L.J.* Peruvian Street Lives: Culture, Power and Economy among Market Women of Cuzco. University of Illinois Press, 2004.
 27. Seligmann, 2012 – *Seligmann L.J.* Contested Spaces: Street Vendors in the Andean Metropole of Cusco, Peru // *Anthropology in the City: Methodology and Theory* / Eds. I. Pardo and G.B. Prato. Farnham: Ashgate, 2012.
 28. Strathern. 1981 – *Strathern M.* Self-Interest and the Social Good: Some Implications of Hagen Gender Imagery // *Readings for a History of Anthropological Theory*. ed. by P.A. Erickson and L. Murphy. Toronto: University of Toronto Press, 1981. Pp. 370–391.
 29. Strathern. 1987 – *Strathern. Marilyn.* Dealing with inequality: analyzing gender relations in Melanesia and beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
 30. Strathern. 1988 – *Strathern. Marilyn.* The Gender of the Gift: Problems with Women and Problems with Society in Melanesia, 1988.
 31. Strathern, 1991 – *Strathern, Marilyn.* *Partial connections*. Savage, Maryland: Rowman and Littlefield, 1991.
 32. Strathern, 1992a – *Strathern, Marilyn.* After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century. 1992.
 33. Strathern, 1992b – *Strathern, Marilyn.* Reproducing the Future: Essays on Anthropology, Kinship and the New Reproductive Technologies. 1992.
 34. Strathern. 1993 – *Strathern. Marilyn* at all. Technologies of Procreation: Kinship in the Age of Assisted Conception. 1993.
 35. URL 1 // <http://www.berghahnbooks.com/journals/np/index.html>
 36. Wallman, 1984 – *Wallman S.R.* (ed.). Eight London Households. London: Tavistock, 1984.

А.Н. Кожановский

ИСПАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: «ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ» И ТРУДНОСТИ РОСТА

Судьба науки, работников которой российские этнологи/этнографы с полным основанием могут считать своими коллегами и которая утвердилась в Испании под названием «социальная и/или культурная антропология»*, складывалась и продолжает складываться в этой стране совсем непросто. Антропология ведёт упорную борьбу за «место под солнцем», за

* Термин «антропология» в испанском контексте, когда он используется сам по себе, практически всегда подразумевает значение «социальная и/или культурная антропология» – если нет специального уточнения, что речь идёт об антропологии «физической»; «этнография» и «этнология» трактуются скорее как специфические составные части общеантропологического научно-исследовательского и образовательного комплекса, нежели как самостоятельные науки. Для удобства изложения автор будет далее следовать этой установившейся терминологической традиции.

признание её самостоятельной, полноценной научной и учебной дисциплиной, жизненно необходимой обществу специальностью. Кроме того, в ней беспрестанно ведутся «внутрицеховые» споры, порой довольно жёсткие, и проходят организационные изменения. Оценочные высказывания некоторых участников этого процесса по интересующей нас теме кажутся подчас излишне резкими; к тому же обращает на себя внимание относительно высокая склонность испанских коллег (как, впрочем, и многих их нынешних соотечественников) к постоянной рефлексии и критическому отношению к самим себе и собратьям по «цеху», к тому делу, которое они для себя избрали, да и к своей стране в целом. Такое состояние общественного сознания неслучайно, оно проистекает из особенностей развития Испании в новейшее время, когда она за сравнительно недолгий срок пережила подлинную смену эпох своей истории, ломку и перестройку основ прежнего образа жизни. Испания – страна, жители которой оценивают своё государство и самих себя ниже, чем опрошенные на предмет восприятия Испании и её уроженцев иностранцы [Королёва, 2017:48–49]. И даже само название своей родины авторы едва ли не всех упоминаемых в данной работе публикаций воспроизводят не как «Испания», а как «Испанское государство», т.е. в отстранённой форме, лишённой, как им представляется, связи с франкистским режимом, «злоупотреблявшим патриотизмом»...

Такое настойчивое желание нелицеприятно разбираться со своим прошлым и критически анализировать настоящее, включая и интересующую нас тему, оказывается весьма на руку внешнему наблюдателю, позволяя получить больше данных о характере и некоторых своеобразных чертах развития одного из перспективных направлений современной общественной науки – как оно видится действующим лицам этого процесса, т.е. самим испанским исследователям-антропологам (притом что виденье это зачастую существенно разнится).

Общим местом можно считать констатацию того обстоятельства, что развитие социальной и культурной антропологии в Испании началось позднее и вначале происходило медленнее, чем в наиболее развитых евро-

пейских странах, и что это ощутимо повлияло на последующую судьбу данной науки на испанской почве^{*}. При этом некоторые авторы считают исходной точкой «современной антропологии» в Испании выход в свет в 1954 г. монографии английского учёного Дж. Питт-Риверса (Pitt Rivers J.A. «The people of the Sierra») на основе его полевой работы в одном из андалузских селений, – на том основании, что это было первое антропологическое исследование Испании [*Sanz Abad*, 2011]. Однако те, кто ведёт отсчёт от начала институционализации антропологии (т.е. её становления как академической дисциплины, появления официально признанных исследовательских учреждений и стабильной системы подготовки специалистов данного профиля), относят «отправной период» развития испанской антропологии к более поздним годам – в частности к 1965-му, когда в Мадриде была открыта Школа антропологических исследований (*Escuela de Estudios Antropológicos*), под эгидой и при финансовом обеспечении Института культуры стран испанского языка (*Instituto de Cultura Hispánica*).

В этом новом учебном центре впервые среди других общественных дисциплин преподавались «Введение в социальную антропологию», «Социальная антропология Иберийского п-ова», «Методы и приёмы антропологического исследования» и «Полевая работа»; учебная программа включала обязательную полевую практику в сельской местности. Цель работы вновь созданного образовательного учреждения определялась как «подготовка специалистов в области физической и культурной антропологии». По позднейшему отзыву видного испанского учёного, Мадридская школа, просуществовавшая, впрочем, лишь три года, «была первоначальной кузницей кадров антропологов испаноязычного мира» [*Lisón Tolosana*]. При этом она не входила в систему высшего образования, в

^{*} Значение исследований, имевших антропологическую направленность и по преимуществу фольклорный характер, которые предпринимались испанскими авторами в предшествующие столетия, оценивается здесь по-разному, но в целом, насколько можно судить, имеется согласие относительно того, что между прежними ростками и очагами антропологической науки и её новым появлением в Испании во второй половине XX века наличествует глубокий разрыв, не позволяющий говорить о единой непрерывной традиции.

отличие от университетов, это было что-то вроде заведения по более глубокому ознакомлению с предметом и повышению квалификации для тех, кто уже имел диплом, но по какой-нибудь другой специальности.

Другой известный испанский антрополог вспоминает, что когда он в 1963 г., учась в Севильском университете, заинтересовался антропологией, «ещё никто не знал, что это такое» [Curto *et al.*, 2013]; крохотный её островок возник там в те годы в виде семинара по антропологии Америки на одном из факультетов – притом что первоначально едва ли не героические усилия нескольких энтузиастов из числа преподавателей и студентов, пытавшихся «застолбить» участок «университетского пространства» для антропологии, встречали самый настоящий бойкот со стороны академических властей. Ещё одним очагом зарождения испанской антропологии в новейшее время стала Барселона.

В целом же, как отмечают эксперты, хотя в 1967 г. в одном из испанских университетов и приступил к работе первый преподаватель антропологии («на условиях временного контракта», тогда как антропологии как специальности ещё не было) [Curto *et al.*, 2013], климат того времени, будь то в официальной науке или в образовании, не был благоприятен для неё, и те немногие, кто пытался работать в этой сфере, очень мало были связаны друг с другом и даже не всегда знали о деятельности своих коллег. Возможно, правы те, кто считает, что подлинная «академическая институционализация» антропологии началась лишь с 1970-х гг., когда она, наконец, стала включаться в перечень предметов, изучаемых в университетах [Jiménez de Madariaga, Checa y Olmos].

В следующем десятилетии продолжилось утверждение позиций антропологии как в академической сфере, так и в испанском обществе в целом, хотя для этого по-прежнему требовались – и прилагались – немалые усилия энтузиастов. Если до начала 1980-х гг. в стране имелось лишь несколько журналов антропологического профиля или хотя бы публиковавших статьи по антропологической тематике, то в названном десятилетии возникло целых 17 специализированных антропологических периодических изданий. Эксперты указывают на совпадение этого «журнального взрыва» с продолжающимся укреплением статуса антропологии в испан-

ских университетах и с появлением в это время антропологических ассоциаций и институтов, ставших средоточием антропологических изысканий и объединивших коллег, работающих по данной специальности в пределах тех или иных местностей и автономных регионов. Растущий интерес к антропологии отмечался и в деятельности всё большего количества музеев, фондов, научно-исследовательских центров и других структур и учреждений [*Jiménez de Madariaga, Checa y Olmos*].

В 1990-е гг. «антропологическая инфраструктура» в Испании продолжала интенсивно развиваться и расширяться, как бы навёрстывая своё запоздалое появление в научном, образовательном и общественном пространстве этой страны. Уже в начале десятилетия в различных испанских университетах работало более двухсот преподавателей антропологии. Функционировало восемь профессиональных антропологических ассоциаций, главным образом созданных по географическому принципу.

В постфранкистской Испании было введено подразделение территории на автономные регионы; соответственно, вся научно-исследовательская и полевая работа в значительной степени концентрировалась в пределах «своего» региона и на сюжетах, связанных с его культурно-исторической спецификой. Однако уже тогда некоторые, как правило более молодые, исследователи проявляли тягу к преодолению местных тематических и пространственных рубежей, следствием чего стало участие испанских учёных в экспедиционных поездках в Северную и Тропическую Африку, в Южную Америку и т.д. Всё более активно использовались вновь появившиеся возможности в сфере информационных технологий. Так, в 1996 г. возникло одно из наиболее известных и влиятельных на сегодняшний день антропологических объединений – АИБР* сначала в виде интернет-портала «Уголок антрополога» (*El Rincón del Antropólogo*), который стал одним из первых антропологических порталов на испанском языке.

* АИБР – Asociación de Antropólogos Iberoamericanos en Red – Сетевая ассоциация иberoамериканских антропологов.

Оценивая процесс развития антропологии как академической дисциплины к концу XX столетия, видный испанский учёный Кармело Лисон Толосана (Carmelo Lisón Tolosana), которого нередко называют в числе основоположников или по крайней мере организаторов становления современной антропологии в Испании, самокритично признал в одном из своих выступлений перед зарубежными коллегами, что «при столь быстром становлении академической науки», как в случае с антропологией в Испании новейшего времени, конечно же, «в какой-то степени присутствовали любительство, карьеризм, диковатость, сумбур и экзотичность – но решимость и профессионализм немногих вкупе с благоприятными внешними обстоятельствами... имели результатом не только академическую институционализацию дисциплины, но и её постепенную научную консолидацию» [*Lisón Tolosana*].

Как бы то ни было, в целом деятельность испанских учёных в начальный период становления современной испанской антропологии (иногда его называют «возрождением», желая напомнить об исследованиях, которые проводились в стране в предыдущие века) во многом заложила те параметры и направления, по которым эта наука продолжает развиваться уже в текущем столетии, наметила тенденции, которые действуют и теперь, и наблюдение за которыми позволяет составить представление о развитии антропологии в Испании в последние десятилетия.

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты этого сложного и многогранного процесса, связанные с антропологическим образованием, с организационными структурами, в рамках которых осуществляется и координируется профессиональная деятельность испанских антропологов, с состоянием дел в антропологической периодике, с осмыслением нашими испанскими коллегами места и роли своей специальности в науке и в общественной жизни, с тематикой их исследовательской и прикладной деятельности. В то же время ход и результаты самого научного поиска, движение теоретической мысли, пункты расхождений и темы дискуссий в среде испанских исследователей остаются за пределами представленной работы – в силу необъятности материала этого рода, требующего специального анализа по конкретным направлениям.

АНТРОПОЛОГИЯ В ИСПАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Если в конце 1960-х гг. количество курсов по антропологии, читаемых в немногих испанских университетах, можно было буквально перечесть по пальцам, то в следующие десятилетия её в качестве предмета стали всё чаще включать в университетское обучение по другим специальностям, а с 1992 г. антропология, наконец, получает статус особой специальности, но при этом её вводят как «лиценциатуру (подготовку дипломированных специалистов. – *А.К.*) второго цикла», – т.е. на неё отводится только два года обучения, в отличие от 4–5 лет, в течение которых готовят дипломников по другим общественным наукам. Такое различие во времени, потраченном на образование, отражалось как на профессиональных качествах выпускников, так и на меньшем спросе на них на рынке труда. Но именно в данном формате, предполагавшем обретение степеней лиценциата (ныне бакалавра) и доктора (ныне магистра), получили образование первые в стране поколения дипломированных специалистов по антропологии [*Asociación*].

Однако и эти достижения дисциплины оказались под угрозой в связи с начавшейся вскоре кампанией по адаптации Испании к Европейскому пространству высшего образования (т.н. Болонский проект). Возникла опасность того, что в новой системе антропология не получит своего места в ряду специальностей по диплому и будет отодвинута на следующий уровень – постдипломного образования (аспирантуры), что существенно снизит уровень подготовки антропологов в сравнении с представителями других общественных наук. Потребовались целенаправленные, энергичные и весьма хлопотные усилия большого числа представителей профессуры – прежде всего из тех университетов, где уже обучали специалистов-антропологов в рамках прежней системы, – чтобы добиться наконец полноправного включения антропологии в качестве одной из дисциплин в новый формат высшего образования. Этот процесс, начавшийся в 2003 г., растянулся на несколько лет.

В итоге образовательно-квалификационная степень (*grado*) по социальной и культурной антропологии была официально утверждена в Испании, в соответствии с директивами Европейского пространства высшего образования, в 2009/2010 учебном году, что позволило установить соответ-

ствие между местным антропологическим образованием и тем, которое было принято в большинстве остальных европейских стран. В разработке, адаптации и внедрении новой образовательной модели ключевую роль сыграл Государственный комитет по образованию в области антропологии^{*}, созданный в 2004 г. именно с этими целями и включавший представителей 13 университетов и президента Федерации антропологических ассоциаций Испанского государства^{**}. А организованная тремя годами позже Комиссия по профессионализации в области антропологии^{***}, состоящая из делегатов университетов и антропологических ассоциаций, занялась анализом трудоустройства и «утечки мозгов» в среде дипломированных специалистов-антропологов, а также обеспечением их адекватного образования в рамках вновь принятого формата (с целью повышения профессиональной квалификации). Члены Комиссии подготовили «Справку о профессиональной занятости дипломированных специалистов по антропологии в Испании», для чего провели многочисленные консультации с антропологами, работающими в Испании и за её пределами, а также с работодателями, – на предмет знаний, навыков и компетенций, необходимых в данной профессиональной деятельности, с рекомендацией включить их в программу обучения. Прежде всего авторы указывали на необходимость придавать большее значение прикладным аспектам обучения, включить в систему подготовки практику на предприятиях и в учреждениях, активнее использовать в образовании новые технологии, методы и приёмы социально-культурных исследований [Rivas Rivas, 2016].

В результате в большинстве университетов учебные планы по специальности «антропология» пополнились курсами прикладной антропологии в применении к тем сферам общественной жизни и деятельности, где присутствует культурное многообразие и требуется адекватное этому администрирование. Соответственно речь идёт о всевозможных учреждениях государственной, региональной и местной власти, культуры, образования,

^{*} Comisión Estatal del Grado en Antropología – CEGA.

^{**} Federación de Asociaciones de Antropología del Estado Español – FAAEE.

^{***} Comisión de Profesionalización de la Antropología – CPA.

здравоохранения и пр., которых со временем становится всё больше, и именно здесь занято значительное число дипломированных антропологов.

Равным образом в университетскую подготовку будущих специалистов вошла обязательная практика в государственных или частных учреждениях (во втором семестре четвёртого – последнего – года обучения). Это позволяет студентам, под контролем своих преподавателей, на деле применить знания, полученные на вузовской скамье, и дополнить их реальным опытом, а принимающей стороне – оценить их профессиональные и личностные качества как потенциальных сотрудников. При этом каких-либо обязательств по части последующего найма соглашения об «образовательной кооперации» между университетами и учреждениями, где проходит практика, не содержит.

Что же касается заданий, которые предлагаются студентам на практике, то они крайне разнообразны и зависят от профиля принимающего заведения. Это может быть написание исследовательских проектов, составление инструкций для полевых наблюдений и сами поисковые действия, подготовка и проведение интервью, организация дискуссионных групп, качественный анализ материалов соцопросов, оценка и мониторинг конкретных ситуаций, работа с документами для выяснения истории и состояния рассматриваемого вопроса, применение в ходе исследований аудиовизуальных средств и новых технологий – и т.д., и т.п.

В настоящее время преподавание социальной и культурной антропологии как специальности ведётся в большинстве государственных университетов*, в одних – в форме очного обучения (Мадридский университет Комплутенсе, университеты Барселоны, Страны Басков, Севильи и др.), в других – обучения заочного (Университет Rovira i Virgili в Таррагоне и др.), в третьих – дистанционного (Национальный университет дистанционного образования). В тех же вузах, где нет подготовки по специальности «антропология», она преподаётся как предмет в рамках базового образования по другим специальностям, как это имеет место в случаях с университетами Ла-

* В Испании – несколько десятков университетов. Ассоциация под названием Конференция испанских ректоров (CRUE), представляющая высшие учебные заведения этого типа в их отношениях с властями, насчитывает 50 государственных университетов и 26 частных.

Коруны (специальность «гуманитарные науки»), Сантьяго-де-Компостелы (специальности «науки о культуре и распространение культуры» и «общественное образование»), Валенсии (специальность «социология»), Уэльвы (специальности «управление культурой», «гуманитарные науки» и «история»), Хаэна (специальность «общественная работа») и пр. [Rivas Rivas, 2016].

После принятия испанскими университетами новой европейской системы высшего образования (Болонского проекта) степени обучения по специальностям стали подразделяться на *grados* (бакалавриат), *másteres oficiales* (магистратура) и *doctorados* (аспирантура/докторантура). При этом Испания избрала модель 4+1, т.е. четыре года на бакалавриат и ещё один год на магистратуру.

На стадии магистратуры осуществляется более направленная специализация в рамках будущей профессии, с использованием соответствующей внеучебной практики, тогда как обучение в докторантуре предполагает варианты: от «однородной» докторантуры «Социальная и культурная антропология» в Автономном университете Барселоны до междисциплинарных программ, включающих специфические исследовательские линии антропологического характера, как это имеет место в Мадридском университете Комплутенсе, где есть докторантура «Социология и антропология», в Барселонском университете с докторантурой «Общество и культура: история, антропология, искусство, культурное наследие и управление культурой/ культурный менеджмент», – или же, наконец, в Национальном университете дистанционного образования, с его докторантурой «Разнообразие, субъективность и социализация. Исследования по социальной антропологии, истории психологии и образования» [Rivas Rivas, 2016].

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПАНСКИХ АНТРОПОЛОГОВ

Существующая сегодня Ассоциация антропологии Испанского государства*, претендующая на то, чтобы представлять всех, кто работает в сфе-

* Asociación de Antropología del Estado Español – ASAE.

ре данной дисциплины, а также тех, кто ещё только изучает её или активно ею интересуется, была создана 16 октября 2017 г., «после трёх лет совещаний и организационных мероприятий, всевозможных хлопот и бюрократических процедур», и стала преемницей другой общеиспанской профессиональной организации – Федерации антропологических ассоциаций Испанского государства*, которая перед тем на протяжении более тридцати лет играла роль связующего органа, информационного и координационного центра для возникавших одна за другой региональных антропологических ассоциаций. Но тенденция к сплочению усилий представителей данного научного цеха проявилась здесь ещё до создания Федерации. В 1973 г. в Севилье прошло Первое совещание испанских антропологов, организованное Севильским университетом, а год спустя состоялось Второе совещание – теперь уже в Сеговии, под эгидой Мадридского университета Комплутенсе.

В 1977 г. Отделение культурной антропологии Университета Барселоны выступило организатором Первого испанского антропологического конгресса, в рамках которого было заявлено шесть симпозиумов. На Втором антропологическом конгрессе в 1981 г. в Мадриде уже активно обсуждалось создание механизма, который бы способствовал улучшению взаимосвязи имевшихся на тот момент антропологических ассоциаций и появлению новых – в тех областях страны, где их тогда ещё не было. Дискуссии продолжались на Третьем конгрессе в Сан-Себастьяне (1984 г.) и завершились на Четвёртом в Аликанте (1987 г.), когда и было наконец заявлено об официальном рождении новой Федерации, одной из основных функций которой стала организация каждые три года общеиспанских антропологических конгрессов на основе ротации, т.е. последовательного возложения обязанностей принимающей стороны на региональные ассоциации, вошедшие в Федерацию [*Asociación*].

Принятое правило неукоснительно соблюдалось вплоть до XIV Конгресса, состоявшегося в Валенсии в 2017 г. и привлёкшего более 600 участ-

* Federación de Asociaciones de Antropología del Estado Español – FAAEE.

ников, обсуждавших волнующие их проблемы в рамках 26 симпозиумов [*XIV Congreso*, 2017]. Это собрание, однако, оказалось последним в деятельности FААЕЕ, чьё место заняла вновь созданная АSАЕЕ, которая по мысли её инициаторов должна стать основным центром организации, сплочения и руководства для всех структур, учреждений и объединений антропологического профиля в пределах Испании, а также главным их представителем и посредником во взаимодействии с административно-политическими инстанциями. Следующий XV антропологический конгресс – уже под эгидой АSАЕЕ – должен состояться, в соответствии с неизменной традицией, в Мадриде в 2020 г.

Если FААЕЕ в своей деятельности ориентировалась главным образом на территориальные антропологические ассоциации, то АSАЕЕ исходно объявила о том, что рассчитывает объединить в своём составе:

а) антропологические ассоциации (как территориальные, так и объединяющие приверженцев определённого тематического направления или методологического аспекта науки);

б) отделения государственных и частных университетов, где ведётся обучение антропологии, по окончании которого официально присваиваются различные степени того или иного уровня (лиценциатура, бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура); сюда же относятся и иные формально признанные центры, осуществляющие учебную и исследовательскую деятельность антропологического характера;

в) всевозможные государственные и частные учреждения (музеи и пр.), в деятельности которых есть антропологическая составляющая;

г) исследовательские группы, работающие в области антропологии;

д) отдельных людей (как работающих в данной дисциплине, так и изучающих её), а также представителей других общественных наук, интересующихся антропологией [*Asociación*].

Характер и темпы организационного развития антропологии в Испании можно наблюдать на примере упоминавшейся выше Сетевой ассоциации ибероамериканских антропологов (AIBR). Возникшая в 1996 г., получившая официальный статус в 2002 г. и выпускающая с 2001 г. свой еже-

квартальный бюллетень (в печатном и электронном виде), она собрала свой собственный Первый международный антропологический конгресс («Человек: культуры, происхождение и судьбы») лишь в июле 2015 г. На это мероприятие в Мадрид съехались 832 участника, которые распределились по 140 тематическим панелям [AIBR, 2015].

Второй международный конгресс этой ассоциации состоялся уже в следующем, 2016 г., в Барселоне. Он назывался «Идентичность: мосты, пороги и стены» и привлёк более 900 участников из 40 стран. В отчётах отмечалось, что, помимо 147 тематических панелей, в рамках собрания прошли ещё дискуссионные столы, различные культурные мероприятия, презентации книг, просмотр документальных фильмов и многие другие акции, призванные установить и укрепить связи между коллегами, разброшенными по стране и миру [*II Congreso*, 2016].

Не заставил себя ждать и Третий конгресс, который был организован в 2017 г. в Пуэрто-Вальярта (Мексика) под названием «Путешествия, передвижения, перемещения». Сразу по окончании его началась подготовка Четвёртого, местом проведения которого была избрана испанская Гранада, временем – сентябрь 2018 г., а темой – «Встречи, диалоги и повествования "Юга"».

Сетевая ассоциация ибероамериканских антропологов (AIBR) позиционирует себя как частную и независимую инициативу, не связанную ни с какими политическими, идеологическими или религиозными направлениями общественной жизни и не приписанную организационно ни к какому университетскому центру, учреждению или академии. В качестве источников её финансирования называются оплата выполняемых в её рамках проектов и ежегодные членские взносы. Организация готова принять в свои ряды любого, кто разделяет её уставные цели, состоящие прежде всего в научных исследованиях, пропаганде антропологических знаний и научных достижений, в стимулировании связей, контактов и кооперации внутри антропологического сообщества, а также связей с дисциплинами, близкими по профилю, как в самой Испании, так и за рубежом.

ИСПАНСКИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

Одним из важных аспектов интересующей нас темы является положение дел с изданием здесь журналов по антропологии – ведь трудно не согласиться с тем, что периодические издания обеспечивают само существование любого научного сообщества, выступая в качестве совершенно необходимых средств информирования как можно большего числа адептов о деятельности их коллег и получаемых ими результатах, которые затем обсуждаются в среде специалистов. Испания в этой сфере – как, впрочем, и во всех остальных – имеет свою специфику.

На страницах одного из известных антропологических журналов двое испанских исследователей, преподавателей антропологии в университетах Андалузии, несколько лет назад опубликовали интересные данные на этот счёт. Прежде всего они указывают на тот факт, что многие из появившихся в Испании антропологических журналов затем прекратили своё существование: некоторые – уже через несколько номеров, другие – продержавшись сколько-то лет. Главными причинами этого печального обстоятельства авторы, знакомые с ситуацией не понаслышке, называют нехватку денежных средств, слабую поддержку со стороны официальных структур и учреждений и, наконец, наступающую рано или поздно прозаическую усталость тех людей (редакторов и издателей), кто, собственно, и занимается выпуском журнала и чья огромная работа, как правило, практически полностью зиждется на энтузиазме и альтруизме [*Jiménez de Madariaga, Checa y Olmos*].

Примечательно, что трудности этого рода видятся экспертам как привычные и неизбежные, а то и неустранимые при сохранении прежнего положения дел, ведь надеяться на окупаемость издательских расходов за счёт подписки и розничной продажи не приходится: число антропологов в стране всё ещё относительно невелико, а популярность в испанской интеллектуальной среде антропологической проблематики по-прежнему слишком слаба, чтобы стимулировать потенциальных инвесторов и спонсоров к поддержке не особенно понятных им начинаний, не сулящих ощутимой прибыли.

Раз за разом и год за годом воспроизводится модель, по которой очередной антропологический журнал возникает по инициативе одного человека или небольшой группы единомышленников, вся огромная организационная и редакционная работа ложится на плечи этих людей и целиком обеспечивается исключительно их волей и упорством, – которые, увы, не беспредельны. К тому же самые добрые намерения инициаторов предприятия, как правило, не спасают их от ошибок и неудач в требующей большой искущённости издательской и редакционной практике; среди такого рода недостатков, оказывающихся в итоге фатальными для нового издания, комментаторы называют неудачный отбор публикуемых материалов, недостаточный контроль за их качеством, их тематическую разнородность, нарушение исходно заявленной регулярности выпусков и т.д. [*Jiménez de Madariaga, Checa y Olmos*].

Те, относительно немногие журналы по антропологии, которые сумели к началу 2010-х гг. выстоять в не самых благоприятных обстоятельствах, продолжали, по сообщениям экспертов, испытывать большие трудности, связанные теперь ещё и с соблюдением требований международной аккредитации, наличие которой подразумевает более высокий престиж, лучшие возможности для увеличения влияния журнала и его распространения. При этом условия, в которых находятся в Испании антропологические журналы, характеризуются как значительно худшие по сравнению с периодикой других научных дисциплин – прежде всего в отношении поддержки со стороны официальных учреждений.

Неизбежным итогом такого развития ситуации здешние эксперты считают малое количество хороших антропологических журналов, что, по их убеждению, является большой помехой для исследовательской деятельности испанских антропологов. Вместе с тем комментаторам внушает определённый оптимизм происходящая «революция» в сфере информационных технологий: они считают, что многие из прежних издательских трудностей преодолеваются путём создания электронных журналов или переходом из традиционного формата в цифровой; во многих случаях интернет-версия того или иного журнала по антропологии продолжает сосуществовать с печатной. Утверждается, что новые возможности, предоставленные

интернетом, увеличили количество периодических изданий антропологического характера и заметно улучшили их качество [*Jiménez de Madariaga, Checa y Olmos*].

Приводить в данной статье названия многих десятков антропологических журналов, увидевших свет в Испании в последние десятилетия, и проследить их последующую судьбу не представляется целесообразным, но несколько типичных конкретных примеров могут послужить иллюстрацией к сказанному выше.

«Старейшиной» среди испанских периодических изданий по социальной и культурной антропологии здесь называют возникший в 1940-е гг. и единственный из немногих журналов того времени, которому удалось дожить до начала текущего десятилетия, – «*Revista de Dialectología y Tradiciones Populares*» (Журнал по диалектологии и народным традициям), выходящий под эгидой государственного Высшего совета по научным исследованиям*. Следом по времени возникновения идут «*Revista Española de Antropología Americana*», основанный (первоначально под другим названием) в рамках Мадридского университета Комплутенсе в 1952 г., и «*Cuadernos de Etnología y Etnografía de Navarra*» (с 1969 г.), издаваемый при поддержке администрации провинции Наварра (в дальнейшем – её автономного правительства). А вот созданные в начале 1970-х гг. и получившие было определённую известность журналы «*Cuadernos de Antropología Social y Etnología*» (Материалы по социальной антропологии и этнологии) в Университете Комплутенсе и «*Ethnica. Revista de Antropología*» (Этника. Журнал по антропологии) в барселонском Центре этнологии <Пиренейского> п-ова** продержались, соответственно, с 1970-го по 1974 г. и с 1971-го по 1984 г.

Немало было и других многообещающих инициатив, раньше или позже становившихся жертвами критически значимых обстоятельств, причём дело не всегда оборачивалось окончательным завершением проекта, но, например, разрывом преемственности или изменением названия. Так,

* Consejo Superior de Investigaciones Científicas – CSIC

** Centro de Etnología Peninsular del – CSIC.

первый номер издания «*Anales del Museo del Pueblo Español*» (Анналы Музея испанского народа) вышел в 1935 г., второй – в 1988 г., затем было издано ещё шесть номеров журнала, после чего в 1993 г. в связи с реорганизацией выпускающего его музея он был переименован в «*Nos-Otros, Anales del Museo Nacional de Antropología*» (Мы – Другие. Анналы Национального музея антропологии) и продолжал ежегодно выходить под новым названием с 1994 г. по 2002 г. А барселонский журнал «*Anthropologica. Revista de Antropología Filosófica*» (Антропологика. Журнал по философской антропологии), выходявший в 1973–1977 гг., после нескольких лет перерыва возродился уже в преобразованном виде, как «*Anthropologica: Revista de Etnopsicología y Etnopsiquiatría*» (Антропологика: журнал по этнопсихологии и этнопсихиатрии), и просуществовал с 1987 г. по 2000 г. Наконец, журнал «*Narría. Estudios de artes y costumbres populares*» (Повозка. Изучение народного творчества и обычаев), издававшийся с 1975 г. Автономным университетом Мадрида и Музеем традиций и народного творчества, продолжался до 2008 г., когда увидел свет его последний, 124-й выпуск.

Гораздо более коротким оказался век основанного сотрудниками Отделения культурной антропологии Барселонского университета ежегодника «*Comentaris d'Antropologia Cultural*» (Заметки по культурной антропологии) (1979–1984 гг.), «скончавшегося» после выхода шести «очень неравноценных номеров» [*Jiménez de Madariaga, Checa y Olmos*].

С течением лет количество возникающих антропологических журналов продолжало нарастать (хотя и неравномерно, так сказать «всплесками», перемежающимися долгими паузами), а к влияющим на их выпуск обстоятельствам добавлялись новые, отражавшие общественные изменения. К примеру, появившаяся в 1980 г. «*Etnografía española*» (Испанская этнография) стала первым подобного рода журналом, издаваемым Министерством культуры Испании, что, однако, не спасло его от закрытия в 1995 г., когда вышел из печати последний из его девяти нерегулярно появлявшихся номеров. А вот его каталонский ровесник «*Quaderns de l'Institut Català d'Antropologia*» (Материалы Каталонского института антропологии) существует и в настоящее время, в т.ч., по-видимому, и потому,

что в 2003 г. он сменил прежний формат на электронный и окончательно утвердился в ежегодном (а не семестровом, как было задумано вначале) регламенте выхода в свет.

Довольно известный среди ныне функционирующих периодических испанских изданий по антропологической тематике журнал «Gazeta de Antropología» (Ведомости антропологии) был основан по инициативе Гранадской антропологической ассоциации^{*} в 1982 г. Но вот появившемуся тогда же под эгидой Мадридской антропологической ассоциации журналу «Alcaveras. Revista de Antropología»^{**} (Журнал по антропологии) было суждено дожить только до 1987 г.

И так по всей стране. В центре и на периферии один за другим возникали антропологические журналы, но очень неравномерно: больше всего их было в Мадриде, Каталонии, Андалузии и Стране Басков. По разным причинам далеко не все они сумели удержаться на плаву вплоть до нашего времени, причём закрывались как столичные, так и региональные (каталонские, канарские, галисийские, арагонские и проч.) журналы. Им на смену там же или в других местах, раньше или позже, неизменно появлялись новые, подчас столь же недолговечные, но иногда закреплявшиеся более основательно. Среди сошедших со сцены изданий были весьма многообещающие, успевшие получить признание «цехового сообщества», такие, например, как мадридский журнал «Antropología. Revista de Pensamiento Antropológico y Estudios Etnográficos» (Антропология. Журнал антропологической мысли и этнографических исследований), созданный усилиями энтузиастов из т.н. Grupo Antropología (14 номеров с 1991-го по 1998 г.). Зато астурийский ежегодник «Cultures. Revista Asturiana de Cultura» (Культуры. Астурийский журнал по культуре) (16 номеров с 1991-го по 2010 г.), печатающийся под эгидой Академии астурийского языка^{***}, как и родившийся в том же 1991 г. на базе Отделения социальной антропологии всё того же Мадридского Комплутенсе ежегодник «Revista de Antropología

^{*} Asociación Granadina de Antropología

^{**} *Алькаверас* от Алькавера (староисп.) – племя, род, семья.

^{***} Academia de la Llingua Asturiana

Social» (Журнал по социальной антропологии) – благополучно существуют и поныне.

К созданию и поддержке антропологических журналов стали всё чаще подключаться, помимо университетов, музеев и других научных учреждений, местные, т.е. региональные и провинциальные властные структуры, вроде Провинциальной администрации Гранады – «Fundamentos de Antropología» (Основы антропологии), Департамента культуры при правительстве Каталонии – «Revista d'Etnología de Catalunya» (Журнал по этнологии Каталонии), Форальной автономной администрации Бискайи – «Kobie. Antropología cultural» (Пещера. Культурная антропология) и мн. др. [Jiménez de Madariaga, Checa y Olmos]. Особо отмечается важная роль, которую играют в публикации антропологических материалов и, соответственно, популяризации их в испанском обществе региональные журналы междисциплинарного характера, такие, как «El Vigía de Tierra» (Часовой Земли) в Мелилье, «Arxius de Sociología» (Архивы социологии) в Валенсии и пр.

На рубеже XX–XXI столетий в сфере издания периодики стал всё более уверенно утверждаться цифровой формат. Среди наиболее известных испанских антропологических журналов, сразу же воспринявших новые реалии и взявших их на вооружение, оказались, в числе прочих, «Revista de Dialectología y Tradiciones Populares», «Revista Española de Antropología Americana», «Cuadernos de Etnología y Etnografía de Navarra», «Quaderns de l'Institut Català d' Antropologia», «Gazeta de Antropologia», «Arxiu d'Etnografia de Catalunya», «Revista d'Antropologia Social» и «Revista d'Etnologia de Catalunya». Между тем, продолжали появляться и требовательно заявлять о себе всё новые журналы, как правило претендующие на новый взгляд на антропологическую проблематику и новые подходы к её решению. В 2000 г. начинает издаваться один из наиболее распространяемых сейчас журналов – «Aibr. Revista de Antropologia Iberoamericana» (журнал Сетевой ассоциации ибероамериканских антропологов)*, имеющий две версии: электронную и печатную. С 2001 г. Отделение антропологии, географии и истории уни-

* Asociación de Antropólogos Iberoamericanos en Red – AIBR.

верситета Хаэна (Андалузия) начинает публикацию ежегодного журнала «Revista de Antropología Experimental».

Журнал «Perifèria» был создан в 2004 г. в недрах Отделения социальной и культурной антропологии Автономного университета Барселоны, а четыре года спустя при Отделении культурной антропологии и истории Америки и Африки уже Барселонского университета был запущен журнал «(Con)textos: Revista d'antropologia i investigació social» (Кон(тексты): журнал по антропологии и социальным исследованиям). Журнал «Revista Valenciana d'Etnologia» родился в 2006 г. под эгидой Валенсийского музея этнологии*. Ассоциация профессиональных антропологов Эстремадуры инициировала с 2010 г. выход в свет издания «ETNICEX. Revista de Estudios Etnográficos», имевшего целью «собрать на своих страницах статьи, материалы, документы и новости по социальной антропологии, этнографии, культурному наследию, изучению традиционной и народной культуры, имеющие отношение к Эстремадуре, Испании и Португалии, Европе и Иberoамерике». В 2011 г. появился журнал «Revista Andaluza de Antropología», выпускаемый Андалузской антропологической ассоциацией и имеющий программный приоритет для материалов по т.н. «антропологиям Юга» (Antropologías del Sur) – и т.д., и т.п. [Jiménez de Madariaga, Checa y Olmos, URL]. Общий список периодических изданий по антропологии, возникших в Испании в конце прошлого – начале нынешнего веков, включающий и те из них, что прекратили своё существование, и те, что выходят в настоящее время, насчитывает многие десятки названий и продолжает пополняться.

В завершение «журнального» сюжета хотелось бы несколько подробнее остановиться на судьбе одного из упомянутых выше изданий, т.к. это позволяет лучше понять рассматриваемую ситуацию и её эволюцию во времени.

В 1982 г. в Гранаде группа друзей и единомышленников, интересующихся социальной антропологией (среди них был преподаватель местного университета), создала Гранадскую антропологическую ассоциацию,

* Museu Valencià d'Etnologia.

начавшую публиковать свой бюллетень – «Gazeta de Antropología». Возникшая организация и её печатный орган стали подлинным центром становления антропологии в провинции Гранада, где до той поры имелись лишь слабые ростки этой науки. Начались системные этнографические исследования местных особенностей и традиций, появились свежие методические и концептуальные разработки – и вся эта затратная во всех отношениях деятельность требовала не просто энтузиазма, но подлинной страсти исполнителей, поскольку осуществлялась, согласно исходному замыслу участников, без какой-либо поддержки со стороны официальных учреждений.

Принципиальный курс на независимость ожидаемо обрёл группу на большие трудности. В редакционной статье двенадцатого номера (1996 г.) можно прочесть довольно драматичное и эмоциональное признание того, что уже опубликованные номера журнала вышли в свет исключительно благодаря добровольным усилиям и целеустремлённости небольшой группы людей, их готовности добиваться сотрудничества потенциальных авторов статей, выпрашивать финансирование и выполнять самим всю работу по изданию и распространению своего печатного детища.

Удивительно, однако, что в данном случае долговременная маргинальность не привела к гибели смелого начинания, ассоциация и журнал при ней стали своего рода «оазисом в пустыне», под сенью которого действовали семинар по антропологии и ряд исследовательских групп, был проведён антропологический конгресс и организовано несколько циклов выступлений видных испанских и зарубежных учёных. Результатом прежде всего именно этой активной и многосторонней деятельности здесь считают введение в Гранадском университете в 1997 г. специальности по социальной и культурной антропологии.

А перевод журнала в киберпространство (одним из первых, в 1998 г.) не только сделал его более привлекательным, но и дал «возможность доступа к нему любого человека на планете». Например, по данным на конец 2012 г. на сайт журнала заходило до 700 человек в день, а всего к тому моменту было зафиксировано 3,5 млн. его посещений, причём более половины – из-за границы, из 60 с лишним стран [*Jiménez de Madariaga, Checa y Olmos*, URL].

ТЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ ИСПАНСКИХ АНТРОПОЛОГОВ

Направленность исследовательских усилий научных коллективов, работающих в области социальной и культурной антропологии на территории Испании, со временем менялась, и весьма основательно. В самом начале, в 1950–60-е гг., поиск вели учёные, как правило получившие образование в Великобритании и США, следовавшие в массе своей структурно-функционалистскому подходу, доминировавшему в то время, и обычно практиковавшие долговременное изучение той или иной сельской общины, как правило довольно изолированной. С конца 1970-х гг. внимание антропологов стало всё больше перемещаться на общности, которые рассматривались как исторически маргинальные относительно большинства местного населения. В испанском случае это были группы, издавна отличавшиеся особенностями хозяйства, культуры, образа жизни, происхождением и т.д. (цыгане, аготы, пасьегос, чуэты и др.; существовала даже традиция обозначать их как «проклятые народы» / «*pueblos malditos*»). Одновременно с изучением разных форм историко-культурной «инаковости» продолжалось исследование крестьянства, но теперь уже с упором на происходившие тогда в испанской деревне социально-экономические трансформации.

Коренные перемены во внутренней жизни Испании в связи с крушением авторитарного режима прямо или опосредованно затронули и ситуацию с антропологией. Децентрализация управления университетами облегчила повсеместное открытие в них отделений по изучению этой науки. К слову сказать, именно в эти годы в среде деятелей антропологии развернулась критика тех структурно-функциональных постулатов, на которых строились прежние исследования. А широкая политико-административная децентрализация («автономизация») страны резко усилила интерес к идентичности (прежде всего, конечно, региональной) и связанной с ней тематике: народной культуре, фольклору и особенно празднику как механизму социально-культурного сплочения и укрепления самобытности, особого самосознания жителей той или иной местности [*Sanz Abad*].

Многokратно возросшее внимание к проблематике идентичности имело следствием ощутимое смещение поисковых усилий с привычного сельского

мира в сторону городского, урбанистического, включая его периферию. С конца 1980-х гг. начинается разработка практически не исследовавшихся прежде вопросов, связанных с социальной и профессиональной адаптацией, «субкультурами бедности», новой иммиграцией, с группами, отторгаемыми обществом вследствие их маргинальности (наркоманами, гомосексуалистами и пр.) – и многих других. А в 1990-е гг. неуклонно растущее число всё новых тематических направлений в антропологии сделалось уже столь велико, что выделить среди них какое-то одно преобладающее стало затруднительно. Появились антропология возраста и антропология предпринимательства, предметом научных исследований выступали гендер, здоровье, медицина, питание, спорт, рыболовство, туризм, образование, культурное наследие, кинематограф – и бессчётное количество всевозможных иных тем и сюжетов. Эта пёстрая, многоцветная и обширная «тематическая картина» в последующие десятилетия, т.е. уже в XXI веке, лишь разрасталась и обогащалась новыми красками.

При этом значительная часть антропологических изысканий в Испании к началу 2010-х гг. осуществлялась силами многочисленных исследовательских групп, рассеянных по всей территории страны и объединявших как коллег по какому-либо учреждению или учебному заведению, так и работников разных структур, объединённых общими интересами. И всё же чаще всего организационным центром такого научного коллектива выступал местный университет, точнее, имевшееся в его составе подразделение антропологического профиля, чем и объяснялась весьма значительная неравномерность в числе, да и в самом наличии подобных групп в пределах Испании. Большой перевес наблюдался в пользу Мадрида, Каталонии и Андалузии, которые далеко опережали все остальные области страны, поскольку антропология изучалась там в наибольшем количестве университетов, располагавших стабильными учебными программами по данной специальности. Что же касается «смешанных» исследовательских коллективов, включавших представителей других дисциплин или даже разных университетов, то они представляли собой скорее исключение из правила [*Sanz Abad, 2011*].

Вместе с тем действовали, хотя и с разной степенью активности, поисковые группы, созданные под эгидой региональных антропологических ассоциаций или же возникшие в музеях и некоторых других учреждениях как центрального, так и регионального подчинения.

Относительно немногочисленными и маловлиятельными оставались сетевые формы научной координации, объединявшие учёных-антропологов с разными тематическими интересами.

Конкретные примеры названий и деятельности всего нескольких из многих десятков испанских научно-поисковых групп позволяют лучше представить ситуацию с направленностью антропологических исследований, какой она была здесь всего несколько лет назад, – притом что нет оснований предполагать какие-либо качественные её изменения к настоящему моменту. Так вот, среди постоянных поисковых коллективов, работающих на местном антропологическом поле, имеются, в частности, такие, которые сознательно отказываются от того, чтобы сосредоточиться на какой-то одной проблеме, и принципиально ориентируются на самый широкий тематический спектр. Среди них – «Grup d'Antropologia Social» (Группа социальной антропологии) на базе Отделения антропологии, философии и общественного труда Валенсийского университета, преподаватели которого и составляют большинство из четырёх десятков членов коллектива. Как сообщается, тематика исследований данной группы включает процессы метрополизации и регионализации, изучение мультикультурности, миграционных процессов, инноваций в сфере социальных и семейных норм, проблем здравоохранения и многие другие сюжеты.

К широкой тематике тяготеют и коллеги валенсийцев из андалузийской научно-поисковой группы «Transformaciones Socioculturales en Andalucía y América Latina» (Социокультурные трансформации в Андалузии и Латинской Америке), базирующейся в Севильском университете, хотя особенно большое внимание они уделяют современным процессам самоидентификации, для чего исследуют социально-религиозные, этнические и политические движения не только в Андалузии, но ещё в Центральной Америке и Мексике.

Другие сотрудники того же Севильского университета проводят антропологические изыскания в рамках созданных ими и уже более целенаправленно действующих поисковых коллективов «Grupo para el Estudio de las Identidades Socioculturales en Andalucía (Geisa)» (Группа по изучению социокультурных идентичностей в Андалузии), «Grupo de Investigación y Estudios sobre la Religión en Andalucía» (Исследовательская группа по изучению религии в Андалузии), «Grupo de Etnografía y Mediaciones de Comunicación y Desarrollo (Etnomedia-CD)» (Группа, занимающаяся проблемами этнографии и посредничества в сфере коммуникаций и развития) и «Grupo sobre Patrimonio Etnológico, Recursos Socio-Económicos y Simbolismo» (Группа, работающая в сферах этнологического достояния, социоэкономических ресурсов и символики).

Галисийские исследователи из группы «Antropología», связанной с Отделением социальной антропологии университета г. Сантьяго-де-Компостела, сосредоточили своё внимание на взаимосвязи культурного наследия, туризма и регионального развития, имея основной целью выявление факторов роста для местной экономики и укрепление областной самобытности. Каталонские учёные из Университета Барселоны, собравшиеся в «Группе по изучению семьи и родства»^{*}, как сообщается, занимаются проблемами преемственности и изменений в моделях семьи и отношений родства в аспектах воспроизводства потомства, норм и практики наследования, семейной политики, социальных и экономических функций семьи, а также исследуют социокультурные последствия применения терапии от бесплодия; представления о теле, его природе и связанных с ним отношениях; процессы «медиализации» (распространения влияния медицины на новые сферы жизни) и «репродуктивной меркантилизации» (коммерческих операций в сфере детопроизводства).

Их земляки из «Группы по антропологическому и историческому изучению конструирования социальных и политических идентичностей»^{**},

^{*} Grup d'Estudis sobre Família i Parentiu.

^{**} Grupo de Antropología e Historia de la Construcción de las Identidades Sociales y Políticas – AHCISP.

созданной под эгидой Автономного университета Барселоны, сосредоточены на скрупулёзном анализе процессов становления идентичности у самых разных человеческих коллективов во всевозможных исторических и географических контекстах и обстоятельствах. Они пытаются отследить при этом масштабы, характер воздействия и само проявление там таких категорий, как природа и культура, раса и гендер, расизм и этничность, личность и общество – и многое другое.

Наконец, активно действующая столичная «Группа по антропологическому изучению социальной и культурной политики»^{*}, состоящая из сотрудников Отделения социальной антропологии Мадридского университета Комплутенсе, анализирует «под этнографическим и критическим углом» текущую социальную политику и происходящие в испанском обществе трансформации. Именно эта группа изучала всколыхнувшие страну несколько лет назад массовые движения, выступившие с социальными и политическими требованиями, причины их появления и последующую эволюцию, эффективность государственной политики и т.д. [*Sanz Abad, 2011*].

Среди тем, разрабатываемых силами поисковых групп в последние годы, хотелось бы упомянуть изучение меркантилизации и роли рынка с точки зрения их влияния на социальные и культурные процессы в обществе, а также попытки анализа того значения, которое обрели в нынешних условиях новые информационные технологии как генераторы и распространители образов и представлений об окружающем мире в определённых сферах и общественных слоях и неизвестные прежде средства решения традиционных житейских проблем (например, в области взаимоотношения полов).

Собственно, сами названия исследовательских групп, как чисто антропологических, так и междисциплинарных, зачастую дают представление о направлении деятельности работающих в них учёных. Трудно удержаться и не упомянуть здесь ещё ряд таких коллективов, что существенно дополнит представляемую картину.

^{*} Grupo Antropología de las Políticas Sociales y Culturales – APSYC

Итак, в разных городах Испании работают, среди прочих, следующие группы, изучающие антропологическую проблематику: «Laboratorio de Estudios Interculturales» (Лаборатория межкультурных исследований), «Migraciones, Etnicidad y Ciudadanía» (Миграции, этничность и гражданство), «Cultura, Ecología y Desarrollo en Pequeños Territorios» (Культура, экология и развитие на малых территориях), «EMIGRA» (Educació, Migracions, Infància, Grup, Recerca, Antropològica, т.е. Образование, миграции, детство, группа, исследование, антропологическое), «Antropología Social de la Motricidad» (Социальная антропология движения), «Estudios Socioculturales Aplicados» (Прикладные социокультурные исследования), «Género: Historia y Antropología» (Гендер: история и антропология), «Otras: Perspectivas Feministas en la Investigación Social» (Другие /женщины/: феминистские перспективы в социальных исследованиях), «Una Mirada Antropológico-social desde Andalucía» (Социально-антропологический взгляд из Андалузии), «Antropología e Historia de la Cultura» (Антропология и история культуры), «Mediaciones: Estudio sociocultural de Internet, las tecnologías y los nuevos medios» (Средства коммуникации: социокультурное изучение интернета, технологий и новых СМИ), «Grupo Interdisciplinario de Estudios sobre Desarrollo y Multiculturalidad» (Междисциплинарная группа по изучению развития и мультикультурности), «Grupo de Estudios de las Sociedades Africanas» (Группа по исследованию африканских обществ), «Grupo de Estudios Sociales de la Pesca Marítima» (Группа по социальному изучению морского рыболовства), «Grup de Recerca en Exclusió i Control Social» (Группа, исследующая сферу социального исключения и контроля), «EGECO (Empleo, Género y Cohesión Social)» (Занятость, гендер и социальная сплочённость), «Familia y Parentesco en el Siglo XXI» (Семья и родство в XXI веке), «Cultura Urbana» (Городская культура), «Grupo de Investigación Antropológica sobre Patrimonio y Culturas Populares (GIAP)» (Группа по антропологическому изучению культурного наследия и народных культур), «Grupo de Investigación de Antropología Comparada de España y América» (Группа по изучению сравнительной антропологии Испании и Америки)... [Sanz Abad, 2011].

Все факты и обстоятельства, названные выше, дали основания экспертам ещё несколько лет назад представить «дисциплинарную картину» антропологии в Испании как «распылённую», рассеянную, где точки концентрации фиксируются прежде всего вокруг отделений антропологии различных университетов, а работа в сети ещё не стала привычной нормой. Однако последнее утверждение опровергается тем, что уже существуют несколько тематических сетевых объединений, буквально на глазах набирающих вес и влияние в научном мире, вроде «Сети медицинской антропологии» (*Red de Antropología Médica*) и «Междисциплинарной сети по изучению семьи» (*Xarxa Interdisciplinària d'Estudis sobre la Família*).

Ощутимое усиление прикладного значения антропологии, большое количество работающих в её рамках групп, впечатляющее многообразие и масштаб их деятельности уже тогда позволяли наблюдателям говорить об укреплении позиций этой науки и постепенном росте её признания, общественной потребности в ней, особо подчёркивая то обстоятельство, что она, используя свой специфический инструментарий (микроаналитический подход, сбор данных «в поле»), способна пролить свет на те аспекты реальности, которые просто не улавливаются другими дисциплинами и методическими приёмами. Растущее понимание ценности и уникальных возможностей антропологии уже привело к тому, что её специфические приёмы и методы используются во многих жизненно важных областях: «от реализации государственной политики до организации бизнеса, от анализа социальных сетей до разрешения военных конфликтов» [*Sanz Abad, 2011*].

ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИСПАНСКОГО «АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕХА»

Большие достижения современной испанской социально-культурной антропологии в укреплении за сравнительно недолгий срок своих научных и общественных позиций в стране не подлежат сомнению. Особенно очевидны они при сопоставлении нынешней ситуации с положением дел в недавнем прошлом. Так, в статье 1984 г. сообщалось о том, что «нет ни одного собрания (испанских) антропологов, на котором не обсуждалась бы тема статуса профессии», и это естественно, поскольку «всякому интеллектуаль-

ному сообществу с чертами маргинальности, как в случае с антропологией» в Испании, свойственно «стремление упрочить свои позиции и завоевать официальное академическое пространство». Тогдашнюю университетскую подготовку по антропологии авторы статьи характеризовали как оторванную от проблем реальной жизни, её дисциплинарную традицию здесь признавали слабой, а в попытках преодоления этой слабости указывали на «большую долю волюнтаризма», который, в частности, проявился в том, что первые ассоциации антропологов здесь создавались людьми, пришедшими к этой науке самыми разными путями, получив до того разнородное образование или даже будучи самоучками. В статье выражалась надежда тогдашних испанских антропологов на то, что в ближайшем будущем их профессия, оперирующая специфическим, иным, нежели у других наук о человеке, способом видения реальности, не окажется всего лишь «омоложенной разновидностью утилитарной социологии» [*La antropología*, 1984].

Понятно, что этого не произошло, но и сегодня в среде испанских антропологов продолжает активно обсуждаться вопрос о том, какую роль должна играть антропология в Испании сейчас и в дальнейшем. Участники дискуссии указывают на по-прежнему актуальную необходимость её укрепления как профессиональной дисциплины, ведь она появилась на научном и учебном поле значительно позже других общественных наук, и образ антрополога в сознании публики всё ещё остаётся «весьма размытым». Не менее важной задачей они считают широкое внедрение знаний по антропологии в другие сферы и специальности, равно как и присутствие антропологов в самых разных аудиториях при обсуждении самого широкого круга вопросов [*Curto et al.*, 2013].

Включение антропологии в начале текущего десятилетия в разряд университетских дисциплин в рамках новой системы высшего образования вовсе не означало решения всех проблем для молодых людей, избравших для себя эту специальность. Сторонники усиления роли антропологической науки в учебно-академической среде и в обществе в целом видели крайне насущную задачу, помимо развития антропологического образова-

ния, в обеспечении выпускников университета с дипломом антрополога работой по специальности, а также в постоянном отслеживании обстоятельств, в которых действуют уже работающие специалисты-антропологи, с тем чтобы своевременно включать в программу вузовской подготовки знания и навыки, необходимые для решения порождаемых разнообразной конъюнктурой задач [*Asociación*].

У наблюдателя со стороны возникает ощущение, что последовательное возрастание в стране числа людей, профессионально работающих в сфере антропологии, сопровождается увеличением озабоченности многих из них текущим состоянием данной дисциплины. Предметом рефлексий, призывов и резко критических оценок являются как уровень профессионализма специалистов-антропологов и его соответствие требованиям времени, так и их общественная роль и даже их историческое предназначение. К примеру, один из недавних конгрессов FААЕЕ (см. выше) счёл нужным специально сформулировать краткое определение для широкой публики того, кем являются антропологи: «специалистами по социально-культурному разнообразию» [*Santos Fraile, Massó Guijarro, 2012*].

Выход испанской антропологии из долговременного состояния «академической, дисциплинарной и профессиональной маргинальности», расширение поля её деятельности далеко за пределы изначальных «классических» представлений – всё это произошло. Но оказалось, что теперь место этой науки в современной общественной жизни напрямую зависит от активности самих антропологов, от того, насколько глубоко они будут вовлечены в исследование наиболее важных реалий и решение острых проблем стремительно меняющегося окружающего мира.

Едва ли не все наши испанские коллеги, пишущие на эту тему, убеждены, что в силу принадлежности к данной профессии они являются носителями совершенно особого, отличного от практикуемого другими дисциплинами исследовательского подхода, который даёт знание, не улавливаемое иными методами, но в каких-то случаях абсолютно необходимое для понимания подлинной сути явления, события или процесса [*Valdés Gázquez, 2012*]. А это, в свою очередь, необходимо для достижения той цели,

или сверхзадачи, которая, по их мнению, стоит перед антропологией: стать полезным, прикладным знанием всюду, где её можно применить, с тем, чтобы «позитивно развернуть» общество, улучшив положение дел в таких сферах, как образование, здравоохранение, административная политика, распространение новых технологий, межкультурное сосуществование и многих других, что позволит сделать это общество более справедливым, более эгалитарным и в конце концов лучшим для жизни граждан [*Santos Fraile, Massó Guijarro, 2012*].

Но некоторые радикально настроенные и при этом весьма влиятельные авторы, принадлежащие к антропологическому сообществу, оценивают текущее положение своего «цеха» едва ли не как катастрофическое. Так, представитель одной из ассоциаций (*Antropología 2.0*), объединившихся в прошлом году в общеиспанскую ASAEЕ, уверенно заявил, что эта наука здесь должна подвергнуться глубокой ревизии, если вообще хочет выжить в системе университетского образования, где у неё, как он считает, крайне шаткое положение. Столь же нетвёрдые позиции, по его мнению, пока что и у самой профессии антрополога, и только наполнение её надёжным и востребованным содержанием может спасти ситуацию, а для этого необходима решительная переоценка представлений о природе дисциплины и объекте её изучения, а также избавление от накопившихся здесь стереотипов и предрассудков.

Надо сказать, что в целом данный аналитик рисует довольно мрачную картину. По причине постоянного недостатка средств, будь то на обеспечение местами в учреждениях или на финансирование проектов, дисциплина находится в полной зависимости от расположения власть имущих, выклинивая у них какие-то крохи «идеологического сочувствия», пытаясь убедить в актуальности исследований гендера, миграций или идентичности. Из тех, кто осуществляет эти исследования, наиболее прочное положение у работающих в университетах, другие же зачастую ведут довольно скудную жизнь и находятся в сложных («пассивно-агрессивных») отношениях с заказчиками разработок. От этих других нередко можно услышать одну и ту же невесёлую историю о «работе в стол» (буквально «*proyecto-cajón*», «проект –

ящик стола»): «Я добился заказа, сделал свою работу, мои результаты не понравились, мне заплатили, а проект отправился в стол». Наш автор допускает, что «бюрократические столы хранят самое лучшее из испанской антропологии». Он сравнивает своих товарищей по профессии с «наркоманами, зависящими от администрации», где выделяемые гранты играют роль пакетиков с наркотиками; когда очередная доза иссякает, «тут же появляется неуверенность: найдутся ли рабочие места в университетских структурах? примут ли мой проект? сумеют ли "они" увидеть, насколько важен именно антропологический подход в тех или иных обстоятельствах?» [Mondragón Valero, 2016].

По его оценке, в былые годы выделяемых обществом средств как-то хватало на то, чтобы на более-менее приемлемом уровне обеспечивать существование сообщества антропологов в постпереходный (от франкизма к либеральной демократии) период, в течение которого они сумели постепенно укрепить позиции своей науки в сфере высшего образования, добились утверждения её в качестве одной из специальностей в рамках сначала прежней, а затем и новой (Болонской) системы. Однако данные опроса, например 2014 г., о послевузовском трудоустройстве дипломированных антропологов не могут не настораживать, поскольку лишь менее четверти опрошенных сообщили, что полученная ими специальность оказалась им полезной на рынке труда.

По крайней мере одна из главных причин такого положения дел видится упомянутому критику в отставании университетских учебных программ от потребностей времени, в недостаточном внимании, уделяемом в них прикладной антропологии, таким направлениям, как сетевые исследования, антропология бизнеса, дизайн-мышление и т.д., притом что лишь движение в эту сторону может обеспечить прочность позиций профессии антрополога и её востребованность со стороны многочисленных общественных сил и организаций [Mondragón Valero, 2016].

Несомненным тормозом на пути повышения авторитета антропологической дисциплины стала, по его мнению, сосредоточенность её наставников на деятельности в пределах аудиторий, при очень скудном опыте собственной практической работы вне университетов. «Если преподавате-

ли антропологии никогда не работали вне своих кабинетов, какие советы они могут дать относительно возможностей нашей дисциплины вне высшей школы?» [Mondragón Valero, 2016].

На этом фоне выдвигаются радикальные предложения, состоящие в том, чтобы поскорее «взорвать учебный план социальной антропологии в Испании», «реформировать его от корки до корки» и «потребовать как можно большего взаимопроникновения с рынком труда». В противном случае «никогда не будет подлинной синергии между антропологией и рынком. А если нет ни рынка, ни рабочих мест в академической среде, тогда остаётся только одно: совсем тёмная неопределённость» [Mondragón Valero, 2016].

Что же касается потенциальных возможностей и перспектив антропологической дисциплины в Испании, то здесь даже решительный критик существующего положения дел высказывается весьма оптимистично (разумеется, при условии проведения необходимых реформ). «Текущая ситуация за нас!» не сомневается он, и указывает на появление – в связи с информационно-технологической «революцией» последних лет – неограниченного количества всевозможных интернет-материалов («метаданных»), требующих качественного анализа, поскольку одного лишь их наличия, как правило, недостаточно, чтобы понимать и интерпретировать реальное состояние.

Столь же действенным инструментом осмысления огромного массива информации, исходящей от многих миллионов пользователей интернета, является и включённое наблюдение посредством т.н. «нетнографии» (netnografía, методика этнографического исследования сетевых ресурсов. – А.К.). На результаты этого рода научных изысканий имеется постоянно растущий запрос от испанских учреждений и предпринимателей, которые вынуждены обращаться за границу, чтобы там найти квалифицированных профессионалов данного профиля, поскольку испанские учебные программы не обеспечивают студентов-антропологов «нетнографической» подготовкой.

Наконец, ещё одно на глазах возникшее и весьма перспективное поле деятельности для антропологов, т.н. стартапы (start-up), предпринимательские начинания, инициаторы которых жизненно заинтересованы в точной

характеристике социальной реальности, вплоть до мельчайших её деталей, в доскональном знании своих потенциальных потребителей/покупателей, и готовы платить за такую информацию. Уже отмечено вполне оправдавшее себя присутствие специалистов-антропологов в сфере экономики, связанной со стартапами, и всё говорит о том, что их число там будет только увеличиваться. В качестве других, столь же многообещающих направлений, куда с полным правом должна двигаться испанская антропология, сторонник радикальных перемен называет «мир рекламы», область маркетинга, оборону, сферу человеческих ресурсов, бизнес, здоровье, видеоигры, область коммуникаций, сферу финансов, политику и многое другое [*Mondragón Valero, 2016*].

Общий вывод: антропология в Испании требует коренного совершенствования, если хочет выжить как дисциплина, а университетские отделения антропологии должны быть активными агентами необходимых изменений. «Нужно двигаться вперёд, к антропологии профессиональной, богатой и разнообразной, свободной от ведомственной затхлости и от исторических комплексов» [*Mondragón Valero, 2016*].

Ещё один автор из тех, что настаивают на всестороннем обновлении сегодняшней испанской антропологии, убеждён, что «в сложном и конкурентном мире XXI века» уже невозможно культивировать прежний индивидуальный характер антропологической работы, когда исследователь-одиночка изучал некую малую социальную группу в определённом времени и пространстве. Антропологам следует «мыслить большими категориями, и верить, что они имеют все основания возглавлять рабочие группы, предприятия и государственные ведомства» [*Perez Zamora, 2017*].

Если названные выше аналитики от антропологии и их единомышленники озабочены прежде всего проблемами внутреннего состояния своего «цеха», способами поднять свою профессию на уровень требований текущего момента, то других их коллег в ещё большей степени занимает внешняя, общественная роль той науки, которой они себя посвятили. Один из наиболее влиятельных и последовательных представителей этой категории – известный учёный, андалузиец Исидоро Морено Наварро (Is-

idoro Moreno Navarro). Его профессиональная деятельность, как и его многочисленные высказывания в статьях и интервью, всегда отличались подчеркнутой критической и социальной направленностью. Так, оценивая роль учёных-соотечественников, обычно считающихся основоположниками испанской антропологии «второго рождения», он призывал учитывать то обстоятельство, что они находились под влиянием либо североамериканской, либо британской школы, а следовательно, их подход к испанским реалиям был изначально основан на чужеродном опыте. Одного из этих мэтров он прямо упрекал в том, что тот исповедовал «британское» элитарное понимание данной дисциплины, согласно которому ею должны заниматься немногие, а в ряду объектов их изучения первое место принадлежит проявлениям экзотики [*Curto at al.*, 2013].

Сам Морено и его единомышленники с самого начала решительно не разделяли подобные «элитарные» установки, видя в них проявления того, что они называли «колониальной антропологией». В силу своих демократических, а зачастую и социалистических убеждений они считали нужным и даже необходимым, чтобы люди, ставшие объектами антропологического исследования, могли прочесть то, что написано о них учёными, и либо согласиться с этим, либо нет. Равным образом демократически настроенные испанские обществоведы, работающие в Латинской Америке, полагают обязательным привлекать к своим изысканиям тамошних коллег – «иначе получится испанский колониализм» [*Curto at al.*, 2013].

В других же случаях Морено говорил о «колониальной антропологии», имея в виду положение этой науки в Испании (как, впрочем, и в Средиземноморье в целом), понимая под этим сильнейшее интеллектуальное влияние зарубежной (западноевропейской и североамериканской) науки. По его словам, антропология Испании, как и других средиземноморских стран, является по сути «периферийной» по отношению к «столичной» антропологии в США, Англии и гораздо меньше – Франции, что зачастую отзывалось некритическим восприятием и даже фетишизацией теоретических моделей и тематик, появляющихся в научных центрах стран-лидеров.

В самой Испании эта фактически «колониальная зависимость» от образцов, создаваемых и разрабатываемых за рубежом, признаётся и высшими академическими инстанциями, и немалой частью антропологического сообщества, и с течением времени не только продолжает сохраняться, но по некоторым направлениям даже усиливается. Это проявляется в содержании того образования, которое считается необходимым для вступающих в профессию; в обязанности публиковаться в престижных журналах, издаваемых в «центрах академической власти» – иначе академическую карьеру не выстроить; в пренебрежении к темам, презрительно квалифицируемым как «локальные», если они отличаются от того, что принято считать важным у антропологов «ведущих» зарубежных университетов, – а ведь подчас речь идёт всего лишь о преходящей моде; наконец, доходит до того, что испанские государственные службы, осуществляющие аттестацию университетских преподавателей, наказывают их за публикации в учебных заведениях, где те преподают, или в издательствах городов, где они проводили свои исследования [Moreno, 2011].

Выходом из положения, в котором находится ныне испанская антропология, сам Морено считает её автономное развитие (наряду с другими «антропологиями Юга»), а основную цель в том, чтобы вскрывать механизмы воспроизводства классового, гендерного и этнического неравенства на разных уровнях (мировом, национальном, локальном) и участвовать в защите культурного многообразия и коллективных «культурных» прав – во имя создания общества, более справедливого и интегрированного, ориентированного на межкультурное сосуществование и взаимодействие. В этом деле, уверен учёный, антропология может сделать очень много полезного для дискредитации и десакрализации господствующей сейчас в обществе логики. «Целью должен стать мир без святынь и неоспоримых социальных абсолютов, без законов и резонов, которые были бы выше человеческих надежд и устремлений; мир, идущий к равенству прав и возможностей как для индивидов, так и для социальных коллективов и целых народов; мир, внутри которого были бы возможны многие миры, т.е. различные формы человеческого существования – при взаимном признании и уважении коллективных и индивидуальных прав, определяемых в межкультурном контексте» [Moreno, 2011].

И вот для всего этого, по мнению Морено, испанским антропологам сегодня недостаточно высказывать волю к «деколонизации», хотя это также необходимо, но нужно ещё оторваться от содержания и от самой логики моделей, зиждящихся на «просвещенческих» представлениях о «прогрессе», «модернизации», «развитии» и «глобализации» как якобы «естественных» категориях, которыми следует руководствоваться, – и самим перестать действовать в рамках этой логики [Moreno, 2011].

В этой связи главные задачи антропологии, отличающие её от других общественных наук в силу имеющихся у неё средств и методов, маститый учёный видит в том, чтобы выявлять суть вещей, скрытую под тем, что находится на поверхности – будь то племенное общество или социальные сети типа «Фейсбука»; вскрывать подспудные механизмы, управляющие видимой реальностью. Именно антропология, по мысли Морено, может и должна на материале разных культур, включая и древние, с отличной от нашей логикой, с иными ценностями и т.д., убедительно показать, что всякая общественная проблема имеет несколько решений, а не одно-единственное, продиктованное постулатами господствующего «нео(ультра)либерального сознания», – и таким образом способствовать формированию качественно нового, свободного от догм и клише общественного сознания [Curto at al., 2013]. Антропологическое знание должно «превратиться во многих странах в тот рычаг, который мог бы стимулировать необходимые социальные трансформации и сопротивление тоталитарной коммерческой глобализации, угрожающей распадом идентичности существующих народов» [Moreno, 2011].

Конкретным примером той этической борьбы, которую ведёт один из её главных идеологов в антропологической среде, может служить следующий сюжет. Ещё в студенческие годы Морено отверг для себя широко практиковавшийся термин «Испаноамерика» как колониалистский, продолжая использовать в том же значении только термин «Латинская Америка». Однако позже, «в ходе размышлений в связи с годовщиной 1992 г. (500-летие открытия Америки. – А.К.)», учёный решил отказаться и от него, взяв на вооружение конструкцию «Индо-Афро-Латинская Америка», «поскольку терминологическая визуализация индейского и негритянского компонентов

тех обществ и культур, которые продолжают называться латиноамериканскими и тем самым отражают только один из трёх своих компонентов, – есть важная часть не только необходимого признания реальности, но и крайне нужного процесса интеллектуальной деколонизации» [Moreno, 2011].

* * *

Понимание сущности антропологии как науки и задач, стоящих перед современными испанскими исследователями-антропологами, излагается на сайте ASAEЕ следующим образом:

«Антропология изучает многообразие социокультурных проявлений человека, включая само появление людей в их экологической среде. Антропология не ограничена в своём специфическом объекте. Всякая реальность, способствующая пониманию <феномена> человеческого, может составить часть исследовательского поля. Поэтому антропологи привыкли к гибкости теоретических трактовок. Их образование базируется обычно на своде классической теории, который... реализуется затем в той или иной конкретной сфере интересов. В настоящее время таких сфер множество: экономические, технические и технологические процессы, способы познания, языковые практики, символические, политические, религиозные, юридические, образовательные формы, телесные и субъективные сценарии, формы социального строительства на базе этнических, гендерных и прочих различий – и т.д. В любой из этих сфер... антропологи пытаются расширить знания о том, как люди воспроизводят общество и культуру».

«В наиболее широком понимании, подлинным объектом антропологии является социальная человеческая деятельность в определённой конкретной среде» [*¿Qué es la antropología?*].

Литература:

1. Королёва, 2017 – *Королёва А.А.* Бренд «Испания»: восприятие внутри страны и за рубежом // Ибероамериканские тетради. Вып. 4 (18). М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2017. С. 43–51.
- * * *
2. II Congreso, 2016 – II Congreso Internacional de Antropología AIBR. 2016. Identidad: pu-entes, umbrales y muros // URL : http://www.ub.edu/facgh/infogih/wp-content/uploads/2016/09/PROGRAMA_AIBR_2016.pdf
3. XIV Congreso, 2017 – XIV Congreso de Antropología. Valencia, 5–8.09.2017. Antropologías en transformación: sentidos, compromisos y utopías // URL : <http://congreso.antropologiavalencia.com/simposiums/etnografias-multisituadas-en-la-era-global-propuestas-sobre-episteme-y-metodos/>
4. AIBR, 2015 – AIBR. Asociación de Antropólogos Iberoamericanos en Red // URL : <http://www.aibr.org/antropologia/2015/programa.pdf>
5. Asociación, – Asociación de Antropología del Estado Español (ASAE) // URL : <http://asaee-antropologia.org/asaee/carta-de-la-presidencia/>
6. Curto et al., 2013 – *Curto D., Dallari E., Juanto S., Pujadas G., Solé E., Clua i Fainé M.* La antropología tiene que desvelar, desnaturalizar / Entrevista a Isidoro Moreno // Periferia. Revista de recerca i investigació en antropologia. Número 18 Juny 2013 // URL : <http://revistes.uab.cat/periferia/article/view/v18-n1-curto-dallari-juanto-pujadas-sole/383-pdf-es>
7. Jiménez de Madariaga, Checa y Olmos, URL – *Jiménez de Madariaga C., Checa y Olmos Fr.* Treinta años de Antropología en España. Memoria desde la Gazeta // URL : <http://www.gazeta-antropologia.es/?p=4033>
8. La antropología, 1984 – La antropología en España // *Gazeta de Antropología*. 1984. N 3 // URL : <http://www.gazeta-antropologia.es/?p=3881>
9. Lisón Tolosana – *Lisón Tolosana C.* Sobre Antropología y antropólogos españoles // URL : <http://revistas.iea.es/index.php/AFJC/article/viewFile/2430/2420>
10. Mondragón Valero, 2016 – *Mondragón Valero P.* La antropología en España ¿un túnel sin salida? (Publicado el 18 junio, 2016) // URL : <https://blog.antropologia2-0.com/es/antropologia-en-espana-tunel-sin-salida/>
11. Moreno, 2011 – *Moreno I.* Los papeles posibles de la antropología en tiempos de globalización // *Revista andaluza de antropología*. N 1. 2011 // URL : <http://www.revistaandaluzadeantropologia.org/uploads/raa/n1/imoreno.pdf>

12. Perez Zamora, 2017 – *Perez Zamora E.* Antropología en el Siglo XXI: ¿Trabajo en solitario o jerarquizado? (Publicado el 30 junio, 2017) // URL : <https://blog.antropologia2-0.com/es/antropologia-siglo-xxi-trabajo-solitario-jerarquizado/>
13. Rivas Rivas, 2016 – *Rivas Rivas A.M.* La enseñanza de la antropología en España // ANUAC. Vol. 5. N 2. 2016 // URL : <file:///C:/Users/Komp/Downloads/2513-8051-1-PB.pdf>
14. Sanz Abad, 2011 – *Sanz Abad J.* Panorámica general de los grupos de investigación en Antropología Social en el Estado español // Revista de Antropología Social. 2011. № 20 // URL : [file:///C:/Users/Komp/Downloads/36236-36422-2-PB%20\(8\).pdf](file:///C:/Users/Komp/Downloads/36236-36422-2-PB%20(8).pdf)
15. Santos Fraile, Massó Guijarro, 2012 – *Santos Fraile S., Massó Guijarro E.* Antropología en España. Introducción // Revista de Antropología Experimental. Vol. 12. 2012 // URL : <https://revistaselectronicas.ujaen.es/index.php/rae/article/view/1899/1650>
16. ¿Qué es la antropología? – ¿Qué es la antropología? // URL : <http://asaee-antropologia.org/antropologia/que-es-la-antropologia/>
17. Valdés Gázquez, 2012 – *Valdés Gázquez M.* Antropología e «interés público». El desafío profesional de la antropología en España // Revista de Antropología Experimental. Vol. 12. 2012 // URL : <https://dialnet.unirioja.es/ejemplar/428498>

Э.Г. Александренков

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ
АМЕРИКАНИСТИКА В ИСПАНИИ:
ОБЗОР ЖУРНАЛА «REVISTA ESPAÑOLA DE ETNOLOGÍA
AMERICANA»**

Рецензируемый журнал – одно из нескольких периодических изданий американистского направления, публикуемых в Испании, и единственное, которое, как говорит его название – «Испанское обозрение американской этнологии», предназначено для публикации работ соответствующего направления по Америке. Так как в российской историографии нет какого-либо очерка об этой отрасли знания в Испании, то, полагаю, для нашего читателя будет полезно (и, возможно, интересно) познакомиться с ней хотя бы частично – через статьи последних лет в специализированном журнале. Чтобы составить мнение о месте журнала в американистских исследованиях в Испании, я счёл необходимым предварить анализ публикаций журнала кратким очерком антропологической (в широком понимании этого термина) американистики в этой стране.

Истоки того взгляда в Испании на обитателей Америки, которое затем получило название антропологии, этнологии и этнографии, можно усмотреть в бортовом журнале первого плавания Христофора Колумба за Атлантический океан [Александренков, 2013]. С тех пор в описаниях плаваний и наземных походов испанцев в Новом Свете почти всегда содержались упоминания и иногда описания того, что было доступно обозрению – главным образом, внешнего вида местных жителей и элементов их хозяйства. Достаточно рано было составлено первое изложение мировоззрения одной из групп населения о. Гаити [Сообщение, 2012]. Когда испанцы стали колонизовать земли в Новом Свете, необходимость выживания на них и управления его обитателями потребовала знания этих земель и населявших их людей. Одной из составляющих испанской экспансии за океаном было распространение католицизма; если поначалу испанцы пытались просто искоренить прежнюю религию, то затем пришло осознание, что для этого было бы лучше её прежде узнать. В интересе к местному населению и его культуре постоянно присутствовало и светское любопытство к «дикинам».

В метрополии присланное из-за океана становилось известным, помимо властей, юристам, теологам и философам, обсуждавшим судьбы аборигенов, а также географам, историкам и др. На протяжении XVI века в Испании были написаны труды, где речь шла о коренных обитателях Нового Света, получивших название «индейцы». При этом авторы, знакомые со средневековыми и античными сочинениями, нередко сравнивали то, что они узнали об «индейцах», с тем, что им было известно о народах Старого Света. Среди тех, кто положил начало подробным описаниям обитателей Нового Света, главным образом, в рамках изложения испанских завоеваний, наиболее известны Пьетро Мартире д'Ангьера (в испанском варианте Педро Мартир де Англерия), Гонсало Фернандес де Овьедо и Вальдес, Франсиско Лопес де Гомара и Бартоломе де Лас Касас. Особого внимания заслуживает книга Лас Касаса, завершённая во второй половине 1550-х гг., «Краткая апологетическая история, касающаяся качеств, расположения, описания неба и почв этих земель, и природных условий, общественного порядка, государств, образа жизни и обычаев людей этих западных и южных Индий, чьё верховное правление принадлежит королям Кастилии».

В этом обширном труде испанские завоевания не являлись главным предметом изложения. Цель этой своей работы Лас Касас видел в том, чтобы «познать все и столь бесчисленные народы этого обширнейшего мира, обесславленные некоторыми», которые считали индейцев людьми «недостаточного разума» для управления собой и не имевшими «человеческой воспитанности и упорядоченного правления» (*humana policía y ordenadas repúblicas*) [*Las Casas*, 1967. Т. I:3]. Лас Касас последовательно сравнил все известные ему явления культуры обитателей разных областей Америки (материальные, социальные и духовные) с соответствующими элементами народов Старого Света, как правило, античными и средневековыми. Это было сделано для того, написал Лас Касас, чтобы те несведущие и алчные, что для подчинения, грабежа и уничтожения индейцев оправдывают себя тем, что, по их мнению, обитатели Нового Света неразумны, неверны, идолопоклонники и порочны, знали, что эти народы не единственные такие в мире и не самые худшие [*Las Casas*, 1967. Т. I:115]. Сочинение Лас Касаса было написано более чем на полтора века раньше публикации в 1724 г. книги Лафито «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами древних времен» [*Lafitau*, MLCCXXIV]. В отличие от книги Лафито, ставшей известной заинтересованным читателям, «Апологетическая история» Лас Касаса не была опубликована до конца XIX в.

Когда испанцы укрепились в тех областях Америки, где аборигенные элиты пережили завоевание, у пришельцев появилась возможность, овладев аборигенными языками, более тщательно ознакомиться с культурой местных народов. На протяжении второй половины XVI в. в Испании вышло большое количество книг, в которых шла речь об аборигенах отдельных областей Америки [см. обзор: Александренков, 2012]. Среди них выделяется произведение Б. Саагуна «Общая история о вещах Новой Испании», первый вариант которого был завершён в 1569 г. Хотя этот огромный труд несёт в своём названии слово «история», из его 12 книг только в одной, последней, идёт речь об испанских завоеваниях. Остальное – изложение разных аспектов жизни коренных обитателей Центральной Мексики: божества и связанные с ними ритуалы; календарные празднества; происхождение богов; гадания и прорицания; риторика, мораль и теология; представления о

космосе и природе; короли и господа; торговцы и ремесленники; «пороки и добродетели»; природа и животный мир (включая способы охоты, лечебные свойства растений, постройки, пища и др.) [*Sahagún*, 1946]*.

Знаток истории мировой этнографии, Анхель Палерм, назвал Саагуна законным отцом современных этнографов, т.к. для него были характерны тщательное изучение местного языка, запись услышанного на языке информатора, составление плана исследования, подбор информаторов и т.д. [*Palerm*, 1974:155–163].

Тот же Палерм отметил, что к концу XVI века в Европе религиозная толерантность, в которой формировался Саагун, уступила место воинствующей Контрреформации [*Palerm*, 1974:196]. В испанских колониях была начата активная борьба с идолопоклонством, что способствовало более пристальному вниманию колониальных властей к религии аборигенов и появлению соответствующих работ. В XVII и XVIII веках в Америке имело место расширение знакомства испанцев, преимущественно миссионеров, с новыми группами аборигенов. Миссионеры проникали в области, удалённые от центров цивилизаций Нового Света. Встреченные там обитатели отличались по культуре и общественному устройству от обитателей центральных Анд, мексиканского нагорья и равнин Юкатана. Разнообразные работы миссионеров о своей деятельности обычно включали описания внешнего вида аборигенов, их быта и утвари, жилищ, а также празднеств, браков, похоронных обрядов, «суеверий» и «колдовства». Намерение успешно проповедовать побуждало к узнаванию местных языков. Примером описаниям аборигенов первой половины XVIII в. может служить книга иезуита Хосе Гумильи, который несколько лет пробыл среди обитателей бассейна Ориноко [см.: *Александренков*, 2002].

Интересу к уроженцам Америки, не только к аборигенам, но и к потомкам европейцев (испанцев), получивших название «креолов», способствовала развернувшаяся в Европе острая дискуссия о качествах природы и людей Нового Света**. Её истоки отыскивают у французского философа

* Известны также варианты этой работы, называемые «Флорентийский кодекс» и «Мадридский кодекс».

** Эта полемика подробнейшим образом проанализирована в книге А. Джерби «Диспут о Новом Свете» [*Gerbi*, 1960], которой я пользуюсь для представления идей некоторых её участников.

Френсиса Бэкона (1561–1626), который считал обитателей Америки молодым народом, находившемся в варварском и непросвещённом состоянии [Gerbi, 1960:56–58, 83]. Как писал во второй половине XVII в. уроженец Мексики Карлос Сигуэнса-и-Гонгора, «... думают в некоторых частях Европы..., что не только индейцы, коренные жители этих стран, но и мы, рождённые в них от испанских родителей, либо ходим на двух ногах благодаря божьей милости, либо, как это оценивают через английские микроскопы, в нас едва можно разглядеть рациональное» [цит. по: Веселова, 2018:104].

Если упомянутый выше Гумилья весьма критично оценивал обитателей конкретного региона Америки, то были, в т.ч. в Испании, авторы, защищавшие уроженцев Америки. Так, бенедиктинец Бенито Херонимо Фейхоо и Монтенегро (1676–1764) утверждал, что многие замечали, что креолы или дети испанцев, которые рождаются в тех землях – большей интеллектуальной живости, чем те, коих производит Испания. Способности индейцев он считал ничуть не ниже «наших» [Gerbi, 1960:167–168].

Спор обострился после того, как французский натуралист Жорж Луи Леклерк Бюффон (1749–1789) в «Естественной истории», выходявшей с 1749 г., написал о «слабости» и «незрелости» американского континента в сравнении со Старым Светом. Это представление о природе Америки Бюффон распространил на её аборигена. «Он никогда не подчинил себе ни животных, ни стихии, не овладел морями, не направлял реки, не обрабатывал землю, и сам он был только животным первой категории, и для природы он существовал только как существо без последствий. Подобие бесильного автомата, неспособного реформировать природу или ей помогать. Природа с ним обращалась скорее как мачеха, чем как мать, отказывая ему в чувстве любви и живом желании размножаться». По мнению Бюффона, дикарь (так французы называли аборигена Америки. – Э.А.) мал и слаб детородными органами, у него нет ни волос, ни бороды, и никакого жара по отношению к своей женщине. И далее – он много слабее европейца телом, менее чувствителен, более робок и труслив; у него нет никакой живости, никакой активности в душе... [цит. по: Gerbi, 1960:5–6].

Один из последователей Бюффона, аббат Корнель де По, в 1768 г. опубликовал (в Берлине на французском языке) работу с красноречивым на-

званием «Философские исследования об американцах, или Интересные заметки для пользы истории человеческого рода». Аборигенов Америки По считал животными, «или несколько более», «которые ненавидят законы общества и тормоза образования», живут каждый для себя, не помогая один другому. Обитатели Америки, писал этот автор, менее чувствительны, чем европейцы, у них меньше человечности, меньше сердечности и понимания, одним словом, меньше всего. Они непоправимо ленивы и неспособны к малейшему умственному прогрессу [*Gerbi*, 1960:49–52]. Причину такого положения По объяснял дегенерацией американского человека, вызванной природными явлениями – землетрясениями, наводнениями и т.д. Он утверждал также, что и пришельцы из Европы дегенерировали в Америке.

Работа По несколько раз издавалась и переиздавалась на разных европейских языках. Высказанные в ней идеи вызвали негативную реакцию у многих современников По, которые подчёркивали доброту, мягкость, умеренность и прилежность к труду американских аборигенов [*Gerbi*, 1960:75]. В последующей работе По, как писал Джерби, пытался примирить идею прогресса, свойственную веку просвещения, и представления о дегенерации аборигенов Америки. Теперь он говорил, что обитатели Америки выродились к моменту появления там европейцев, но после прогрессировали, и будут ещё более прогрессировать в будущем [*Gerbi*, 1960:82]. Он допускал, что в будущем в Америке будут процветать искусства и науки, и совершится это в Северной Америке раньше, чем в Южной, т.к. английские колонисты расчищают земли, очищают воздух и заставляют бежать болотные воды, в то время как испанцы и португальцы унаследовали от индейцев всю их лень. Несмотря на критику оппонентов, По в одной из статей 1776 г. представил обитателей Америки как людей глупых, инертных, ленивых, физически слабых, неспособных к гражданскому прогрессу. Более низкие способности (*inferioridad*) креолов он объяснял, главным образом климатом [*Gerbi*, 1960:90].

Идеи Бюффона относительно природы Америки и характера американского человека были повторены также французским аббатом Гийомом Рейналем (1713–1796), в его «Философской и политической истории поселений и торговли европейцев в Индиях» (1775) [*Gerbi*, 1960:44–45].

В 1777 г. вышла в свет книга английского историка Уильяма Робертсона «История Америки». Робертсон считал изучение аборигенов Америки «одним из самых важных исследований, а также наиболее поучительных, которые могут занимать философа или историка. По его мнению, греческие и римские философы не знали настоящих дикарей, в то время как «в Америке человек предстает в самой грубой форме своего существования». Наиболее характерной чертой жителя Америки являлась, по мнению Робертсона, апатия, вызванная климатом и возможностью существовать, не прилагая больших усилий. Американские аборигены не сумели приручить животных, и настоящими домашними животными у них были их жёны. Даже самые цивилизованные аборигены, к которым Робертсон относил обитателей Перу, по его мнению, слабы духом и неспособны к какому-либо мужественному предпринятию [Gerbi, 1960:150–154]. Книга Робертсона, которая сразу же была переведена на другие языки, имела успех, и таким образом, идеи Бюффона и По распространились в Европе [Gerbi, 1960:144].

В 1767 г. в Европе (на севере Италии) оказались изгнанные из испанских колоний иезуиты. Многие из них принялись за описание своих прежних миссий, а некоторые выступили с опровержением тезисов По, Робертсона и их сторонников. Одним из таких наиболее последовательных критиков был мексиканский Франсиско Хавьер Клавихеро (1731–1786). Его книга «Древняя история Мексики» была издана на итальянском в 1780–81 гг., а затем переиздавалась и переводилась на другие языки. В очерке «О физической и моральной конституции мексиканцев» Клавихеро вступил в дискуссию относительно дегенерации людей в Америке. Хотя, как писал Клавихеро, у По дегенератами предстают все – индейцы, европейцы, живущие в Америке, креолы и метисы разного происхождения, он, Клавихеро, защищает только индейцев, как наиболее оскорблённых и менее защищённых. Они – не слабы, ни незрелы... не имеют отвратительных физических черт, присущих некоторым народам Старого Света (называет негров, готтентотов, лопарей и пр.). «Мексиканцы же, в особенности, красивы, здоровы, крепки и не подвержены многим болезням и заболеваниям. Ни у одного мексиканца никогда не пахнет изо рта». Индейцы, отмечал Клавихеро,

обрабатывают землю, валят лес, строят дома, делают и поддерживают в порядке дороги, роют шахты, делают все самые тяжелые работы. Как писал Клавихеро, он несколько лет преподавал в семинарии, где у него были ученики-индейцы, что позволило ему заявить «По и всей Европе, что души мексиканцев ни в чем не ниже душ европейцев, что они способны ко всем наукам, даже самым абстрактным» [Gerbi, 1960:185].

В очерке «О культуре мексиканцев» Клавихеро опровергал обвинение По относительно «всех американцев» в том, что они были варварами и дикарями. По словам мексиканского иезуита, мексиканцы знали монету (в виде зёрен какао), железо и медь, умели строить мосты и корабли, использовали известку, у них была письменность (иероглифы), календарь, гражданская и военная архитектура, ювелирное дело и прочее. Они имели, по его мнению, богатый язык и мудрые законы. Клавихеро допускал, что образование у мексиканцев было ниже греческого в интеллектуальном аспекте, но много выше с точки зрения морали и добродетели [Gerbi, 1960: 187–188].

Были и другие иезуиты в изгнании, вступившиеся за американского индейца [Gerbi, 1960:198 etc.].

Эта, можно сказать, общеевропейская полемика мало затронула Испанию, где некоторые авторы обвинили Клавихеро в очернении испанской колониальной политики [Веселова, 2018:128]. Но испанские иезуиты сыграли важную роль в изучение народов Америки посредством знакомства с языками аборигенов континента. Один из них, Лоренсо Эрвас и Пандуро (1735–1809) составил «Каталог языков известных наций», своё место в котором нашли языки аборигенов Америки. Сведения о них Эрвас получил, по большей части, от братьев по ордену.

Во второй половине XVIII в. в Западной Европе кристаллизуются термины для обозначения интереса к «народам». На латыни словосочетание «Ethnographia Mundi» известно с начала XVI в. [Токарев, 1978:25]. В XVIII в. термин «описание народов» (иногда стран) встречается в нескольких языках. К 1740 г. относится употребление в немецком языке слова *Völkerbeschreibung*, а в 1771 г. лингвист и историк А.Л. Шёльцер предложил слова *Völkerkunde* и *Ethnographie*; местом происхождения слов был Университет

г. Гёттинген. Предположительно, эти слова могли появиться в среде людей, изучавших народы России [Фермойлен, 1994:101–103, 107]. К этому следует добавить, что Университет Гёттингена тех лет был также центром изучения Америки. Что касается термина «этнография», следует иметь в виду, что слово «этнос» в греческом языке служило не для обозначения «народов вообще», а народов не греков. В значении «язычник» оно перешло в библию и латынь*. Поэтому «этнография» поначалу была не описанием «народов» вообще, а описанием не христиан, не европейцев, «не нас», в конце концов.

В странах Европы всякого рода народоописания («этнографии» и пр.), базировавшиеся на интересе к т.н. первобытным народам, складывались в XIX веке. Но именно в тот период Испания утратила почти все свои владения в Америке, и основной объект этнографических интересов (абориген) был недоступен. До внимания к не «первобытным» народам было далеко. Более того, обитатели Америки не аборигены (поначалу «креолы»), а затем люди, которые стали именоваться по названиям новых государств едва ли могли вызвать позитивный интерес у испанцев. Тем не менее, в Испании, вслед за другими европейскими государствами, в 1865 г. было образовано «Антропологическое общество Мадрида» (*Sociedad Antropológica de Madrid*).

Интерес к Америке, включая «антропологический», возродился в Испании в конце XIX столетия в связи с торжествами по случаю 400-летия открытия Нового Света. Как пишут испанские исследователи, в то время культурная антропология (синоним этнографии/этнологии. – Э.А.) находилась в рамках физической антропологии. Тем не менее подчёркивалась важность испанских хронистов в Америке как предшественников культурной антропологии. Вышедшие тогда же немногие работы касались древней Америки; сейчас они считаются «первыми современными работами в сфере антропологического американизма (*americanismo antropológico*)» и «первыми проявлениями американистской этнологии в Испании» [Domínguez, 2018:434].

Культурная антропология в Испании, полагает Домингес, возникла в начале XX в. из двух дисциплин, преистории (*prehistoria*), тесно связанной с

* В русском языке это его значение сохранилось до конца XIX века в прилагательном «этнический», которое в словаре иностранных слов трактовано так: 1. Языческий, идолопоклоннический. 2. Свойственный какому-либо народу, племени [Словарь, 1894:983].

археологией, и историографического американизма, которые способствовали формированию собственных интересов антропологии: большее знание обычаев, религии и организации доисторических обществ и лучшее понимание действительности доколумбовой Америки [Domínguez, 2018:127, 128]. Видимо, под влиянием этих представлений в 1921 г. появилось Испанское общество антропологии, этнографии и преистории (Sociedad Española de Antropología, Etnografía y Prehistoria).

Во время Второй Республики (1931–1939) в Испании возобновился интерес к Латинской Америке [Bernabéu, 2007]. Тем не менее, в 1933 г. испанский историк и антрополог Мануэль Бальестерос-Гебруа (1911–2002), считал, что из всех сфер американистики «этнолого-археологическая область была девственной в Испании». И почти четверть века спустя, в статье 1957 г. «Перспективы испанского исследователя в американской этнологии» одним из недостатков «нашей общей научной картины» Бальестерос назвал «бедность этнологических исследований» [цит. по: Alcina Franch, 1972:19].

В этой атмосфере в 1952 г. появляется предшественник рецензируемого журнала – «Trabajos y conferencias» (Труды и конференции), орган Семинара американистских исследований Факультета философии и литературы (Facultad de Filosofía y Letras) Комплутенского университета Мадрида. На его страницах регулярно печатались статьи об аборигенах бывшей испанской Америки, по преимуществу доколумбовой и колониальной. Последний том журнала с этим названием вышел в 1959 г. Через десять лет его сменил «Revista Española de Antropología Americana», с сохранением прежней нумерации. Переименование журнала было вызвано созданием на базе прежнего Семинара американистских исследований Отдела антропологии и этнологии Америки*, который стал издателем журнала. Отдел являлся Подсекцией американской антропологии Секции истории Америки Факультета философии и литературы Университета Мадрида [REAA, 1969. V. IV:312].

В начале 1970-х гг. испанские авторы определяли «антропологию» как «науку, которая рассматривает человека с физической и моральной то-

* Испанские исследователи отмечали, что отдел был создан по образцу соответствующих отделов североамериканских университетов [REAA, 2002:9, 10].

чек зрения» (*ciencia que trata del hombre, física y moralmente considerado*) и включает в себя физическую антропологию, культурную антропологию и социальную антропологию [Cortés Alonso, 1971:149]. О неустойчивости используемых терминов для названия отрасли знания (и, соответственно, представления о содержании самой отрасли) говорит тот факт, что приведённое определение «антропологии» сделано сотрудником Отдела антропологии и этнологии Америки. Основным объектом американистских исследований испанских антропологов, относящихся к колониальному периоду, назывались аборигены («индейцы»). Затем шли («почему нет?», по словам автора одной статьи), «африканцы, привезённые в Новый Свет». И «как дополнение» – европейцы, ибо, зная их лучше, считал тот же автор, можно лучше оценить то, что они писали о «двух других элементах, индейце и негре» [Cortés Alonso, 1971:151]. В начале 1990-х гг. редакция журнала видела антропологию Америки как состоящую из археологии, этнической истории (*ethnohistoria*) и этнологии [REAA, 1991. V. 21:9].

Для анализа содержания журнала я взял его последние 10 томов (тт. 37–46) за 2007–2016 гг. Обычно в год выходило два выпуска, и только последний том был опубликован одной частью. Во всех 19 журналах нет ни одной специальной статьи о населении Америки не аборигенного происхождения – ни о потомках африканцев, ни о потомках европейцев, хотя те и другие в некоторых странах Америки составляют значительную часть, а иногда и большинство населения. Было всего несколько статей об аборигенах Северной Америки.

Из почти 250 опубликованных статей и заметок в 19-и выпусках более 100 были о древностях, немногим менее 40 – о колониальном периоде, и 70 касались современности; в немногих речь шла о двух или даже трёх периодах. Есть статьи о Латинской Америке в целом, но бóльшая часть публикаций – об аборигенах того или иного обширного региона, конкретной области, либо места. Что касается регионального распределения, то по моим подсчётам (не всегда точным), более всего материалов было напечатано по области Анд – 66 (почти одинаково о древности и современности). На втором месте – Аргентина и Чили, 60 (здесь интерес к древностям преобладал – 35). Далее – Мезоамерика с 37 статьями (почти паритет между древностями и

современностью); Центральная Америка – 15, из которых только одна о современности; Бразилия и Венесуэла – 8 (лишь одна о древностях). Статьи, имеющие отношение к колониальному времени (37), я распределил так: Мексика – 24, Южная Америка – 13. Около полутора десятков статей не подошли под эту классификацию (о некоторых из них я скажу ниже). Среди статей и заметок не нашёл ни одной о Колумбии, Гайане, Суринаме и Французской Гвиане. Всего одна статья об Антильских островах, имеющая отношение к физической антропологии аборигенов Кубы.

Теперь относительно тематики статей. Если брать крупные блоки, то более всего материалов приходится на религиозные представления (46 – древние и около 30 – современные). На втором месте – археология (более 50 работ, из которых только две можно отнести к колониальной археологии). На третьем месте находятся работы, касающиеся социальных отношений и общественного устройства (14 – древние общества, 17 – колониальное время, 9 – современность). Около 20 работ я смог отнести условно к этнографическим (из них к современности лишь 2), менее 20 – к этническим отношениям (о современности – 5).

В журнале публикуются группы статей под общим названием. Такие группы получили название Dossier (досье, дело). Авторами статей становились как испанские, так и зарубежные специалисты. Они дают возможность судить, каким исследовательским темам редакция журнала отдавала предпочтение на протяжении последних десяти лет.

Вот они: археологическое исследование бассейна реки Кокле в Панама (37-1)*; обзор изучения союза древних мексиканских городов Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана (37-2); культ гор в Андском мире (38-1); разные аспекты изучения нескольких документов раннего колониального времени (кодексов Мексики); древние музыкальные инструменты Анд (39-1); этнология области Чако (39-2); церемониальные пространства Анд (40-1)**; археология и история майяского города Мачакила (41-1);

* Здесь и далее в скобках указаны том и часть тома.

** Во второй части тома 40 было несколько статей о мексиканских кодексах, хотя они не были объединены общим названием «досье».

аборигенная знать Новой Испании: между традицией и новшеством (41-2); человек и природа в Андах (42-1); пано* – ритуал, история и традиция (43-1); технология и культура в Андах (43-2); этнография прошлого в Боливийских Андах (44-1); доместикация растений и распространение земледелия на юге Южной Америки (44-2); мультидисциплинарные исследования Мезоамериканских кодексов (45-1); горы и церкви: исследования народной религиозности в Андах (45-2)**.

* * *

Очевидно, что в журнале сохранены представления об антропологии Америки, сформировавшиеся прежде, где преобладает интерес к древним (доколумбовым) цивилизациям и к культуре потомков их носителей, в т.ч., в духовной сфере. Однако появились новые аспекты этого интереса: язык тела, эротизм и красота (46-1) и некоторые другие. Трудно объяснить отсутствие материалов, касающихся не аборигенного населения, в первую очередь, современного. Видимо, они находятся в сфере интересов социологов.

Литература:

1. Александренков, 2002:17–28 – Александренков Э.Г. «Orinoco Ilustrado» миссионера Гумильи как этнографический источник // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 17–28.
2. Александренков, 2012:6–57 – Александренков Э.Г. Испанские сведения об аборигенах Америки конца XV–XVI в. // Источники по этнической истории аборигенного населения Америки. М., 2012. С. 6–57.
3. Александренков, 2013:95–114 – Александренков Э.Г. Обитатели Антильских островов в бортовом журнале первого плавания Колумба // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии / К юбилею доктора

* Аборигенные народы одноименной языковой семьи, обитающие в смежных областях Бразилии, Боливии и Перу.

** В 1917 г. журнал оказался в ведении Учебного подразделения антропологии Америки Отдела истории Америки и Средних веков и историографических наук (Departamento de Historia de América y Medieval y Ciencias Historiográficas) Факультета географии и истории Мадридского университета, созданного на основе нескольких прежних отделов (Unidad docente s.f.)

исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова: Сб. научных статей / Труды исторического факультета МГУ. Т. 62. Серия II: Исторические исследования. М., 2013. Вып. 25. С. 95–114.

4. Веселова, 2018 – *Веселова И.Ю.* Роль и место Франсиско Хавьера Клавихеро в мексиканской историографии: Дис. ... канд. ист. н. М., 2018.
5. Словарь, 1894 – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, 1894.
6. Сообщение, 2012 – Сообщение брата Рамона о древностях индейцев, которые он, со старанием, как человек, который знает их язык, собрал по велению Адмирала // Источники по этнической истории аборигенного населения Америки. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. С. 58–97.
7. Токарев 1978 – *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М.: «Высшая школа», 1978.
8. Фермойлен, 1994 – *Фермойлен Х.Ф.* Происхождение и институционализация понятия Völkerkunde (1771–1843) (Возникновение и развитие понятий «Völkerkunde», «Ethnographie», «Volkskunde» и «Ethnologie» в конце XVIII и начале XIX веков в Европе и США) // Этнографическое обозрение, 1994. № 4. С. 101–109.

* * *

9. Alcina Franch, 1972 – *Alcina Franch J.* La Antropología americanista en España: 1950–1970 // Revista Española de Etnología Americana (далее: REAA), 1972. V. 7. № 1. P. 17–58.
10. Bernabéu, 2007 – *Bernabéu A.S.* Los americanistas y el pasado de América: Tendencias e instituciones en vísperas de la Guerra Civil (Resumen) // URL: // <https://doi.org/10.3989/revindias.2007.i239.599>
11. Cortés Alonso, 1971 – *Cortés Alonso V.* La Antropología de América y los archivos // REAA, 1971. V. 6. P. 149–177.
12. Domínguez, 2017 – *Domínguez Gregorio I.* Historia de la antropología americanista española (1892–1992). Madrid, 2018. URL: // <http://eprints.ucm.es/48145/1/T40061.pdf>
13. Gerbi, 1960 – *Gerbi A.* La disputa del Nuevo Mundo. Historia de una polémica 1750–1900. México-Buenos Aires, 1960. 681 p.
14. Lafitau, MLCCXXIV – *Lafitau P.* Mœurs des Sauvages Ameriquains comparées aux mœurs de premiers temps. Paris, MDCCXXIV. T. 1–4.
15. Las Casas, 1967 – *Las Casas B. de.* Apologética historia sumaria. México, 1967. T. 1–2.
16. Palerm, 1974 – *Palerm A.* Historia de la etnología: los precursores. México, 1974.
17. Sahagún, 1946 – *Sahagún B. de.* Historia general de las cosas de Nueva España. Mexico, 1946. V. 1–3.
18. Unidad docente, URL – Unidad docente de Antropología de América // URL: // <https://www.ucm.es/amcytme-antropologiadeamerica>

О.Д. Фаис

Некоторые направления научных исследований в Сицилии

Анализ основных направлений научного поиска и исследований в Италии, выявившихся в последние два-два с половиной десятилетия, убедительно доказывает, что в сфере деятельности итальянских исследователей на современном этапе, в первую очередь в гуманитарной сфере, наметилась весьма чётко выраженная тенденция. А именно – можно смело утверждать, что люди науки, публицисты, журналисты, представляющие каждую из 20 итальянских областей, составляющих в совокупности страну, обнаруживают всё бóльшую сосредоточенность на «собственных», сугубо внутрирегиональных проблемах, на различных аспектах локальной действительности, социальных проблем, культуры, истории, психологии, особенностей быта и ментальности населения.

Иными словами, можно утверждать, что эпоха 70–80-х гг. XX в. с присущей ей неким «унитарным» панитальянским духом, присутствующим и в научной сфере, с попыткой охвата проблем в масштабах всей Италии,

завершилась, и что в 90-е годы XX в. наметился поворот к определённым «исследовательскому сепаратизму» и к сужению круга исследуемых вопросов до проблем исключительно «местного» уровня.

Более того, радикально изменился и характер анализируемых проблем – отойдя от глобальных, имеющих широкий тематический охват и явный философско-идеологический «профиль» вопросов, от разработки теоретических моделей, исследователи обратились к анализу эмпирики, к предельно конкретным, казалось бы, мелким материям и темам: локальной кухне, архитектуре, определённым историческим событиям, особенностям сугубо местного быта и т.д.

Разумеется, нет правил без исключения – так, например, в 2005 г. в Палермо выходит труд представительницы «старой» школы исследователей, известного и маститого сицилийского и итальянского культурного антрополога, сенатора Итальянской республики от левых сил Матильды Каллари Галли «Антропология без границ. Пути следования по современности» [*Callari Galli, 2005a*], в котором сугубо теоретически обрисовываются возможные поля исследования для антрополога. Данный труд есть органичное продолжение предшествующих наработок исследовательницы, рассматривающей теоретико-методологические аспекты культурной антропологии вне их привязки к конкретным какой-либо культуры или региона: «Антропология для обучения» [*Callari Galli, 2000*], «ТВ для детей, дети ТВ» [*Callari Galli, 2003*], «Современный номадизм» [*Callari Galli, 2004*], «Культуры и конфликт» [*Callari Galli, 2005*], «Культурная метисация» [*Callari Galli, 2005*]. Вслед за «Антропологией без границ...» выходят «Молодёжь в поисках гражданства. Дети иммиграции между школой и «принципом разделения на группы» [*Callari Galli, 2009a*] и «Двойной взгляд. Интерактивная этнография между службами и подростками иностранного происхождения» [*Callari Galli, 2009b*]. Казалось бы, исследования на заявленные темы должны были бы отвечать современным реалиям Италии, отражать стоящие перед обществом проблемы, но отсутствие в них конкретики, эмпирического материала, очевидный уклон в сторону теоретизирования и философского осмысления вопросов – вполне в духе творчества итальянских учёных-гуманитариев левого толка поколения

70–80-х гг. XX в. — делает их отчасти наукообразными и зачастую мало соотносимыми с конкретными проблемами, с которыми сталкиваются различные регионы Италии.

Всё же появление подобных трудов в наши дни — редкость: исключение лишь подкрепляет правило.

Не в последнюю очередь это связано и с тем, что изменился характер самих авторов. Если до 70–80-х гг. XX в. в Италии на «глубокую» проблематику «посягали» преимущественно люди науки — компетентные специалисты в своей сфере, то в последующее десятилетие и особенно начиная с первых лет XXI в. на ниве писательства и «освоения» серьёзных тем учёных-исследователей сильно потеснили авторы, представляющие совершенно иную среду — мир журналистики и публицистики, что зачастую не могло не сказаться как на характере отбора тематик, так и на качестве, а главное — глубине «подаваемого» материала. Разумеется, далеко не всегда написанное журналистами поверхностно либо не представляет ценности — ниже мы рассмотрим вполне научно-репрезентативные исследования, принадлежащие перу журналистов, но в целом подобное изменение не могло не наложить отпечаток на состояние публикуемых в Италии материалов в целом. В сегодняшнем академическом мире Италии такого рода исследования воспринимаются с определённым и легко объяснимым скепсисом, но в целом установилась традиция возможных ссылок на те из них, которые наиболее серьёзно себя зарекомендовали как «полноценные» в научном отношении источники.

На наш взгляд, наблюдается также очевидный возврат к описательной этнографии, фольклористике, бытописанию в лучших традициях XIX — первой половины XX вв.; в научных исследованиях вновь начинают довлеть детализация и дескриптивный подход. Но, как мы постараемся показать (и доказать) это ниже, подобная кажущаяся поглощённость исследователей конкретикой и деталями, и только ими, — часто не более чем видимость; речь идёт о своего рода «эзоповом языке», или, скорее, «эзоповом методе» подачи материала, когда за подробнейшим описанием сугубо конкретных явлений или феноменов, будь то в лингвистике или традиционной гастрономии, поведенческой сфере или ритуальной культуре, неося-

заемо стоит, но при этом вполне видимо проступает подоплека идеологического, философского, психологического, социального, политического характера.

Подобное радикальное изменение природы исследовательского подхода и критериев выбора изучаемых проблем красноречиво подтверждают научные труды, появляющиеся в последнее десятилетие XX в. и в первые два десятилетия XXI в. во всех областях Италии.

Показательно, что особенно ярко эта тенденция проявляется в ряде итальянских областей, а именно в Валле д'Аоста, Трентино-Алто-Адидже, Фриули-Венеции-Джулии, Сардинии и Сицилии. Стоит подчеркнуть, что речь идёт о тех пяти областях Италии, которые по Конституции страны наделены т.н. «специальным статутом автономии». В частности, в Сицилии этот статут был предоставлен на основании того, что там «исторически сложились особые экономические и политические условия и особая психологическая атмосфера, требующие такого решения», а также того, что сицилийцы «исторически представляют собой специфический в социокультурном отношении анклав населения» [*De Mauro*, 1987:19].

Но при этом проблема взаимоотношений сицилийцев и государства в Италии относится к числу весьма давних, назревших и непростых; более того, в контексте Италии даже вопрос, кем являются сицилийцы, или кем они себя ощущают, носит острый политический характер.

Мы не будем сейчас ни углубляться в дебри политики, ни анализировать проблему не всегда простых, а часто и болезненных взаимоотношений итальянского государства с его автономными составляющими, ни даже затрагивать в целом вопросы соблюдения и реализации центральной властью в Италии прав автономии таких федеративных компонентов государства, как «области специального статута», и Сицилии, в частности.

Констатируем лишь тот факт, что население этих областей по тем или иным причинам недовольно взаимоотношениями с «метрополией» и полагают, что их права как населения автономной области ущемлены, а исследователи, представляющие эти ареалы Италии, в значительно боль-

шей степени, по сравнению со своими коллегами из других регионов страны, в последнее время отдают предпочтение темам, призванным в той или иной степени высветить самобытность культуры и истории «своего» народа, его самостоятельное место среди других народов Европы.

Неслучайно поэтому, что и в Сицилии как в мире науки, так и на уровне бытового сознания населения внимание, по крайней мере в последние 25–30 лет, заострено на тех аспектах культуры, которые призваны доказать и обосновать древность и специфичность локальных истории и социокультурных особенностей развития населения региона.

Нам хотелось бы остановиться на некоторых из основных направлений современных научных исследований в Сицилии. Тематика и характер этих направлений представляются нам не только интересными сами по себе, но также достаточно типичными и репрезентативными – пусть и с поправкой на локальную специфику – как для Италии в целом, так и для отдельных областей страны, особенно для тех, культурно-историческая самобытность которых также, как и Сицилия, требует постоянного подтверждения в «глазах» центральной власти Италии. Выбор этих направлений показателен и, на наш взгляд, является косвенным свидетельством того, как сицилийцам видится собственная история, культура и отношения области с Италией.

Надлежит сразу сказать, что представляется невозможным, тем более в достаточно ограниченных рамках данного сообщения, осветить в равной степени все направления гуманитарного научного поиска в современной Сицилии, поэтому ограничимся теми темами, которые, на наш взгляд, предстают приоритетными в видении сицилийских исследователей.

Отметим одну общую черту, в целом характеризующую, на наш взгляд, направленность научного поиска в Сицилии – преимущественную обращённость к прошлому, сфокусированность на проблемах былого, «повёрнутость» назад, а не вперёд, присущую сицилийцам вообще и составляющую особенную черту их мировидения.

Необходимо подчеркнуть, что отличающая сицилийцев сильнейшая обращённость к своему прошлому ярко проявляется и в научной сфере, предопределяя характер научного поиска и исследований. Подобную спе-

цифику мировосприятия А. Буттитта, известный культурный антрополог и знаток «сицилийскости» во всех её проявлениях, объясняет следующим образом: «Если в других странах культурные движения подчиняются механизмам рождения, распространения и спада, ... то в Сицилии новое не прогоняет старое, традиция и инновация сосуществуют, прошлое и настоящее продвигаются вперед на одинаковой скорости бок о бок. С одной стороны, островная культура шагает в ногу со временем, с другой – под кажущейся адаптацией к изменениям таится сохранение таких культурных матриц и идеологических канонов, которые словно принадлежат к другому историческому измерению – измерению вне времени и "без времени" – в котором всё должно измениться, чтобы ничего не менялось» [Coria, 2006:11].

Ему вторит журналист Д. Биллиттери. В своих зарисовках сицилийской повседневности он отмечает странную закономерность, касающуюся отношений сицилийцев со временем, – в частности, их преимущественной обращённости к собственному прошлому и игнорирование ими будущего, которое воспринимается лишь как гипотетическое продолжение настоящего, в свою очередь представляющего органичное продолжение прошлого [Billitteri, 2003a:107–108]. При этом снимаются различия между «далеким» и «близким» прошлым, предстающим как одна «недавняя» временная категория (в силу этого, например, древние финикийцы – завоеватели острова, Муссолини и Гарибальди в Сицилии воспринимаются как фигуры, принадлежащие примерно к одному и тому же временному пласту), а в сицилийском языке практически не употребляются глагольные формы будущего времени – их заменяют глаголы настоящего времени.

В подтверждение своего тезиса об обращенности сицилийцев «спиной к будущему», а лицом – к тому, что было, Биллиттери приводит интересный факт: у различных гадалок и ведуний, и сегодня весьма популярных на острове (магические и оккультные практики исторически были очень востребованы сицилийцами), в Сицилии никогда не спрашивают о будущем, но в основном о прошлом – какие события (сглазы, порчи, грехи) бывшего отягощают сегодняшнее бытие [Billitteri, 2003b:108–109].

Прежде чем непосредственно перейти к анализу основных направлений современных гуманитарных академических исследований в Сицилии, вкратце перечислим некоторые из тех научных и культурных центров, в которых и осуществляется исследовательская деятельность области, находящая своё отражение в публикациях последних лет.

Список открывает Университет Палермо, его Факультеты филологии и философии, а также политических наук и теологии. За ним следуют Университеты Катании и Мессины, частный университет в Энна и Центр им. Этторе Майорана в Эриче, который, несмотря на свой естественно-научный профиль, или, более узко, на физико-математическую направленность, имеет и гуманитарное «отделение» и осуществляет также исследования гуманитарного плана.

Основной «базой» лингвистических и шире – филологических штудий, а также важным «сосредоточием» исследований в области демографии, культурологии, этнологии, антропологии, фольклористики, социологии и политики является созданный в 1951 г. в Палермо «Centro di studi filologici e linguistici siciliani») (Центр исследований сицилийской филологии и языкознания), интенсифицировавший свою деятельность именно в последние годы. Центр представляет собой «околоуниверситетскую» структуру со статусом самостоятельной научно-исследовательской организации.

В 2005 г. в Палермо была создана «всесицилийская» некоммерческая гуманитарная научно-публицистическая организация – Фонд «Иньяцио Буттитта», названный именем народного поэта Сицилии и возглавляемый его внуком – видным культурным антропологом Иньяцио Эммануэле Буттитта. Фонд объединяет представителей культурного и научного мира Сицилии, а его представители проводят научные исследования, организуют тематические конгрессы и симпозиумы, причём международного характера, разворачивают широкую деятельность по публикации трудов по этнографии, культурной антропологии, социологии, лингвистики.

Важнейшим центром научных исследований, в первую очередь, имеющих уклон в арабистику, – направление, весьма актуальное и популярное в Сицилии, бывшей в прошлом под арабским господством, – является Евро-

пейско-Арабский Институт (Istituto Euro Arabo di Mazara del Vallo), основанный в сицилийском городе Мадзара-дель-Валло в 2001 г. Институт представляет собой некоммерческую научно-исследовательскую и культурную ассоциацию, призванную поддерживать гуманитарный научный поиск в странах Средиземноморья путём изысканий и публикации их результатов, а также организации встреч, семинаров, тематических выставок в рамках взаимоотношений Сицилии, Италии, Европы – с одной стороны, и мира ислама – с другой. Показателен состав Совета руководства этого научного Института. В него входит «цвет» профессуры сицилийских университетов, ведущие учёные – историки, культурологи, этнологи Сицилии, такие как Винченцо Мария Корсери, Антонино Кузумано, Джакомо Маура, Флора Савона, Луиджи Тумбарелло и др.

В последние годы, с обретением стабильных частных источников финансирования, институт стал также учреждать гранты и стипендии для исследований «европейско-исламских» тематик и учредил серьёзное научное периодическое издание «Dialoghi mediterranei» (Средиземноморские диалоги), на страницах которого публикуются результаты деятельности института. В 2017 г. институт был удостоен особой премии ЕС за весомый вклад в дело «преодоления межконфессиональной вражды, эскалации экстремизма и терроризма и разъяснения сути проводимых ИГИЛ* политики и практики в мире»; при этом представители научного сообщества Института неоднократно подвергались угрозам со стороны членов ИГИЛ.

Не менее важную роль играют и этнографические музеи – Дом-музей крестьянского быта в Палаццоло Аккреиде (пров. Сиракуза), в котором жил и умер Антонино Уччелло (1922–1979), видный культурный антрополог и поэт, а также Этнографический музей им. Джузеппе Питрè в Палермо. Последний в 2012 г. начал выпускать этноантропологический журнал – «Il Pitrè» (Ил Питрè), публикующий многие статьи по актуальным направлениям гуманитарных исследований.

Разговор о приоритетных научных темах и их исследованиях в Сицилии мы начнём несколько нетипично, упомянув в первую очередь пробле-

* ИГИЛ – запрещённая в Российской Федерации организация.

мы, которые должны были бы получить освещение в исследовательской среде ввиду их очевидной актуальности для региона, но которые в силу ряда причин их не получили. На наш взгляд, в данном контексте отсутствие равноценно присутствию, и малая степень обращённости к определённым сюжетам парадоксальным образом является весьма знаковым, показательным и подчёркивающим их важность в социуме, который их как бы не замечает. Так, например, весьма скупую и лаконичную подачу в научном мире получила тема «мафии».

Нет необходимости подчёркивать, насколько эта тема животрепещуща для Сицилии даже сегодня. Но она предстала значительно более болезненной и злободневной в конце XX в., когда Сицилия, уже имевшая многовековой печальный опыт «присутствия» этого фактического хозяина острова, регулировавшего тотально все социально-экономические аспекты жизни региона (в попытке поставить мафию под контроль и побороть её оказались бессильными все правители и системы управления островом – от испанцев и Бурбонов до режима Муссолини и послевоенных итальянских демократических потестарных структур), столкнулась и с новым трагическим опытом.

Разгулу террора мафии в т.н. «свинцовые годы» – в период с конца 1960-х по середину 1980-х гг., отмеченный деградацией системы государственной власти в Италии эпохи Первой Республики (1946–1993 гг.), предшествовали изменения внутри самой «*Onorata società*» («Достопочтенного сообщества» – самоназвание Коза Ностра). После 1947 г., отмеченного пресловутыми «событиями в Портелла делла Джинестра», когда мафиозные группировки, возглавляемые Салваторе Джулиано, подкупленные политиками, расстреливают крестьян, собравшихся на митинг, чтобы отстаивать раздел и передачу им необрабатываемых земель, мафия разделяется на «старую» и «новую»: первая продолжает заниматься только экономическими проблемами, преимущественно в сельской местности, вторая включает в сферу своих интересов политику, а в скором времени – и наркотрафик, и многие новые «статьи дохода», которыми принципиально, исходя из своего «кодекса чести», не занималась «старая» мафия.

Мафия «нового толка» год за годом усиливала свои позиции, всё глубже коррумпируя госаппарат, выборные органы, банковскую систему и элиту бизнеса. С самых первых лет республики мафиозные структуры были частью повседневной жизни Сицилии, и все попытки государства справиться с организованной преступностью тонули в коррупции. Тем не менее находились люди – журналисты, полицейские, карабинеры, магистраты, политики, профсоюзные деятели, судьи, предприниматели, вплоть до префекта Сицилии и главы автономного правительства области, которые находили в себе личное и гражданское мужество выступить против мафии. Практически все они погибли, мучеником этот велик, но ценой их жизни в Сицилии удалось, если не одержать полную победу над мафией, то во многом поставить её под контроль государства.

Рамки данного сообщения не позволяют детально описать хронику борьбы мафии и противодействующих ей сил в Сицилии. Остановимся лишь на ключевых точках этого противостояния.

В качестве значимого события в этой борьбе отметим создание в 1980 г. в недрах судебной системы организации, объединявшей борющихся с мафией юристов, полицейских, следователей, судей, для координации их деятельности, сотрудничества и обмена информацией о преступных группировках; в эту группу входили знаменитые магистраты Джованни Фальконе и Паоло Борселлино, которым Сицилия обязана решающими победами над мафией. Так на свет появилась «Pool Antimafia» (Антимафия), с которой в скором времени начинают сотрудничать и многие сицилийцы, далёкие от судебной системы. И с этого момента ситуация в области начинает меняться: на смену панике приходит надежда, пусть пока ещё робкая; в Сицилии начинает оформляться гражданское общество.

Не менее важной вехой в деле «очищения» Сицилии от «спрута» оказалось принятие закона по борьбе с мафией, в котором впервые фигурировала формулировка «организованная преступная мафиозная группировка»; этот закон позволял нарушать тайну банковских вкладов и предполагал конфискацию имущества у лиц, чья принадлежность к мафии была установлена. Принятие данного законодательного акта позволило нанести силь-

нейший удар по экономическому потенциалу мафии и подняло дело борьбы со «спрутом» на новую качественную ступень. Автором закона был крупный политик (Сенатор от ИКП* и региональный секретарь ИКП Сицилии) и профсоюзный лидер Пио Ла Торре, убитый в 1982 г. После следствия, длившегося более чем 9 лет, были установлены организаторы преступления – тогдашние боссы мафии (Тото Риина, Микеле Греко, Бернардо Провенцано, Пиппо Калò); в процессе следствия также всплыли доказательства того, что к убийству политика были причастны и некоторые его товарищи по партии, что ещё раз продемонстрировало глубину и широту внедрения мафии в различные слои сицилийского общества.

Но, несомненно, поворотным моментом в деле борьбы с мафией, изменившим расклад сил в этой войне и позволившим государству начать одерживать победы над «спрутом», стало беспрецедентное нарушение закона «омертà» (молчание), веками цементирувавшего мафию: заговорили арестованные мафиози, получившие впоследствии имя «пентити» (дословно «раскаявшиеся», или информаторы).

Первым из них стал Томмазо Бушетта, важная фигура в Коза Ностра, объявленный Италией в международный розыск и арестованный в 1983 г. в Бразилии. С ним общался судья Фальконе, и у него создалось впечатление, что Бушетта готов «заговорить». Так и вышло – арестованный начал давать признательные показания, произведшие эффект разорвавшейся бомбы.

Показания Бушетта касались двух аспектов существования «уважаемого сообщества»: во-первых, внутренней организации и механизма функционирования Коза Ностра, во-вторых – заказчиков и исполнителей преступлений мафии. Именно эти свидетельства, смертельно опасные для «спрута», помогли судьям Джованни Фальконе и Паоло Борселлино добиться значительных успехов в борьбе с организованной преступностью (позже оба погибли от рук членов мафии). Показания Бушетта позволили полиции в ночь на 29 сентября 1984 г. (Дня Св. Михаила) внезапно осуществить молниеносную операцию захвата 366 мафиози, получившую название «блиц Св. Михаила».

* ИКП – Итальянская коммунистическая партия.

Бушетта, заговорив, создал прецедент: его примеру последовали многие другие мафиози. Благодаря показаниям «пентито» Тото Конторно, у которого мафия в наказание за отказ участвовать в устранении его родственника убила 35 человек родных и друзей, органы правосудия оформили ещё 127 ордеров на арест членов Коза Ностра и произвели 56 арестов её представителей в Палермо, Риме, Бари и Болонье.

Но, кроме этого, Бушетта стал главным свидетелем в т.н. «максипроцессе» над мафией в феврале 1986 г. Перед судьями предстали 300 обвиняемых, которым инкриминировали заказ и осуществление 120 убийств, похищения, наркотрафик, вымогательство, коррупцию; на скамье подсудимых сидели такие «боссы боссов», как Лучано Лиджо, Пиппо Калò, Микеле Греко, Салваторе Монталто, тогда как Тото Риина, Бернардо Провенцано и Леолука Багарелла были осуждены заочно. В целом показания Бушетта позволили отправить за решетку 350 представителей «высшего эшелона» мафии.

В 1991 г. правительство Италии, исходя из ситуации в Сицилии, инициирует глобальное расследование связей с мафией ведущих политиков, бизнесменов, представителей органов правосудия – начинается операция «Чистые руки» («Mani pulite»). В ответ на это Коза Ностра поднимает новую волну террора, который по своей интенсивности напомнил ужасы «свинцовых лет», память о которых еще была свежа. В частности, мафия в 1992 г. устранила судей П. Борселлино и Дж. Фальконе, убийство которых побудило Бушетта вновь сотрудничать со следствием и впервые приоткрыть завесу молчания над связями между мафией и политиками (по признанию Т. Бушетта, он испытывал к Фальконе чувство глубочайшей человеческой симпатии и уважения). В ходе следствия были арестованы тысячи коррумпированных политических деятелей и тузов бизнеса по всей Италии, что, несомненно, детерминировало постепенную оптимизацию ситуации в Сицилии и медленное, но усиление позиций государственной власти.

Наше предисловие к анализу сицилийской историографии, посвященной мафии, несколько затянулось, тем не менее без него было бы сложно объяснить и число публикаций, посвящённых феномену мафии, и их достаточно специфический характер.

Хотя в последние три десятилетия (после 1986 г. – даты «максипроцесса» над мафией, ставшей для Сицилии своего рода пограничным знаком между прошлым и будущим), а особенно после середины 90-х гг. XX в. тема мафии приобрела необычайную популярность, вследствие чего резко возросло число публикаций, посвящённых ей, серьёзных исследований на эту тему насчитывается крайне мало. В их числе – книга «Дела Коза Ностра», составителем которой является французская журналистка Марсель Падовани, а фактическим автором – сам судья Джованни Фальконе, чьи многочисленные интервью и были собраны воедино [*Falcone, Padovani*, 2012]; впервые книга была издана ещё при жизни судьи, незадолго до его убийства. В ней Фальконе излагает принципы существования и деятельности мафии, говорит о системе «извращенных ценностей», принятых «спрутом», о «технике» вовлечения мафией новых соучастников, способах накопления денег и их «запуска» в новый оборот, о стратегии запугивания общества и об отношениях её с политиками. Он также с горечью констатирует, что ему в борьбе с Коза Ностра приходится параллельно сражаться с теми, кто, формально находясь на его стороне (полицейские, магистраты, политики, представители государства), на деле утверждают, что «мафии не существует».

Разговор же о серьёзном научном анализе феномена мафии невозможен без упоминания академических произведений Франческо Ренда (1922–2013) – видного историка, политика, почётного профессора Университета Палермо, автора многочисленных трудов, специалиста по вопросам сицилийской истории. Его перу принадлежат такие исследования, как «Противостояние мафии как национальное движение» [*Renda*, 1993], «История мафии» [*Renda*, 1998] и «Избавить Италию от мафий» [*Renda*, 2008]. Именно в «Истории мафии» Коза Ностра рассматривается в своей исторической эволюции «как древнее и органичное» для Сицилии явление, порождённое патронально-клиентарными связями, существовавшими между феодалами (латифундистами) и находившимися в прямой зависимости от них крестьянами, также «подогретое иностранным господством» на Сицилии вначале испанцев, затем Бурбонов, которые пытались бороться с мафией, чем провоцировали её контрастное развитие, приобретавшее в глазах соотечественни-

ков черты «почти национально-освободительного движения». При всех заслугах Ф. Ренды как историка и учёного-аналитика нельзя не отметить некоторую недосказанность в его исследованиях, связанную с тем, что он рассматривал в качестве объекта своего научного анализа в первую очередь «старую мафию», в отношении которой все приводимые им доводы были более чем справедливы, и недооценивал «новую мафию», видя в ней нетипичное, сугубо городское криминальное явление, некоего «технического исполнителя» коррупционной воли политиков. Но, невзирая на эти несовершенства, отмеченные труды Ф. Ренда считаются классическими в мире сицилийской гуманитарной науки и оцениваются как весьма точные и проницательные с точки зрения понимания учёным роли мафии в истории Сицилии.

Даже беглый взгляд на даты публикаций первых двух трудов Ф. Ренда показывают, что они были написаны в годы, когда касаться темы мафии было откровенно опасно, чем во многом и объясняется тотальное молчание людей науки и журналистов в отношении столь опасных сюжетов. Этим же объясняется и резкий подъём публицистики в наши дни, когда писать о мафии стало модно, престижно и более или менее безопасно; мы констатируем это как некую данность, без всякого неуважения к авторам новейших публикаций, более того, мы испытываем глубокое уважение к их стремлению увековечить память о тех, кто отдал жизнь за освобождение Сицилии от «спрута».

Остановимся на интересном историческом исследовании «Дурная секта. К истокам мафии и каморры (1859–1878)» [Benigno, 2015], принадлежащем перу историка Франческо Бениньо – преподавателя современной истории на Факультете филологии и философии Университета Катании, который, апеллируя к термину XIX в. «опасные классы», под новым и неожиданным углом рассматривает понятие «организованной преступности» в Италии и Сицилии, в частности, такие социокриминальные явления, как сицилийская мафия и неаполитанская каморра в стадии их становления в конце XIX в. Новизна исследования состоит в том, что Бениньо, вопреки исторической традиции, принятой в Италии, категорически настаивает на разделении двух понятий – мафии (каморре) в XIX в. и мафии (каморры) XX в., особенно второй его половины, утверждая, что речь идёт о двух омо-

нимичных, но совершенно качественно отличных явлениях, между которыми, тем не менее, есть несомненная связь. Совершенно справедливо исследователь указывает на важную роль, которую в становлении мафии и её усилении всегда играли «коллективные настроения» в обществе, которые умело режиссировались представителями преступных сообществ всегда в свою пользу. Остановливая своё внимание, казалось бы, на конце XIX в. Бениньо, однако, параллельно исследует и современную ему реальность; термин «опасные классы», принятый в XIX в., вернее «содержание» этого термина, он рассматривает в контексте и прошлого, и современной реальности.

Оценивая состояние исследований, посвящённых мафии в Сицилии, и размышляя над причинами, обусловившими столь парадоксально малое число академических обращений к столь наболевшей теме в сицилийском научном сообществе, мы позволим себе некое предположение, базирующееся, впрочем, на достаточно глубоком знании описываемых реалий.

Ограниченный интерес сицилийских исследователей к этой проблеме детерминирован не только страхом, но и определённым чувством личной сопричастности, поскольку тема мафии в контексте Сицилии и её социума, достаточно закрытого, и сегодня переживается как очень болезненная, трагическая и очень личностная. Объясняется это тем, что в сицилийском обществе по большей части «все лично знали всех»: и членов мафии, и их жертв, и страшные десятилетия противостояния в Сицилии воспринимаются до сих пор сицилийцами «изнутри», через кровь, страх, переживания, похороны, звуки полицейских сирен, военное положение с патрулями на опустевших улицах, траурные заголовки газет и многое другое, через что им трудно переступить и сегодня.

Не менее удивительным и показательным является почти тотальное отсутствие в Сицилии исследований по вопросам **иммиграции**, особенно яркое и почти демонстративное на фоне исследовательского всплеска на эту же тему, наблюдаемого в других областях Италии.

Игнорирование сицилийским научным миром этой темы тем более поразительно, что в Сицилии, по официальным данным, на сегодняшний день проживает 2 млн. легальных и до 1,5 млн. нелегальных переселенцев

при численности населения области в 5 077 487 чел. (на 30 сентября 2015), и она среди всех итальянских областей является лидером по абсолютной численности мигрантов и их доле на душу местного населения. Сицилийский же город Мадзара-дель-Валло занимает первое место в Италии по относительному присутствию перемещённых лиц – население города в 480 тыс. чел. наполовину (239 тыс.) состоит из иммигрантов.

Дело в том, что Сицилия до очень недавнего времени (до июля 2018) представляла собой в прямом смысле слова «ворота Европы», через которые в европейский регион и в Италию, в частности, ежедневно проникали многочисленные мигранты, преимущественно из Африки и Азии.

Подобное изменение демографической ситуации в Сицилии знаменует собой выход региона из многовекового периода его пребывания в «интровертном», «закрытом» для инокультурных воздействий состоянии и «новое» превращение его в мультикультурное, поликонфессиональное и полиэтническое сообщество с крайне высоким процентным присутствием «пришлых».

Очень большая доля нелегальных мигрантов в Сицилии объясняется не только тем фактом, что последний раз «санация» (ежегодные три дня, предусмотренные властями Италии, для «выхода» мигрантов из состояния «нелегальности» и легализации их статуса без наказаний и депортации такой категории мигрантов) проводилась в Сицилии в 2011 г., но и тем, что в области такого рода мигрантам достаточно комфортно. Связано это с тем, что Сицилия представляет собой регион, где официальные государственные структуры не полностью контролируют все сферы жизни области, и Сицилия как принимающая мигрантов среда находится до сих пор под сильным влиянием и контролем локальных традиционных потестарных структур в лице мафии, детерминирующей и контролирующей численность поступающего миграционного контингента, и его распределение на локальном рынке труда, преимущественно «чёрном». Парадоксальным образом это приводит к урегулированию присутствия мигрантов, и как следствие – к оптимизации взаимоотношений сицилийцев с ними; показательно, что Сицилия является едва ли не единственной областью Италии, где эти взаимоотношения «местных» и «пришлых» вполне органичны, и где присутствие

большого массива «чужого» инокультурного населения не вызывает ни дискомфорта, ни нареканий у аборигенов.

Продолжая эту тему, следует отметить, что не в последнюю очередь привлекательность Сицилии для мигрантов, как легальных, так и нелегальных, обусловлена очень высокой степенью толерантности местного населения к «пришлым», не имеющей аналогов в других областях Италии и детерминируемой, очевидно, исторической памятью сицилийцев, восходящей к средневековым стандартам страноприимности, толерантности и веротерпимости, принятым как в эпоху Эмирата Сицилии, так и взятым на вооружение Королевством норманнов [Фаус, 2013:390–391].

Все перечисленные выше факторы и позволяют нам предположить, что «игнорирование» темы иммиграции в научных кругах Сицилии, невзирая на высочайшие показатели численного присутствия мигрантов, обусловлены ограниченностью и «беспроблемностью» их присутствия для сицилийцев.

Тем не менее в последние годы увидел свет едва ли не единственный труд, в котором, наряду с темами инсулярности, лингвистики, этнической идентичности, исторической памяти, затрагивается и проблема иммиграции в Сицилию. Речь идёт о коллективном сборнике «Острова. Меньшинства, мигранты, глобализация» [Isole. Minoranze culturali, 2007], представляющем собой совокупность докладов и сообщений на одноименном международном научном симпозиуме, организованном в 2007 г. упомянутым выше Фондом Буттитта. Авторами сборника выступают социологи, демографы, политики, лингвисты, этнологи, музыковеды, культурологи, антропологи, юристы, которые рассматривают все аспекты современного существования не только островных сообществ Италии в свете глобализации, наличия этнических, лингвистических и культурных меньшинств и присутствия мигрантов, но и судьбы в целом различных обособленных общностей («островов») в стране, специфика которых предопределена социальными, историческими, даже гендерными факторами. Среди авторов фигурируют выдающийся лингвист Туллио Де Мауро, известные культурные антропологи Антонино Буттитта и Антонино Кузумано, этнолог Фатима Джалломбардо и многие другие видные деятели науки и культуры Сицилии и Италии.

Открывая список тем, которые получили освещение в научном мире в рассматриваемый период, подчеркнём, что весьма важное место начинают занимать исторические исследования, сфокусированные на «пристальном» изучении определённых этапов или явлений в истории Сицилии. Направлений этих исследований много.

В частности, внимание многочисленных авторов по традиции продолжает оставаться заострённым на важном этапе в истории Сицилии, а именно – на эпохе господства **арабов** (827–1072) и создания на острове в IX в. мусульманского государства – Имара Саккалийа (Imarah Saqqaliyya или Эмират Сицилии). Вклад арабов в различные сферы сицилийской культуры – от сельского хозяйства до литературы, от градостроительства до космогонии, от социальной сферы до лингвистики – и значимость их присутствия в истории и судьбе острова отмечались всеми сколь-либо серьёзными сицилиановедами – начиная от таких классиков XIX в., как Дж. Питрè [Pitrè, 1978b] или Дж. Саломоне Марино [Salomone Marino, 1968], до виднейшего политика и историка-арабиста М. Амари (1806–1889), который посвятил арабскому присутствию в Сицилии много исследований, но в первую очередь – многотомный фундаментальный труд «История мусульман в Сицилии» [Amari, 2003].

Если говорить о современных научных академических исследованиях по сицилийской арабистике, то в первую очередь необходимо отметить труд историка-медиевиста Альберто Костантино «Арабы в Сицилии» [Costantino, 2010], в котором автор, преподаватель Высшей научной школы в Эриче (Сицилия), на основе вновь обнаруженных документов эпохи раннего Средневековья, вновь отслеживает историю высадки арабов в Сицилии, покорения всего острова, освоения его, создания мусульманского государства и его расцвета. Помимо этого, Костантино весьма подробно подвергает анализу то, что он именует «эхом» арабского присутствия, а именно – результаты арабизации в различных сферах жизни, психологии, быта, ментальности и культуры сицилийцев, живые и ощутимые и сегодня.

Самого пристального внимания заслуживает монография видного сицилийского историка-медиевиста и писателя, академика Сицилийской

академии наук, литературы и искусства, члена многочисленных научных комитетов в Италии и Европе, автора многочисленных исторических трудов – Салваторе Трамонтана «Остров Аллаха. Места, люди и вещи в Сицилии IX–XI вв.» [*Tramontana*, 2014], в которой автор буквально создаёт энциклопедию жизни сицилийцев и арабов в эпоху мусульманского государства на Сицилии, не оставляя без внимания ни одну грань этой жизни – от религии до сельского хозяйства, от ритуалов до топонимии и ономастики, от законодательства до языковой ситуации.

Важным вкладом в дело изучения роли и места арабов в сицилийских истории и культуры являются исследования дипломированного историка и архитектора Фердинандо Мауричи. Его перу, в частности, принадлежит такая работа, как «Краткая история арабов в Сицилии» [*Maurici*, 1995], высвечивающая новые, дотоле неизвестные, грани завоевания и освоения Сицилии. Ещё более интересен труд «Арабский Палермо. Синтез урбанистической эволюции (831–1072)» [*Maurici*, 2015], в котором речь идёт не только о градостроительной практике арабов, но и об их активном участии в организации социальной жизни острова, благодаря чему Палермо становится одним из наиболее крупных, развитых и богатых городов тогдашнего исламского мира. Кроме того, освещаются особенности внутренней и внешней политики созданного на Сицилии арабского государства, его мирным взаимоотношениям с Италией и государствами Европы. Интереснейшим аспектом исследования становится анализ арабского культурного и политического наследства, неожиданно получившего высокую оценку и новый стимул к возрождению в эпоху правления норманнов, последующих правителей Сицилии.

Сицилийский историк-арабист, специалист по исламу, автор многих трудов, посвящённых идеологии мусульманских стран и психологии их населения Антонино Пеллитери, в своём труде «Сицилия и ислам. Наброски за пределами истории» [*Pellitteri*, 2016] действительно выходит за рамки сугубо исторической канвы. Он оценивает период арабского завоевания – достаточно короткий в масштабах всей истории, как весьма значимый для сицилийцев с точки зрения культурных, психологических, духов-

ных последствий этого завоевания. А. Пеллитери рассматривает данный период как время активного формирования определённых стереотипов мышления и поведения как в среде арабов-завоевателей, так и в среде сицилийцев, а также у тех и других в процессе их контактов, анализирует составляющие исторической памяти сицилийцев, то, что в этой памяти и в психологии жителей острова осталось «от арабов», и то, что, на его взгляд, детерминирует особенный характер сицилийцев, их самобытность как этнической общности и их отличие от других народов Италии и Европы.

Две монографии посвящены искусству, литературе, поэзии, увидевшими свет на земле Сицилии в русле арабо-сицилийской «синтезной» традиции. Одна из них – «Арабские поэты Сицилии» [*Poeti arabi di Sicilia*, 2002] – содержит оригинальную авторскую поэтическую «часть», датируемую IX–XI вв., и критически-литературоведческую, принадлежащую перу филолога, специалиста по арабской литературе, поэтессы Франчески Марии Коррао, убедительно доказывающей, сколь плодотворным оказался этот кросс-культурный сплав, образовавшийся в Сицилии.

Вторая монография с интригующим названием «Сицилийская мозаика. История, искусство, поэзия, начиная с арабо-сицилийской встречи, в странах Средиземноморья» [*Mangiafico Gianni*, 2017] принадлежит перу Лучии Манджафико Джанни, журналистки, которая тем не менее достаточно основательно, прибегая к научным источникам, исследует Сицилию как колыбель зарождения новой «арабо-сицилийской» синтезной культуры. Влияние этой культуры, в т.ч. и персонализированное, в лице носителей этой культуры, оказывает генерирующее влияние на развитие науки и культуры в ряде регионов Средиземноморья, включая страны Европы (Испанию, Португалию) и Магриба (Тунис, Марокко, Алжир), принося туда «споры» этой новой культуры.

Интереснейшим с научной точки зрения является исследование, посвящённое «транзитному периоду» в истории Сицилии между арабским господством и норманнским. Речь идёт о монографии «Закат исламской Сицилии. Историческое расследование продолжавшегося этнического насилия» [*Ruta*, 2014], принадлежащее перу Карло Рута, с этим именем мы ещё

столкнёмся ниже, в контексте исследования «норманноведческого» направления сицилийской историографии. Несколько слов об авторе. Карло Рута – журналист; получивший высшее образование на Факультете философии в университете Мессины, а затем второе – в Университете Урбино по специальности «Теория познания и коммуникаций в истории», в последнее время серьезно занимается исследованием исторической проблематики.

Монография Карло Рута посвящена событиям, происходившим в период господства норманнов в Сицилии, в контексте «мирного сосуществования» между представителями ислама, сохранившими свои позиции при новой власти, и христианами. Но при внешней толерантности норманнских королей к арабам и декларируемой правителями политики поддержания полиэтничности и поликонфессиональности в государстве за кулисами шла подготовка, подогреваемая местными нобилями, епископатами и самой властью, к «выжиманию» и дальнейшему уничтожению любых следов богатейшего в культурном и экономическом отношении арабского присутствия и наследия, созданного руками и умами предшествующих арабских правителей Сицилии. Прибегая к «репортерским» приёмам, Рута, проделав кропотливую работу и опираясь на архивные документы, многие из которых не были обнаружены учёными ранее, отслеживает пути христианской «реконкисты» в Сицилии, продолженной потом папством и инквизицией, в первую очередь, – испанской.

В меньшей степени в современной Сицилии представлены исследования, посвященные **норманнскому периоду** истории острова. Возможно, это связано с тем, что данный период предстает достаточно изученным ранее. Достаточно вспомнить такие работы, как «Швабско-норманнское государство» [Monti Gennaro, 1945] пера историка Монти Дженнаро, «Византия и византийство в норманнской Сицилии» [Giunta, 1974], автор которой – Франческо Джунта, известный сицилийский историк и искусствовед, «Норманнское королевство в Сицилии» [Caravale, 1984] также историка Марио Каравале.

Особняком стоят исторические труды уже упомянутого нами ранее Салваторе Трамонтана, в той или иной степени анализирующие период

норманнского господства и все особенности этого господства, благодаря которым Сицилия эпохи норманнов вошла в историю как «счастливейшее государство», основанное на толерантности, веротерпимости, многоязычии и многокультурности. Подтверждению или опровержению этих расхожих исторических клише и посвящены эти монографии, в который автор, опытный медиевист, исходя из архивных материалов и документов, умело препарирует историю Сицилии, выделяя в ней исторические реалии и мифологемы. Речь идёт о таких трудах, как «Эфемерность норманнской Сицилии» [Tramontana, 1984], «Норманнская и швабская монархия» [Tramontana, 1984], «Годы Сицилийской вечерни. Мифы, хроника, история» [Tramontana, 1989], «Средневековый Юг Италии. Норманны, швабы, анжуйцы, арагонцы в XI–XV вв.» [Tramontana, 2000] и, наконец, «Королевство Сицилии. Человек и природа с XI по XIII вв.» [Tramontana, 2015].

Очень интересным предстает коллективный сборник, состоящий из трёх очерков: первый – в историко-лингвистическом ключе (Фердинандо Раффаэле), второй – с позиций анализа этнической и религиозной ситуации (автор, уже знакомый нам, Карло Рута) и третий – с точки зрения оценки состояния науки и техники (Себастьяно Туза) в эпоху Норманнского королевства. Основной акцент всех трёх авторов сборника под названием «Христиане и мусульмане в норманнской Сицилии» делается как раз на анализе взаимоотношений представителей двух господствующих конфессий в рамках одного государства (Королевство норманнов базировалось не только на принципах полиглоссии – официальными языками считались арабский, латынь, греческий, сицилийский и иврит – но фактически на принципах поликонфессионализма) [Raffaele, Ruta, Tusa, 2015].

Говоря об исследованиях, посвящённых эпохе заката норманнского господства на Сицилии и за её пределами, нельзя обойти стороной и последний труд уже известного нам историка Франческо Ренда «Фридрих II и Сицилия» [Renda, 2012], хотя формально его монография посвящена исключительно судьбе Фридриха II Штауфена – короля Германии, императора Священной Римской империи и короля Сицилии, прямого наследника норманнской династии, внука короля Сицилии Рожера II. Фр. Ренда анали-

зирует причины, побудившие Фридриха бороться за включение Сицилии в состав Священной Римской империи, чему очень противилась Церковь. Преодолев её сопротивление, Фридрих на «фундаменте», выстроенном норманнами, создал Сицилийское королевство на «новый лад» и провёл реформы, превратив это королевство в самое централизованное государство в Европе, с самой сильной властью короля. Эпоха Фридриха – это также время создания университета в Неаполе, превращение Фоджи в столицу, а Мелфи – в культурный центр государства, оформления сицилийского языка на основе вульгарной латыни и многих других свершений.

Наконец, если говорить о русле современного «норманноведения», то необходимо упомянуть такую работу, как «Норманнская Сицилия» [Spoto, 2017]. Её автор – известный журналист и литератор Салваторе Спото, что неизбежно накладывает свой отпечаток на манеру подачи материала и несколько «беллетризирует» язык изложения. Тем не менее монография представляет собой вполне полноценное с научной точки зрения произведение, в котором развёрнуто описание того, как на фоне конфликта двух мощных противников – Священной Римской Империи и папства – на базе исламского эмирата Сицилии в X в. постепенно набирает силу новый «протагонист» – норманнская власть, чей экономический и военный потенциал с течением времени приобретает международное «звучание» и признание. В Сицилии арабские астрологи и математики встречаются с медиками Салернской школы и с воинами и монахами Северной Европы, тем самым воплощая в жизнь принципы норманнских правителей, реализовывавших на практике идеи толерантности и сосуществования разных народов и культур: мусульман и христиан, арабов и евреев, византийцев, ломбардцев, представителей многих этносов Магриба и Европы, «сплав» которых позволил открыть новые границы цивилизации.

Ещё одной весьма популярной исторической темой, всплеск популярности которой в сицилийской научно-исследовательской среде приходится на описываемый современный период, является тема присутствия в Сицилии **испанской инквизиции** (1500–1782), деятельность которой развёртывается в период испанского господства над островом.

В первую очередь среди ученых, исследующих это явление, необходимо вновь вспомнить уже упоминавшегося выше историка Франческо Ренда. Его фундаментальный труд «Инквизиция в Сицилии. Факты. Персонажи» увидел свет в 1997 г., на гребне отмеченного выше возрождения в Сицилии интереса к фактам «собственной» истории и культуры [Renda, 1997]. Но было бы неправильным не отметить, что пальма первенства в разработке подобной темы принадлежит не ему. Задолго до Ф.Ренда краеугольный камень в дело исследования деятельности Святейшей инквизиции на земле Сицилии был заложен сицилийским историком и юристом Вито Ла Мантия (Vito La Mantia) (1822–1904), который в силу своих профессиональных полномочий имел доступ к ещё секретным на тот момент (конец XIX в.) архивным документам церкви и светских властей. Им были созданы капитальные, глубоко фундированные труды «Истоки и дела инквизиции в Сицилии» [La Mantia, 1977], а также «Инквизиция в Сицилии: те, кто ускользнул от многовекового гнета, 1487–1732: документы по отмене инквизиции, 1782» [La Mantia, 1904], получившие признание не только в Сицилии, но и далеко за её пределами, в Италии, Европе и в Новом Свете.

Затем, после Ла Мантия, наступило, образно говоря, глубокое и длившееся почти век молчание в отношении темы инквизиции. Это было обусловлено режимом тотального идеологического контроля со стороны католической церкви и Ватикана, установленного в Италии, с многолетним господством в стране Христианско-демократической партии, чьи позиции на Сицилии были и вовсе нерушимыми. До появления трудов Ф. Ренда в Сицилии увидела свет работа всего одного автора, осмелившегося нарушить политически и идеологически санкционированное «священное молчание». Это был уже упомянутый нами выше Франческо Джунта (Francesco Giunta), в 1991 г. издавший солидный фолиант «Досье инквизиции в Сицилии: органиграмма Святейшего Органа (следственного и судебного) в середине XVI в.» [Giunta, 1991]. Показательно, что эта работа появилась в период т.н. «гуманитарного Возрождения» Сицилии, когда абсолютная гегемония ХДП пошатнулась, очень усилились позиции левых сил, в первую очередь ИКП, и ряд законодательных актов, принятых

Региональной Ассамблеей (Правительством Сицилии), ограничил церковную цензуру и рассекретил многие клерикальные документы, дотоле считавшиеся «навек запертыми». Именно благодаря этим актам увидели свет обнаруженные в 1985 г. обширные тайные материалы архива Главного управления инквизиции в Сицилии [Burgarella, 1986].

Но вернёмся к труду Ф. Ренда. Необходимо отметить, что он был первым историком, подчеркнувшим тот факт, что инквизиция как особый трибунал католической церкви была формально учреждена в Сицилии ещё в 1224 г. императором Фридрихом II, и что активное присутствие там этого органа расследования и наказания подготовило хорошую почву для будущей деятельности испанской инквизиции впоследствии.

Привлекая данные, почерпнутые в ранее «незадействованных» в исследованиях сицилийских архивах, в частности, в Городском архиве в Палермо, в церковных архивах, а главное – секретные материалы архива Главного управления инквизиции, и оперируя дотоле неизвестными фактами, Ф. Ренда впервые в истории Италии и Сицилии рисует обзорную, очень широкую картину деятельности испанской инквизиции на острове.

Во-первых, исследователь проводит сравнительно-сопоставительный анализ политики инквизиции в различные исторические периоды (во времена правления Фердинанда Католика – короля Кастилии, Арагона, Сицилии, при Карле V, в эпоху Трентского собора, в период правления вице-короля Сицилии Марко Антонио Колонны и т.д.). Во-вторых, впервые в итальянской – и особенно сицилийской – истории Ренда говорит не только об инквизиторах, приводя подчас рассекреченные биографические данные некоторых из них и называя их поименно [Renda, 1997: 197–240], но и подробно останавливается на «категориях» жертв инквизиции, что явилось абсолютным новшеством в сицилийской историографии. В частности, он пишет о т.н. «христианах Моисея» (cristiani di Mosè) – крещёных иудеях, «порождении» политики испанских королей Фердинанда Католика и Изабеллы Кастильской, в 1492 г., «распространивших» и на Сицилию действие закона о «зачистке» подвластных им территорий от евреев; о крещёных мусульманах – «христианах Аллаха» (cristiani di Allah), численность

которых в Сицилии была весьма велика, поскольку в IX в. остров был захвачен арабами, значительно исламизировавшими местное население, и оставался в составе мусульманского государства вплоть до конца XII в; о последователях Лютера и Кальвина и приверженцах различных ересей; о согрешивших и уличённых в грехе представителях католического клира (женатых или «блудящих» монахах и священниках, клириках-педофилах и клириках-мужеложцах); наконец, о весьма численной категории грешников, или, вернее, грешниц, в которую входили знахарки, колдуньи, чревоущательницы, гадалки всех родов, а также те, кого обвиняли в ведовстве – т.н. «донне ди фора» (*donne di fora*, «женщины издалека»), они же – «ночные женщины» (*donne di nott*). [*Renda*, 1997:241–450].

Ф. Ренда не только включает в свой труд сугубо личные исповеди и признания обвиняемых из протоколов следствия и допросов, но также приводит почерпнутые в архивах статистические данные в отношении «следователей» и «подследственных», количества заведенных дел, процессов, «аутодафе», казней, из которых следует, что за весь период деятельности Святейшей инквизиции в Сицилии по инициированным ею обвинениям разной степени тяжести так или иначе привлекалось едва ли не 60% всего населения Сицилии! [*Renda*, 1997:242].

Надо отметить, что этот труд, казалось бы, столь академический, «специальный» и тематически узкий и одновременно, обладающий столь широким охватом исследуемой темы, снискал невероятную популярность среди представителей сицилийской интеллигенции, усматривавших в нём некие намеки на современную им действительность, аллюзии на политику светских властей и церкви в Сицилии в конце XX в.

Казалось бы, после написанного Ф. Ренда трудно было сказать что-то новое в данной области, однако последовавшие за ним труды, посвящённые этой же теме, опровергают это. В 2005 г. появилась книга «Правительство, институции, инквизиция в испанской Сицилии. Процессы, посвящённые магии и суевериям», принадлежащая перу сицилийской исследовательницы Мелиты Леонарди [*Leonardi*, 2005], преподавателя истории и философии Университета Катании. Если Ф. Ренда делал основной упор на

архивные материалы, касающиеся фактических следственных действий и их протоколов, то М. Леонарди, ограничив свое поле исследования лишь такими группами обвиняемых, как привлечённые за магию и еретические оккультные действия, в своём исследовании ставила во главу угла юридический аспект проблемы, а именно – документы испанского светского права XV–XVIII вв., а главное, почерпнутые в архивах правовые акты католической церкви и Святейшего органа инквизиции в отношении соответствующих категорий грешников.

Несколькими годами позже, в 2009–2010 гг. в Неаполе была опубликована книга сицилийца Роберто Принчиотта, преподавателя истории в лицеях Палермо, с достаточно помпезным названием «Инквизиция в Сицилии: путешествие в причудливый и много обсуждаемый период истории через посредство экстраординарной и редкой документации» [*Princiotta*, 2009–2010]. Не менее претенциозным был и язык изложения, тогда как содержание, хоть и выдержанное по стилю в лучших академических традициях, с хорошо оформленным справочным аппаратом, в целом оставляло желать лучшего. Но тем не менее очевидной заслугой автора можно считать то, что он впервые максимально полно привёл на страницах своей книги свод записей и рисунков, оставленных на стенах узилища жертвами инквизиции. Эти многочисленные граффити были обнаружены под слоями штукатурки в 2002 г. в ходе археологических и реставрационных работ, проводившихся в Палермо во дворце Палаццо Стери, в стенах которого с 1600 по 1782 гг. по указу испанского короля Фелипе III располагался Трибунал инквизиции, а в подземных подвалах – страшная Тюрьма осуждённых (*Carcere dei Penitenziati*) с тесными и узкими камерами, именуемыми «филиппинками» (реставраторы были поражены не только объёмом найденных рисунков и записей, но и зачастую высочайшим литературным уровнем последних, что указывает на то, какие категории населения попадали в застенки инквизиции).

В 2007 г. увидела свет публикация Марии-Софии Мессана Вирга (1940–2011), историка, профессора Университета Палермо, преподавателя курса Средневековой и современной истории на Факультете политических наук. Её

труд «Инквизиторы, некроманты и ведьмы в Сицилии 1500–1782 гг.» [Messana Virga, 2007] был посвящён, как это следует из названия, судьбе тех категорий людей, статьи обвинения которых относились к числу весьма распространенных в Сицилии. В изданной в 2012 г. – увы, посмертно – второй книге этого же исследователя «Святое Управление Инквизиции: Сицилия» [Messana Virga, 2012], развивающей затронутую тему, наряду с подробным анализом процедуры следствия, особенностей содержания заключенных в камерах, тюремного быта, аутодафе, казней, в контексте исследования процессов инквизиции в Сицилии, детально рассматриваются и т.н. «дела врачей», поскольку в Сицилии, наряду с медицинской практикой, были крайне широко распространены запрещённые и преследуемые знахарство, экзорцизм и магически-религиозные терапевтические практики, в результате чего под подозрение часто попадали официальные медики и фармацевты.

Мессана Вирга впервые также анализирует судьбу ранее не исследовавшейся в итальянской историографии категории жертв испанской инквизиции – а именно тех, кто вернулся на родину из рабства или плена, вне зависимости от того, шла ли речь о детях, женщинах или мужчинах, поменяли эти бывшие пленники веру или остались христианами. В Сицилии, систематически подвергавшейся набегам сарацинов и пиратов, с учётом существовавшей в Европе и Италии и в позднем Средневековье весьма разветвленной системы работорговли, эта категория «бывших рабов» была весьма многочисленна; практически все они оказывались под весьма пристальным вниманием инквизиции, причём многие так и оканчивали свои дни в тюрьме без суда, поскольку, по статистике, до этой статьи обвинения у инквизиторов, как правило, не доходили руки.

В 2012 г. появилась работа историка Гаспаре Ли Каузи, который, в отличие от своих коллег-предшественников, впервые подверг анализу деятельность испанской инквизиции, но не в «стольных городах» Сицилии – Палермо и Катании, а в маленьких центрах сицилийской провинции. Речь идёт о книге «Сицилия, Марсала и населённые пункты провинции Трапани во времена Испанской Инквизиции» [Li Causi, 2012].

В контексте разговора об исследовании деятельности испанской инквизиции в Сицилии необходимо отметить небольшой по объёму, но крайне интересный труд «Дiaspora голосов. Евреи, «обращённые», еретики, каббалисты между Изгнанием (евреев) и Инквизицией в Сицилии», опубликованный в 2016 г.

Идея книги была предложена профессором Джованной Фиуме, преподавателем новой и новейшей истории Факультета политических знаний Университета Палермо, а сам научный проект был реализован силами журналистки Личии Кардилло Ди Прима и школьного преподавателя истории и философии Анджелы Скандалиато [*Cardillo Di Prima, Scandaliato, 2016*]. Книга представляет собой совокупность недавно обнаруженных архивных документов: протоколов допросов конкретных исторических лиц — иудеев, оставшихся в Сицилии в «своей вере» после 1492 г. — года начала изгнания их из сицилийских земель, крещёных иудеев, каббалистов, представителей различных ересей, а также записанных со слов жертв инквизиции своего рода исповедей и объяснений. Все эти документы, лишь недавно обнаруженные в сицилийских архивах, сопровождаются историческими комментариями авторов-составителей этого труда. Впервые в истории исследования темы инквизиции в Италии повествование ведётся исключительно от «лица» самих привлечённых к суду и осуждённых.

Несмотря на то, что формально оба автора не принадлежат миру науки, они уже зарекомендовали себя достаточно серьёзными специалистами в сфере сицилийской медиевистики, а, кроме того, и иудаики в её локальной версии. Личиа Кардилло Ди Прима, живущая в маленьком сицилийском городке Самбука ди Сичилиа, много сотрудничала с такими крупными сицилийскими печатными изданиями, как «Медитерранео» и «Република», публикуя статьи на исторические темы. Анджела Скандалиато, наряду с преподаванием в школе, ведёт семинары в Сицилийском институте еврейских исследований (Istituto Siciliano Studi Ebraici), входит в состав Итальянской ассоциации по исследованиям в сфере иудаики (Associazione Italiana per lo Studio del Giudaismo) и Европейской ассоциации по исследованиям в области иудаики (European Association for Jewish

Studies) и считается одним из наиболее компетентных специалистов в сфере сицилийской иудаики.

Особым направлением в сицилийской гуманитарной историографии в исследуемый нами период становится «**городоведение**», которое, наряду с архитектурным описанием сицилийских городов, исследованием истории градостроительства, предполагает их анализ в «антропологическом ключе», с учётом населения, его истории, этнического и конфессионального состава, рода занятий, обычаев и обрядов – всего того, что в совокупности определяет неповторимый облик того или иного полиса, его этнографию.

Одним из ведущих специалистов этого направления можно считать Розарио Ла Дука (1923–2008), признанного историка искусства, но одновременно дипломированного инженера, преподавателя университета по обоим этим «направлениям» своей деятельности. Уроженец Палермо, он посвятил себя родному городу, начав ещё в 90-е гг. XX в. свои изыскания по исследованию истории столицы Сицилии. Исследовательская деятельность Ла Дука нашла своё отражение во многих статьях и монографиях, выдержанных в классическом научном академическом стиле, с богатым справочным аппаратом, но при этом написанных столь живым языком и так эмоционально, что это делает их вполне понятными даже для неподготовленного читателя.

Едва ли не первой, увидевшей свет, книгой стал его труд «Яды Палермо» [*La Duca*, 1970], в котором исследование судеб знаменитых сицилийских отравителей (включая и госпожу Тофану) «вплетено» в историю города и всей Сицилии. Огромную значимость для области в целом приобрёл труд Ла Дука «Палермо вчера и сегодня» [*La Duca*, 1991], поскольку в нём рассматривалась история города в контексте региональных исторических событий. Тема эта получила своё развитие, труд был дополнен новым материалом, что в следующем издании увеличило его объём до 3-х томов [*La Duca*, 1997], посвящённых не только истории города, но и его отдельных кварталов, а также своду архивных материалов, проливающих свет на городские традиции, обряды, ритуалы.

В начале XXI в. (с 2000 по 2003 гг.) выходят свет три тома новой книги Ла Дука «Пешеходный город» [*La Dusa*, 2000–2003], в которой Палермо рассматривается детально, словно под увеличительным стеклом, и где за судьбой зданий читаются судьбы людей – известных исторических персонажей и обычных горожан.

В 2006 г. был опубликован «главный» труд Ла Лука «От Панормус к Палермо: город вчера и сегодня», в котором уже очень немолодой учёный, не утративший ни энергии, ни ясности ума, ни своего исследовательского потенциала, подал предмет своих многолетних исследований в максимально развернутом виде, подарив сицилийцам и итальянцам богатейший антропологический детализированный «портрет» полиса и его обитателей.

В последние годы в Сицилии увидело свет много «городоведческих» работ, но далеко не все из них отличаются глубиной и высоким научно-исследовательским уровнем; часто их авторами выступают журналисты, а сами книги представляют собой в лучшем случае описания, но не исследования.

Тем более ценной выглядит (и является) работа, автор которой по праву может считаться «учеником» и «последователем» Ла Дука. Речь идет о книге «Переулки, переулки. Палермо. Интимный путеводитель по человеческим памятникам», принадлежащий перу Алли (Алессандры) Траина [*Traina*, 2008–2009]. Выпускница факультета архитектуры Университета Палермо, дизайнер, Алли Таина, осуществив этнографическое исследование определенных, самых архаичных и консервативных районов Палермо, сумела вполне «в духе» Р.Ла Дука подойти к анализу и описанию города, его истории, а, главное, обитателей, и на примере Палермо передать дух города и особенности ментальности, психологии и поведения сицилийцев.

Надо отметить, что в Сицилии в последнее время стали появляться работы, исследующие именно эти «невидимые» аспекты этнографии сицилийцев и их жизни, а именно – принятые в обществе стандарты поведения, детерминированные во многом **этническим характером и самосознанием** жителей острова.

Среди подобных исследований нам хотелось бы остановиться на двух, принадлежащих перу уже упоминавшегося выше Даниэле Биллиттери, жур-

налиста, репортера вначале газеты «L’Ora», а в настоящее время «Giornale di Sicilia» – ведущих периодических изданий Сицилии. Речь идёт о «Homo Panormitanus. Хроника вымирания, которой не должно быть» [Billitteri, 2003a] и «Femina Panormitana. Искусство тайного матриархата» [Billitteri, 2003b], представляющих собой великолепную зарисовку нравов сицилийцев, энциклопедию локальных характеров, взглядов, поведенческих стандартов, мотиваций поступков, поданных с позиций как мужчины, так и женщины, в контексте анализа «мужского» и «женского» мира Сицилии, в социуме которой это разграничение вполне ещё актуально и ощутимо, причём вне зависимости от социальной принадлежности жителей и их и культурно-образовательного уровня.

Анализ «типичных» и характерных проявлений сицилийского характера в бытовых, повседневных ситуациях содержится и в книгах Гаэтано Базиле – «Палермо счастливейший (или почти...)» [Basile, 2007a] «Палермо счастливейший (акт второй)» [Basile, 2007b]. С именем этого журналиста и публициста, основателя этноантропологического периодического издания «Питрè» (Il Pitrè), мы ещё неоднократно столкнемся ниже, – нет практически ни одной грани сицилийской истории или культуры, которая не получила бы освещения в его публикациях: от испанского господства над островом до особенностей сицилийского языка и его идиоматики, от специфики локальной кухни до традиционной обрядности, ритуальности и фольклора. У представителей научного мира отношение к деятельности Базиле двояко: с одной стороны, подобная разносторонность журналиста справедливо вызывает определённый скепсис, поскольку зачастую она сопряжена с поверхностностью подачи материала, с другой – ценен круг затрагиваемых им проблем и поднимаемых тем, а также сохранение им утраченных исторической памятью сицилийцев деталей быта, культуры, ментальности его сограждан.

Упомянутые выше книги Базиле не лишены определённого интереса, но их нельзя и сравнить с глубокими и хорошо фундированными аналитическими зарисовками Биллиттери, проникающего в самую суть психологии и этнического характера сицилийцев.

Тема изменения традиционных локально-обусловленного поведения, сознания и самосознания сицилийцев, их самовосприятия, моделей личного и общественного поведения в Сицилии на современном этапе рассматривается сквозь призму локальных политики и экономики в коллективном сборнике «Я, сицилиец. Между гордостью и разочарованием» [*Io, Siciliano*, 2009]. Его соавторы – молодой юрист, преподаватель права Университета Палермо Маурицио Милициано, его сверстник адвокат Франческо Леоне, подвизавшийся на журналистско-писательском поприще, и Даниэле Калтаджироне Аманте, инженер-«электронщик», в последнее время занимавшийся проблемами экономического развития Сицилии и роли молодёжи в этом развитии в условиях современного кризиса. Предисловие к сборнику написано мэром Палермо, видным политиком и административным деятелем Леолука Орландо, и в нём он указывает, насколько изменилась психология сицилийской молодёжи, выросшей в период, последовавший за победами над мафией, и сформировавшей свои взгляды в условиях гражданского общества, в отрыве от традиций отцов.

Среди многочисленных сицилийских наработок по отдельным конкретным темам особняком стоит одно **синкретическое исследование**, которое сводит воедино многие сицилийские темы и сюжеты, связанные с традицией. Речь идёт о великолепном в научном отношении труде «В поисках корней. Традиции и мифы в Сицилии» [*Romano*, 1999–2000], в котором освещаются одновременно былое и современное состояние традиционной похоронной, родильной, брачной обрядности; исторические судьбы сицилийской школы и состояние образования в Сицилии; городские и сельские труд и ремёсла (в прошлом и настоящем), и одновременно – рецептура и типология хлебов; описание труда пастухов вчера и сегодня, и наряду с этим – описание календарной обрядности. При этом большой диапазон тем не сказывается негативно на качестве поданного материала по каждому отдельному сюжету. Как отмечали впоследствии рецензенты-этнологи, труд написан с удивительной любовью не только к Сицилии вообще, но и к каждому предмету исследования в частности; более того, в стиле и языке изложения видно стремление ориентироваться на высокие исследователь-

ские стандарты, созданные такими классиками «сицилиановедения», как Ант. Уччелло, Т. Д'Алба и прочими представителями этого поколения интеллектуалов и исследователей.

Самое примечательное, что автором этого глубоко фундированного академического труда, удивительным образом апеллирующего к прежним высококачественным традициям научного творчества, является пожилой школьный учитель математики Энцо Романо (1933–2009), живший и работавший в Мистретта (пров. Мессина), и со временем ставший вдохновенным краеведом и даже лингвистом. Так, его труд «Фрагменты народной культуры в Мистретта» [Romano, 1991], а, главное, – исследование «В отчем доме. Диалект и народная культура в Мистретта», посвященное реконструкции утраченного архаичного языка сикулов – древнего автохтонного населения Сицилии [Romano, 1994], которое было удостоено в 1994 г. итальянской премии «Джузеппе Коккьяра» за «заслуги в создании этнотекстов на архаичном диалекте Мистретты... и реконструкцию культуры горной области Сицилии – Неброди». Романо, незадолго до своей кончины, успел написать и ещё один филологический труд «Сицилийские диалекты и письменность» [Romano, 2006], получивший высочайшую оценку не только сицилийских лингвистов, но и международных специалистов по романским языкам.

В целом труды по сицилийской лингвистике, истории, особенностям и специфике сицилийского языка занимают огромное и важное место среди современных исследований, проводимых в Сицилии. Всплеск интереса к данной проблематике не случаен – с одной стороны, язык является одним из «краеугольных камней», на которых зиждется этническое самосознание сицилийцев и ощущение их принадлежности к единой этнической общности, с другой – тема языка, не имеющего статуса языка, остаётся достаточно болезненной для сицилийцев, причём для представителей всех без исключения социальных слоёв островного социума.

Вспомним в этой связи, что сицилийский язык, (число носителей которого варьируется от 7 до 10 млн. чел., поскольку им владеют также представители сицилийских диаспор в различных регионах мира), при числен-

ности населения Сицилии в 5 077 487 чел. (на 30 сентября 2015 г.) и при полном «доминировании» в Сицилии как средства коммуникации и в устной, и в письменной речи, не является официальным нигде, в т.ч. и на самой Сицилии. Исключение составляют несколько коммун области (например, Кальтаджироне и Граммикеле), в статутах которых сицилийский, исключительно решением местной администрации, фигурирует как официальный язык.

Согласно Европейской хартии региональных языков, сицилийский язык подлежит защите и помощи в развитии, более того, он может претендовать на признание его в рамках Европы самостоятельным региональным языком, исходя из того, что «под региональными понимаются языки... не являющиеся диалектами официального языка Государства», как гласит ст. 1 Хартии. Беда лишь в том, что парламент Италии всё ещё не ратифицировал этот документ.

Единственной организацией, занимающейся проблемами сицилийского языка, и, в частности, вопросом признания его как официального области Сицилия, является созданный в 1951 г. «Centro di studi filologici e linguistici siciliani – CSFLS» (Центр исследований сицилийской филологии и языкознания) в Палермо. Именно Центр апеллировал не только к историко-демографическим, но и к лингвистическим основаниям признания сицилийского языком.

Более того, исключительно по инициативе Центра и под его постоянным «нажимом» власти Сицилии в 2011 г. приняли закон (Legge regionale Sicilia n. 9 – 31.05.2011) о «Нормах продвижения, оценки и обязательного преподавания сицилийских истории, литературы и лингвистического наследия в школах Сицилии», который пока, правда, не реализуется на практике и в котором сицилийский вновь именуется не языком, но «лингвистическим наследием». И тем не менее принятие подобного закона, пусть и на уровне сицилийской автономии, знаменует собой важную победу для сицилийцев в деле признания их исторической и культурной «самости».

Несмотря на свидетельства того, что уже в XIII в. сицилийский существовал как автономная лингвистическая единица и как литературный и

государственный язык, параллельно с итальянским произошедший от вульгарной латыни, невзирая на тот факт, что сицилийский признан глоттологами (лингвистами) самым ранним литературным языком в Италии, официальная лингвистическая «сертификация» его как языка произошла недавно. Исходя из анализа сицилийского и его истории, «отдельным языком», «отличным от итальянского» его считают авторы «Атласа языков мира», создатели справочника «Этнолог: Языки мира»; самостоятельным языком его рассматривают и в ЮНЕСКО.

Свою лепту в дело признания сицилийского языком, а не диалектом итальянского внесли американские лингвисты Дж.К. Боннэр и Г. Чиполла, а также австралийский филолог Дж. Халл.

Но решающая роль в борьбе за официальный лингвистический статус сицилийского языка принадлежит учёным вышеупомянутого Центра исследований сицилийской филологии и языкознания, в первую очередь, Джованни Руффино, видному филологу, глоттологу и диалектологу, профессору лингвистики и декану Факультета филологии и философии Университета Палермо, с 1981 г. возглавляющему Центр исследований.

Среди современных сицилийских ученых-гуманитариев Джованни Руффино занимает, несомненно, особое место. За его заслуги в деле развития сицилийской филологии и за вклад в сокровищницу мировой лингвистики он удостоен многих заслуженных почестей. Руффино – президент Центра исследований сицилийской филологии и языкознания, входит в научный комитет международного академического журнала «Géolinguistique», в редакционные советы многих итальянских и международных научных периодических изданий по диалектологии и лингвистике. С 2017 г. Руффино избран академиком знаменитой и престижнейшей Академии делла Круска (итал. – Accademia della Crusca), созданного в 1583 г. во Флоренции итальянского академического учреждения, которое состоит из знатоков и экспертов в области лингвистики и филологии итальянского языка и является в настоящее время ведущим лингвистическим учреждением Италии и регулятором итальянского языка, с целью поддержания его чистоты (название Академии происходит от слова «crusca» (итал. «отруби») и связано

с пуристской методологической установкой этого института – стремлением очистить итальянский язык от всего наносного и неграмотного).

Руффино является автором многочисленных трудов по лингвистике, социолингвистике и диалектологии, из которых мы назовём лишь некоторые, самые значимые, составляющие лишь ничтожно малую часть написанного этим талантливым учёным. К их числу относятся: «Сицилия диалектов: заметки» [Ruffino, 1997], «Сицилия. Лингвистические профили областей» [Ruffino, 2001], «Отражение ремёсел и труда в сицилийских прозвищах. Труд по геоантропономастике» [Ruffino, 2009], «Заметки и материалы для Словаря-атласа по культуре моря в Сицилии» [Ruffino, D'Avena, 2010], «Язык и история в Сицилии: для претворения в жизни Регионального Закона № 9 от 31 мая 2011 г. о "Нормах продвижения, оценки и обязательного преподавания сицилийских истории, литературы и лингвистического наследия в школах Сицилии"» [Ruffino, 2012], «Языки и культуры в Сицилии» [Ruffino, 2013], «Слова-мигранты между Востоком и Западом» [Ruffino, Sottile, 2015]. Уже сами названия красноречиво характеризуют проблемы, исследуемые в монографиях, анализ содержания которых красноречиво показывает явный этнологический ракурс исследований, когда сугубо лингвистический материал становится призмой, через которую и подаются реалии традиционной культуры, истории, фольклора.

Но едва ли не главным и самым важным детищем Руффино стал проект по созданию Лингвистического атласа Сицилии (Atlante Linguistico della Sicilia – ALS), «запущенный» по его инициативе в 1989 г. в связи с проведением XIX Международного конгресса по романской лингвистике и филологии (Сантьяго-де-Компостела), работа над которым продолжается и сегодня (на сегодняшний день увидели свет 49 томов Атласа).

По признанию итальянских лингвистов и международного гуманитарного сообщества, Лингвистический атлас Сицилии представляет собой наиболее масштабную, плодотворную и перспективную программу научного поиска, преимущественно базирующуюся на полевом материале, какая только осуществляется сегодня в Италии в области лингвистической

географии и ареальной социолингвистики. Более того, этот научный проект обладает широким международным значением. Целью Атласа, по утверждению Дж. Руффино, была «фиксация на рубеже II и III тысячелетия лингвистического репертуара сицилийцев, от наиболее архаичной стадии существования их диалектов до наиболее «продвинутых» уровней их «итальянизации» с целью «создания наиболее полной и максимально репрезентативной и объективной картины современного состояния лингвистики в Сицилии с характерным для неё динамичным сосуществованием архаичного и современного».

Исходя из этого, редакция Атласа подразделяется на две секции, представляющие два самостоятельных, но при этом сотрудничающих научно-исследовательских института – секцию этнодиалектологии (возглавляемую самим Дж. Руффино) и секцию социовариативности, или социолектологии. Плодом их совместной деятельности являются публикации, выходящие в трёх сериях: «Материалы и поиски Лингвистического атласа Сицилии» (*Materiali e ricerche dell'Atlante linguistico della Sicilia*), «Малая библиотека Лингвистического атласа Сицилии» (*Piccola Biblioteca dell'ALS*) и «Лингвистический атлас Сицилии для школы и родной земли» (*L'ALS per la scuola e il territorio*).

Все эти труды фиксируют и анализируют не только различные диалекты сицилийского языка, включая те специфические и архаичные формы, которые законсервировались в силу инсулярности на Эгадских и Ионийских островах, но и лингвистическую ситуацию в среде других этнических меньшинств, проживающих в Сицилии – греков и албанцев, а также социолекты, в течение веков оформившиеся в многочисленных ремесленных цехах и братствах – наследии Средневековья, которые и сегодня существуют в Сицилии (примечательно, что Палермо занимает второе место в мире после Севильи по сохранившимся и «жизнеспособным» и в настоящее время братствам), представляя собой интереснейшие свидетельства актуального состояния не только лингвистической, но и других форм материальной и духовной культуры Сицилии, а также являясь важнейшим источником научной информации.

Не последнее место среди исследований, распространённых в последние годы в Сицилии, занимает тема **сагр**. Что представляют собой сагры? Сам термин происходит от латинского «*sacrum*» – «священный»; речь идёт о народных локальных торжествах, как правило, приуроченных к религиозному празднику или дню местного патрона – святого покровителя населённого пункта. Также под саграми, распространёнными практически во всех областях Италии и под разными названиями известными и популярными по всей Европе, да и в целом – в мире, понимаются и ярмарки, на которых торгуют преимущественно сельскохозяйственными продуктами питания. Эти ярмарки либо приурочены к празднику урожая определённой культуры (винограда, каштанов, персиков и т.д.), к периоду «готовности» какого-нибудь продукта (вина, мёда, сала), либо ориентированы на рекламу, продвижение, распространение, сбыт какого-то конкретного товара (сладостей, колбас, сыров, соусов и т.д.).

Сагра, сопровождающаяся, как правило, праздничным весельем, – явление традиционное, историческое, древнее. В наши дни как в странах Европы, так и в Италии оно получило дополнительное новое звучание как фестиваль, «зазывающий» туристов, на котором традиционные культурные проявления сочетаются с «новоделом», а истинно фольклорные – с фольклористическими, искусственно «слеplенными» представлениями. Справедливости ради следует отметить, что сагры в Сицилии, особенно в провинции, в сельской местности, вдали от больших городов, всё ещё сохраняют характер преимущественно традиционных сакрально-торговых манифестаций «для себя» и лишены нарочитой зрелищности или показушности.

Судьбе сагр в различных областях Италии посвящено много исследований, и в этом отношении Сицилия не является исключением. Большое исследование «Сагры и туризм в Сицилии» [*Sagre e turismo*, 2000] было опубликовано в 2000 г. и явилось результатом коллегиального творчества специалистов из аппарата правительства Сицилии и частью масштабного проекта по развитию сельского хозяйства и туризма, предложенного и принятого на областном правительственном уровне в рамках Программ развития, утвержденных в ЕС. Исследование скрупулёзно рассматривало

традиционные и «вновь появившиеся» сагры в масштабах всей Сицилии, отмечая наметившиеся тенденции в их развитии, «угасание» одних сагр и «рождение» других и анализируя причины подобных процессов, в частности, существование сагр в Сицилии изучалось в контексте развития туризма – внутреннего и внешнего.

Ещё одна наработка на тему сагр появилась в 2011 г. [*La Tona, La Tona*, 2011]. Её авторами выступили два дипломированных агрария – Микеле Ла Тона и Антонино Ла Тона, которые, в контексте резкого возрастания интереса самих сицилийцев ко всему «своему» и придания этому «своему» политической и националистической окраски, а также значительного увеличения притока туристов в Сицилию, не только рассмотрели статистику и географию проведения сагр в Сицилии, но и отметили изменение ассортимента представляемых там товаров в пользу истинно традиционных, и в целом – ярко выраженную тенденцию, наметившуюся в сельскохозяйственной практике и мелком промышленном и кустарном алиментарном производстве, довлеющем в Сицилии, «очищения» традиции от инноваций и аккультурации.

В ряду исследований, посвящённых саграм, стоит упомянуть также вышедший в 2013 г. коллективный сборник «Сагры Magic. Народные и религиозные праздники и инициативы в Сицилии» [*Sagre Magic*, 2013], авторами которой выступают аграрий Джанлука Реале, специалист по туристическому бизнесу Салво Пипаро, а в качестве авторов и редакторов – культурные антропологи Франческо Грассо и Розарио Ди Стефано. Сборник представляет собой совокупность необычайно интересных очерков не только о функционирующих сегодня саграх, но и обо всех религиозных праздниках в Сицилии в их исторической ретроспективе – не только крупных, отмечаемых по всему острову, но и «реликтовых», локального значения, справляемых в самых крохотных населённых пунктах. Авторы также приводят их описание, с указанием корней, обрядности и редких инноваций в сценариях проведения. Таким образом, «Сагры...» становятся своеобразной современной масштабной летописью, сохраняющейся и поныне в Сицилии, сакральной обрядности, в которой авторы убедительно доказы-

вают, что увеличение числа отмечаемых праздников и сагр в наши дни отнюдь не подразумевает «коррозии» их аутентичности, но, наоборот, идёт в духе сохранения традиции и попыток возвращения сагр к их первоначальному облику.

Не остаётся сегодня без внимания и тема **традиционных праздников** в Сицилии, напрямую связанная с темой сагр.

Но при том, что едва ли не каждый исследователь различных аспектов сицилийской традиционной культуры так или иначе касался феномена сицилийских праздников (в первую очередь в этой связи необходимо вспомнить таких классиков «сицилиановедения», как многократно упомянутые Дж. Питрè и С. Саломоне Марино), и что эта тема остаётся предельно актуальной в научном мире Сицилии, парадоксальным образом отдельных работ, посвящённых в наши дни исключительно праздникам, не так уж и много.

Мы вкратце остановимся на нескольких из них, представляющих наибольший интерес. Две принадлежат одному автору, независимому исследователю Марии Аделе Ди Лео, имя которой нами будет упомянуто ниже, в контексте исследования традиционных сладостей Сицилии. Речь идёт о «Патрональных праздниках Сицилии», впервые изданных в 1997 г., но потом обильно дополненных новым материалом и в таком виде выпущенных в 2006 г. [*Di Leo*, 2006]. В книге основной акцент делается на городскую праздничную сакральную обрядность, а также о монографии «Народные праздники в Сицилии» [*Di Leo*, 2007], центральной проблемой которой становятся праздники в сельской местности, в которых огромную роль играют элементы т.н. паганизированного «народного христианства». В обоих исследованиях превалирует анализ проблем сохранения традиционной обрядности, а основное внимание сфокусировано на дихотомии «традиция – инновация».

Серьёзным «путеводителем» по традиционным сицилийским праздникам является труд, осуществлённый коллективом специалистов при парламенте Сицилии и правительстве этой области Италии. Речь идёт о справочнике «Сицилия. Год праздников. Религиозные и сельские традиции» (*Sicilia. Un anno di feste*, 1999–2000), в котором подробно отслеживаются все праздники, торжественные мероприятия и сагры в прошлом и настоящем по всем

населённым пунктам Сицилии. В нём также особо фиксируются инновации, привнесённые в эти празднества, с оценкой их «качественности» и «допустимости». Показательно, что этот справочник, как указывается в его предисловии, носит характер «руководства к действию», и является своего рода служебной запиской для сотрудников не только Аксессората (Министерства по туризму Сицилии), но и их коллег из правительственных компетентных органов защиты культурного наследия области, что указывает на то, что руководство Сицилии в сфере культуры преследует цели защиты своего «национального» наследия и сохранения культурного иммунитета региона.

Кроме этого, заслуживает внимание работа «Сезоны священного. Альманах сицилийских народных праздников» [Croce, 2004], вышедшая из-под пера ещё одного видного независимого исследователя – Марчеллы Кроче, снискавшей себе славу маститого культуролога в первую очередь благодаря её исследованиям типично локального культурного феномена – сицилийского традиционного театра кукол, или Театро деи Пупи, который, как известно, в 2008 г. был включен ЮНЕСКО в список нематериального мирового культурного наследия [Croce, 1999; 2003].

В «Сезонах священного...» рассматривается календарная обрядность – праздники и ритуалы четырёх сезонов года – причём как в их «общесицилийской» версии, так и в локальных вариантах, по отдельным населённым пунктам. При этом Кроче очень чётко проводит границу между сугубо традиционными элементами этой обрядности и привнесёнными, отмечая при этом, насколько малое место, по сравнению с другими областями Италии (в т.ч. и такими консервативными, как Сардиния или Фриули), в современной Сицилии занимают инновации, даже в условиях развития туризма и превращения Сицилии в одно из наиболее посещаемых в Европе курортных мест.

В Сицилии продолжает вызывать интерес такой культурный феномен, как «маттанца», или **традиционная ловля тунца**, практиковавшаяся с древнейших времён, несмотря на то, что в последнее десятилетие под давлением экологов она подверглась запрету (впрочем, весьма часто нарушаемому). Техника этой своеобразной добычи рыбы, разработанная ещё

финикийцами, в IX–X вв. была внедрена арабами как в Сицилии, так и в Андалузии, но достигла своего максимального развития и невероятных масштабов применения именно в первой области. Ловля, а, вернее, «загон» и последующий «забой» тунца, идущего на нерест, исторически представляет собой предельно ритуализированное действо-обряд. Если говорить о терминологии, то в Сицилии весь обряд в целом именуется «маттанца» (сицилийск. *mattanza* от исп. *matanza* – «убийство»), а техника добычи тунца, равно как и комплекс строений на берегу моря, где ловцы рыбы хранили лодки, сети, гарпуны, а также разделявали добычу, называется «тоннара» (сицилийск. «*tonnara*»). В Испании же термины «алмадраба» (испанск. «*almadraba*») и «матанса» (испанск. «*matanza*») обозначают как весь обряд добычи тунца, так и непосредственно технику этой морской «охоты» [Basile, 2012: 6, 29; Guggino, Pagano, 1983: 9–10, 27–32].

Такой вид ловли, как «маттанца», представляет собой настолько специфическое и уникальное явление как с точки зрения техники добычи рыбы (тунца загоняли в сложную систему донных сетей-ловушек, а потом, окружив стаю в последнем «загоне», именуемом «*camera della morte*» («комнате смерти»), вручную производили «забой» гарпунами и ножами), так и в культурном отношении (добычу осуществляла «бригада», состоящая из мужчин, прошедших специальный отбор, и возглавляемая начальником-«раисом»; профессия «*tonnarolo*» – «добытчика тунца», как правило, передавалась по наследству; «бригада» представляла собой некую закрытую касту, не разглашавшую ни секретов своего дела, ни особенностей богатейшего фольклора, сопровождавшего добычу тунца, возведённую в ранг обряда: скабрезных песнопений и выкриков, характерных молитв, ритуального поведения), что он не мог остаться без внимания исследователей сицилийских культуры и традиции.

О «маттанце» подробно писал уже упоминавшийся выше юрист и историк Вито Ла Мантия [La Mantia, 1900; La Mantia, 1901], это явление детально анализировал Дж. Питрè [Pitrè, 1978a: 373–392]. Этнологи Элизабетта Гуджино и Гаэтано Пагано [Guggino, Pagano, 1983] уже в конце XX в. не менее пристально подвергли рассмотрению обрядовый лов тунца, уде-

лив равное внимание как технике «загона» и лова рыбы, привнесённой арабами (системе сетей, поведению «загонщиков», типам используемых лодок), так и характерным религиозным песнопениям (молитвам), призванным обеспечить богатство улова и гарантировать ловцам прощение за причинённый природе и тунцам «ущерб»; Гуджино и Пагано, что весьма ценно, приводят также глоссарий слов и терминов, распространённых в среде ловцов тунца, поскольку язык «tonnarolo» представляет собой своего рода социолект, абсолютно непонятный непосвященным.

Казалось бы, трудно после столь подробного и главное – разностороннего анализа «маттанцы» внести какой-либо новый вклад в дело изучения данного явления. Тем не менее это удаётся уже неоднократно упомянутому нами журналисту Гаэтано Базиле, который в своей книге «Тоннары. Назад в прошлое» [Basile, 2012], наряду со многими сведениями, упомянутыми ранее другими авторами, приводит и дотоле неизвестные науке данные, а именно, некоторые из секретных, «закрытых» от сторонних ушей и распространённых лишь в среде «tonnarolo» древнейших песнопений, вернее, их текстов, включая и откровенно-скабрёзные. Так, например, к их числу относится и песнопение «Еее, Lina, Lina!», которое традиционно поют, когда рыбаки начинают вытягивать сети в лодки; оно должно обеспечить обильную ловлю и посвящено девушке, которую рыбаки прочат в жёны «раису», причём содержит скабрёзные эротические описания всех её «прелестей» [Basile, 2012: 66–77].

Кроме того, Базиле, впервые после Ла Мантия, приводит и некоторые откровенные подробности обрядовой стороны «маттанцы». В частности, речь идёт о том факте, что вплоть до современности (Базиле приводит данные, относящиеся к 2009 г.), в соответствии с древней традицией, «тоннара» начиналась с того, что на борт головной лодки члены бригады, скинувшись, приводили «раису» самую дорогую проститутку города, для которой подобный «заказ» считался очень почётным (в таких случаях сутенёры отказывали остальным клиентам, торопясь потрафить ловцам тунца), и присутствовали при осуществляющемся акте любви, который почитался за доброе знамение, призванное обеспечить большой улов. Совершенно

справедливо Базиле проводит параллель между этим обрядом и распространённым в Древней Греции культом Деметры и обрядом ритуального соития хлебопашцев с женщинами на свежевспаханных полях с целью повышения урожайности последних [Basile, 2012:45].

Мы уже говорили выше о присущей сицилийцам обращённости к своему прошлому и о превалировании в гуманитарной сфере исследований по тематикам, затрагивающим различные аспекты былого, традиционного в Сицилии. Немногочисленные исследования, касающиеся современности, в подавляющем большинстве своём также фактически оперируют прошлым, поскольку не говорят об инновациях, но в контексте сегодняшнего дня рассматривают состояние и степень сохранности тех или иных элементов «прежней» локальной культуры с точки зрения их соответствия традиции.

В свете подобного подхода необходимо рассматривать и такое современное и весьма разработанное направление научного поиска в Сицилии, как **«гастрономическое»**, посвящённое анализу различных аспектов традиционной локальной кухни в её прошлом и настоящем. Исследования по данной тематике относятся к числу превалирующих в сицилийской научной сфере, причём как по диапазону и охвату граней исследуемого феномена, так и по числу специалистов, посвятивших себя этой тематике и по количеству видящих свет публикаций. Интерес и обращение к теме пищи в научной среде неслучайны и обусловлены объективными факторами.

Как справедливо утверждают исследователи, даже в Италии «кухня является фундаментальным фактором итальянской национальной самоидентификации» [Дики, 2012:207], одним из немногих культурных феноменов, апеллируя к которому итальянцы говорят о себе как о единой нации, и относящемуся к одному из краеугольных камней их «унитарного» самосознания [Montanari, 2002: IX; 2009:197–199].

Тем более значима тема традиционной кухни для сицилийцев, для которых она актуализируется в свете взаимоотношений Сицилии и итальянского государства, на которых мы вкратце останавливались выше. В последнее время традиционная пища перестаёт играть роль только очень ценно-

го алиментарного, жизнеобеспечивающего элемента, но и приобретает новую знаковую функцию – в психологии сицилийцев и их самосознании она всё больше превращается в своего рода отличительный признак, позволяющий жителям Сицилии ощутить свою самость как особой этнокультурной общности и своё отличие от других народов Италии и Европы.

Как это доказывают наши полевые исследования, проводившиеся нами в Сицилии с 2012 по 2017 гг., «своя» кухня на уровне бытового сознания жителей региона всё более «идеологизируется» как особый элемент культуры, как одна из основных и «выпуклых» отличительных черт сицилийской самобытности [Фаис, 2016:292–294]. Синтезируя ответы большинства опрошенных респондентов, можно вывести лапидарную формулу – «Мы – народ, потому что у нас есть своя кухня».

Очевидно, что интерес сицилийцев к собственной кухне, усилившийся и подогретый в последние годы в Сицилии под благовидным предлогом развития туризма, но одновременно – и весьма «идеологизированный», детерминирован возможностью использовать тот едва ли не единственный «легитимный» и допущенный Италией способ сицилийцев «заявить о себе» как об особом культурном сообществе.

Более того, для сицилийцев, особенно тех, кто осознанно становится на позиции патриотизма, особенно актуализируется проблема сохранения целостности кухни, её истинной, а не наносной традиционности, воссоздание её облика «в чистом виде» без инноваций и инокультурных напластований последних лет, что находит своё отражение и на страницах научных исследований. Красноречивым свидетельством этого служат многочисленные (научные и «ненаучные») современные исследования локальной кухни, число которых непрерывно растёт в последнее время (по очевидным причинам мы не будем рассматривать входящие в их число «чистые» подборки кулинарных рецептов, в изобилии увидевшие свет в последние годы), причём благодатная база для этих разработок уже была заложена ранее.

Забегая вперёд, отметим несколько моментов, характерных для всего массива современных исследований традиций питания.

Во-первых, приходится констатировать, что удивительно малое число аналитических работ в Сицилии посвящено вину. Это тем более странно, что Сицилия представляет собой один из древнейших винодельческих регионов, вино здесь начали производить до VII в. до н.э. По территории, отведённые под лозы, Сицилия занимает первое место в Италии и относится к числу лидирующих регионов по производству вин. Так, например, лишь одна провинция Трапани производит вина больше, чем Австрия, Венгрия и Чили вместе взятые.

Но при этом вся совокупность этнологических исследований сводится к а) фундаментальному труду «Вино в Сицилии» [Buttita, 1985] известного культурного антрополога Антонино Буттита, б) к главе в уже упоминавшейся выше монографии Э. Романо [Romano, 1999–2000:110–118], в) к монографии «Великие вина Сицилии» классика «сицилиановедения» в его гастрономическом ключе Дж. Кория [Coria, 1978] и г) к двум небольшим исследованиям, первое из которых «In vivo veritas. Вино в сицилийской культуре и народной традиции» [Scandurra, 2011] рассматривает не столько историю сицилийских вин, сколько локальный фольклор, посвящённый вину, а второе «Мысли о... вине» [Ferla, 2009] – это исключительно «винный» фольклор в Сицилии.

Мы объясняем это тем, что палитра вин постоянно обновляется, и трудно успеть зафиксировать этот процесс эволюции локальной энологии (науки о вине и непосредственно практики виноделия). Этого не скажешь о сладостях, представляющих необычайно значимый для сицилийцев сегмент локальной пищевой традиции и являющейся наиболее архаичной, консервативной и инвариантной составляющей сицилийской традиционной кухни; более того, сладости являются едва ли не самым распространенным сюжетом в её описаниях и исследованиях – на феномене сицилийских десертов, или «*così duci*» (букв. – «сладкие штучки») останавливаются практически все исследователи местной кулинарии.

Но вернёмся к предыстории появления современных исследований сицилийской гастрономии. В 1976 г. увидел свет фундаментальный труд «Золотая книга кухни и вин Сицилии», освещающий, помимо непосред-

венно рецептуры, историю сицилийской кулинарной традиции, корни, в т.ч. и этнические, многих локальных блюд и места их «рождения», этимологию названий, сакральную «привязку» сицилийского меню. Это исследование принадлежит перу Пино Корренти (1925–2017) [*Correnti*, 1976b], блистательного и эрудированного интеллектуала, внёсшего весомый вклад в дело исследования и пропаганды сицилийской культуры традиционного питания (он был автором таких исследований, как «Гастрономия в жизни и истории сицилийского народа» [*Correnti*, 1971] и «Алмаз великой кухни Сицилии» [*Correnti*, 1976a], которые оценили по достоинству не только кулинары и исследователи гастики*, но и историки, философы и культурологи). В 2002 г., будучи уже в весьма преклонном возрасте, П. Корренти написал и опубликовал не менее яркое, хотя и небольшое по объёму исследование «Кускус. История, рецепты, традиции» [*Correnti*, 2002], посвящённое, как это следует из названия, одному из арабских «заимствований», органично вошедших в кухню Сицилии – кускусу. Как и в прочих творениях Корренти, в его последнем труде, хотя и повествующем о кухне, последняя занимала лишь скромное место, тогда как бóльшая часть объёма была посвящена её «контексту» – истории, традициям, обрядовости населения, его менталитету.

В 1976 г. также вышел труд, поистине ставший жемчужиной сицилийской гастики, на который опираются и ссылаются все современные исследователи кухни Сицилии. Речь идёт об исследовании «Хлеб и сладости в Сицилии» [*Uccello*, 1976], принадлежащем уже упомянутому нами Антонино Уччелло. Он же стал автором уникального труда по традициям сыроварения в Сицилии, но эта работа увидела свет уже после его смерти [*Uccello*, 1980].

В числе учёных, заложивших базу современной сицилийской гастики и сделавших возможным взлёт современного научного интереса к проблеме традиций питания в Сицилии, необходимо упомянуть такого величайшего знатока сицилийской локальной гастрономии, как Томмазо Д’Алба.

* Гастика (от греч. *Gastras* – «желудок») – наука о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков, о приёме пищи, о культовых и коммуникативных функциях снадобий и угощений.

Речь идёт об одном из наиболее компетентных исследователей сицилийской кухни, изучавшем, в частности, её арабские корни, авторе четырёх ценнейших трудов, ставших сегодня библиографической редкостью, – «Сицилийские кулинарные традиции» [Д'Алба, 1973], «Сладости Сицилии» [Д'Алба, 1976], «Традиционная кухня области Энна» [Д'Алба, 1977] и «Сицилийская кухня арабского происхождения» [Д'Алба, 1980].

Прежде чем мы перейдем к современному поколению исследователей сицилийской кулинарной традиции, остановимся на творчестве ещё одного «классика» в этой сфере, а именно, – на трудах Джузеппе Кория (1930–2003), которого именуют «сицилийским Пеллегринио Артузи». Этот аристократ и профессиональный военный, выйдя в отставку в возрасте 42 лет, в дальнейшем посвятил себя исследованию островных традиций, включая и пищевые, и весьма преуспел в этом. Перу Кория принадлежат многочисленные труды по локальной гастрономии, например, его первая книга «Великие вина Сицилии» [Coria, 1978], или небольшое, но весьма информативное исследование «Брачные обычаи и Свадебная еда в Сицилии» [Coria, 1994], а также многочисленные публикации по мясу, рыбе, десертам и т.д.

Но «главным детищем» его жизни является монументальное исследование «Ароматы Сицилии. Книга сицилийской кухни», в котором он, помимо рецептуры блюд, анализирует и их корни, в т.ч. и этнические, ареалы распространения, локальные и диалектальные наименования, их социальную принадлежность и «привязку» к сакральному календарю.

Впервые труд был издан в 1981 г., но Кория не остановился на достигнутом: он продолжил поиск нового материала, как полевого, так и библиографического. В результате его интенсивной научной деятельности им было собрано столько дополнительного нового материала, что когда в 2006 г., уже после смерти исследователя, свет увидело второе издание, критики называли его «фактически новой монографией» – настолько оно оказалось богаче первого, причём даже по объёму оно превышало его почти в два раза [Coria, 2006]. Книга Кория – это не только и не столько рецептуарий, имеющий практическое значение для домохозяек и поваров, сколько справочное энциклопедическое издание для историков кухни, лингвистов, фольклори-

стов, этнологов и историков, лёгкое в чтении, но при этом удивительно плотно «нафаршированное» достоверной и проверенной информацией.

Говоря об академических исследованиях гастрономической тематики в Сицилии на современном этапе, хотелось в первую очередь упомянуть ещё одну монографию уже многократно упоминавшегося выше историка Франческо Ренда – «В Сицилии на кухне. Рецепты, любопытные факты, традиции, фольклор» [*Renda, 1999*], написанную не менее блистательно, чем всё остальное научное наследие, оставленное этим учёным с поистине энциклопедическими знаниями. Апеллируя к античным и средневековым источникам, привлекая обширные архивные материалы и в целом богатейшую библиографическую базу, Ренда подробно анализирует традиционную кухню, останавливаясь на всех её аспектах – на практике производства в стенах многочисленных монастырей ряда характерных блюд, особенно сладостей, на продажу; на скабрёзностях, которые часто фигурируют в традиционной гастрономической сфере Сицилии в качестве названий блюд, что выявляет тем самым их органичную связь с народной культурой; о мало освещённой в сицилийской историографии «кухне баронов», или богатой кухне; о сохраняющейся сильнейшей «привязке» сицилийской кухни к религиозному календарю и её сакральном характере в целом; о региональной и географической «карте» появления на свет и распределения тех или иных блюд в Сицилии и многом другом.

В 1991 г. было опубликовано исследование «Хлеб и праздник. Традиции в Сицилии» [*Buttitta, Cusumano, 1991*], осуществлённое в соавторстве двумя «корифеями сицилиановедения», а именно – уже упоминавшимся Антонино Буттитта и Антонино Кузумано, преподававшим этнологию в рамках предмета «Демоэтноантропологические ценности» на отделении бакалавриата в Университете Палермо, и специалистом по народной материальной культуре.

В 1995 г. уже упомянутый нами ранее Джованни Руффино, антрополог и лингвист, декан Факультета филологии и философии Университета Палермо, публикует исследование «Пасхальные (вотивные) хлеба в Сицилии. Очерк по лингвистической и этнографической географии» [*Ruffino,*

1995], за которым стояли многочисленные полевые исследования, осуществлённые представителями как университета, так и вновь упомянутого нами Центра филологических и лингвистических исследований Сицилии, института, в котором также осуществляются многие разноплановые гуманитарные исследования, например, по традиционным сицилийским игральным картам [La carta dei giochi, 1999] или пищевых привычек в Сицилии [Parole da gustare, 2007].

Монография символизировала «союз» этих двух научных институтов – оплотов научных исследований в Сицилии. В работе содержится системный анализ типологии всех хлебов в Сицилии, включая вотивные, приуроченные к Пасхе; в состав монографии были включены три лингвистические карты по теме, две этнографические, 11 опросников по работе с респондентами «в поле» и огромный иконографический фотоматериал. Самим автором монография рассматривалась как результат первого этапа работ в долгосрочном научном проекте по созданию «Лингвистического атласа Сицилии» (Atlante Linguistico della Sicilia), о котором мы уже говорили выше.

В 1997 г. было опубликовано небольшое исследование «Алиментарные культура и обычаи в Сицилии» (под редакцией Д. Руффино), которое предлагало новые варианты опросников для разработки традиционной гастрономической темы [Cultura ed usi, 1997].

Следующий этап реализации этого проекта был ознаменован публикацией небольшой, но весьма значимой работой «К вопросу об исследовании алиментарной культуры и гастрономической лексики в Сицилии. Заметки и материалы» [Ruffino, Bernardi, 2000], увидевшей свет в 2000 г. Она была создана в соавторстве двумя учёными-исследователями – Джованни Руффино и Нарой Бернарди, социолингвистом Центра филологических и лингвистических исследований Сицилии. Союз в лице соавторов двух наиболее серьёзных центров гуманитарных исследований показателен и знаменует собой возросший интерес к локальной культуре области, в т.ч. и культуры гастрономической.

В монографии, помимо глоссария всех сицилийских терминов, связанных с культурой питания, и богатейшей библиографической базы по

интересующей авторов теме, были приведены новые разработки опросников по изучаемой теме, применявшихся в ходе «полевых» работ.

Важный вклад в дело исследования традиционной кухни Сицилии, её роли в культуре и психологии населения связан с именем сицилийского культурного антрополога Фатимы Джалломбардо. Профессор Университета Палермо, преподаватель этнологии на Факультете филологии и философии, в «ведении» которого находятся многие гуманитарные дисциплины, включая этнологию и антропологию, Джалломбардо является видным специалистом в сфере гастики, автором многочисленных публикаций. Среди них необходимо упомянуть такие монографии, как «Праздник, оргия, общество» [Giallombardo, 1990a], «Накапливать, кичиться, распределять. Предварительные наброски антропологии богатства» [Giallombardo, 1990b], «Стол, алтарь, улица. Сценарии еды в Сицилии» [Giallombardo, 2003], «Праздник Св. Иосифа в Сицилии. Чередующиеся фигуры и алиментарные литургии» [Giallombardo, 2006].

Все они в той или иной степени посвящены судьбам традиционной пищи в Сицилии, её различным ипостасям – праздничной или повседневной, сакральной или профанной, языческой или христианской (мусульманской, иудейской), современной и обильной в условиях консьюмеризма или «скромной» в традициях характерной локальной культуры. Нам хотелось бы остановиться именно на одной из этих монографий, наиболее полно и всесторонне, на наш взгляд, охватывающей все эти вышеперечисленные грани национальной кухни Сицилии.

Речь идёт о труде «Стол, алтарь, улица. Сценарии еды в Сицилии». В нём исследователь на высочайшем уровне анализирует пищевую культуру Сицилии, связанные с ней промыслы – рыболовные и сельскохозяйственные, мужские и женские, делая акцент на символических и ритуальных аспектах традиционной «публичной» кулинарно-гастрономической сферы, а также на облике её «домашней» разновидности, до недавнего времени преобладавшей. Объектом исследовательского внимания Ф. Джалломбардо становятся также традиционные нормы поведения сицилийцев, связанные с приготовлением и поглощением пищи – ключ к психологии населения, ритуальные стандарты

отношения к пище в контексте многочисленных календарных праздников. В рамках исследования локальной повседневности Джалломбардо вводит новое понятие – «уличная кухня по-сицилийски», обрисовывая этот архаичный феномен, специфицируя его характерные черты и останавливаясь на отличиях его от других «уличных кухонь» в различных регионах Италии. Он подчёркивает эксклюзивный гендерный характер «уличной кухни по-сицилийски», в которой готовят только мужчины и только для мужчин. Подобное исследование тем более актуально, что Палермо признан ЮНЕСКО европейской столицей «стрит фуда», а согласно классификации *Forbes*, он входит в пятёрку городов с самой лучшей «уличной кухней».

Весьма необычное исследование по сицилийской традиционной пище увидело свет в 2003 г. Речь идёт о монографии «Здоровое питание. Есть по-сицилийски» [*Crisafuli*, 2003], необычность которой состоит в том, что она написана врачом-нутриционистом Матильде Кризафулли. Автор оценивает качество традиционной пищи Сицилии именно со своих профессиональных позиций и с точки зрения соответствия этой кухни стандартам широко разрекламированной «средиземноморской диеты» и всей теории «здорового питания», разработанной американским врачом-кардиологом Анселем Кизом. Последний предполагал, что тот образ питания, который он назвал «средиземноморской диетой», в состоянии уменьшить риски заболеваний сердечно-сосудистой системы, а следовательно, увеличить продолжительность жизни.

Кризафулли, опираясь на данные генетики, рассматривает проблему соответствия и оптимальности средиземноморской, и, в частности сицилийской диеты, исключительно для сицилийцев. Она прежде всего имеет ввиду их многовековую приверженность именно этой, столетиями не менявшейся системе питания, но призывает не рассматривать её как часть «здорового питания», подходящего для других народов, в силу определённой специфики сицилийской кухни, её перегруженности углеводами (сладости и хлеб), обилия жареного, широким использованием свиного жира, бобовых и т.д.

Ярким событием в истории исследований сицилийской алиментарной традиции стал фундаментальный «Атлас хлебов в Сицилии» [*Atlante del*

Pane, 2004], составленный и выпущенный объединением производителей хлеба в Сицилии – Консорциумом «Джан Пьетро Баллаторе». Этот содержательный труд включает богатейшую теоретическую часть: историю хлебопечения в Сицилии, роль хлеба в контексте праздников и обрядности, соотнесение хлеба и сладостей в Сицилии, а также описание различных типов зерновых, используемых в хлебопечении, различных технологий (опарная–безопарная) приготовления теста, сходных с хлебом продуктов выпечки, а также галерею фотоиллюстраций практически всех видов хлеба, распространённых в Сицилии, призванную показать всё богатство и диапазон их иконографических типов. В написании, редактуре и оформлении материалов приняли участие компетентные исследователи – представители Регионального Аксессората по сельскому и лесному хозяйству (соответствующего министерства областного правительства Сицилии), этнографы и историки, в результате чего был создан не имеющий прецедентов документ, в полной мере освещающий ситуацию с хлебопечением в Сицилии в прошлом и – что важно – в настоящем.

Как мы уже говорили выше, практически все исследователи, посвятившие себя изучению такой проблемы, как традиционная кухня Сицилии, не оставляют без внимания её «сладкий сектор». Но тем не менее некоторые исследования (и число их достаточно велико) сосредоточены исключительно на «*così duci*», справедливо полагая их особым культурно-алиментарным феноменом в составе локальной системы питания, заслуживающим особого внимания. К числу последних, например, относится Мария Аделе Ди Лео, имя которой мы уже упоминали выше, в контексте исследования традиционных праздников в Сицилии. Её книга «Сицилийские сладости» [*Di Leo, 2004*] не только рассматривает детально все категории этого вида продуктов в Сицилии, включая ритуальные. Так, она останавливается на ряде характерных моментов в истории кухни в Сицилии, например, на широко распространённой практике изготовления сладостей в монастырях, а также на появлении в сицилийских городах в конце XIX – начале XX вв. швейцарского «десертного десанта» – шоколатье и кондитеров, весьма повлиявших на местные «сладкие» традиции.

Сладостям посвящён и необычайно ярко и богато иллюстрированный альбом «Сладости. Сицилия» [Martorana, 2012], в котором автор, Джо Марторана, рассматривает их в особенном ракурсе, анализируя не только сами десерты, но и центры их изготовления – кондитерские, бары, прочие заведения в их исторической ретроспективе по всему острову, восстанавливая тем самым историю и традиции их производства.

Монография уже упоминавшейся выше Марчеллы Кроче под названием «Путеводитель по потерянным вкусам. Истории и секреты сицилийской еды с сорока рецептами древних блюд» [Croce, 2012], как это следует из названия работы, позволяет совершить экскурс в гастрономическую и кулинарную историю Сицилии и восстановить, с опорой на библиографические и архивные изыскания, целый ряд утраченных пищевых пластов традиций и конкретных блюд; кроме того, Кроче в отдельной главе своего исследования останавливается на дихотомии «традиция-инновация» на примере сицилийских сладостей, пусть очень медленно, но тем не менее подвергающихся в последнее время модернизации.

В контексте анализа авторов, внёсших существенный вклад в дело исследования гастрономической традиции в Сицилии, несомненно, необходимо остановиться на фигуре и творчестве такого весьма перспективного исследователя, как Карло Ди Франко, историка и этнолога, выпускника Университета Палермо по специальности «демоэтноантропология», в настоящее время преподавателя предметов «социальная антропология» в Университете Орвието, и «антропология религий» – в Университете Палермо (Факультет Теологии). Ди Франко также входит (со статусом «членство национального уровня») в состав руководства Итальянского института народных искусств и традиций (Istituto Nazionale delle Arti e Tradizioni popolari). Он является основателем в 2004 г. и президентом ассоциации «Мистический Палермо», в которой совместно со своими пятью коллегами-антропологами занимается исследованием многочисленных малоизученных культурных явлений и феноменов, коими так богато культурное пространство города. Он также президент основанного им в 2005 г. ещё одного научного общества – «Лападеми» (Lapademi), ориен-

тированного на исследование культурно-антропологических реалий Палермо, а также издательского дома под тем же именем.

Но нас он в первую очередь интересует в статусе исследователя и автора многочисленных, предельно интересных и глубоко информативных публикаций, основанных преимущественно на результатах его полевых изысканий, осуществлённых в Палермо, в его исторических районах – сосредоточии традиционности, на «исторических рынках», и затрагивающих многие архаичные институты местной социокультурной жизни.

В 2001 г. К. Ди Франко публикует своё первое большое исследование «Эногастрономическое путешествие на Острове Солнца» [*Di Franco*, 2001]. Оно посвящено вину и пище в Сицилии, центрам и традициям их производства, истокам этих традиций, современному их распространению и состоянию производства. Исследование носит обзорный характер, но при этом крайне плотно насыщено фактическим, конкретным материалом.

В 2003 г. увидели свет два тома под названием «Немного Палермо. Культура и традиции» [*Di Franco*, 2003a; *Di Franco*, 2003b], в которых, наряду с традиционной повседневной пищей жителей города, «уличной кухней» и сакральными обрядовыми блюдами, рассматривались и этнографические достопримечательности Палермо, традиционные (они же – современные) поведенческие стандарты и нормы, празднование «патронессы» города – Св. Розалии, особенности «исторических рынков» и звучащих на них криках торговцев – «(a)bbanniiate».

Следующая книга Ди Франко, опубликованная в 2013 г., – «Путешествие сквозь вкусы обыденного» [*Donà, Di Franco*, 2013] – была написана в соавторстве с исследователем Марией Грацией Донà, его коллегой по Ассоциации «Мистический Палермо». Этот труд, очень плотно насыщенный фактическим материалом, полностью посвящён сицилийской гастрономии, которая рассматривается авторами – едва ли впервые так открыто в сицилийской историографии – не только как ценное наследие материальной культуры, но и как элемент исторической памяти сицилийцев, как «канал» и «призма», через которые постигается и вос-

принимается населением собственная история и осознаётся им его место среди прочих европейских народов.

В книге также рассматривается сицилийская гастрономия как плавающий тигель многих разнокультурных этнических и социальных алиментарных составляющих, как совокупность и результат смешения «бедной кухни» и «кухни баронов» (т.е. «стола богатых»), и многие другие её аспекты. Более того, данная книга Ди Франко – первое после трудов А. Уччелло исследование, в котором в контексте кухни столь полно затрагивается «антропология» вопроса, т.е. рассматриваются люди, которые эту кухню «создают», воспроизводят и потребляют, их привычки и обычаи в прошлом, а главное – в настоящем, под влиянием обстоятельств сегодняшнего дня.

Вышедшую в 2016 г. монографию «Палермо, культура и традиции» [Di Franco, 2016] Ди Франко вновь посвятил родному городу, его традиционной культуре, в которой гастрономия занимает большое и важное место. Книга отнюдь не повторяла пройденное, она создана исключительно на базе новых материалов и открытий, которые были сделаны Ассоциацией «Мистический Палермо» в последние годы. В частности, впервые столь явно и красноречиво была обрисована мультикультурная, полиэтническая и поликонфессиональная, структура средневекового Палермо как столицы области и всей Сицилии в целом, впервые так открыто был поставлен вопрос об этноконфессиональной природе и характере сицилийской культуры, которую, если отталкиваться от её корней и истоков, с большой натяжкой можно отнести к числу «италийских» и «христианских».

В 2018 г. выходит новая «алиментарная» монография Ди Франко «Гастрономический арабо-норманнский маршрут» [Di Franco, 2018], в которой внимание автора сфокусировано на периоде истории, охватывающем IX–XIII вв., – времени господства в Сицилии вначале арабов, а потом и норманнов: и те, и другие оказали огромное влияние на культуру Сицилии. Но если о роли арабов, в т.ч. и в сицилийской гастрономической сфере, написано немало, и этот феномен считается достаточно изученным, то кон-

кретных материалов и сведений о месте норманнов в истории и культуре Сицилии значительно меньше; знания о них изобилуют лакунами, известно общее, но частные данные отсутствуют.

Именно поэтому исследование Ди Франко предстает столь ценным: он приводит дотоле неизвестные доказательства активного и разнообразного влияния норманнов на автохтонную сицилийскую культуру, в т.ч. и на алиментарную; более того, он убедительно доказывает присутствие в локальной системе питания многочисленных «синкретических», арабо-норманнских блюд, появившихся на сицилийской почве вследствие деятельности поваров-арабов при дворе норманнских правителей Сицилии. Несмотря на формально «гастрономический» характер темы исследования Ди Франко, монография повествует об исторических и культурологических сюжетах, об аккультурации, путях и каналах инокультурных влияний, об объектах этого влияния, не только материальных, но и социодуховных: психологии, сознания, ментальности населения, его поведения.

В категорию серьёзных исследований, посвящённых сицилийской гастрономической традиционности, мы склонны включить весьма специфическое издание – «Сицилийская кухня» [*Di Marco, Ferrè, 2010*], хотя формально оно представляет собой свод рецептов, составленных двумя авторами – сицилийкой Марией Терезой Ди Марко и живущей в Риме француженкой Мари Сесиль Феррè. Обе они – светские обеспеченные женщины, высокий культурно-образовательный уровень которых позволяет им периодически в соавторстве вполне компетентно описывать то или иное явление музыкальной, художественной, артистической или гастрономической, как в данном случае, культуры Сицилии и Италии, а также публиковать свои эмпирические описания.

Интерес в сицилийском научном мире и наш интерес к вышеотмеченному своду рецептов обусловлен тем, что он является уникальным доказательством и едва ли не единственной иллюстрацией редких попыток, предпринимаемых в Сицилии, модернизации и интерпретации традиционных рецептов сицилийской кухни, остающейся и по сей день верной средневековым канонам рецептуры и одной из самых консервативных в Евро-

пе. Речь идёт о неких оригинальных блюдах, созданных на основе традиционного материала или вследствие экспериментов с традиционной рецептурой, – достаточно смелых, надо признать, учитывая предельный пищевой «национализм» сицилийцев, их консервативность во всём, что касается всех сфер культуры, в первую очередь, пищевой, и крайнее неприятие любых инноваций в этом вопросе.

Описываемые авторами инновации, предлагаемые в очень немногочисленных ресторанах Сицилии, решившихся на эксперимент – это или привычные, казалось бы, для сицилийцев блюда, но с какой-то «изюминкой» (например, традиционная «капоната» – смесь тушёных овощей, где роль баклажан – основного компонента блюда – играют яблоки), или абсолютные новшества, но базирующиеся на знакомом сицилийцам сырье либо попадающие в привычную гамму вкусовых ощущений («чатни» из белых плодов опунции, одного из любимых фруктов в Сицилии; «гаспачо» – заимствование из испанской кухни, где роль томатов играют длинные кабачки; «тапенада» из каперсов – заимствование из кухни Прованса, с обильным присутствием цветов тыквы, которые в Сицилии обычно жарят в кляре; анчоусы с кумкватом – свёрнутые рулетом и зажаренные анчоусы, заранее замаринованные в лимонном соке с имбирём, обёрнутые вокруг плода кумквата и проткнутые шпажкой перед тушением – апелляция к такому привычному для сицилийцев архаичному блюду, как «сарде а беккафико», свёрнутые рулетом жареные в панировке сардины, и т.д.). Тем не менее, при всей их редкости, подобные эксперименты – дань времени и примета современности в таком консервативном регионе, как Сицилия, и фиксация подобных явлений представляет собой ценность как документальное свидетельство наметившихся в сицилийском обществе тенденций.

Интереснейшим явлением в сфере науки явилась книга «Кулинарное знание. Рецепты сицилийского монсу на фронте (1915–1919)» [Il sapere culinario..., 2017]. Показательно, что данный труд опубликован издательством Университета Палермо и что предисловие к ней написано Фабрицио Микари, нынешним ректором этого университета. Не менее значимо, что её основную часть – записки «монсу» – предваряют исторические очерки, соз-

данные университетскими исследователями различного «профиля» (историком, аграрием, культурологом), которые и выступили и редакторами того документа, который и составляет основу текста. Так кто такие «монсу» и что представляет собой феномен «кухни монсу»?

«Монсу» (сицилийск. «monsù», от фр. «monsieur») – это профессиональные французские повара (а также их местные сицилийские ученики, воспринявшие французскую кулинарную традицию, и шеф-повара из Пьемонта, имевшие за плечами работу и стажировку во Франции), бывшие на службе практически у всех богатых аристократических и буржуазных семейств Сицилии. Мода на французскую кухню, а, следовательно, и на французских поваров распространилась в Европе в XVIII в., не оставив в стороне и Сицилию, где и сохранилась вплоть до первых десятилетий XX в.

Система питания, родившаяся стараниями «монсу», относится к числу наименее изученных явлений сицилийской кухни. Причины подобной недостаточной выявленности и изученности феномена очевидны: эта кухня по своему характеру была предельно камерной, а круг «хождения» её блюд – исключительно замкнутым и домашним. Взаимообмен рецептурой не выходил за пределы этого круга и шёл от дома к дому, от повара к повару, рецептуарии сохранились, как правило, в рукописном виде и в недрах семейных архивов, в силу чего этот феномен не получил сколько-либо широкого освещения, невзирая на то, что проникновение этих блюд в пищевую систему Сицилии, их внедрение в традиционную кухню пусть крайне медленно, но всё же произошло, оказав на неё в конечном итоге существенное влияние.

Ещё одной причиной малой изученности кухни «монсу» был тот факт, что историки имеют дело с хронологически растянутым явлением и с достаточно ограниченным в численном отношении контингенте поваров. Достоверно известно, что применительно к сицилийской кондитерской сфере «вкладом» французских и следовавших французской традиции мастеров кухни были взбитые сливки, слоёное тесто, а также сливочное масло – взамен привычного для Сицилии свиного жира.

Опубликованные в книге «Кулинарное знание . . .» записки монсу позволили существенно расширить представление о меню этой элитной кухни: среди её рецептов фигурируют, например, сладкая запеканка (фр. *gateau*, сиц. *gattò*) из творога, арбузное и дынное желе, пюре из персиков, сладкая разновидность соуса бешамель, ванильные и шоколадные десертные кремы, но в первую очередь – флан, или карамельный пудинг (фр. *crème caramel*, или *flan au caramel*), – десерт, приготовленный из яиц, сахара, молока и других ингредиентов и политый карамелью, который обычно ассоциируется с Испанией, где является традиционным десертом.

Редакторы записок приводят сведения и о поваре – авторе рецептов. Речь идет о Салваторе Рагуза, одном из последних сицилийских монсу, который вдали от дома, в окопах Первой мировой войны, в 1919 г. в условиях недоедания и лишений, в виде дневника записывал меню и рецепты тех блюд, которые готовили он, его отец, дед и прадед (профессия монсу в этой семье переходила по наследству).

Надо отметить, что публикация этого уникального документа оказалась возможной при научном сотрудничестве и финансовой поддержке со стороны Антонио Консоле, владельца и шеф-повара ресторана «Gourmet Chirone» в Палермо, который в последние годы в стенах своего заведения осуществляет научные изыскания и практическую кампанию по сохранению традиционного гастрономического наследия Сицилии. Более того, Консоле выступил инициатором анализа и подготовки к печати «кулинарных мемуаров» ещё одного сицилийского монсу, Джози Фьорентино, создававшего их в 1918 г. в лагере для военнопленных офицеров в Целле (Ганновер), в условиях ужасающего голода, на который были обречены пленные итальянцы.

Следует быть справедливыми и отметить, что из всего обширного объёма публикаций, посвящённых локальной кухне, увидевших свет в Сицилии в интересующий нас период, далеко не все из них заслуживают права считаться научными трудами, а их авторы – претендовать на звание учёного-исследователя.

Наряду с серьёзными исследованиями, на которых мы останавливались выше, за которыми стоят специалисты в различных областях гумани-

тарной научной сферы, в Сицилии в последнее время значительно выросло число публикаций, посвящённых локальной системе питания, носящих более поверхностный публицистический и журналистский характер, что неслучайно, потому что их авторами зачастую выступают журналисты, верные своему стилю и жанру. Массовость обращения авторов, не принадлежащих к миру науки, к сюжетам локальной гастрономии очевидна. Актуальность этой темы, столь соблазнительной и популярной сегодня, возрастает, особенно в свете тенденций, господствующих в сицилийском социуме, моды на всё «аутентичное» и превращения Сицилии в посещаемый туристический объект.

Эта вторая группа публикаций абсолютно неоднородна по своему качеству и характеру. Часть журналистских работ на законных основаниях занимает место среди серьезных, сугубо научных исследований. Так, например, уже упоминавшийся нами выше Д. Биллиттери с научных позиций анализирует пищевые привычки, особенности, предпочтения сицилийцев и культуру застолья, традиции их поведения за столом [Billitteri, 2003a:158–187].

Превалирующее большинство публикаций этой группы компилятивно и не базируется на каких-либо «самостоятельных» открытиях их авторов, апеллирующих к осуществлённым ранее наработкам. Тем не менее последние приходят подчас к любопытным выводам и заключениям, а это, в свою очередь, делает такого рода публикации вполне репрезентативными с научной точки зрения и обеспечивает им и их авторам признание в мире науки.

Подобное с полным основанием можно сказать, например, о трудах сицилийской журналистки Анны Помар (1933–2011), перу которой принадлежит ряд интересных работ об истории формирования сицилийской кухни, о её древних корнях и о различных этнических компонентах того плавильного тигеля, который эта кухня представляет собой; кроме того, Помар – один из немногих сицилийских авторов, останавливающихся на различиях кухни синьоров и превалирующей в Сицилии кухни бедных, которая и лежит в основе традиционной системы питания [Pomar, 1978; 1992; 1994; 2003].

К этому же ряду относится и книга «Гастрономические воспоминания утраченного города» [*Lo Sicco*, 2010] журналиста и обозревателя эногастрономических разделов в периодических изданиях Сицилии Джанкарло Ло Сикко, на страницах которой он осуществляет весьма любопытный эксперимент по сравнительно-сопоставительной реконструкции типов характерной еды, потреблявшейся ранее и съедаемой сегодня различными категориями населения – детьми, во время семейной трапезы, при приёме гостей, принадлежащих к различным социальным слоям, по разным поводам в праздники и будни.

Также в этом ряду, но с оговорками, которые последуют ниже, должно рассматривать творение двух журналистов – уже известного нам Гаэтано Базиле и Анны Марии Муско Доминичи – под названием «Праздничная еда. Традиции и рецепты сицилийской кухни» [*Basile, Musco Dominici*, 2004]. Бóльшая часть содержания книги оставляет желать лучшего. Но при этом парадоксальным образом выигрышной и заслуживающей высоких оценок предстаёт сама постановка темы, а именно – стремление рассмотреть подробно праздничное застолье (в городе, среди представителей буржуазных кругов и среднего класса) как особый социокультурный и гастрономический феномен в его исторической эволюции, его атрибуты, составляющие, одновременно предписанные этикетом блюда и стандарты поведения трапезующих; к сожалению, авторы сообщили очень мало по данному поводу.

В каких-то случаях эти «ненаучные» публикации представляют явный научный интерес для учёных, исследователей последнего поколения, как источники «живой» информации; речь идёт о ярких «зарисовках», пусть и преимущественно описательных, каких-либо сицилийских локальных алиментарных явлений или феноменов, как правило, провинциальных и малоизвестных. Эти записки сложно назвать исследованиями, они, как правило, не сопряжены с процессом изучения, эксперимента, концептуализации и проверки теории, связанной с получением знаний, которые и детерминируют научный анализ, скорее речь идёт о «документальных свидетельствах» или констатациях неких культурных фактов,

дотоле ускользнувших от внимания учёных, и к тому же объективно отражающих то культурное многообразие и мозаичность, которое присуще Сицилии.

К числу подобных работ, в изобилии появившихся в Сицилии на волне современного интереса к традиционной пище, можно отнести, например, небольшую книгу «Сладкие штучки. Кондитерская традиция ареала Палаццоло Аккреиде» [*Mazzarella, Mazzarella, 2010*], в которой авторами, уроженцами исследуемой местности, подробно описываются кулинарные обычаи, практики и рецепты данной небольшой зоны провинции Сиракуза, в которой наиболее ярко ощущается влияние древнегреческого алиментарного наследия.

Ещё одним, весьма интересным примером этнографических очерков такого рода может служить книга с вполне тривиальным названием «Рецепты традиционной кухни провинции Сиракуза», в которой, помимо самих рецептов, содержится предваряющий их анализ кулинарно-гастрономических древнегреческих корней местной кухни. Здесь речь идёт о Восточной Сицилии, в которой исторически довлело культурное «присутствие» Древней Греции, а потом и Византии, в отличие от западной части острова, где более ощутимо арабское влияние [*Di Raimondo, 2004*].

В этом же ряду, хотя и на более высокой ступени, стоит и такое «регионоведческое» исследование, как «Кухня провинции Трапани и островов» [*Pilati, Allotta, 2004*]. Его авторы – журналист Джакомо Пилати и сомелье Алба Аллотта – достаточно скрупулезно отслеживают влияние вначале древних финикийских, а позже – и арабских пищевых традиций на кухню Трапани и провинции, а также Эгадских островов и острова Пантеллерия. Особое внимание уделяется им таким пищевым заимствованиям из арабской пищевой культуры, как кускус и блюда из тунца, а также уже упомянутой нами выше «тоннаре»: именно Трапани, наряду с Палермо, было местом наибольшей массовости и популярности этого способа добычи рыбы.

Ряд современных публикаций на тему традиционной гастрономии в Сицилии, подчас даже претендующих на «академичность» и «респекта-

бельность», представляют собой откровенный плагиат, в котором сведущий читатель сразу обнаруживает даже минимально не замаскированные вырванные с мясом «заимствования» из произведений «классиков» сицилийской гасстики – А. Уччелло, Дж. Кория, П. Корренти, Т. Д'Алба и т.д. К их числу относятся, например, и «скромная» репродукция украденных у Кория рецептов сладостей, соблюдающая даже порядок перечисления им рецептов [Randazzo, 2005], и вполне помпезная, с претензией на оригинальность монография «Сладости Сицилии. Искусство, культура, история и традиции сицилийских сладостей и кондитерского дела» [Farina, 2003] журналиста Салваторе Фарина, литературная часть которой представляет собой «незакавыченный» коллаж из тестов А. Уччелло, Дж. Кория, П. Корренти, щедро приправленный иллюстративным фотоматериалом.

Непосредственное отношение как к теме истории Сицилии и традиционной еды, так и к сюжетам городской этнографии имеют исследования, посвящённые **«историческим рынкам»** Сицилии.

«Исторические рынки» (термин был введен в оборот еще в 60-е гг. XX в. историками, но вскоре официально признан властями и представителями коммерческих структур) – это центры уличной торговли, «стаж» существования которых измеряется продолжительным временем (от нескольких десятилетий до нескольких веков) и очерчивается границами исторически организованных пространств в городах и поселениях городского типа; торговля на этих рынках осуществляется преимущественно продовольственными товарами.

Рынки как конгломерат торговых рядов на открытом воздухе (вне зависимости от сезона) занимает несколько улиц или даже кварталов города (как, например, в Палермо или Катании), и представляет собой совокупность тесно соседствующих друг с другом «'а путиа» (сиц. «'a putia») – закрытых сверху матерчатыми тентами и выдвинутых на улицу прилавков и витрин с товаром. Весь торговый процесс совершается «в открытую», на улице: в находящиеся в зданиях складские или подсобные помещения, примыкающие сзади к прилавкам, покупателю, как правило, ход закрыт, а

звуковой фон на рынках создают «(a)bbanniate» – хрипло выпеваемые крики торговцев, рекламирующих свой товар.

Официальным статусом «исторических рынков» обладают многие коммерческие институты по всей Сицилии, наиболее древними из которых являются рыбный рынок в Шакка, появившийся на свет в XVII в.; рынок «Страт’а фоггья» (Strat’a foglia) в Калтаниссетта – его существование было впервые документально зафиксировано в XVI–XVII вв.; рынок «’А пискерия» (’A pisciria) в Ачиреале, первое упоминание о котором относится к 1422 г.; рынок «Фера о луни» (Fera o luni) в Катании, впервые упомянутый под таким названием в 1693 г.; рынок «Пескерия» (Pescheria) в том же городе, родившийся в XV в. как рыбный торг, но затем расширившийся до продовольственного рынка широкого профиля; рынок «’А Кьяцца» (’a Chiazza) в Милаццо (1753); мясной рынок в Сант’Агата ди Милителло, на котором также торгуют живой скотиной, учреждённый в 1700 г.; рынки «Балларо’» (Ballaro’, IX–X вв.), «Капо» (Capo) (IX–X вв.), «Вуччирия» (Vucciria, XIII в.) и «Борго Веккьо» (Borgo Vecchio, 1556 г.) в Палермо; рынок в Марсала (1315); рынок «а’Кьяцца» (a’Chiazza, 1875) в Трапани (западная Сицилия). [*Mercati storici*, 2007:200–252].

Об «исторических рынках», представляющих собой своеобразные микрокосмы в сицилийском социуме, сосредоточия и форпосты традиционной культуры (алиментарной, социальной, обрядовой), много писал ещё такой классик «сицилиановедения», как Джузеппе Питрэ [*Pitre’*, 1978a:212–235, 238–267]. Но настоящий всплеск интереса к ним приходится на конец XX в. Разумеется, мимо «исторических рынков» Палермо не смог пройти такой глубокий исследователь города, как уже упоминавшийся выше Розарио Ла Дука: в 1994 г. был опубликован его труд «Рынки Палермо» [*La Duca*, 1994], в котором автор на основе архивных материалов анализирует исторические судьбы и хозяйственные профили трёх палермских, самых древних в Сицилии рынков – «Балларо», «Капо» и «Вуччирия», их структуру, внешнее оформление витрин и прилавков.

В 2003 г. увидела свет книга журналиста Гаэтано Бланди «Голоса улиц», в которой он обратился как к прошлому, так и к современному

ему состоянию уличной торговли, традиции которой весьма распространены в Сицилии, и «рекламным крикам» торговцев – «(a)bbanniiate», о которых мы упоминали в контексте разговора об «исторических рынках» [Blandi, 2003].

В том же году было опубликованное серьёзное и интересное исследование «Искусство и фольклор на рынках Палермо», осуществлённое в соавторстве двумя историками – Гаэтано Мантовани и Кармело Феррара, первый из которых преподаёт историю в Университете Палермо, и художником-сценографом Франко Монтемаджоре, бывшим преподавателем истории искусств в Академии художеств Сицилии. В соответствии со своим профессиональным «профилем» авторы представили в исследовании как многие исторические памятники, в изобилии украшающие районы «исторических рынков» (которые в свою очередь находятся в центре самых древних районов города), так и не публиковавшиеся до толе архивные документы (церковные и светские эдикты, акты продажи, распоряжения властей, нотариальные документы), касающиеся как этих памятников, так и рынков в целом. Кроме того, авторами приведена историческая документация, имеющая отношение непосредственно к фольклору рынков, а также к процессам купли-продажи, торгу, обрядности, бытующей там, ритуальному поведению продавцов и покупателей, к «(a)bbanniiate».

Двумя годами позже, в 2005 г. выходит «Театр существования. Палермо и его рынки» – результат творчества группы соавторов – архитекторов Марии Терезы Калкара и Лореданы Ариоло, и социологов, представляющих университетские структуры Палермо и Катании, – Терезы Д’Амато и Даниэле Марино [Calcara, Ariolo et al., 2005]. В книге вновь акцент делается на те отношения (коммерческие, общественные, межличностные, межэтнические), которые царят на «театральной площадке» рынков, в окружении «декораций», представленных ветшающими, некогда величественными дворцами палермской знати, вперемешку со зданиями, относившимся к различным этноконфессиональным группам средневекового населения города (евреев, арабов, швабов, греков), ко-

которые сегодня зачастую отданы «на откуп» сицилийской бедноте и многочисленным мигрантам.

В 2007 г. увидела свет монументальная публикация «Сицилийские исторические рынки» (*Mercati storici siciliani*), которая явилась результатом многолетних исследований, библиографических и полевых, осуществлённых «мощным» коллективом учёных, цветом сицилийской науки и профессуры, маститыми специалистами в разных областях (история, социология, культурология, фольклористика, этнология). В число исследователей входили уже упоминавшиеся нами выше видный культурный антрополог Антонина Буттитта, этнолог Фатима Джолломбардо, этнолог-музыковед Серджо Бонанцинга, антрополог Антонино Кузумано и многие другие видные представители научного мира Сицилии.

Исследование стало итогом долгосрочного научного проекта, осуществлённого в рамках программы исследований ЕС, при поддержке Ассамблеа Реджонале (правительства области Сицилия) и двух «министерств» этого правительства – Аксессората по культурному и природному наследию и образованию и Департаменту по культурному и природному наследию и текущему образованию.

Примечательно, что данное исследование впервые в истории сицилийской науки вышло за пределы одного только Палермо (невзирая на то, что именно там рынки являются наиболее древними на острове) и дало оценку феномену «исторических рынков» в масштабах всей Сицилии. В процессе исследования были затронуты следующие темы: ярмарки как явление сицилийской средневековой городской культуры; материалы, касающиеся ремёсел и уличных торговцев из коллекций сицилийского этнографа XIX в. Джузеппе Питрё; исторические рынки Сицилии между традицией и инновациями; «театр изобилия», или практики «соблазна» или «искушения» клиентуры на рынках (реклама; «(a)bbanniate», эстетика оформления витрин, улиц и прилавков; апелляция ко зрению, обонянию и вкусу покупателя); рыночные названия, термины и топонимы; «уличная» и «рыночная» кухни в Палермо (статья принадлежит перу Ф. Джалломбардо); Мадзара: город-рынок; азартные игры на рынках: игра в «токко»; стратегии купли-продажи в Мессине;

рынок животных и растений. Кроме того, к исследованию прилагается сводная таблица традиционных рынков, ярмарок, сагр, которые в XIX–XX вв. проводятся во всех населённых пунктах Сицилии, календарь их проведения, а также фотоматериал, иллюстрирующий рынки и ярмарки в разных центрах Сицилии, и CD с записями «(a)bbanniate» на различных «исторических рынках» Сицилии.

Данное исследование едва ли не впервые позволило объективно оценить масштабы феномена «исторических рынков» в Сицилии, их сохраняющуюся, невзирая на многовековую историю, актуальность в местном социуме не только как центров продажи продуктов питания, но и форпостов сохранения традиционной культуры – алиментарной, социальной, гендерной, фольклорной, их экономическую, социальную и даже психологическую значимость для сицилийцев в условиях современного общества, глобализации и консьюмеризма. Кроме того, это исследование выдержано в лучших академических традициях, с апелляцией к архивным данным, и позволило ознакомиться с невероятно интересным фольклорным материалом, который, при всей его архаичной традиционности, не утратил своей актуальности и сегодня.

В 2011 г. двое из задействованных в исследовании авторов – преподаватели университета Палермо Серджо Бонанцинга и Фатима Джолломбардо – публикуют свой новый труд, озаглавленный «Мимолётная еда (что в переводе с итальянского может звучать и как «Еда на улице». – О.Ф.). Алиментарные пейзажи в Сицилии», вновь в сопровождении приложенного CD с аудиоматериалами [Bonanzinga, Giallombardo, 2011]. Труд венчал собой долгий период полевых исследований, осуществлявшихся при поддержке многократно упомянутого нами Центра филологических и лингвистических исследований и Университета Палермо, едва ли не самого значимого центра всей научной деятельности в Сицилии.

Помимо более детального изучения «(a)bbanniate» (крики торговцев, зазывающих покупателей), реликтов их старых форм и инноваций С. Бонанцинга останавливается подробно и на эстетике рынков, отнюдь не произвольной, весьма продуманной, но следующей тем не менее исключительно

традиционным канонам, с соблюдением преемственности, поскольку по традиции нынешние торговцы являются прямыми потомками многих поколений людей той же профессии, работавших на том же месте. Особое внимание он уделяет и характерным проксемике^{*}, кинесике^{**} и поведенческим кодам продавцов и покупателей на «исторических рынках», представляющих собой особые микрокосмы в контексте сицилийских городов, сохраняющие социальную архаику; рассматривается также проблема сохранения на современном этапе прежнего гендерного состава продавцов и покупателей, поскольку по традиции до недавнего времени первые были представлены только мужчинами, а в составе вторых мужчины преобладали. В настоящее время число женщин среди покупателей растёт.

Новые данные приводит и Ф. Джалломбардо, которая не только глубже и с привлечением свежего материала анализирует феномен «уличной кухни», но также рассматривает весьма актуальную для Сицилии тему, а именно – сохранение и сегодня традиционного сакрального пищевого календаря.

Кроме этого, именно Ф. Джалломбардо едва ли не первая в научной среде Сицилии замечает более чем очевидное присутствие в области значительного числа мигрантов и останавливается на интересном явлении – постепенном формировании ими в новом ареале проживания, в Сицилии, различных форм своего быта и культуры, в т.ч. и культуры алиментарной, иногда за счёт «сращивания» привычных мигрантам (например, выходцам из Ганы, Нигерии, Кот-д’Ивуара, стран Магриба) их собственных кулинарно-гастрономических традиций с локальными, вследствие чего на свет появляются некие новые синтезные пищевые явления.

Список тем, актуальных в современной сицилийской науке и публицистике, можно было бы продолжить и далее, но объёмы данного сообщения не позволяют рассмотреть их, также, как в рамках его невозможно рассмотреть все без исключения исследования, представляющие то или иное

^{*} Знаковая система общения, в которой смысловую нагрузку несет расстояние между коммуникаторами, информирующее о характере общения между ними, об их эмоциональном состоянии и о социально-культурных особенностях коммуникации.

^{**} Совокупность телодвижений, жестов, мимики, применяемых в процессе общения между людьми.

направление. Отбор работ, рассмотренных выше, разумеется грешит определённой необъективностью и предвзятостью, и тем не менее мы полагаем, что основная задача данного сообщения – показать основные, или хотя бы некоторые доминирующие направления научных гуманитарных исследований в Сицилии и обосновать выбор сицилийским научным сообществом именно этих векторов научного поиска – была выполнена.

Литература:

- Дики, 2012 – *Дики Дж.* Delizia! Эпическая история итальянцев и их еды. М.: Вече, 2012.
- Фаис, 2013 – *Фаис О.* Мигранты в Сицилии: восприятие их местным населением и проблемы толерантности // Очерки о европейской идентичности и многокультурности (Отв.ред.-сост. М.Ю.Мартынова). М.: ИЭА РАН, 2013.
- Фаис, 2016 – *Фаис О.* Сицилийцы: этническое меньшинство или особая этническая общность? (К вопросу об идентичности сицилийцев) // Европа меньшинств – меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые группы / Колл. сб. / Отв.ред. Кабицкий М.Е., Мартынова М.Ю. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 271–301. 302 с.

* * *

- Amari, 2003 – *Amari N.* Storia dei musulmani in Sicilia. Vol. I – III. Firenze: Felice Le Monnier. 2003.
- Atlante del Pane..., 2004 – *Atlante del Pane di Sicilia.* Agrigento: Industri Grafica T.Sarcuto. 2004. 298 p.
- Isole. Minoranze, 2007 – AA.VV. Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione. (a cura di Mario G. Giacomarra). Palermo: Fondazione Ignazio Buttita. 2007.
- Basile, Musco Dominici, 2004 – *Basile G., Musco Dominici A.M.* Mangiare di festa. Tradizioni e ricette della cucina siciliana. Palermo: Kalòs. 2004. 191 p.
- Basile, 2007a – *Basile G.* Palermo felicissima... (o quasi). Palermo: Flaccovio. 2007.
- Basile, 2007b – *Basile G.* Palermo felicissima... (atto secondo) Palermo: Flaccovio. 2007. 224 p.
- Basile, 2012 – *Basile G.* Tonnare indietro nel tempo. Palermo: Flaccovio. 2012. 144 p.
- Benigno, 2015 – *Benigno F.* La mala setta. Alle origini di mafia e camorra (1859–1878). Torino: Einaudi. 2015.
- Billitteri, 2003a – *Billitteri D.* Homo Panormitanus. Cronaca di un'estensione impossibile. Palermo: Sigma. 2003.

-
- Billitteri, 2003b – *Billitteri D.* Femina Panormitana ovvero l'arte del matriarcato occulto. Palermo: Sigma. 2003.
- Blandi, 2003 – *Blandi G.* Le voci della strada. Palermo: Antares. 2003. 126 p.
- Bonanzinga, Giallombardo, 2011 – *Bonanzinga S., Giallombardo F.* Il cibo per via. Paesaggi alimentari in Sicilia. Palermo: Università degli studi di Palermo. Dipartimento di scienze filologiche e linguistiche. Centro di studi filologici e linguistici siciliani. 2011. 199 p.
- Bruscia, 1953 – *Bruscia V.* L' inquisizione in Sicilia... e altrove: saggio storico. Milano: Gastaldi. 1953.
- Burgarella, 1986 – *Burgarella P.* Fonti d'archivio sull'Inquisizione Spagnola. Roma: [s.n.]. 1986.
- Buttita, 1985 – *Buttita A.* Il vino in Sicilia. Palermo: Sellerio. 1985.
- Buttitta, Cusumano, 1991 – *Buttitta A., Cusumano A.* Pane e Festa. Tradizioni in Sicilia. Napoli: Gida. 1991.
- Calcara, Ariolo et al., 2005 – *Calcara M. T., Ariolo L. D'Amato T., Marino D.* Il teatro dell'esistenza. Palermo e i suoi mercati. Palermo: Anteprima Edizioni. 2005.
- Cardillo Di Prima, Scandaliato, 2016 – *Cardillo Di Prima L., Scandaliato A.* Diaspora di voci. Ebrei, converti, eretici, cabbalisti tra Espulsione e Inquisizione in Sicilia. Sciacca (AG): Aulino. 2016.
- Callari Galli, 2000 – *Callari Galli M.* Antropologia per insegnare. Milano: Mondadori. 2000.
- Callari Galli, 2003 – *Callari Galli M.* La TV dei bambini, i bambini della TV (a cura di). 2003.
- Callari Galli, 2004 – *Callari Galli M.* Nomadismi contemporanei (a cura di), 2004.
- Callari Galli, 2005a – *Callari Galli M.* Antropologia senza confini. Percorsi nella contemporaneità. Palermo: Sellerio. 2005.
- Callari Galli, 2005b – *Callari Galli M.* Culture e conflitto (a cura con G. Guerzoni, B. Riccio). Rimini (RN): Guaraldi. 2005. 314 p.
- Callari Galli, 2005c – *Callari Galli M.* Il meticcio culturale (a cura con D. Londei, A. Soncini Fratta). Bologna: CLUEB. 2005.
- Callari Galli, 2009a – *Callari Galli M.* Giovani in cerca di cittadinanza. I figli dell'immigrazione tra scuola e associazionismo: sguardi antropologici (con G. Guerzoni e B. Riccio). Rimini (RN): Guaraldi. 2009.
- Callari Galli, 2009b – *Callari Galli M.* Un doppio sguardo. Etnografia delle interazioni tra servizi e adolescenti di origine straniera (con I. G. Pazzagli e F. Tarabusi). Rimini (RN): Guaraldi. 2009.
- Caravale, 1984 – *Caravale M.* Il regno normanno di Sicilia. Roma: Giuffrè. 1984.
- Cardillo Di Prima, Scandaliato 2016 – *Cardillo Di Prima L., Scandaliato A.* Diaspora di voci. Ebrei, converti, eretici, cabbalisti tra espulsione e inquisizione in Sicilia. Sciacca: Aulino. 64 p.
- Coria, 1978 – *Coria G.* I grandi vini della Sicilia. Palermo: Vittoria. 1978. 154 P.
- Coria, 1994 – *Coria G.* Usi Nuziali e Mangiar di Nozze in Sicilia. Catania: Cavallotto. 1994. 95 P.

- Coria, 2006 – *Coria G.* Profumi di Sicilia. Il libro della cucina siciliana. Catania: Cavallotto, 2006. 670 p.
- Correnti, 1971 – *Correnti P.* La gastronomia nella vita e nella storia della vita del popolo siciliano. Catania: Boemi. 1971.225 p.
- Correnti, 1976a – *Correnti P.* Il diamante della grande cucina di Sicilia Copertina flessibile. Milano: Mursia. 1976.442 p.
- Correnti, 1976b – *Correnti P.* Il libro d'oro della cucina e dei vini di Sicilia. Milano: Mursia. 1976. 560 p.
- Correnti, 2002 – *Correnti P.* Cuscus. Storia, ricette, tradizioni Copertina flessibile. Palermo: Flaccovio. 2002. 96 p.
- Costantino, 2010 – *Costantino A.* Gli arabi in Sicilia. Palermo: Antares. 2010.
- Crisafulli, 2003 – *Crisafulli M.* Mangiare sano, mangiare siciliano. Messina: Armando Siciliano.2003.96 p.
- Croce, 1999 – *Croce M.* Pupi, caratteri e cantastorie – L'epica cavalleresca nelle tradizioni popolari siciliane. Palermo: Flaccovio. 1999.
- Croce, 2003 – *Croce M.* Pupari. Storia di Girolamo Cuticchio, dei pupi e di una tradizione. Palermo: Flaccovio. 2003. 96 p.
- Croce, 2004 – *Croce M.* Le stagioni del sacro. Almanacco delle feste popolari siciliane. Palermo: Flaccovio. 2004. 128 p.
- Croce, 2012 – *Croce M.* Guida ai sapori perduti. Storie e segreti del cibo siciliano con quaranta antiche ricette. Palermo: Edizioni d'arte Kalós. 2012. 224 p.
- Cultura ed usi, 1997 – Cultura ed usi alimentari in Sicilia. Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani, Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Palermo. 1995. 24 p.
- D'Alba, 1973 – *D'Alba T.* Le tradizioni culinarie siciliane. Palermo: Giuffrè'. 1973.
- D'Alba, 1976 – *D'Alba T.* Dolci di Sicilia. Palermo: Misuraca.1976. 128 p.
- D'Alba, 1977 – *D'Alba T.* La cucina tradizionale dell'Ennese. Cefalu: Misuraca. 1977.
- D'Alba, 1980 – *D'Alba T.* La cucina siciliana di derivazione araba. Palermo: Vittorietti. 1980. 158 p.
- De Mauro, 1987 – *De Mauro T.* L'Italia delle Italie. Roma: Editori Riuniti. 1987. 204 p.
- Di Franco, 2001 – *Di Franco C.* Viaggio Enogastronomico nell'Isola del Sole. Palermo: Regione Siciliana Assessorato Agricoltura e Foreste. 2001.
- Di Franco, 2003a – *Di Franco C.* Un po' di Palermo. Cultura e tradizione. Vol. 1. Palermo: Grafill. 2003. 96 p.
- Di Franco, 2003b – *Di Franco C.* Un po' di Palermo. Cultura e tradizione. Vol. 2 Palermo: Grafill. 2003. 96 p.
- Di Franco, 2016 – *Di Franco C.* Palermo, cultura e tradizioni. Palermo: Lapademi. 2016.
- Di Franco, 2018 – *Di Franco C.* Itinerario gastronomico arabo-normanno. Palermo: Lapademi. 2018.
- Di Leo, 2004 – *Di Leo M.A.* I dolci siciliani. Roma: Newton & Compton. 2004. 272 p.
- Di Leo, 2006 – *Di Leo M.A.* Feste patronali di Sicilia. Roma: Newton Compton .2007.320 p.

-
- Di Leo, 2007 – *Di Leo M.A.* Feste popolari di Sicilia. Roma: Newton Compton .2007.320 p.
- Di Marco, Ferrè, 2010 – *Di Marco M.T., Ferrè M.C.* La cucina siciliana. Milano: Guido Tommasi. 2010. 224 p.
- Di Raimondo, 2004 – *Di Raimondo G.* Ricette della tradizione siracusana. Siracusa: Morrone 2004. 92 p.
- Donà, Di Franco, 2013 – *Donà M.G., Di Franco C.* Viaggio attraverso i sapori del quotidiano. Palermo: Qanat. 2013. 224 p.
- Falcone, Padovani, 2012 – *Falcone G., Padovani M.* Cose di Cosa Nostra Milano: Rizzoli. 2012. 176 p.
- Farina, 2003 – *Farina S.* Dolcezze di Sicilia. Arte, cultura, stori e tradizioni dei dolci e della pasticceria siciliana. Caltanissetta: Lussografica-Soham. 2003. 144 p.
- Ferla, 2009 – *Ferla G.* Il Pensiero di...vino. Ovvero quello che “Gli Altri” hanno scritto sul vino. Palermo: Punto Grafica. 2009.64 p.
- Frosini, Renda, Sciascia, 1970 – *Frosini V., Renda F., Sciascia L.* La mafia. Tre studi. Editore: Firenzelibri.1970.
- Giallombardo, 1990a – *Giallombardo F.* Festa, orgia e società. Palermo: Flaccovio. 1990.
- Giallombardo, 1990b – *Giallombardo F.* Accumulare, ostentare, distribuire. Preliminari ad una antropologia della ricchezza. Palermo: Università di Palermo. Istituto di scienze antropologiche e geografiche. 1990.
- Giallombardo, 2003 – *Giallombardo F.* La tavola, l’altare, la strada. Scenari del cibo in Sicilia. Palermo: Sellerio. 2003. 196 p.
- Giallombardo, 2006 – *Giallombardo F.* La festa di San Giuseppe in Sicilia. Figure dell’alternanza e liturgie alimentari. Palermo: Fondazione Ignazio Buttita. 2006.
- Giunta, 1974 – *Giunta Fr.* Bizantini e bizantinismo nella Sicilia normanna. Palermo: Palumbo 1974. 176 p.
- Giunta, 1991 – *Giunta Fr.* Dossier inquisizione in Sicilia: l’organigramma del Sant’Uffizio a metà del Cinquecento. Palermo: Sellerio. 1991.
- Guggino, Pagano, 1983 – *Guggino E., Pagano G.* La mattanza. Gibellina: Nando Russo. 96 p.
- Il sapere culinario, 2017 – *Il sapere culinario.* Ricette di un Monsù siciliano al fronte (1915 – 1919) (a cura di Giuffrida A.e.Inglese P). Palermo: Palermo University Press. 2017. 116 p.
- Io, Siciliano, 2009 – *Io, Siciliano.* Tra orgoglio e disincanto (a cura di M.Miliziano). Palermo: Officina Trinacria. 2009. 102 p.
- Isole. Minoranze culturali, 2007 – *Isole. Minoranze culturali migranti globalizzazione* (a cura di Giacomarra M.). Palermo: Fondazione Buttita. 2007.
- La carta dei giochi, 1999 – *La carta dei giochi* (a cura di G.Ruffino). Palermo: Centro degli studi filologici e linguistici siciliani.1999.
- La Duca, 1970 – *La Duca R.* I veleni di Palermo. Palermo: Esse. 1970. 144 p.
- La Duca, 1991 – *La Duca R.* Palermo ieri e oggi. Palermo: Vittorietti. 1991.
- La Duca, 1994 – *La Duca R.* I mercati di Palermo. Palermo: Sellerio. 1994. 160 p.
- La Duca, 1997 – *La Duca R.* Palermo ieri e oggi. Vol.1,2,3. Palermo: Vittorietti. 1997. 288 p.

- La Duca, 2000–2003 – *La Duca R.* La città «passeggiata». Vol. 1 –3. Palermo: L'Epos. 2000, 2003, 2003.
- La Duca, 2006 – *La Duca R.* Da Panormus a Palermo. La città ieri e oggi. Palermo: Vittorietti. 2006. 384 p.
- La Mantia, 1900 – *La Mantia V.* Antiche consuetudini delle città di Sicilia. Palermo: A. Reber. 1900. 356 p.
- La Mantia, 1901 – *La Mantia V.* Le tonnare in Sicilia. Palermo: Stab. tip. A. Giannitrapani. 1901. 55 p.
- La Mantia, 1977 – *La Mantia V.* Origine e vicende dell'inquisizione in Sicilia. Torino: F.lli Bocca. 1886. Переиздано: Palermo: Sellerio. 1977.
- La Mantia, 1904 – *La Mantia V.* L' inquisizione in Sicilia: serie dei rilasciati al braccio secolare, 1487–1732: documenti su l'abolizione dell'Inquisizione, 1782. Palermo: Tip. A. Giannitrapani, 1904.
- La Tona, La Tona, 2011 – *La Tona M., La Tona A.* Sagre e turismo in Sicilia. Palermo: Mela Cult. 2011. 208 p.
- Leonardi, 2005 – *Leonardi M.* Governo, istituzioni, inquisizione nella Sicilia spagnola: i processi per magia e superstizione. Acireale: A & B. 2005.
- Li Causi, 2012 – *Li Causi G.* La Sicilia, Marsala e il Trapanese ai tempi dell'Inquisizione Spagnola. Trapani: Auser provinciale, 2012.
- Lo Sicco, 2010 – *Lo Sicco G.* Memorie gastronomiche della città perduta. Palermo: Nuova Ipsa. 2010. 174 p.
- Mangiafico Gianni, 2017 – *Mangiafico Gianni L.* Sfilato siciliano. Storia arte poesia dall'incontro arabo-siculo nei paesi mediterranei. Siracusa: Tych. 2017. 72 p.
- Martorana, 2012 – *Martorana G.* Dolce Sicilia. Milano: Mondadori. 2012. 177 p.
- Maurici, 1995 – *Maurici F.* Breve storia degli arabi in Sicilia. Palermo: Flaccovio, 1995. 168 p.
- Maurici, 2015 – *Maurici F.* Palermo araba. Una sintesi dell'evoluzione urbanistica (831–1072). Palermo: Edizioni d'arte Kalós. 2015. 152 p.
- Mazzarella, Mazzarella, 2010 – *Mazzarella G., Mazzarella M.* Così aurici. Tradizione dolciari akrense. Siracusa: Morrone. 2010. 84 p.
- Mercati storici, 2007 – *Mercati storici siciliani.* Palermo: Officine Grafiche Riunite. 2007. 263 p.
- Messana Virga, 2007 – *Messana Virga M.-S.* Inquisitori, negromanti e streghe nella Sicilia moderna, 1500–1782. Palermo: Sellerio. 2007.
- Messana Virga, 2012 – *Messana Virga M.-S.* Il Santo ufficio dell'Inquisizione Sicilia 1500–1782. Palermo: Istituto poligrafico europeo. 2012.
- Montanari, 2002 – *Montanari M.* La cucina, luogo di identità e dello scambio // Il mondo in cucina. Storia, identità, scambi (a cura di M. Montanari). Roma-Bari: Laterza. 2002. P. VII–XII.
- Montanari, 2009 – *Montanari M.* Il riposo della polpetta e altre storie intorno al cibo. Roma-Bari: Laterza. 2009.

-
- Monti Gennaro, 1945 – *Monti Gennaro M.* Lo stato normanno-svevo. Bari: Società Storia Patria. 1945.
- Parole da gustare, 2007 – Parole da gustare Consuetudini alimentari e saperi linguistici (a cura di Castiglione M, Rizzo G.) Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani. 2007.
- Pellitteri, 2016 – *Pellitteri A.* Sicilia e Islam. Tracciati oltre la storia. Milano: Franco Angeli. 2016. 124 p.
- Pilati, Allotta, 2004 – *Pilati G., Allotta A.* Cucina trapanese e delle isole. Roma: Muzio. 2004. 272 p.
- Pitrè, 1978a – *Pitrè Gius.* La famiglia, la casa, la vita del popolo siciliano. Palermo: Il Vespro. 1978. 479 p.
- Pitrè, 1978b – *Pitrè Gius.* Usi e costumi, credenze e pregiudizi del popolo siciliano. Vol.I. Palermo: Il Vespro. 1978.
- Poeti arabi di Sicilia, 2002 – Poeti arabi di Sicilia (a cura di F. M. Corrao). Messina: Mesogea. 2002. 216 p.
- Pomar, 1978 – *Pomar A.* Antichi sapori della Sicilia. Con una minuziosa raccolta di ricette dalle antiche origini ai tempi nostri. Edizioni del Mezzogiorno. 1978.
- Pomar, 1992 – *Pomar A.* L'isola dei sapori. 300 ricette della cucina tradizionale siciliana tra storia e leggenda, curiosità, riti, celebrazioni. Palermo: Good. 1992. 208 p.
- Pomar, 1994 – *Pomar A.* La cucina tradizionale siciliana. Catania: Brancato. 1994. 160 p.
- Pomar, 2003 – *Pomar A.* Le vie del formaggio in Sicilia. Palermo: Krea. 2003. 256 p.
- Princiotta, 2009–2010 – *Princiotta R.* La SS. Inquisizione di Sicilia: viaggio in un periodo storico travagliato e tanto discusso attraverso una documentazione straordinaria e introvabile. Napoli: Boopen. 2009–2010.
- Raffaele et al., 2015 – *Raffaele F., Ruta C., Tusa S.* Cristiani e musulmani nella Sicilia normanna. Ragusa: Edizioni Storia e Studi Sociali. 2015. 96 p.
- Randazzo, 2005 – *Randazzo G.* La pasticceria siciliana. Palermo: Antares. 2005. 96 p.
- Renda, 1993 – *Renda F.* Resistenza alla mafia come movimento nazionale. Soveria Mannelli: Rubbettino. 1993.
- Renda, 1995 – *Renda F.* Gli ebrei prima e dopo il 1492// Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombi. 505 p.
- Renda, 1997 – *Renda F.* L'Inquisizione in Sicilia. I fatti. Le persone. Palermo: Sellerio. 1997.
- Renda, 1998 – *Renda F.* Storia della mafia. Palermo: Vittorietti. 1998.
- Renda, 1999 – *Renda F.* In Sicilia in cucina. Ricette, curiosità, tradizioni, folklore. Palermo: Vittorietti. 1999. 212 p.
- Renda, 2008 – *Renda F.* Liberare l'Italia dalle mafie. Roma: Ediesse. 2008.
- Renda, 2012 – *Renda Fr.* Federico II e la Sicilia. Soveria Mannelli: Rubbettino. 2012. 218 p.
- Romano, 1991 – *Romano E.* Muddicati. Frammenti di Cultura popolare a Mistretta. (a cura dell'Amm.ne Comunale di Mistretta). Messina: Spignolo. 1991. 264 p.

- Romano, 1994 – *Romano E.* A casa paterna. Dialetto e Cultura popolare a Mistretta. Patti: Pungitopo. 1994. 320 p.
- Romano, 1999–2000 – *Romano E.* Alla ricerca delle radici. Tradizioni e Miti in Sicilia. Messina: Siciliano. 1999 –2000. 352 p.
- Romano, 2006 – *Romano E.* Dialetto e grafia siciliana. Messina: Salernitano. 2006.
- Ruffino, 1995 – *Ruffino G.* I Pani di Pasqua in Sicilia. Un saggio di geografia linguistica e etnografica (Materiali e ricerche dell’Atlante linguistico in Sicilia). Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani, Facoltà di Lettere e Filosofia dell’Università di Palermo. 1995. 135 p.
- Ruffino, 1997 – *Ruffino G.* La Sicilia dialettale: appunti. Palermo: Arti grafiche siciliane. 1997.
- Ruffino, Bernardi, 2000 – *Ruffino G., Bernardi N.* Per una ricerca sulla cultura alimentare e sul lessico gastronomico in Sicilia. Appunti e materiali. Palermo: Arte Grafica. 2000. 122 p.
- Ruffino, 2001 – *Ruffino G.* Sicilia. Profili linguistici delle regioni. Roma-Bari: Laterza. 2001. 192 p.
- Ruffino, 2009 – *Ruffino G.* Mestieri e lavoro nei soprannomi siciliani. Un saggio di geoantroponomastica. Palermo: Centro Studi Filologici. 2009. 386 p.
- Ruffino, D'Avena, 2010 – *Ruffino G., D'Avena E.* Per un vocabolario-atlante della cultura marinara in Sicilia. Appunti e materiali. Villapiana (CS): Ass. Culturale Aljon. 2010. 98 p.
- Ruffino, 2012 – *Ruffino G.* Lingua e storia in Sicilia: per l'attuazione della Legge regionale n. 9 del 31 maggio 2011 «Norme sulla promozione, valorizzazione ed insegnamento della storia, della letteratura e del patrimonio linguistico siciliano nelle scuole». Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani, Università degli studi di Palermo – Dipartimento di scienze filologiche e linguistiche. 2012.
- Ruffino, 2013 – *Ruffino G.* Lingue e culture in Sicilia. Palermo: Centro Studi Filologici. 2013.
- Ruffino, Sottile 2015 – *Ruffino G., Sottile R.* Parole migranti tra Oriente e Occidente. Palermo: Centro Studi Filologici. 2015. 64 p.
- Ruta, 2014 – *Ruta C.* Crepuscolo della Sicilia islamica. Indagine storica su una violenza etnica continuata. Ragusa: Edizioni Storia e Studi Sociali. 2014. 96 p.
- Sagre e turismo, 2000 – *Sagre e turismo in Sicilia.* Palermo: Mela Cult. 2000. 215 p.
- Sagre Magic, 2013 – *Sagre Magic.* Feste popolari, religiose e eventi in Sicilia (a cura di Grasso F., Di Stefano R.). Palermo: Flaccovio. 2013. 192 p.
- Salomone Marino, 1968 – *Salomone Marino S.* Costumi e usanze dei contadini di Sicilia (a cura di A.Rigoli). Palermo: Andò. 1968. 368 p.
- Scandurra, 2011 – *Scandurra C.* In vino veritas. Il vino nella tradizione popolare siciliana. Siracusa: Morrone. 2011. 96 p.
- Sicilia. Un anno di feste. 1999–2000 – *Sicilia. Un anno di feste. Le tradizioni religiose e rurali.* Palermo: Regione Siciliana. Assessorato Agricoltura e Foresta. 1999–2000. 122 p.
- Spoto, 2017 – *Spoto S.* La Sicilia Normanna. Roma: Newton Compton. 2017. 368 p.

- Traina, 2008–2009 – *Traina A.* Vicoli, vicoli. Palermo. Guida intima ai monumenti umani. Palermo: Flaccovio. 2008 –2009. 224 p.
- Tramontana, 1984 – *Tramontana S.* L'effimero nella Sicilia normanna. Palermo: Sellerio. 1984. 96 p.
- Tramontana, 1986 – *Tramontana S.* La monarchia normanna e sveva. Torino: Einaudi. 1986.
- Tramontana, 1989 – *Tramontana S.* Gli anni del Vespro. L'immaginario, la cronaca, la storia. Bari: Dedalo. 1989.
- Tramontana, 2000 – *Tramontana S.* Il mezzogiorno medievale. Normanni, svevi, angioini, aragonesi nei secoli XI–XV. Roma: Carocci. 2000. 288 p.
- Tramontana, 2014 – *Tramontana Salvatore.* L' isola di Allah. Luoghi, uomini e cose di Sicilia nei secoli IX–XI. Torino: Einaudi. 2014.
- Tramontana, 2015 – *Tramontana S.* Regno di Sicilia. Uomo e natura dall'XI al XIII secolo. Torino: Einaudi. 2015.
- Uccello, 1976 – *Uccello A.* Pani e dolci di Sicilia. Palermo: Sellerio. 1976. 192 p.
- Uccello, 1980 – *Uccello A.* Bovari, Pecorai, Curatoli – Cultura casearia in Sicilia. Palazzolo Acreide: Associazione Amici della Casa-museo di Palazzolo Acreide. 1980.
- Zullino, 2014 – *Zullino P.* Guida ai piaceri e misteri di Palermo. Palermo: Flaccovio ed. 2014. 416 p.

М.А. Андриянина

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛЬСКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ЛЮБЛИНЕ

Последние двадцать–тридцать лет развития науки показали, что перспективные направления, новые пути к решению проблем и интерпретации материала, равно как и открытия нового лежат на стыке наук и направлений; а именно на уровне междисциплинарного и синтетического подходов [Феномен, 2016]. Н.И. Толстой писал об этом так: «Позволительно <...> ещё раз напомнить, что новые, перспективные проблемы и ситуации возникают на стыке наук, на стыке разнородных компонентов и материалов, на стыке жанров и структур и что ни одна дисциплина не может существовать только в себе и исключительно для себя» [Толстой, 2013:15–16].

Эту тенденцию как нельзя более действенно реализует этнолингвистика, сравнительно молодая наука, развившаяся на стыке этнографии и

лингвистики, использующая их методы и достижения для реконструкции, описания и исследования традиционной культуры, её содержания, т.е. картины мира, закодированной в многообразных проявлениях того, что мы называем культурой народа во всех её духовных и материальных формах, обрядах, верованиях, различных жанрах фольклора. По формулировке Н.И. Толстого, «...этнолингвистика также может пониматься как комплексная дисциплина, предметом изучения которой является "план содержания" культуры, народной психологии и мифологии, независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т.п.)» [Толстой, 1995:39–40].

ИСТОРИЯ НАУКИ

Появлению собственно этнолингвистики предшествовало более чем два века научно-философского осмысления глубинной связи между мышлением, языком и культурой народа. Истоки этнолингвистической науки можно найти в работах И.Г. Гердера и В. фон Гумбольдта; у Г.В. Лейбница, который пытался выделить в языке простейшие компоненты, названные им «атомами человеческого мышления», а также у М. Хайдеггера, назвавшего язык «домом бытия» [см.: *Хайдеггер*, 1993]. Теснейшая связь между языком, говорящим на нём народом и его мышлением (также осуществляемом на этом языке и пользующимся его формальными структурами), определяет важность языкового влияния на представления о мире, существующие у данного этноса. Эти идеи как разновидность неогумбольдтианства получили широкое развитие в романских странах Европы, особенно в Германии, хоть и без использования термина этнолингвистика [Толстая, 2013:67]. В России идеи Гумбольдта нашли свое развитие, в частности, в трудах А.А. Потебни [*Потебня*, 1862] и Г.Г. Шпета [*Шпет*, 1927].

Основоположницей этнолингвистики можно считать американскую школу, труды Ф. Боаса, Э. Сепира [*Sapir*, 1973] и Б.Л. Уорфа [*Whorf*, 1956], основателей теории лингвистической относительности. Согласно

ей, язык, его структура и терминология определяют способ мышления сообщества, его приёмы познания внешнего мира, культурную и социальную деятельность. В конечном итоге, язык и картина мира данного социума оказываются в отношениях дистрибуции, взаимно определяясь и отражаясь друг в друге. «<...> Мы членим природу по линиям, проведённым нашими родными языками. <...> Мы так членим природу, организуем части в концепты и приписываем им значения в большей степени потому, что участвуем в договоре делать это именно таким способом – в договоре, который поддерживается всеми членами нашего языкового сообщества и закодирован в структуре нашего языка» [*Whorf*, 1956:212–213, пер. наш – А.М.].

Таким образом, лексическая, синтаксическая и другие структуры, страты родного языка формируют мышление каждого индивидуума, постигающего окружающий мир в пределах данного культурного сообщества, снабжая его инструментами познания и классификации действительности и делая его усилия более эффективными. С другой стороны, это определяет для него набор догм, стереотипов, закреплённых в языке и культуре, тем самым ограничивая его в возможностях мыслительной и хозяйственной экспансии (например, отражённая в стереотипах аксиология, система табу и пр.).

Таким образом, этнолингвистика оказывается довольно широкой сферой научной деятельности; не вызывает никаких сомнений её синтетический характер и существование на стыке разных дисциплин (этнологии, языковедения, фольклора, этнопсихологии, социолингвистики и пр.). В широком смысле этнолингвистика изучает «явления и процессы в области языка, в определённой степени связанные с проявлением самосознания какого-либо этноса или со взаимоотношением этносов между собой» [*Арутюнов*, 1995:145], что также может быть выражено более кратко: этнос в зеркале языка *.

* См. также определения этнолингвистики: [*Толстой*, 1995, *Бартминьский*, 2005, *Березович*, 2000:3–18; *Березович*, 2007; *Журавлев*, 1995; *Юдин*, 1998 и др.].

По мнению Н.И. Толстого, этнолингвистика может пониматься как лингвистика, объектом изучения которой является язык в его отношении к культуре народа, её интересуют «<...> отражения в языке культурных, народно-психологических и мифологических представлений и "переживаний"» [Толстой, 1995:39]. «Этнолингвистика изучает язык народной культуры, её категории и механизмы, независимо от того, в какой субстанции они получают своё воплощение – в слове, мифе, фольклорном сюжете, в обряде, музыке, изобразительной символике и т.п.» [Толстая, 2015:15]. Эта наука также «исследует сложные взаимоотношения культуры и языка, а именно языковой системы как институционализированного общественного творения во всём многообразии её видов, стилей, вариантов и употреблений в отношении к системе культуры как особого порядка человеческих действий со вписанными в них взглядами и ценностями, а также к культуре как к результату этих действий [Bartmiński, 1988a:5].

Междисциплинарный, синтетический характер этнолингвистики, равно как и обращённость к широчайшим пластам традиционной материальной и духовной культуры приводит к существованию различных её толкований многочисленными исследователями и школами. За годы развития этой науки ещё не появилось единого и универсального её определения, а большинство исследований ведутся в частных сегментах. Таким образом формулируются «узкие» определения этнолингвистики, в число которых входит понимание этой дисциплины как соотношения языка и культуры бесписьменных народов, характерное для основоположницы дисциплины – американской школы; языка и традиционной духовной культуры – для московской школы и пр.

МОСКОВСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Основанная Н.И. Толстым московская этнолингвистическая школа в основу своей методологии положила постулат об изоморфизме языка и культуры, о принципиальной разложимости обоих сложных явлений на

ряд простых элементов, по общим признакам объединённых в системы. Также как и язык, культура может быть представлена как иерархически организованная система разных кодов, вторичных знаковых систем, использующих различные формальные и материальные средства для кодировки единого содержания, в целом сводимого к картине мира. Выделение различных знаковых кодов культуры, таких как космогонический, темпоральный, локативный, растительный, предметный, агентивный, вербальный и т.д. позволяет увидеть любой фрагмент культуры, например, обряд, не только как единичный, развёрнутый во времени акт, но и как определённую парадигму, систему, повторяющую действия разных обрядов. Различные знаковые коды можно соотнести друг с другом по способу перевода с языка на язык через общий для них содержательный план, служащий как бы языком-посредником [Толстые, 1995:7].

Исследование языка традиционной культуры может вестись преимущественно или исключительно лингвистическими методами, что оправдывает наличие второго компонента названия «этнолингвистика» [Толстой, 1995: 39–40], широкое применение находят такие методы, как ареалогия, лингвистическая география и картографирование, типология, теория реконструкции, лингвистическая прагматика, компонентный анализ, концептуальный анализ и пр. [см.: Толстая, 2015:15].

С другой стороны, в отличие от американской школы – основоположницы этого направления в науке, основатели московской этнолингвистики сделали выбор в пользу обращения к историческим, историко-генетическим проблемам и задачам, к диахроническому плану исследований, в то время как чисто языковедческая и синхронно лингвистическая направленность американской школы может в значительной степени ограничить возможности этнолингвистики и сделать её вспомогательной, периферийной наукой [Толстой, 2013:20–21].

Как результат, этнолингвистические методы показали себя эффективными инструментами культурологического анализа, что было доказано при создании словаря «Славянские древности» (5 томов), работа над которым велась под руководством академика Н.И. Толстого в Отделе эт-

нолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН с 1984 (пробное издание) по 2012 год.

ЛЮБЛИНСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Помимо московской школы, оказывает огромное влияние и вносит большой вклад в развитие этнолингвистики польская люблинская школа, коллектив учёных, собранных вокруг профессора Ежи Бартминьского в Отделе этнолингвистики Института польской филологии Государственного университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине (UMCS). Это объединение учёных с 1980 г. работает над программным для этнолингвистической науки и новаторским проектом «Словарь народных стереотипов и символов» (*Słownik stereotypów i symboli ludowych*) и выпускает с 1988 г. параллельно ему ежегодник «Этнолингвистика» (*Etnolingwistyka*), который со временем стал основным печатным органом и дискуссионной площадкой для польской и международной этнолингвистики.

Люблинская этнолингвистическая школа трактует этнолингвистику как область общего языкознания, которая исследует язык в его связи с культурой и историей конкретной общности (социальной, региональной, национальной), главным образом – с выработанными ею приёмами поведения, системой ценностей, общественной ментальностью. Сосредотачивая своё внимание на «культуре в языке», наука ставит своей целью реконструкцию отражённой и закреплённой в языке картины мира. При этом этнолингвистика, будучи направлением лингвистики, остаётся в теснейших связях с фольклористикой, этнографией, культуроведением и литературоведением, что скорее может быть определено широкими рамками культурной антропологии и когнитивистики [см.: *Bartmiński*, 2002:38; *Толстая*, 2015a:45–53].

Программа люблинской этнолингвистики близка двум другим ведущим этнолингвистическим школам, американской и московской, хотя и не идентична ни одной из них, отличаясь в исследованиях и подходами, и по иному расставленным акцентами. Принимая во внимание факты, ка-

сающиеся прошлого, и рассматривая их как ценное наследие, проявляющееся в современном состоянии языка, она ориентирована более синхронно (по сравнению с исторической этнолингвистикой московской школы) и преимущественно решает вопросы современной языковой ситуации. Близка люблинская научная концепция американской синхронной школе, между ними существуют неслучайные схождения, особенно в сферах, касающихся лексической семантики и концептуализации. С другой стороны, люблинская школа ориентирована на живой языковой материал, в то время как англо-американское когнитивное языкознание проявляет более теоретизированный подход [см. напр.: *Zinken*, 2015].

Исследуя связи языка и культуры, этнолингвистика, однако, не ограничивает себя только малыми языками этнических сообществ (микроязыками), например, индейскими, африканскими и т.п. языками этнических меньшинств, народными диалектами и говорами, а напротив, включает в сферу своих интересов все формы и виды языков во всём богатстве стилей, вариантов, жанров и говоров.

Следует отметить, что в польском научном сообществе существуют два способа понимания этнолингвистики: социологический и языковедческий. В первом случае этнолингвистика исследует место языка в культуре и обществе, его статус, престиж, значение, контакты с другими языками, мультилингвализм, язык этнических меньшинств и групп, во многих смыслах такое понимание науки близко социолингвистике [см. напр.: *Ziółkowski*, 1987; *Zieniukowa*, 1998]. Исследованиям люблинской научной школы более присущ языковедческий план; в этом понимании этнолингвистика изучает «культуру в языке», проводит реконструкцию зашифрованной в нём картины мира и открывает ментальность его носителей [см.: *Bartmiński*, 2008].

Согласно работам вроцлавских учёных, работающих в этом ключе, этнолингвистика может быть синонимом термину культурная лингвистика [см.: *Dąbrowska*, 2005:100]. В своих трудах эта группа учёных предпочитает второй термин, считая, что первый слишком однозначно связывает данную науку с исследованием говоров, фольклора и традиционной

народной культуры, что может ограничивать круг её интересов и применения [Anusiewicz, 1995:10–16].

Напротив, люблинская этнолингвистическая школа, выросшая из исследований говоров, жанров, уровней и подуровней языка в его тесной связи с культурой, отнюдь не считает это ограничивающим фактором. Эта школа ставит перед собой амбициозные задачи, её интересы лежат не только на уровне исследований языков в различных их стратах и проявлениях, она постоянно развивается в направлении широкой компаративистики, охвата огромного массива языковых и экстралингвистических данных, реконструкции картины мира, проявляющей себя по-разному в различных жанрах народных текстов.

Эту тенденцию наглядно показывает эволюция публикуемых научных материалов в журнале «Этнолингвистика», программном печатном издании люблинской этнолингвистической школы, которая, подобно вроцлавскому сообществу, выросла из идей В. фон Гумбольдта и американской школы, но всё же в огромной степени является наследницей польских диалектологической и фольклористической школ, трудов К. Мошиньского, Б. Сыхты, Х. Поповской-Таборской, Б. Малиновского, а также А. Вежбицкой и семантики Ю. Апресяна с его концепцией «наивного» образа мира; семиотической школы В.Н. Топорова и этнолингвистов этимологической школы Н.И. Толстого, к которой люблинская школа идеологически и методологически близка.

Таким образом, люблинское и вроцлавское научные сообщества, называющие свои исследования, соответственно, этнолингвистикой и культурной лингвистикой, используя при этом во многом единую теоретическую базу, сходятся на постулате об антропологическом характере языка, но идут каждое своим собственным путём научных исследований, что выражается в разнице их тематических предпочтений и применяемого метода [см.: Bartmiński, 2008; Bartmiński, 2004; Niebrzegowska-Bartmińska, 2004].

Основатель люблинской школы Ежи Бартминьский выделяет пять тематических областей, лежащих в кругу интересов этнолингвистики: культурные функции языка; внутренняя стилевая дифференциация языка,

её сущность и занимаемый ею уровень; жанровые образцы языка; грамматические и семантические категории языка в аспекте их функций; лексика языка как классификатор общественного опыта [см.: *Bartmiński*, 1986]. К ключевым понятиям люблинской этнолингвистики относятся: языковая (культурно-лингвистическая) картина мира, которая является продуктом и результатом концептуализации действительности носителями языка; стереотип как составная часть языковой картины мира; аксиологический показатель в широком понимании как фактор, управляющий концептуализацией, процессами профилирования понятий и формированием стереотипов в общественной коммуникации [*Bartmiński*, 2006].

Языковой образ мира принадлежит к сфере широко понимаемой языковой семантики [см. напр.: *Chlebda*, 2000], особенно в её когнитивном ключе [*Grzegorzczkova*, 2001]. По мнению Е. Бартминьского, истоки осмысления глубинной связи между языком и представлением о действительности у народа, говорящего на данном языке, можно проследить вплоть до «Риторики» Аристотеля, где эти мысли, касающиеся греческого языка, впервые были сформулированы [см.: *Bartmiński*, 2001:28–29]. Картина мира («наивная картина мира» – согласно Ю. Апресяну), характерная для народного языка, выражена в значениях слов, их этимологии, в дериватах, во фразеологии и метафорике языка, в семантической структуре текстов, в присловьях и клишированных текстах, а также в ритуальном поведении о понятии «картина мира» [см.: *Żuk*, 2010; *Duda*, 2005].

Картина мира складывается из стереотипов, которые являются представлениями о предметах и явлениях, включают в себя черты описания и аксиологии, являются результатами интерпретации действительности в рамках моделей осмысления и освоения мира, принятых в данном сообществе. В этнолингвистике, согласно взглядам Х. Патнема [*Putnam*, 1975] и В. Липпманна, стереотипы относятся как к людям, так и к вещам (напр., стереотип воды, золота, тигра и пр.). Другой важной и неотъемлемой составляющей картины мира являются аксиологические представления и идеи, часто оказывающиеся в основе культурной, социальной и политической жизни данного сообщества [см.: *Bartmiński*, 1989:294; *Толстая*, 2015б].

Таким образом, источниками этнолингвистических исследований являются языковые и экстралингвистические данные: лексика и грамматика языка, записи текстов, особенно клишированных, поверья, мифы, ритуальное поведение, аксиологические показатели (моральные оценки и система ценностей).

ЕЖИ БАРТМИНСКИЙ И КОЛЛЕКТИВ УЧЁНЫХ-ЭТНОЛИНГВИСТОВ

Основателем и вдохновителем люблинской этнолингвистической школы принято считать профессора Ежи Бартминского. Он родился 19 сентября 1939 г. в небольшом поселении около Пшемысля, учился на филологическом факультете в Государственном университете им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине, по окончании которого стал сотрудником Отдела польского языка в том же университете. Защитил диссертацию о языке фольклора, которая впоследствии вышла как монография и заслужила высокие отзывы как от польских, так и от иностранных учёных [Bartmiński, 1973]; через несколько лет увидела свет его докторская диссертация о стилистической деривации [Bartmiński, 1977]. Профессор Е. Бартминьский – автор большого числа (более 600) общепризнанных научных публикаций (статей, рецензий, словарных статей) и монографий*. С 1985 г. он активно участвует в издании «Энциклопедии польской культуры XX века», редактор вышедшего во Вроцлаве в 1993 г. второго тома – «Современный польский язык» [Encyklopedia, 1993].

Некоторые книги профессора вышли на иностранных языках, например, в Москве в 2005 г. увидела свет его работа «Языковой образ ми-

* Из них следует упомянуть: *Kołodowanie na Lubelszczyźnie* (współred.: C. Hernas). Wrocław, 1986; *Folklor – język – poetyka*. Wrocław, 1990; *Kołady polskie*. Warszawa, 1991; *Polskie kołady ludowe. Antologia*. Kraków, 2002; *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin, 2006; *Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne*. Lublin 2007; *Tekstologia* (współaut.: S. Niebrzegowska-Bartmińska). Warszawa, 2009; *Polska pieśń i muzyka ludowa. Źródła i materiały*. T. 4. Lubelskie. Lublin, 2011; *Polskie wartości w europejskiej aksjosferze*. Lublin, 2014; *Dlaczego wąż nie ma nóg? Zwierzęta w ludowych przekazach ustnych* (współaut.: S. Niebrzegowska-Bartmińska, O. Kielak). Lublin, 2015.

ра: очерки по этнолингвистике»; в Лондоне – «Aspects of Cognitive Ethnolinguistics» (2009), в Белграде – «Језик – слика – свет: Етнолингвистичке студије» (2011); множество его трудов были переведены на иностранные языки, в т.ч. на французский, немецкий, чешский, украинский, белорусский, литовский, помимо русского, английского и сербского.

Профессор Е. Бартминьский – создатель концепции, автор и редактор «Словаря народных стереотипов и символов», создатель, вдохновитель и редактор ежегодника «Этнолингвистика», инициатор общепольского симпозиума «Язык и культура», в рамках которого проводятся регулярные конференции, результаты которых публикуются в люблинских сборниках (т.н. «красная серия») и во вроцлавских, озаглавленных «Язык и культура» («белая серия»). По инициативе Е. Бартминьского в 2003 г. были созданы две этнолингвистические комиссии, одна польская, существующая при Комитете языкознания ПАН (Этнолингвистическая секция), другая – при Международном комитете славистов (Ethnolinguistic Commission at the International Committee of Slavists) и международный симпозиум EUROJOS*, объединившие более сотни ученых из 14 стран (см. об этом ниже).

Под руководством Ежи Бартминьского было подготовлено и защищено около 300 кандидатских и 23 докторских диссертаций. Профессор занимал также ряд административных должностей. Например, в 1990–93 гг. он был проректором Государственного университета им. Марии Кюри-Склодовской (UMCS), с 1992–2009 гг. заведовал Отделом текстологии и грамматики современного польского языка (UMCS); с 2000 по 2003 гг. – директор Института полонистики Высшей профессиональной школы в Пшемьсле; с 2010 г. он руководит отделом «Этнолингвистический архив» (Archiwum Etnolingwistyczne) в UMCS. В 2008 г. профессор Е. Бартминьский был избран членом-корреспондентом Польской академии наук, а

* Международный исследовательский проект «Языковая картина мира славян в сопоставительном плане» был представлен в докладе на XIV Международном конгрессе славистов в Охриде (Македония) в 2008 г. и зафиксирован в международной научной терминологии под названием EUROJOS.

с 2014 г. он является её действительным членом [см.: *Piekarczyk, Szadura, 2015*].

Люблинский коллектив учёных-этнолингвистов, представлен, прежде всего, теми, кто постоянно или частично принимал участие в работе над продолжающимся изданием «Словаря народных стереотипов и символов». Это, в первую очередь, сам Ежи Бартминьский, автор и редактор словаря, и Станислава Небжеговская-Бартминьская, заместитель редактора. Членами авторского коллектива также были и являются: Я. Адамовский, Г. Бачковская, И. Белиньская-Гарджель, М. Бжозовская, А. Дроздовский, А. Качан, А. Копер, У. Майер-Барановская, Б. Максимук-Пацек, А. Михалец, А. Марчишук, М. Новосад-Бакаларчик, И. Панасюк, Е. Сиротнюк, И. Шадура, М. Троцкая, А. Тырпа, Б. Ваховская, А. Венцлевская-Бах, М. Жук, а также другие учёные, работавшие совместно с постоянным коллективом авторов [*Niebrzegowska-Bartmińska, 2009:7*].

ИСТОРИЯ ЛЮБЛИНСКОЙ ШКОЛЫ

Люблинская этнолингвистическая школа прошла несколько этапов своего становления, от исследований языка фольклора в фонетическом, морфологическом и лексическом аспекте до семантики и текстологии, попыток понять символический смысл слов и идиом и реконструкции языковой картины мира традиционной польской культуры [см. об этом: *Bartmiński, Niebrzegowska, 1998; Небжеговска, 2001*].

Отправной точкой люблинской этнолингвистики были диалектологические и фольклористические исследования, проводимые в 60–70-е гг. XX века в Университете им. Марии Кюри-Склодовской профессором Павлом Смочиньским, инициатором и создателем Атласа люблинских говоров (*Atlas gwar Lubelszczyzny*), а также профессором Леоном Качмарком, который начал вести звукозаписи региональных народных текстов. Новое, важное фольклористическое и культурологическое направление этим звукозаписям придала в 1961 г. профессор Мария Рената Майенова, глава польской школы текстологи из Института литературных исследо-

ваний ПАН, которая начала вести запись диалектных текстов во всей их жанровой разнородности, уделяя внимание всему, из чего складывается устное народное творчество: песням, байкам, присловьям, стихам и всем доступным текстам, включая мемораты и общие разговоры. Благодаря такой разнородности и объединению всех видов устных текстов с литературными стало возможным конфронтативное изучение языка фольклора и вывод о том, что он имеет оригинальный статус, является особым стилистическим (художественным, самобытным) вариантом говора, контрастирующим с обиходным языком, а его сфера является наддиалектной и интердиалектной [см.: *Bartmiński*, 2002:30; *Niebrzegowska-Bartmińska*, 2009:7–8]. Результатом этих исследований стал ряд диссертаций и монографий, в первую очередь, работа Е. Бартминьского «О языке фольклора» [*Bartmiński*, 1973], вызвавшая широкую научную дискуссию, которая послужила толчком для дальнейших разработок.

Развитие и расширение исследований в направлении фольклористики наступило в 1976 г., когда лингвистическая и фольклористическая тематика была включена в общепольскую программу исследований народной культуры, проводимую под началом профессоров Чеслава Хернаса и Мечислава Климовича из Вроцлава. Дискуссия о книге Е. Бартминьского «О языке фольклора» привела к идее начать исследования того, что можно назвать языком фольклора: во Вроцлаве возникло междисциплинарное научное сообщество, объединившее языковедов, диалектологов, фольклористов, литературоведов и исследователей культуры, а в 1980 г. профессор Ч. Хернас предложил издать словарь фольклорного языка, что потребовало проведения нескольких тематических конференций (о деривации в 1979 г., коннотации в 1985 г. и устном тексте в 1986 г.), организованных люблинским коллективом ученых.

В Люблине был образован отдел, занимающийся подготовкой к созданию словаря фольклорного языка, включавший, прежде всего, языковые «формулы», песенные фразеологизмы и идиомы. Для этих целей в Институте польской филологии Университета им. Марии Кюри-Склодовской (UMCS) была собрана картотека народных песен на материале

как опубликованных источников (в первую очередь собрания О. Кольберга), так и на собственных полевых записях, работы по сбору и расшифровке которых шли постоянно. Таким образом была создана электронная база данных народных песен и стихов (её рабочее название FOLBAS), дающая возможность поиска по лексическому ключу, сопоставления вариантов текстов и выявления их стереотипических мотивов. Эта колоссальная база положила начало создававшемуся в течение нескольких десятилетий этнолингвистическому архиву, включившему в себя песни, рассказы и народную прозу [см. об этом: *Bartmiński*, 2002:30–31]; на основе этого богатого материала был издан ряд работ*.

Этнолингвистическая наука люблинской школы формировалась в диалоге со многими польскими и зарубежными направлениями и подходами (А. Вежицкая, А. Богуславский, Р. Гжегорчикова, Я. Пузынина, Р. Токарский, Р. Сулима, У. Квастхофф, Ю. Апресян и пр.); тесные контакты связывают школу Е. Бартминьского с московской этнолингвистической школой Н.И. Толстого.

«СЛОВАРЬ НАРОДНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТЕРЕОТИПОВ». ПРОБНЫЙ ТОМ

Результатом колоссальной работы стал выход пробного тома «Словаря народных языковых стереотипов» [*Słownik*, 1980], который был признан программным трудом и манифестом люблинской этнолингвистической школы. Его основной целью стала реконструкция и описание народной картины мира, «народных представлений о мире», в нём были также сформулированы основные понятия этнолингвистики, методы исследования и презентации материала [*Bartmiński*, 1988b:11–34].

Пробный выпуск словаря включает в себя 11 словарных статей: «Брат» (Р. Токарский), «Звезда» (Я. Ходукевич), «Хей» (Г. Журав), «Любить» (У. Маер), «Конь», «Солнце» (Е. Бартминьский), «Кукушка» (И. и

* Напр.: *Kolędowanie na Lubelszczyźnie* (Wrocław, 1986); *Polskie kolędy ludowe. Antologia* (Kraków, 2002); *Polska pieśń i muzyka ludowa. Źródła i materiały*. Т. 4. *Lubelskie* (Lublin, 2011); материал архива использовала С. Небжеговская в книге «Испуг от испуга. Растения в устных народных рассказах» [*Niebrzegowska-Bartmińska*, 2000] и пр.

Ч. Косыль), «Мать» (Я. Ягелло), «Розмарин» (И. Пух), «Талер» (Я. Адамовский), «Вол» (Е. Серотюк), предисловие известного теоретика фольклора Ч. Хернаса и вступительную статью Е. Бартминьского, излагающую теоретическую концепцию словаря, принцип работы и подачи материала. В этом новаторском для лексикографии и идеографии труде основной единицей описания оказываются не **слова** и не соответствующий им реальный предмет (**денотат**), а **семантический коррелят**, стоящий между словом и соответствующим ему объектом в реальном мире. Такой тип словаря потребовал нового типа дефиниции, которая была названа **когнитивной дефиницией** [Bartmiński, 1988]. Идея когнитивной дефиниции опирается на трактовку значения слова не только как абстрактного или объективного понятия, но скорее как понятия субъективного: т.е. того, что люди действительно подразумевают под различными словами, какие в них вкладывают значения, оценки и черты, создавая тем самым своё представление о реальности [см.: Bartmiński, 2002:25].

Когнитивная дефиниция является одним из основных понятий этнолингвистики люблинской школы и рассматривается как значимый инструмент для реконструкции и экспликации языковых стереотипов. Она представляет собой совокупность суждений о предмете, собранных на основе всех языковых и неязыковых данных. Целью когнитивной дефиниции является полное описание типового предмета, созданное с точки зрения «наивного языкового узуса». В пробном выпуске словаря на некоторых избранных примерах (солнце, конь, кукушка и пр.) была презентована концепция стереотипа как устойчивого описательного представления, как стойкой семантической связи, которая эксплицируется с помощью упорядоченного набора дефиниций или минимальных контекстов (названных потом «стереотипическими мотивами»), вычлененных из народных фольклорных и разговорных текстов. Дефиниции (их эквиваленты) было принято упорядочивать в «семантические категории», которые потом (вслед за А. Вежбицкой) были названы фасетами.

В пробном выпуске словаря впервые в лексикографии была презентована статья нового типа, существенно отличающаяся от всех ранее из-

вестных образцов лексикографических описаний. Статья в словаре состоит из **экспликации**, содержащей упорядоченные определённым образом семантические характеристики данного стереотипа, и **документации**, состоящей из сводки документированных цитат из текстов традиционной народной культуры, расположенных в том же порядке, что и рубрики в экспликации. Собственно, главной задаче словаря – описанию языковых стереотипов – отвечает первая часть статьи, в то время как вторая служит своего рода указателем, подборкой текстов, и может быть полезной уже гораздо более широкой аудитории читателей.

Выход пробного тома «Словаря народных языковых стереотипов» был высоко оценён как в Польше, так и за рубежом. Он получил отзывы как «смелый лексикографический эксперимент, давший начало словарю нового типа, рождению нового синтетического, этнолингвистически-фольклористического или этнокультурного жанра славянской лексикографии». Было отмечено, что «подобный подход в исследованиях может быть плодотворным как для систематизации текстов фольклора, так и для его углубленного изучения» [Bartmiński, Niebrzegowska-Bartmińska, 2016:368–371]; С.М. Толстая писала, что подготавливаемый в Люблине словарь «несомненно, явится новым словом во многих областях гуманитарного знания и одновременно новым стимулом к дальнейшим поискам» [Толстая, 1993:58].

Пробное издание словаря положило начало оживлённой дискуссии о разных проблемах теории языка и семантики, происходившей на конференциях, проводимых с начала 80-х гг., и вышедшей далеко за рамки словаря, давшей импульс новым научным изысканиям. На конференциях обсуждались проблемы деривации на разных уровнях организации языка, место т.н. культурной коннотации в значении слова, роль языка в формировании картины мира, способ дефиниции слова в современной семантике, место ценности в языке, лингвистическая концепция стереотипа, профилирование основных понятий в разных типах высказываний, категория точки зрения в языке, тексте и дискурсе и пр.. По результатам конференций выходили сборники материалов: в Люблине в рамках «красной серии» Института польской филологии

Государственного университета им. Марии Кюри-Склодовской (UMCS) и во Вроцлаве в «белой серии».

Работа над словарём и обсуждение его целей, метода и результатов привели к появлению ряда научных трудов учёных польской этнолингвистической школы, посвящённых осмыслению различных тем на стыке языка и культуры; были написаны и защищены успешные диссертации, вышедшие потом в виде монографий*.

«СЛОВАРЬ НАРОДНЫХ СТЕРЕОТИПОВ И СИМВОЛОВ»

В процессе работы над словарём и обсуждения его первых результатов стало ясно, что для полноценной символической интерпретации материала необходимо выйти за пределы избранного вначале песенного жанра, расширить интерпретирующий материал за счёт разных жанров прозаических текстов: малых вербальных форм, фразеологии, а также нефольклорных языковых фактов, обрядов, ритуальных и магических приёмов, верований и представлений и даже народного искусства. Расширения материала потребовала цель словаря – реконструкция и описание традиционной картины мира, которая, как оказалось, по-разному проявляет себя в текстах различных жанров, и только их совокупность позволяет увидеть всю картину, созданную единым символическим языком народной культуры. Таким образом, элементом описания в словаре становится не языковой, а культурно-языковой стереотип, название словаря поменялось на «Словарь народных стереотипов и символов» (*Słownik stereotypów i symboli ludowych*), однако основные принципы работы с материалом, его осмысления и изложения остались неизменными.

* Например, в 1990 г. в Люблине была опубликована книга Е. Сиротюка «Народная песня и говор» (*Pieśń ludowa i gwara*), защищена и издана диссертация С. Небжеговской «Польский народный сонник» [*Niebrzegowska-Bartmińska*, 1996], в тесной связи с работой над словарём была написана и вышла работа Я. Адамовского «Категория пространства в фольклоре. Этнолингвистическое изучение» [*Adamowski*, 1999] и пр.

Было решено, что всё издание будет состоять из семи частей, тематически организованных по библейским этапам сотворения мира: I. «Вселенная», II. «Растения», III. «Животные», IV. «Человек», V. «Общество», VI. «Религия и демонология», VII. «Время, пространство, меры и цвета». К настоящему времени в Люблине было издано четыре части первого тома «Вселенная»: в 1996 – первый том «Небо, светила небесные, огонь, камни» (*Kosmos. Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie*), в 1999 – вторая часть «Земля, вода, подземелье» (*Ziemia, woda, podziemie*), в 2012 – третья и четвертая части «Метеорология» (*Meteorologia*) и «Свет, освещение и металлы» (*Świat, światło i metale*). В 2017 г. вышла первая часть второго тома «Растения. Зерновые культуры» (*Rośliny. Zboża*).

Как и в пробном выпуске словаря, каждая статья состоит из экспликации и документации, со вступлением и библиографией. «Экспликация» имеет структуру фасет (напр: происхождение, внешний облик, части, действия, происхождение, локализация и пр.), содержит устойчивые характеристики, из которых складывается культурно-языковой образ данного предмета. «Документация» состоит из выбранных цитат различных текстов традиционной культуры: от малых жанров фольклора до обрядовых песен, описаний практик, записей поверий, народных рассказов и поэзии. Варианты контекстов собраны в группы и записаны как стереотипические мотивы. Наиважнейшей инновацией стало упорядочение документации посредством жанров языка, что увеличило ценность словаря для широкого круга читателей, дополнило его данными, касающимися жанровой дифференциации значений слов [о словаре см.: *Bartmiński, Niebrzegowska-Bartmińska*, 2016; *Небжеговска-Бартминьска*, 2009].

ЖУРНАЛ «ЭТНОЛИНГВИСТИКА»

Работа над словарём нового типа потребовала особой дискуссионной площадки для обсуждения широкого круга возникавших методологических и теоретических вопросов, касающихся как развития этнолингвистики, так и создания словаря. Сама идея такого издания возникла в

люблинском научном сообществе ещё с началом работы над словарём языка фольклора, который со временем стал «Словарём народных стереотипов и символов», и должна была послужить цели выработки структуры словарной статьи, методов отбора и подачи материала, обсуждения результатов работы и обзора новейшей научной литературы. Для этой цели по инициативе Е. Бартмиńskiego в 1988 г. был учреждён журнал «Этнолингвистика», ставший основным печатным органом люблинской этнолингвистической школы и выходящий ежегодно в Люблине по настоящее время.

На протяжении своего существования журнал изменялся по мере того, как продвигались работы над «Словарём народных стереотипов и символов», расширялся круг обсуждаемых научных проблем, к которым привлекались польские и зарубежные учёные. В эволюции журнала «Этнолингвистика» можно выделить несколько этапов. Первая серия изданий, тома 1–7-й (1988–1995) была в большей мере ориентирована на обсуждение и подготовку Словаря, а также на решение и постановку ряда вопросов этнолингвистической науки. Публикации в журнале были сосредоточены на теоретических проблемах стереотипа, языковой семантики и их связи с мышлением и культурой; обсуждалось сходство люблинских исследований стереотипов с положениями американской когнитивной грамматики и центральным для неё понятием прототипа [Kardela, 1988], а также антропологический характер этнолингвистических исследований [Krawczyk, 1989]; вырабатывались методы описания значения слова. В первом номере журнала главным предметом этнолингвистики было названо исследование языковой картины мира, понимаемой как «наивное представление», отражённое в языке [см.: Bartmiński, 1988a].

Первые тома «Этнолингвистики» содержали четыре тематические рубрики: I. Дискуссии, посвящённые, в основном, теоретическим проблемам; II. Из трудов над «Словарем народных стереотипов и символов», где выходили рабочие варианты готовящихся статей и материалы к ним (напр., уже увидели свет статьи «Каравай», «Плач», «Змора», «Стригонь», «Земля (суша)» и «Межа», «Мрамор», «Пепел» и др.); III. Материалы, вклю-

чающие в себя публикацию новейших результатов полевых исследований, собранных в люблинской земле, а также и за её пределами. Эти материалы тесно связаны с готовящимися томами «Словаря народных стереотипов и символов», например, публикуются данные, собранные по программам о Вселенной, растениях и животных, материалы для народного сонника, о смерти и погребальной обрядности, записи песен: волочечных, свадебных, купальских. Последняя рубрика IV. «Рецензии и обсуждения» посвящена обзору новейшей научной литературы и пр. В отдельной части публикуются хронологии и материалы конференций, ведётся обзор новейших и значимых событий в научном мире.

Начало нового этапа в публикации журнала ознаменовалось выходом в 6-м номере (1994) статьи Е. Бартминьского и С. Небжеговской на тему стереотипа солнца, в которой в первый раз был использован жанровый уклад документации и таким образом окончена работа по формированию нового типа словарной статьи [*Bartmiński, Niebrzegowska, 1994*].

С выходом в 1996 г. первого тома «Словаря народных стереотипов и символов» журнал, созданный для целей обсуждения и исследования концепции словаря, исполнил своё основное предназначение. Однако оказалось, что проблематика этого издания уже давно вышла за пределы лежащих у его истоков вопросов и вызвала большой интерес в Польше и за границей; журнал стал самостоятельной и полноценной площадкой для обсуждения широкого круга научных проблем. Издание было решено продолжить и с 8-го тома оно несколько видоизменилось, получив подtitул «Проблемы языка и культуры» (*Problemy języka i kultury*), у журнала появилась постоянная редколлегия и научный совет. Во вступительной статье к 8-му тому тематический охват издания был охарактеризован достаточно широко, помимо фольклора и народного языка предметом исследований был назван «язык во всех его проявлениях, а также его связь с культурой, с человеком и обществом». Редакция приняла решение расширить профиль журнала и охват материала с регионального до международного, включать в него публикации, написанные на общеславянском, а иногда и более глобальном материале, показывая широкую степень распространения некоторых культурных явлений и применяя ком-

паративный подход к изучению проблематики. В выходивших после 1996 г. томах увидели свет статьи, посвящённые другим традициям, например, балто-славянским погребальным плачам [Невская, 1998], польской и французской метафорике смерти [Krzyżanowska, 1998], семантике слова «дом» в арабском литературном языке [Klimiuk, 2010] и пр. Многие опубликованные в журнале работы касаются новейшего состояния культуры и общества, в т.ч. тех, что лежат на стыке языка и текущего политического дискурса [напр., Brzozowska, 2009] и др.

Некоторые тома «Этнолингвистики» имеют монографический характер, будучи посвящёнными одному ученому или школе. Например, 4-й том (1991) был посвящён Анне Вежбицкой, 23-й (2011) – Ханне Поповской-Таборской, 5-й (1992) – Н.И. Толстому и московской этнолингвистической школе. В журнале публиковался ряд признанных польских и зарубежных учёных, представителей различных школ и направлений (например, Ю. Апресян, Р. Токарский, В.Н. Топоров, Н.И. и С.М. Толстые, А. Вежбицкая и др.), рабочие языки издания – польский и русский.

Этнолингвистические исследования, идущие в рамках подготовки «Словаря народных стереотипов и символов» и публиковавшиеся в журнале «Этнолингвистика», нашли своё успешное продолжение в созданных в 2003 г. двух этнолингвистических комиссиях. Одна из них действует в рамках Комитета языкознания Польской академии наук, а другая, созданная во время работы XIII Международного конгресса славистов в Любляне (Словения) 16 августа 2003 г., имеет международный характер и является филиалом Международного комитета славистов [Niebrzegowska-Bartmińska, 2003; Szadura, 2011]. Благодаря этим организациям расширилось учёное сообщество и были завязаны постоянные связи с иностранными исследователями из славянских и европейских стран, среди которых Англия, Австрия, Бельгия, Белоруссия, Россия, Сербия, Словения, Украина, Германия, США, Литва. С 2004 г. (с 15-го тома) главным издательским органом созданных организаций стал ежегодник «Этнолингвистика» [см.: Niebrzegowska-Bartmińska, 2003].

2008 г. можно считать важной вехой в развитии этнолингвистики и международного научного сотрудничества: была согласована программа Международного симпозиума «Культурно-языковая картина мира славян на сравнительном фоне» (EUROJOS), его теоретические и методологические основы сформулировал и развивает Е. Бартминьский совместно с В. Хлебдой и М. Абрамовичем [см.: *Bartmiński, Chlebda*, 2008]. В рамках этого проекта исследуется традиционная картина мира славян и их соседей, народная аксиология, языковые стереотипы, особенности концептуализации пространства и времени и другие проблемы, связанные с изучением славянского антропокосмоса. Эта тематика определяет содержание последних вышедших томов журнала «Этнолингвистика» и очерчивает перспективу будущего научного развития.

Таким образом, этнолингвистические исследования в Люблине, сосредоточенные вокруг «Словаря народных стереотипов и символов», вначале, в 1960–70-е гг., касались только польского народного языка, потом расширились и стали включать в себя весь польский язык с его внутренними стилистическими и жанровыми различиями; далее исследования вышли на сравнительный, межъязыковой уровень, особенно в области семантики и аксиологии, одновременно с этим обозначился круг общих и теоретических вопросов. Эту эволюцию научных интересов, методов и привлекаемого материала наглядно иллюстрирует тематическое развитие журнала «Этнолингвистика».

ДРУГИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОЕКТЫ

Этнолингвистические методы, успешно опробованные при создании Словаря народных стереотипов и символов, школа Бартминьского применяет и для исследования других фрагментов традиционной культуры. С 1985 г. в связи с запланированным изданием «Энциклопедии польской культуры XX века» (*Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*) началась работа над новым аксиологическим словарем польского языка. В 1989 г. Е. Бартминьский представил проект нового словаря [см.: *Bartmiński*, 1989], который, по его мнению, должен послужить цели реконструкции языко-

вой картины мира польской культуры, одной из основополагающих основ которой как раз и являются аксиологические понятия и идеи, одушевлявшие культурную, политическую и социальную жизнь поляков на протяжении последних веков [Bartmiński, 1989:294].

Исследование семантики аксиологических понятий проводится методами лингвистической лексикографии, а именно методом когнитивной дефиниции, принятой для словаря стереотипов. Для этого из всего обширного пространства ценностно окрашенной лексики были выбраны следующие: абстрактные понятия (добро, зло, пекло, уродство, правда, фальш); общечеловеческие ценности (любовь, надежда, отчаяние); названия общественных состояний и ситуаций (вольность, неволя, толерантность); названия индивидуального и группового поведения (революция, сражение, работа); названия сообществ (народ, родина); названия политических, культурных и социальных институтов (государство, костёл, язык); названия вещей и личностей, носителей ценностных показателей (мать, отец, дитя, дом, хлеб, деньги); названия предметов, воспринимающихся как аксиологические символы (крест, орёл) и пр.

Работа над этим словарём продолжается, к настоящему времени уже опубликовано несколько томов. В 1993 г. вышел том словаря «Ценностные названия: лексико-семантические исследования» [*Nazwy wartosci*. 1993], посвящённый названиям различных нравственных ценностей (напр. милосердие, терпеливость, правда, кротость, ответственность, мудрость, творчество, работа, свобода, патриотизм, обыватель, государство, народ, верить и пр.). Ещё один том посвящён понятию «Родина» в различных европейских языках (английском, французском, итальянском, испанском, белорусском, украинском, чешском, словацком, болгарском) [*Pojęcie ojczyzny*. 1993]. В 2003 г. вышел том «Язык в кругу ценностей» [*Język w kręgu wartości*. 2003]. Результаты аксиологических исследований также стали предметом дискуссии на различных, в т.ч. международных конференциях. Труды учёных, работающих над данной проблематикой, публикуются в журнале «Этнолингвистика» [Bartmiński, 2002].

Важными понятиями этнолингвистики люблинской школы являются **точка зрения** и **перспектива**, под которыми понимается культурно-

субъектный фактор, выбирающий способ речевой репрезентации предмета, определяющий его категоризацию и ономастическую основу при создании его названия, а также выбор тех черт, которые фигурируют в конкретных высказываниях и закреплены в значении. Эта тема была предметом проведённой в 2002 г. конференции, материалы которой впоследствии были изданы в двух томах. В разработке данной тематики этнолингвистика вплотную соприкоснулась с теорией литературы, исследующей формирование нарратива с точки зрения свидетеля [см.: *Bartmiński*, 2008: 27].

Другим начинанием руководимого Е. Бартминьским Отдела этнолингвистики Института польской филологии (UMCS) стала идея создания этнолингвистического атласа Побужья. Он должен охватить материал с территорий Украины, Белоруссии и Польши в границах еврорегиона Буга [см.: *Adamowski, Bartmiński, Czyżewski*, 1994]. Предметом картографирования в атласе станут языковые и фольклорные данные: ареалы распространения слов, терминов, значений, текстов фольклора, обряды, поверья и практики. Для подобных полевых исследований была создана анкета, включившая в себя 150 вопросов и успешно апробированная в ряде пунктов избранного региона. Помимо полевого материала, источниками для Атласа являются уже опубликованные ранее в атласах и словарях сведения [см.: *Sajewicz*, 1996].

Важной вехой в польской этнолингвистической науке стало начало преподавания этнолингвистики как предмета, которое ведётся в Варшавском университете. В основу курса были положены труды Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, А. Вежбицкой, Ю. Апресяна, Е. Бартминьского, Н.И. Толстого и пр. [URL].

Характеризуя главные цели научных работ, созданных коллективом люблинской этнолингвистической школы, а также расширяющимся с годами числом идущих с ней в ногу исследователей, можно выделить среди основных задач ответ на вопрос о том, каким образом коллективное сознание народа отражено в языке и как оно концептуализирует реальность; как, с какой точки зрения и насколько подробно оно разделяет её на элементы, как их именует, какие устанавливает отношения между пред-

метаами и действиями, какую роль в мире отводит человеку, как моделирует его поведение в зависимости от разных социальных ролей. Иначе говоря, как в рамках данной культурной формации человек, **homo loquens**, воспринимает и осмысляет себя и окружающий мир [Bartmiński, 2002:39].

Появление и бурное развитие этнолингвистики, этой относительно новой дисциплины, её существование на стыке этнографии, языкознания и ряда наук о человеке оказывается частью логического развития самой этнографической науки: первые этнографы, часто бывши путешественниками, создавали описания чужеземных народов, их быта, уклада и обрядности; знакомили своих соотечественников с «диговинками», фиксировали экономически и политически ценные наблюдения. По мере развития науки, с появлением школ и этнографических направлений пришли и осмысление собранных данных, и стремление проанализировать, систематизировать, структурировать, сопоставить и понять различные типы обществ в их развитии и синхронии. В результате синтеза наук стал возможным новый уровень исследований – воссоздание всего комплекса представлений, стоящих за теми или иными языковыми и культурными фактами, попытка увидеть и изучить картину мира различных человеческих сообществ; понять, как она устроена и почему выглядит именно таким образом, по каким законам функционирует и развивается, как влияет на национальную идентичность.

Литература:

1. Арутюнов, 1995 – *Арутюнов С.А.* Этнолингвистика // Этнолингвистический вестник. 1995. № 5.
2. Бартминьский, 2005 – *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М., 2005.
3. Березович, 2000 – *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
4. Березович, 2007 – *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.

5. Журавлев, 1995 – *Журавлёв А.Ф.* Славянская этнолингвистика в работах Н.И. Толстого / Предисловие редактора // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
6. Небжеговска, 2001 – *Небжеговска С.* Этнолингвистика в Люблине // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики / Материалы международной научной конференции. Минск, 2–4 ноября 2000 / Ред. И. Токарева. Минск, 2001. С. 22–28.
7. Небжеговска-Бартминьска 2009 – *Небжеговска-Бартминьска С.* Два опыта этнолингвистического синтеза: московский словарь славянских древностей и люблинский словарь стереотипов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология / Материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. С. 192–193.
8. Невская, 1998 – *Невская Л.* Семантическая структура балто-славянского причитания // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury* / Red. J. Bartmiński. Т. 9/10. Lublin, 1998. S. 51–66.
9. Потебня, 1862 – *Потебня А.А.* Мысль и язык, СПб., 1862.
10. Толстая, 1993 – *Толстая С.М.* Этнолингвистика в Люблине // *Славяноведение* / Ред. А.И. Рогов. № 3. М., 1993. С. 47–59.
11. Толстая, 2013 – *Толстая С.М.* Постулаты московской этнолингвистики // Н.И. и С.М. Толстые. Славянская этнолингвистика: вопросы теории / Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г.), М., 2013. С. 67–82.
12. Толстая, 2015 – *Толстая С.М.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // *Образ мира в тексте и ритуале*. М., 2015. С. 9–17.
13. Толстая, 2015а – *Толстая С.М.* Этнолингвистика Ежи Бартминьского // *Образ мира в тексте и ритуале*. М., 2015. С. 45–53.
14. Толстая, 2015б – *Толстая С.М.* Стереотип и картина мира // *Образ мира в тексте и ритуале*. М., 2015. С. 54–64.
15. Толстой, 1995 – *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
16. Толстой, 2013 – Н.И. Толстой. Язык и культура // *Н.И. и С.М. Толстые*. Славянская этнолингвистика: вопросы теории / Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г. М., 2013. С. 7–18.
17. Толстые, 1995 – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* О словаре «Славянские древности» // *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А–Г. С. 5–14.
18. Феномен, 2016 – *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии* / Отв. ред. Г.А. Комарова. М. 2016.

19. Хайдеггер, 1993 – *Хайдеггер М.* Путь к языку // Бытие и время: Статьи и выступления. М., 1993.
20. Шпет, 1927 – *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова. М., 1927.
21. Юдин, 1998 – *Юдин А.В.* Этнолингвистика // Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 408–411.
- * * *
22. Adamowski, Bartmiński, Czyżewski, 1994 – *Adamowski J., Bartmiński J., Czyżewski F.* Atlas etnolingwistyczny pogranicza polsko-białorusko-ukraińskiego // Euroregion Bug. Problemy współpracy przygranicznej Polski, Białorusi i Ukrainy / Red. M. Bałtowski. T. 1. Lublin, 1994. S. 143–152.
23. Adamowski, 1999 – *Adamowski J.* Kategoria przestrzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne, Lublin, 1999
24. Anusiewicz, 1995 – *Anusiewicz J.* Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki. Wrocław, 1995.
25. Bartmiński, 1973 – *Bartmiński J.* O języku folkloru. Wrocław, 1973.
26. Bartmiński, 1977 – *Bartmiński J.* O derywacji stylistycznej. Gwara ludowa w funkcji języka artystycznego. Rozprawa habilitacyjna. Lublin, 1977.
27. Bartmiński, 1986 – *Bartmiński J.* Czym zajmuje się etnolingwistyka? // Akcent nr. 4. 1986. S. 16–22.
28. Bartmiński, 1988 – *Bartmiński J.* Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji // Konotacja / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988. S. 169–183.
29. Bartmiński, 1988a – *Bartmiński J.* Słowo wstępne // Etnolingwistyka / Pod red. J. Bartmińskiego. T. 1. Lublin, 1988. S. 5–7.
30. Bartmiński, 1988b – *Bartmiński J.* Słownik ludowych stereotypów językowych. Założenia ogólne // Etnolingwistyka. T. 1. 1988.
31. Bartmiński, 1989 – *Bartmiński J.* Projekt i założenia ogólne słownika aksjologicznego // Język a kultura / Red. J. Bartmiński, J. Puzynina. T. 2. Wrocław, 1989. S. 293–312.
32. Bartmiński, 2001 – *Bartmiński J.* O językowym obrazie świata Polaków końca XX wieku // Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju / Red. S. Dubisz, S. Gajda, Warszawa, 2001.
33. Bartmiński, 2002 – *Bartmiński J.* Lubelska etnolingwistyka // *Analecta. Studia i materiały z dziejów nauki.* Z. 1–2 (21–22). Warszawa, 2002. S. 29–42.
34. Bartmiński, 2004 – *Bartmiński J.* Etnolingwistyka słowiańska – próba bilansu // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury / Red. J. Bartmiński. Lublin, 2004. T. 16. S. 9–27.

35. Bartmiński 2006 – *Bartmiński J.* Niektóre problemy i pojęcia etnolingwistyki lubelskiej // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury* / Red. J. Bartmiński. Lublin, 2006. T. 18. S. 77–90.
36. Bartmiński, 2008 – *Bartmiński J.* Etnolingwistyka, lingwistyka kulturowa, lingwistyka antropologiczna? // *Acta Universitatis Wratislaviensis. № 3060. Język a Kultura*. T. 20. Wrocław, 2008. S. 15–33.
37. Bartmiński, Chlebda, 2008 – *Bartmiński J., Chlebda W.* Jak badać językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów? // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury* / Pod red. J. Bartmińskiego. T. 20, Lublin, 2008. S. 11–27.
38. Bartmiński, Niebrzegowska, 1994 – *Bartmiński J., Niebrzegowska S.* Stereotyp słońca w polszczyźnie ludowej // *Etnolingwistyka* / Pod red. J. Bartmińskiego. T. 6. Lublin, 1994. S. 95–143.
39. Bartmiński, Niebrzegowska, 1998 – *Bartmiński J., Niebrzegowska S.* Ethno-linguistic explorations in Lublin, «Dictionary of folk stereotypes and symbols» (1996), «Ethnolinguistics» (1988–1998) // *Ethnology and anthropology at the time of transformation. Poland at the 14th Congress of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences* / Red. K. Kaniowska, D. Markowska. Łódź, 1998. S. 135–137.
40. Bartmiński, Niebrzegowska-Bartmińska, 2016 – *Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S.* O lubelskim słowniku stereotypów i symboli ludowych // *Лексикология и лексикография у светлу савремених приступа. Зборник научних радова* / Уред.: С. Ристић. Београд, 2016. С. 355–376.
41. Brzozowska, 2009 – *Brzozowska M.* Patriotyzm i nacjonalizm w polskim dyskursie ideologicznym // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury* / Red. J. Bartmiński. T. 21. Lublin, 2009. S. 103–120.
42. Chlebda, 2000 – *Chlebda W.* Płaszczyzny oglądu językowego obrazu świata w opisie semantycznym języka // *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich* / Pod red. S. Gajdy. Opole, 2000. S. 163–178.
43. Dąbrowska, 2005 – *Dąbrowska A.* Współczesne problemy lingwistyki kulturowej // *Polonistyka w przebudowie* / Pod red. M. Czermińskiej i in. T. 2. Kraków, 2005. S. 99–100.
44. Duda, 2005 – *Duda H.* Etnolinguistic School of Lublin. On the research of so-called linguistic image of the world in Poland // *Area and Culture Studies*. Vol. 71. Tokyo, 2005. S. 197–213.
45. Encyklopedia, 1993 – *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*. T. 2: Współczesny język polski / Pod red. J. Bartmińskiego. Wrocław, 1993.
46. Grzegorzczkova, 2001 – *Grzegorzczkova R.* Wprowadzenie do semantyki językoznawczej. Warszawa, 2001.

47. Język w kręgu wartości. 2003 – Język w kręgu wartości. Studia semantyczne / Red. J. Bartmiński, Lublin, 2003.
48. Kardela, 1988 – *Kardela H.* Tak zwana gramatyka kognitywna a problem stereotypu // Etnolingwistyka / Pod red. J. Bartmińskiego. T. 1. Lublin, 1988. S. 35–46.
49. Klimiuk, 2010 – *Klimiuk M.* Mieszkańcy pustyni, miast i wsi, czyli o słowie dom w literackim języku arabskim // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury / Red. J. Bartmiński. T. 22. Lublin, 2010. S. 155–166.
50. Krawczyk, 1989 – *Krawczyk A.* Język źródłem wiedzy o człowieku // Etnolingwistyka / Pod red. J. Bartmińskiego. T. 2. Lublin, 1989. S. 29–38.
51. Krzyżanowska, 1998 – *Krzyżanowska A.* Ostatnia podróż – czyli polska i francuska metafora śmierci // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury / Red. J. Bartmiński. T. 9/10. Lublin, 1998. S. 93–108.
52. Nazwy wartości. 1993 – Nazwy wartości. Studia leksykalno-semantyczne I / Red. J. Bartmiński, Lublin, 1993.
53. Niebrzegowska-Bartmińska, 1996 – *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Polski sennik ludowy, Lublin, 1996
54. Niebrzegowska-Bartmińska, 2000 – *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Przestrach od przestachu. Rośliny w ludowych przekazach ustnych. Materiały etnolingwistyczne. T. 1. Lublin, 2000.
55. Niebrzegowska-Bartmińska, 2003 – *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Komisja Etnolingwistyczna przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury / Red. J. Bartmiński. T. 15. Lublin, 2003. S. 280–281.
56. Niebrzegowska-Bartmińska, 2004 – *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Badania etnolingwistyczne w Lublinie // Poznańskie Studia Językoznawcze. T. 13. 2004. S. 79–89.
57. Niebrzegowska-Bartmińska, 2009 – *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Lubelski zespół etnolingwistyczny – jego historia i program badawczy // Bibliografia adnotowana lubelskiego zespołu etnolingwistycznego (do roku 2009) / Opracowały B. Maksymiuk-Pacek, S. Niebrzegowska-Bartmińska. Lublin, 2009. S. 7–19.
58. Putnam, 1975 – *Putnam H.* Mind, Language and Reality. Cambridge University Press, 1975.
59. Pojęcie ojczyzny. 1993 – Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich / Red. J. Bartmiński, Lublin, 1993.
60. Piekarczyk, Szadura, 2015 – *Piekarczyk D., Szadura J.* Sylwetka naukowa Profesora Jerzego Bartmińskiego // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury / Red. J. Bartmiński. T. 27. Lublin, 2015. S. 257–262.
61. Sajewicz, 1996 – *Sajewicz M.* Koncepcja «Atlasu etnolingwistycznego Pobuża» // Acta Polono-Ruthenica 1. Olsztyn, 1996. S. 325–332.

62. Sapir, 1973 – Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality / Ed. by D.G. Mandelbaum. Berkeley : Los Angeles, London, 1973.
63. Słownik, 1980 – Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny / Pod kierownictwem naukowym Jerzego Bartmińskiego. Wrocław, 1980.
64. Szadura, 2011 – *Szadura J.* Z prac Komisji Etnolingwistycznej Komitetu Językoznawstwa PAN // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury / Red. J. Bartmiński. T. 23. Lublin, 2011. S.277–280.
65. Whorf, 1956 – Language, Thought and Reality. Selected writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. and with an introduction by J.B. Carrol. Cambridge : Massachusetts, 1956.
66. Zieniukowa, 1998 – *Zieniukowa J.* Z problemów etnolingwistyki / Nowe czasy, nowe języki, nowe (i stare) problemy // Pod red. E. Jędrzejko. Katowice, 1998. S. 233–241.
67. Zinken, 2015 – *Zinken J.* Lubelska szkoła etnolingwistyczna a anglo-amerkańskie językoznawstwo kognitywne // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury / Red. J. Bartmiński. T. 27. Lublin, 2015. S. 273–277.
68. Ziółkowski, 1987 – *Ziółkowski M.* Etnolingwistyka : Słownik etnologiczny. Terminy ogólne // Pod red. Z. Staszczak. Warszawa-Poznań, 1987. S. 94–97.
69. Żuk, 2010 – *Żuk G.* Językowy obraz świata w polskiej lingwistyce przełomu wieków // Przeobrażenia w języku i komunikacji medialnej na przełomie XX i XXI wieku / Red. M. Karwatowska, A. Siwiec. Chełm, 2010. S. 239–257.
70. URL //: http://informatorects.uw.edu.pl/pl/courses/view?prz_kod=3202-S1WE21o-OG, дата обращения 15.08.2018.

И.Ю. Заринов

ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ В ПОЛЬСКОЙ ЭТНОЛОГИИ

В истории социальных наук Европы польская этнология имеет заслуженный авторитет, сумев собрать и накопить богатейшую базу в области конкретных этнографических исследований почти во всех регионах мира. Последние несколько десятилетий польская этнология, находясь под влиянием американской культурной антропологии, позиционирует себя в том же направлении, что подтверждает книга известного польского учёного-этнолога З. Ясевича «Истоки польской этнологии и культурной антропологии (с конца XVIII века до 1918 года)» [Jasiewicz, 2011]*.

Несомненные достижения польская этнология/культурная антропология имеет и в области теории и методологии, заняв, несмотря на влияние американской культурной антропологии, как бы срединное место между российско-советской теорией этноса и западной концепцией этничности.

* На данную работу опубликована моя рецензия [см.: Заринов, 2011].

Об этом я неоднократно писал в моих работах, посвященных теории и методологии этнографии/этнологии/социально-культурной антропологии, ссылаясь чаще всего на польский «Słownik etnologiczny. Terminy ogólne» [Słownik, 1987].

Данная работа охватывает в основном историю польской этнологии/культурной антропологии начала нынешнего века и рассматривает три её направления: монголоведение, диаспороведение, историография.

ПЕРВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Традиционно продолжается изучение польскими этнографами Монголии и Сибири. В них отмечается, что в конце XX – начале XXI вв. в монгольском обществе произошли кардинальные изменения из-за смены социально-экономического и политического устройства самого монгольского государства. В связи с этим запущены процессы, которые с теологической точки зрения следует охарактеризовать как возрождение традиционных религий – буддизма и шаманизма. Параллельно с этим наблюдается ревитализация культа Чингиз-хана и реномадизация монгольского общества. Эти процессы легли в основу монографии монгольской исследовательницы Оюунгэрэл Тангад «Наследие Чингис-хана. Демократия по-монгольски» [Oyungerel, 2013], которую польские учёные широко используют в своих монголоведческих исследованиях.

Новые политические и этнокультурные реалии, по мнению авторов статьи «Этнические процессы в монгольском регионе в исследованиях современных польских этнологов», заставляет зарубежных учёных, в т.ч. польских, по-новому ставить проблемы изучения культуры монголов, не разделяя Монголию, Бурятию и Внутреннюю Монголию КНР [Этнические процессы, 2016]. Монгольский этнос, таким образом, рассматривается как единое целое. Такому взгляду на современных монголов способствовало несколько экспедиций польских этнологов в эти регионы в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. Результатом этих полевых исследований стала монография «Оленеводы монгольской тайги» [Pasterze, 2008], в которой описано племя *цаатанов* – «людей оленя», которые являются горными оленевода-

ми немонгольского происхождения. Их язык и традиционная культура находятся на стадии забвения, а в религиозном плане они сохранили древнейшую форму шаманизма. Основной целью варшавских этнологов стали исследования и регистрация остатков этой погибающей культуры, носители которой в большинстве своём переходят на полуоседлый образ жизни. Вместе с тем отмечается, что номадизм как явление среди монгольских народов в настоящее время уходит в прошлое.

Современные политические тенденции в мире и в самой Монголии, в частности, возродили идею панмонголизма начала XX в. о единстве монгольского мира, что вошло в сферу интересов польских этнографов и культурных антропологов, расширило их исследования вплоть до Бурятии, поскольку в XIX в. территория нынешней Бурятии, как и другие регионы Сибири, была местом политической ссылки поляков Российской империи. Нынешние исследования польскими этнологами монгольского мира стали продолжением полевых исследований (1991) Евы Новицкой и Роберта Вышиньского в Бурятии, на основе которых ими была опубликована совместная монография «Ламы и секретари. Уровни социальных связей в современной Бурятии» [Nowicka, Wyszynski, 1996]. Вслед за этой работой в 2000 г. в Кракове вышел сборник статей под редакцией Е. Новицкой «Большая Сибирь малых народов» [Nowicka, 2000], в котором содержится обзор самых известных польских этнологических работ, посвящённых Сибири (в большинстве своём они были написаны на основе полевых исследований). Оценивая этот сборник и в целом польское монголоведение, надо подчеркнуть хорошо видимый политический отпечаток: оказывается, по мнению авторов сборника, власти бывшего Советского Союза проводили национальную политику, направленную на глубокую ассимиляцию автохтонных народов с целью формирования т.н. «советского народа»*. Такая политика, по выражению авторов сборника, была направлена к «антиценности» и «антиидентичности». При этом в других странах, где проходили

* С точки зрения этнологической теории «советский народ» не существовал. Им совершенно неправильно называли «советскую нацию», процесс образования которой, к сожалению, так и не получил своего завершения. Это стало одной из причин распада Советского Союза.

сходные процессы (к примеру, в США), они польскими учёными понимаются как естественные и закономерные. В отношении же Советского Союза как наследника «тюрьмы народов», построенной якобы ещё в Российской империи, ведётся резкая критика (никак не замечается тот факт, что в советское время велась, иногда даже излишне, патерналистская политика в отношении малочисленных народов).

Интересны исследования с точки зрения анализа этнических процессов в современной Монголии и Бурятии сотрудника Института этнологии и культурной антропологии Университета им. Адама Мицкевича в Познани Збигнева Шмыта. Именно в этом ключе следует рассматривать его статью «Нация и этничность в Монголии» [*Szmyt*, 2007]. В статье проанализированы три периода этнического состояния Монголии: панмонгольский, социалистический и постсоциалистический. Нынешнее содержание национальной политики монгольских властей автор характеризует как попытку конструирования национальной идентичности в рамках двух парадигм: имперской традиции времён Чингиз-хана и современной – в духе гражданского национализма. Это, по его мнению, ведёт к гибридности и соответственно к неопределенности идентификационной модели современной монгольской нации.

З. Шмыт исследовал также социально-культурные процессы, происходящие у бурят, проживающих ныне в России и Китае. В результате им была опубликована книга «"Модерн номадс": антропологические очерки современных бурятских миграций в России» [*Шмыт*, 2013]. В ней автор поднимает проблему трансграничных миграций, подтверждая тезис о том, что однотипность социально-экономического образа жизни, родство языков и этнической культуры, представление об общности исторической судьбы не являются механизмом аккультурации и ассимиляции. При этом адаптация к новой культуре не является препятствием консолидации внутри адаптирующихся групп, как и препятствием к сохранению самоидентичности и правил существования в диаспоре. Репатриация одной из групп шэнхэнских бурят в постсоциалистическое время поставила перед ними проблему истинной локации их предполагаемой «исторической родины». К тому же их не-

однозначная интеграция в нынешней Бурятии создаёт проблемы понимания самой «бурятскости».

Бурятами в историко-культурном плане занимается также Вероника Беляева-Сачук, которая долгое время работала в Польше, но недавно вернулась в Санкт-Петербург и является сотрудником Центра арктических и сибирских исследований РАН. В феврале 2017 г. она на польском языке прочитала лекцию о бурятском шаманизме в генконсульстве Польши в Санкт-Петербурге. Там же в апреле того же года она выступила с лекцией «Национальные традиции бурятской культуры» о традиционных материальной и духовной культурах бурят: жилище, хозяйстве, пище, ремёслах и праздниках.

Кроме вышеупомянутых работ польских учёных по монголоведению, нелишне перечислить и такие как: В. Беляевой «Шаманы и ламы в сердце Сажува. Современная система убеждений бурятов из Тункинской долины»; З. Морохоевой и С. Запасника «Проблемы возрождения бурятской культуры и особенности истории бурятов» [Belyaeva, 2009; Morochojewa, Zapasnik, 2000].

К числу ещё не опубликованных по монголоведению работ следует отнести исследования сотрудника восточного факультета Университета им. А. Мицкевича в Познани И. Пешкова, посвящённые этнокультурным взаимоотношениям между различными группами на территории Внутренней Монголии, т.н. «фронтирных обществ». Эти исследования охватывают тему культурных трансформаций, происходящих во Внутренней Монголии в посткоммунистический период.

Завершая раздел, посвящённый этнографическому/этнологическому изучению польскими учёными региона проживания монгольских народов, следует сказать следующее:

1) В постсоветский период исследования в этом направлении приобрели более интенсивный характер, чем это имело место раньше. Объяснение этого, по мнению самих же польских специалистов, лежит в изменении геополитической ситуации, произошедшей после исчезновения Советского Союза, во время существования которого всестороннее изучение этого ре-

гиона, в т.ч. и с этнокультурной точки зрения, затруднялось из-за национальной политики советских властей, которая была направлена на уничтожение аборигенных культур. В этом тезисе присутствует явное преувеличение, особенно в части подавления в СССР традиционных культур. Как уже отмечалось выше, за многовековой период существования этих культур на территории России (имперской и советской) малочисленные народы Сибири, так или иначе, сохраняли черты своей этнической культуры, тогда как в англо-саксонском мире традиционность этнических меньшинств испытывала значительные издержки. Да, иностранные учёные мало допускались для изучения этих народов в советское время, зато русские и советские учёные исследовали их вдоль и поперёк в течение двух столетий. Их этнографическая база так велика, что никак не идёт в сравнение ни с какими другими, накопленными в постсоветское время.

2) Перенос исследований польскими учёными из собственно монгольского ареала в Восточную Сибирь, что действительно имеет место в последнее время, польская научная общественность объясняет негативной исторической памятью поляков в отношении этого региона, как места политических ссылок во времена вхождения части Польши в Российскую империю. И в этом сказывается предвзятость и необъективность в трактовке действительности. Мало в этих работах говорится о том, что процесс заселения Сибири поляками имел не только насильственный, но и вполне добровольный и свободный характер. Особенно это касалось польских учёных, оказавшихся в России по собственному желанию и сделавших себе мировое имя в изучении почти многих российских регионов, в т.ч. и сибирских [см. вторую главу моей монографии: *Заринов, 2010*]. Именно они заложили прочные научные основы, которыми пользуются современные польские монголоеды.

ВТОРОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Традиционно польские учёные ведут исследования польских диаспор в различных странах мира, в т.ч. и в таких регионах бывшего Советского

Союза, как Казахстан, Сибирь, Дальний Восток, Прибалтийские страны, Украина и Белоруссия.

Если говорить о современной России, то изучение польской диаспоры на её территории, активно начатое в конце прошлого века, продолжалось польскими учёными и в XXI веке, чему способствовала, как говорилось выше, политическая обстановка, сложившаяся после распада Советского Союза. Стали возможны экспедиции польских учёных в районы расселения польских диаспор на территориях бывших советских республик. Однако всё это в серьёзную письменную форму пока слабо воплотилось.

Теме польской этнической группы в Казахстане, появившейся там в результате депортации поляков в конце 1930-х гг. с территории Украины, посвящена статья Збигнева Ясевича, которая была опубликована в самом конце прошлого века [*Jasiewicz, 1992*]. Автор последовательно повествует о трудной судьбе людей, оказавшихся в Казахстане не по своей воле, но сумевших сохранить польское этническое самосознание с помощью таких этнических маркеров, как материальная и духовная культура, язык, но, в первую очередь, – конфессиональная принадлежность к католицизму. Вся статья построена на материалах, полученных автором во время полевой работы в различных областях Казахстана. Автор скрупулезно исследует этническую историю казахстанских поляков, обнаруживая важные моменты в процессе ревитализации польскости на казахстанской земле. Испытав труднейшие моменты физической и культурной адаптации в начальный период своего пребывания на новом месте, польская этническая группа в Казахстане при заметных потерях своих этнических маркеров смогла, тем не менее, сохранить, а в последнее время и возродить многие из них. Особенно этому способствовало установление прочных связей с Польшей, откуда в Казахстан приезжали и продолжают приезжать польские культуртрегеры. Они открывают курсы польского языка и преподают в них, участвуют в строительстве польских костелов, помогают в восстановлении связей казахстанских поляков с родственниками в Польше. Здесь нелишне вспомнить мой выезд в Казахстан (1990) вместе с польским учёным Славо-ем Шинкевичем. Материалы этой экспедиции были использованы в уже

упомянутой выше моей монографии «Поляки в диаспоре...». Использованы они были и в нашей совместной с Шинкевичем статье [Заринов, Шинкевич, 1992].

Что касается Сибири и Дальнего Востока, то изучение поляков, осевших в этих регионах и создавших в них устойчивые общины, осуществляется польскими учёными в рамках традиционного взгляда появления здесь поляков как политических заключенных во времена Российской империи и Советского Союза. Об этом прямо говорит название одной из работ: «Ссылка и каторга в польской истории. 1815–1914», принадлежащая перу польских авторов Брусу и Качинской [Brus, Kaczynska, Sliwowska, 1992]. С точки зрения этнографии эта работа не представляет особого интереса. Главным образом она посвящена истории появления польских ссыльных в Сибири и динамики их численности за столетний период польской иммиграции в этом регионе.

Интересной с точки зрения современной этнологии является работа польского учёного Кучевского, посвящённая польской этнической группе в Латгалии* – одной из областей Латвии [Karczewski, 2009]. Написанная на английском языке и основанная на конкретном историко-этнографическом материале статья рассматривает такое явление, как создание и сохранение польского этнического самосознания в мультикультурном обществе. По мнению автора, этому способствовала ранее и способствует сегодня, прежде всего, историческая память о своих польских предках, когда-то мигрировавших в Латгалию, а также семейное воспитание, направленное на сохранение языка и традиционной культуры (материальной и духовной). Несомненную роль в этом процессе играет и постоянная культурная связь с Польшей, точнее – с родственниками или знакомыми, проживающими там.

Обширный обзор о состоянии и перспективах исследований «Полонии» (польская диаспора) в Латинской Америке можно обнаружить в статье польского ученого Т. Палечного [Paleczny, 2006]. Автор отмечает, что изучение поляков в латиноамериканских странах является давней традицией

* Там же в 1989 г. поляки были обследованы в ходе этнографической экспедиции в Белоруссию и Прибалтику во главе с Р.А. Григорьевой.

польских учёных разных дисциплин: историков, социологов, филологов, культурологов и этнологов. Последние на основе полевых материалов обнаруживают интересные факты в этнической истории поляков Бразилии, Аргентины, Уругвая и в нескольких других латиноамериканских странах*, где польские диаспоры представлены не так широко, как в первых трёх. Но исторически так сложилось, что особенно многочисленная польская диаспора находится в Бразилии, где, по максимальным оценкам, она насчитывает около миллиона человек. Она и раньше исследовалась более широко и интенсивнее других, и теперь по инерции имеет самые большие перспективы для дальнейшего изучения. Так сложилось, что поляки Бразилии стали началом моих исследований польских диаспор в мире. Этой теме посвящены моя кандидатская диссертация «Этнокультурные проблемы иммиграции (на примере этнической истории поляков в Бразилии)» и основанная на ней монография «Путь длиннее века (поляки в Бразилии)» [Заринов, 1998].

ТРЕТЬЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Изучение истории польской этнографии/культурной антропологии является важной страницей польской науки, хотя, по мнению польского этнолога З. Ясевича, в начавшемся столетии исследования в этом направлении ведутся не так интенсивно, как это было раньше. Несмотря на то, что с некоторого времени открыты отделения по историографической проблематике в восьми польских университетах, очевидны и определённые трудности для осуществления этого проекта по причине слабого притока студентов по этнологической специальности. Это подтверждает тот факт, что недавно была закрыта кафедра этнологии в Щецине.

Перу самого Ясевича принадлежит книга, посвящённая истории польской этнологии и культурной антропологии и охватывающая период с конца XVIII века до 1918 г. [Jasiewicz, 2011]. Нижняя граница обозначен-

* Последние двадцать лет на территории Латинской Америки полевые исследования, в т.ч. касающиеся польских диаспор, проводил известный польский этнолог и культурный антрополог А. Посерн-Зелиньский.

ного периода (конец XVIII в.) указывает на время интеллектуального оживления на польских землях, связанного с просвещением, усиленного пониманием необходимости реформ и социальных изменений в условиях потери собственной государственности и угасания национального самосознания. Верхняя граница – начало XX в. и 1918 г. – это период, ознаменовавшийся возрождением польского государства. В этот период создаются новые условия для развития науки, что подтверждается появлением в 1919 г. кафедры этнологии и фольклористики во вновь открывшемся Пястовском университете, позже названном Познаньским. Всё вышесказанное требует более подробной характеристики этой во многом эксклюзивной работы одного из патриархов нынешней польской науки.

В самом начале монографии учёный отмечает, что за почти полутора-вековой этап становления и развития дисциплины, начавшей свою историю под названием «этнография», она меняла свою номинацию и переключалась с одной области исследования на другую. Процесс, сходный с тем, который происходил в российско-советской этнографии. Только в последние десятилетия польская этнография позиционирует себя в качестве этнологии или культурной антропологии. По признанию автора, во время работы над книгой ему встречались различные трудности, среди которых самыми существенными были: 1) отсутствие единого мнения в истории науки о том, что считать научными дисциплинами, как их классифицировать, как определять время трансформации «интересов» или «знаний» в «научные исследования» и в отдельную отрасль науки; 2) особый характер этнологии/культурной антропологии, требующей фиксации внимания на том, как со временем менялся исследуемый предмет и сама проблематика исследований. По мнению З. Ясевича, важным моментом является тот факт, что этнология/культурная антропология выходит в настоящее время за пределы собственно этнической проблематики, которая традиционно имеет своей целью сравнительное изучение конкретных этнических групп в историко-культурном аспекте. Всё больше она вторгается в теоретические и методологические исследования, имеющие своей целью максимально приблизиться к объяснению самого предмета этнологии/культурной антропологии (в скобках необходимо ска-

зять, что польская этнология, находясь длительное время под влиянием американской культурной антропологии, в своей второй номинации обходит стороной британскую социальную антропологию).

Именно в подобном ключе выполнена другая работа З. Ясевича, посвященная пониманию связи этнологии и культурной антропологии в польской научной традиции [Jasiewicz, 2006]. Кроме прочего, в этой работе можно найти и сюжеты, посвященные истории развития польской этнологии и культурной антропологии.

Автор в самом начале статьи постулирует, что этнология – это наука о культуре. А польская этнология, сформированная в польском национальном контексте, находится в близком контакте с мировой антропологией, но более всего с американской. Именно поэтому польская этнология отождествляет себя с культурной антропологией и номинирует себя в настоящее время именно так. В рамках такого подхода к этнологии/культурной антропологии в Польше происходит ее дальнейшая интеграция с другими дисциплинами. Сегодняшний период этнологических исследований показывает направление поиска в прошлом идей, которые можно признать важными для рождения дисциплины и позднейшего её развития. В этой связи автор перечисляет важнейшие исследования, осуществлявшиеся преимущественно на востоке ссыльными и путешественниками (Я. Потоцкий). В связи с утратой независимости Польши и под влиянием направления под названием «философия природы» поднимались проблемы нации и национализма (Ф. Салезек Ежерский, М. Мохнацкий). Индивидуальные темы появлялись в рамках таких исследовательских организаций, как Виленский университет и Товарищество друзей в Варшаве. Наиболее известной в то время была работа Винсента Пола, который считал этнографию естественной наукой, а также разделом географии. Однако, в конечном счёте, он признал этнографию в качестве науки, находящейся в синтезе природной и гуманистической трактовки человека, став таким образом сторонником антропологического взгляда на эту дисциплину. Ян Рымаркевич в статье, опубликованной в познанском журнале «Szkola Polska» (1849) признавал этнологию как дисциплину сравнительную и теоретическую,

как некую надстройку над описательной этнографией, представителями которой были, прежде всего, Оскар Колберг* и Михал Федоровский**.

Весь дальнейший текст этой работы З. Ясевича так или иначе раскрывает этапы становления и развития польской этнографии/этнологии/культурной антропологии, а также перечисляет наиболее известных представителей этой дисциплины. Последний абзац статьи З. Ясевича посвящён современному периоду развития польской этнологической/антропологической науки. Он пишет, что «...нелегко упорядочить разнородные и многоаспектные нынешние исследовательские проблемы в целые блоки и тематические разделы, поставить в очередность их значения для дисциплины. С точки зрения целей данной статьи, пишет дальше З. Ясевич, можно выделить следующие направления научных поисков: изучение современной культуры, этноисторические исследования, понимание культурных явлений в универсальном аспекте, а также особо выделить работы, сконцентрированные на проблемах дисциплины» [Jasiewicz, 2006:17].

Из этой характеристики современной польской этнологии/культурной антропологии, сделанной патриархом этой научной дисциплины, бросается в глаза факт значительного сходства её развития, произошедшего в других странах и в России, в частности. Поэтапно это выглядит следующим образом: 1) отпочкование этнографии как науки от географии; 2) переход от конкретных этнографических полевых исследований к теории и методологии науки, осознанию её предмета и связи её с другими гуманитарными дисциплинами, в большинстве своём с социологическими науками (происходит переход к новой номинации – этнологии); 3) кооперация с американской культурной антропологией и заметный переход на её теоретические и методологические позиции. Соответственно происходит и принятие нового названия – культурная антропология с оставлением старого – этнология (в рос-

* Оскар Колберг является известным польским учёным, собравшим колоссальный по объёму материал по этнографии славянских народов, в т.ч. и многих этнографических групп поляков. Кроме научной деятельности, занимался музыкой и брал уроки у польских знаменитых композиторов Фредерика Шопена и Казимира Бродзинского.

** Михаил Федоровский – белорусский и польский фольклорист. Собирал произведения живописи и графики, исторические и фольклорно-этнографические материалы на белорусских и польских землях.

сийской постсоветской этнологии второе её название отразило тенденцию интеграции американской культурной и британской социальной антропологии – социально-культурная антропология).

Важной страницей в развитии польской этнологии в последние десятилетия были научные мероприятия, в которых вместе с различными направлениями социальных наук затрагивалась и этнологическая тематика. В этой связи стоит упомянуть некоторые из них:

26–27 октября 2017 года в Кракове состоялась международная научная конференция на тему «Христианство в Российской империи и Советском Союзе. Историческая, общественная и культурная перспективы». Конференция была организована Кафедрой Центральной и Восточной Европы и Лабораторией исследований истории и культуры тоталитарного и посттоталитарного пространства Института истории Папского университета Иоанна Павла II в Кракове. На данном мероприятии были поставлены и обсуждены такие вопросы, как: 1) история христианских церквей в России в XVIII – XX вв.; 2) христианство в СССР; 3) октябрьский переворот в истории христианства в России; 4) поместный собор Русской Церкви 1917–1918 гг. в истории русского православия; 5) межконфессиональный диалог и межконфессиональные конфликты; 6) государственное законодательство о религии; 7) административные структуры церквей; 8) духовенство; 9) пасторское служение и миссии; 10) общественная и культурная деятельность церквей; 11) религиозная культура; 12) атеизация и репрессии; 13) сакральное искусство; 14) российское христианство в литературе и искусстве; 15) новые источники и переосмысление имеющихся источниковедческих знаний.

В декабре 2013 г. в Лодзинском университете состоялся международный форум «Рецепция мифологии Средиземноморья в античной культуре в эпоху модерна и постмодерна». Цель конференции состояла в обсуждении последних достижений в области символической антропологии и смежных с ней дисциплин, которые занимаются методами и формами влияния древних мифологических сказаний и мифологем на античных авторов и на людей искусства, мыслителей, выдающихся политических и религиозных деятелей Нового и Новейшего времени.

* * *

Резюмируя сказанное выше, следует сказать следующее:

1. Оправдывая название данной работы о трёх современных направлениях польской этнологии/культурной антропологии, следует сказать, что персонифицируют эти направления трое известнейших и до сих пор здравствующих учёных: профессора – Збигнев Ясевич, Александр Посер-Зелиньский и Славой Шинкевич. Они до сих пор активно сотрудничают со многими учёными мира, в т.ч. и со специалистами по этнографии/этнологии России.

2. Современная польская наука, позиционирующая себя как этнология/культурная антропология, являет собой результат длительного и сложного процесса трансформации научных интересов и предпочтений в зависимости и под влиянием той практики, которая вставала на пути её развития.

3. За время своего существования и функционирования польская этнология/культурная антропология находилась между двумя научными школами: российско-советской этнографии/этнологии/социально-культурной антропологии и американской культурной антропологией. Влияние обеих школ стало следствием того, что польские учёные сумели выработать свой оригинальный путь развития, правда, с заметным уклоном в американскую культурную антропологию. И это вовсе не удивительно, поскольку исторически Америка во всех её проявлениях, и в науке также, была для Польши эталоном качества.

4. Современные польские этнографы/этнологи/культурные антропологи, имея за плечами громадную практику изучения различных народов мира, продолжают вести исследования в различных уголках нашей планеты. В последние несколько десятков лет особый интерес они проявляют к регионам Нового Света, в частности, народам, населяющим Латинскую Америку.

5. Кроме конкретных этнографических исследований, польские учёные внесли и продолжают вносить большой вклад в теорию и методологию этнологии/культурной антропологии. Они являются авторами многих работ в этом направлении, в т.ч. различных справочных изданий, изданных в Польше и за её рубежами.

6. Одним из важных направлений в деятельности современных польских этнологов/культурных антропологов является их участие в различных внутренних и зарубежных научных форумах.

7. И, наконец, оценивая современное состояние современной польской этнографии/этнологии/культурной антропологии, следует сказать, что учёные этой дисциплины продолжают вносить большой вклад в её популяризацию, т.е. распространение среди обывательской среды её знаний и престижа.

Литература:

1. Заринов, 1998 – *Заринов И.Ю.* Путь длиннее века. М. Институт этнологии и антропологии РАН, 1998.
2. Заринов, 2010 – *Заринов И.Ю.* Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. М. Институт этнологии и антропологии РАН, 2010.
3. Заринов, 2015 – *Заринов И.Ю.* Рец. На книгу: *Z. Jasiewicz. Początki polskiej etnologii i antropologii kulturowej (od końca XVIII wieku do roku 1918).* Poznań, 2011. 288 s. // Этнографическое обозрение. 2015. № 2.
4. Заринов, Шинкевич, 1992 – *Заринов И.Ю., Шинкевич С.* Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Серия А: Межнациональные отношения в современном мире / Редкол.: В.А. Тишков (отв. ред.), Н.А. Лопуленко, М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 1992. Вып. 27.
5. Шмыт, 2013 – *Шмыт З.* «Модерн номадс»: антропологические очерки современных бурятских миграций в России. Отд. Оттиск. Иркутск, 2013. 192 с.
6. Этнические процессы, 2016 – Этнические процессы в монгольском регионе в исследованиях современных польских этнологов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культура и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2016. №1.

* * *

7. Belyaeva, 2009 – *Belyaeva V.* Szamani i lamowie w sercu Saj anów. Współczesny system wierzeniowy Buriatów Doliny Tunkijskiej. Wrocław -Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2009.

8. Brus at al., 1992 – *Brus A., Kaczynska E., Sliwowska W.* Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach polaków. 1815–1914. Warszawa. Wydaw.nauk PWN, 1992.
9. Jasiewicz, 1992 – *Jasiewicz Z.* Polacy z Ukrainy w Kazachstanie. Etniczność a Historia // *Lud.* 1992. T. 75.
10. Jasiewicz, 2006 – *Jasiewicz Z.* Etnologia polska. Między etnografią a antropologią kulturową // *Nauka.* 2006. № 2. S. 65–80.
11. Jasiewicz, 2011 – *Jasiewicz Z.* Początki polskiej etnologii i antropologii kulturowej (od końca XVIII wieku do roku 1918). Poznań, 2011.
12. Karczewski, 2009 – *Karczewski J.* Poles in Latgalia: Making their Identity in Multicultural Everyday Life // *Ethnicity.* 2009. № 2. P. 58–73.
13. Morochojewa, Zapasnik 2000 – *Morochojewa Z., Zapasnik S.* Problemy odrodzenia Buriackiej kultury a osobliwosci historii Buriatów // *Wielka Syberia małych narodów* / red. E. Nowicka. Kraków: Nomos, 2000. S. 23–24
14. Nowicka, 2000 – *Nowicka E.* Polacy czy cudzoziemcy. Polacy za wschodnia granica. Krakow, 2000.
15. Nowicka, Wyszynski, 1996 – *Nowicka E., Wyszynski R.* Lamowie i sekretarze. Warszawa: Wydział Filozofii i Socjologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. 200 s.
16. Oyungerel, 2013 – *Oyungerel T.* Scheda po Czyngis Chanie. Demokracja po mongolsku. Warszawa: Wydawnictwo TRIO, 2013.
17. Paleczny 2006 – *Paleczny T.* Stan i perspektywa badań nad Polonią Latynoamerykańską // *Diaspora polska w procesach globalizacji. Stan i perspektywa badań.* Kraków, 2006.
18. Pasterze, 2008 – *Pasterze reniferów mongolskiej tajgi* / Red. J. Wasilewski. Warszawa: Wydawnictwo DiG i IEiAK UW, 2008.
19. R. Lamowie i sekretarze, 1996 – *R. Lamowie i sekretarze.* Warszawa: Wydział Filozofii i Socjologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1996.
20. Słownik, 1987 – *Słownik etnologiczny. Terminy ogólne.* Poznań, 1987.
21. Szmyt, 2007 – *Szmyt Z.* Buriaci w Mongolii. Dylematy tożsamości etnicznej i narodowej // *Lud.* 2007.T. 91. S. 155–168.
22. Wielka Syberia, 2000 – *Wielka Syberia małych narodów* / Red. E. Nowicka. Kraków: Nomos, 2000. 200 s.

Мартынова М.Ю.

ПРИОРИТЕТЫ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ В СЕРБИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Этнологическая наука в Сербии имеет давние традиции. Она восходит корнями к тому времени, когда ещё в 1884 г., по предложению академика Стояна Новаковича (1842–1915), Этнографический совет Сербской королевской академии начал издание Сербского этнографического сборника (Српски Етнографски Зборник) и публикацию в нём материалов о жизни и культуре жителей Сербии. Книги этой серии продолжили и развили деятельность основанного в 1847 г. Общества сербской словесности и созданного в 1865 г. Сербского научного общества, публикации которых также содержат обширный этнографический материал. С 1886 г. в Сербской королевской академии ведутся систематические и программные этнографические исследования, базирующиеся на специально разработанном вопроснике. Параллельно в 1860-е гг., по инициативе Сербского научного общества, началось формирование этнографических коллекций, лёгших в

основу созданного в 1901 г. в Белграде Этнографического музея (Этнографски музеј). В начале XX века возникла ещё одна значимая для становления сербской этнологии структура – Семинар, сегодня это – Отделение этнологии и антропологии на Философском факультете (Одељење за етнологију и антропологију Филозофског Факултета) Белградского университета. В 1947 г. был учрежден Этнографический институт Сербской академии наук и искусств (Этнографски институт САНУ), как головное научное учреждение, призванное заниматься научными исследованиями этнологического характера. Этнографический музей в Белграде, Отделение этнологии и антропологии на Философском факультете Белградского университета и Этнографический институт САНИ по сей день являются ведущими структурами Сербии, осуществляющими исследования по этнологии и культурной антропологии. С 1952 г. Этнографический институт САНИ публикует свое периодическое издание – Вестник Этнографического института САНИ (Гласник Етнографског института САНУ).

Этнологические исследования в какой-то степени реализуются также учеными Института балканистики САНИ и Института музыкологии САНИ. Дисциплины, связанные с этнологией, антропологией и фольклористикой изучаются помимо Философского факультета на Филологическом факультете (Центр фольклористики и устной литературы), Факультете музыкального искусства (предмет Этномузыкология), Факультете политических наук (предмет Политическая антропология). Этнологические/антропологические программы преподаются и в альтернативных образовательных учреждениях, среди которых Альтернативная академическая образовательная сеть, Белградская открытая школа и Центр женского образования. Особые курсы обучения школьников и привития им исследовательских навыков уже более десяти лет работают в рамках исследовательского центра «Петница». Сохранение и презентацию отечественных культурных артефактов и культурного наследия осуществляют региональные музеи в гг. Нови Сад, Крушевац, Чачак, Кралево, Заечар, Княжевац, Ниш, Пирот, Зренянин, Шапац, Валево и др. Зарубежные музейные коллекции демонстрируются в Музее африканского искусства в Белграде, существует Музей прикладного искусства и др. Музейная работа включает в себя различные программы репрезентаций: выставки, лекционные

курсы, музыкально-драматические манифестации, этномастерские и т.д., а также исследовательскую деятельность.

С XIX века и до наших дней этнология в Сербии прошла сложный путь развития и трансформации предметной сферы, поиска собственного места среди других научных направлений и доказательства своей социальной значимости. В истории сербской этнологии можно выделить несколько периодов. Её становление как науки здесь шло в тесном контакте с географией, а также с характерным для XIX века стремлением найти обоснование национальной идентичности и очертить национальную территорию. Ключевыми фигурами среди основателей названной дисциплины в Сербии были такие выдающиеся ученые, как Йован Цвиич (Јован Цвијић, 1865–1927), Сима Стоянович (Сима Стојановић, 1862–1935), Тихомир Джорджевич (Тихомир Ђорђевић, 1868–1944), Йован Эрделянович (Јован Ердельановић, 1874–1944) и др. В продолжение и развитие заложенной ими традиции до середины восьмидесятых годов XX века на всей территории Сербии проводились фундаментальные этнологические исследования, изучалась в региональном разрезе этническая структура населения, жилище и одежда, фольклор и местные обычаи, хозяйство и процессы трансформации культуры, проходящие под влиянием индустриализации и урбанизации. В этот период было начато также системное изучение городской среды, что нашло отражение в научных публикациях тех лет.

Со временем, как и в других регионах мира, менялись теоретические подходы (от цвиичевой антропогеографической школы, эволюционизма, диффузионизма, эмпиризма к функционализму и структурализму, а затем к эклектизму постмодерна). Произошла модернизация теоретических рамок науки, изменились ключевые темы исследований (обычаи и фольклор, антропогеографическое исследование региона, трансформация традиционной культуры в период социалистической модернизации, формулирование коллективных идентичностей в переходный от социализма период, процесс глобализации), способы организации исследований (сети соисполнителей, коллективные или индивидуальные проекты и т.д.), да и социальные задачи этнологии. Стало меняться и само название научной дисциплины: в

Сербии с 1990-х гг. всё чаще употребляется двойственное название этнология и антропология, которое указывает на современные изменения теоретических подходов в данной науке.

НАУКА В УСЛОВИХ КРИЗИСА

В начале 90-х гг. XX века в условиях нового геостратегического позиционирования Европы и региона этнологи/антропологи Сербии оказались в затруднительной ситуации. Сложности вызывало то обстоятельство, что после распада Югославии этнология/антропология Сербии, подобно тому, как это происходило и в других постюгославских странах, лишилась общих проектов, ассоциаций и форумов, которые объединяли этнологов Югославии, превратилась в науку, замкнутую национальными границами [см.: *Наумовић*, 2005:19]. В Сербии положение усугублялась экономическими санкциями, международной изоляцией и общей политической ситуацией в обществе. Редкими были презентации результатов научно-исследовательских работ на международных конференциях, да и в целом международное сотрудничество сузило территорию своего распространения. Оно ограничивалось разовыми приглашениями учёных и личными контактами. Сократилась и интенсивность полевых выездов.

По словам сербских этнологов М. Лукич-Крстанович и З. Дивац, при такой сегментированной и обеднённой научной репрезентации не было возможности критически переосмыслить роль и место этнологии/антропологии в обществе, по-новому взглянуть на теоретико-методологические подходы и исследовательские результаты. Было время, когда этнологические исследования конфронтировали с противоречивой и антагонистической политической ситуацией (см. труды из области политической антропологии), когда этнология/антропология настойчиво продолжала исследовать этничность, когда этнология оставалась на уровне сбора полевых материалов о повседневной жизни. Это был период, когда этнология/антропология вследствие кумулятивности и непредвиденности происходящего (гражданские протесты, националистическая эйфория, экономические сан-

кции, бомбардировки НАТО и др.), не имела места а, быть может, и смелости для маневрирования, для критического пересмотра своих подходов и их презентации общественности [Лукић-Крстановић, 2009: 203]. В стремлении преодолеть выше названные катаклизмы этнология в Сербии пыталась сохранить свою институциональную значимость.

Исследования Этнографического института САНИ в 1990-е гг. были объединены в один проект: «Этнология сербов и Сербии». В его рамках разрабатывались подпроекты: Этнические и этнологические различия населения Сербии; Этнологическое исследование городских поселений Сербии; Сербь вне Сербии и национальные меньшинства в Сербии; Народная жизнь сербов и Сербии – этнологическая энциклопедия; Семья и культура (совместно с Философским факультетом Белградского университета); Этнологическое монографическое описание Воеводины (совместно с Музеем Воеводины в Новом Саде).

Возможности для публикации научных трудов были минимальны. Но всё-таки и в 90-е гг. XX века выходили интересные книги. Н. Пантелич посвятил свою монографию традициям и новациям в общественной жизни сельских жителей нескольких областей Сербии [Пантелић, 1991]; Л. Джапович писала о верованиях и ритуалах у сербов [Ђаповић, 1995]; Д. Николич – о культурных изменениях в селах Верхнего Драгачево [Николић, 1996]; Б. Жикич выпустил книгу о научных взглядах Эдмунда Лича [Жикић, 1997]. Вышло несколько работ, посвящённых сербам в Венгрии [см. напр.: Дрљача, Прелић, 2005:281–290]. В те годы внимание общественности привлекли труды Ивана Чоловича по политической антропологии. Среди наиболее значимых упомяну его книги [Чоловић, 1994; 1997], которые были представлены и за рубежом.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ

На рубеже веков и в первое десятилетие XXI века ситуация в стране стала меняться и этнология/антропология предстала в новом свете. Планы этнологов/антропологов теперь направлены на достижение консенсуса между национальными стратегиями государственной политики и глобальны-

ми мировыми тенденциями, включенностью, внедрением в европейские мировые течения и организации. Постепенно приходило осознание того, что трансформации, обусловленные распадом социалистической Югославии и сопровождавшими его конфликтами, за которыми последовали социальные изменения, внутренние и зарубежные миграции населения, его культурное смешение должны актуализировать изменение исследовательского поля этнологии/антропологии. Исследования того времени чаще всего были связаны с анализом проблем идентичности, культурных и общественных процессов периода кризиса. Уделялось внимание также изучению трансформации традиционной культуры в текущий период.

Городская тематика очень быстро стала в Сербии составной частью индивидуальных и коллективных исследовательских проектов. Например, в 2002 г. была опубликована книга, подготовленная Этнографическим институтом САНИ совместно с болгарскими учеными, в которой излагались результаты исследования обычаев жизненного цикла в городской среде [*Обичаји животног*, 2002]. Сербские авторы анализировали свадебные обычаи – С. Златанович, М. Радованович (С. Златановић, М. Радовановић), городскую культуру – З. Дивац, Д. Бандич (З. Дивац, Д. Бандић), роль женщины в ритуальном цикле – М. Малешевич (М. Малешевић), погребальную обрядность – Л. Джапович (Л. Ђаповић), родственные отношения – З. Иванович (З. Ивановић) и др. Картину начала тематического перерождения науки, влияния на неё событий, происходящих в обществе, демонстрирует и другая публикация Этнографического института САНИ, посвящённая традиционному и современному в культуре сербов [*Традиционално*, 2003].

Научные публикации учёных этого времени обнаруживают постепенное преодоление в тематике исследований парцеллярного деления (традиционное/современное, сельское/городское). Достаточно перечислить темы публикаций Вестника Этнографического института САНИ [*Гласник*, 2004. № 52] тех лет. К примеру, в нём были такие темы статей, как интернет, жесты футболистов, исследование медиа, гендерные роли у детей, взаимодействие фольклора и бюрократии, идентичность членов футбольного клуба, трансформация детских игр, празднование Нового года в Белграде и др. [*Гласник*, 2004, LII].

Популярным сюжетом для антропологии начала ХХІ века стали обряды перехода. См, например, труды Мирьяны Прошич-Дворнич (Мирјана Прошић-Дворнић), Душана Бандича (Душан Бандић), Мирославы Малешевич (Мирослава Малешевић), Добрилы Братич (Добрила Братић), Зорицы Дивац (Зорица Дивац) и Эдит Петрович (Едит Петровић) в книге Ковачевича [*Ковачевича*, 2001]. Среди работ на модные темы можно перечислить также многочисленные публикации И. Ковачевича о свадебном ритуале, ритуалах в городской среде, ритуалах провода в армию и др. [*Ковачевић*, 1979; 1982; 1983; 1986].

Научные проекты Этнографического института САНИ тоже свидетельствуют об институционализации «новой» этнологии/антропологии и обращении учёных Сербии к современной тематике. В 2001–2005 гг. сотрудниками института выполнялись два проекта. В задачи проекта «Традиционная культура сербов – системы представлений, обрядов и социальных институтов», которым руководила Ласты Джапович (Ласта Ђаповић), входило монографическое исследование отдельных сегментов традиционной культуры, локальных географических территорий Сербии и этничности сербов в диаспоре. Проект «Современная сельская и городская культура – пути и трансформация», возглавляемый Драганой Радойичич (Драгана Радојичић) был направлен на исследование новых условий жизни и черт традиционной культуры на селе и в городе, их трансформации и появлению новых традиций.

Работа по изучению современных этнокультурных процессов началась не сразу (из-за нехватки средств и сложностей военного характера), но постепенно набирала обороты. С одной стороны, продолжалось движение по уже ранее проложенному пути изучения этничности, культурных и социальных процессов периода кризиса, с другой – смелее стали исследоваться различные аспекты современной жизни общества, осмысливаться место и роль этнологии/антропологии в ней.

Актуальная тематика стала охватывать проблемы изучения этнической идентичности и локальных культур, культурной адаптации и жизни зарубежных диаспор, вопросы межэтнического общения и положения мень-

шинств в мультикультурном обществе. В 2006–2010 гг. Этнографический институт САНИ работал по трём научным проектам: «Сербия между традиционализмом и модернизацией: Этнологическое и антропологическое исследование культурных процессов» (рук. Драгана Радојичић); «Антропологическое изучение коммуникаций в современной Сербии» (рук. Јелена Чворовић); «Этничность: современные процессы в Сербии, соседних странах и в диаспоре» (рук. Војислав Становчић). Уже в самих названиях проектов, в тематике проблем, которыми сотрудники института занимаются, видна, с одной стороны, позитивная преемственность – исследование культурных трансформаций, изучение коммуникативных и символических аспектов культуры и изучение этнических феноменов, с другой стороны – все обозначенные проблемы новым поколением исследователей понимаются как динамичные процессы, а не как примордиалистская реальность. Разброс тем довольно широк, начиная, например, с изучения ритуала крестоносцев до поведения болельщиков на футбольных матчах, от проблем идентичности национальных меньшинств до турбо-фолка звёзд как современных культурных героев. Фокус исследований сосредотачивается на современности, повседневной жизни и, прежде всего, на культуре, как символизирующем процессе. Важно упомянуть, что в рамках проектов определены, хотя и в широком плане, их возможные общественные цели, отмечено, что зондирование и изучение современной культуры в Сербии и её регионах могло бы помочь в поиске путей стабилизации сербского общества*.

Исследования по первому проекту включали в себя мониторинг специфики исторических процессов второй половины XX века с акцентом на 90-е гг., воздействия социально-экономических и политических процессов на общественные институты, изучение разрыва и преемственности между традиционными и современными культурными концептами и влияния на них внешних факторов (глобализация, интеграция, переходный период, социально-политические события в Сербии) для выявления причинно-

* О проектах Этнографического института этого периода см.: «Округли сто Актуелни пројекти ЕИ САНУ (2006–2010). Београд 2006» и Драгана Радојичић, «Научноистраживачка делатност ЕИ САНУ» // Гласник ЕИ САНУ. Београд, 2007. LV (2). С. 9–16.

следственных связей. Через изучение жилья, брака и семьи, молодёжи, семейных отношений, религии и др. исследовались изменения внутри общественных институтов. Исполнителями проекта был сделан акцент на антропологическом изучении культурных процессов и анализе культурных трансформаций в городах и сельской местности; как последствиях политических, экономических и социальных перемен. Проблемы глобального характера изучались через анализ преобразований общественных и культурных отношений в направлении село – город.

Второй проект был посвящён изучению развития систем и форм коммуникаций в различных культурных средах современной Сербии, их связи с социальной структурой и типами культурного окружения. Авторы сравнивали группы, имеющие преимущественно устную коммуникацию (цыгане и вlahи) с теми, кто имеет богатую письменную традицию. Их гипотеза заключалась в том, что информация является социальным, экономическим и политическим «цементом», который объединяет и сохраняет те или иные сообщества. По мнению исследователей, доступ к информации и способ обмена ею являются основой формирования социальной/культурной идентичности. Культура понимается авторами как коммуникация, регулируемая социальной системой. Сравнительный анализ сообществ с устной и письменной традицией показал, по мнению авторов, как содержание, усвоенное и переданное различными формами коммуникации, формируют личность участников, их взгляд на мир и социальные связи в нём и как различные формы коммуникации строят, передают и поддерживают внутри культурных групп отношения морального, властного и гендерного характера.

Главная цель третьего проекта заключалась в изучении мультиэтничности на Балканах и, в частности, в Сербии с акцентом на проблемы этнических меньшинств, особенности их положения и идентификации. Учёные уделили внимание вопросам, связанным с символическим конструированием и презентацией идентичности меньшинств, проблеме гомогенности сообществ. Анализировалось положение в обществе этнических меньшинств, как имеющих признанный статус, так и не имеющих его или «невидимых», изучались проблемы межэтнических коммуникаций и конфлик-

тов, ответы этнических групп на современные проблемы трансформации, европеизации, глобализации, роль силы в отношениях большинства населения и меньшинств, этнические группы – государство, а также вопросы прав меньшинств и взаимодействия политических объединений граждан и этнических групп, ставящих сегодня под сомнение концепт правовых вопросов государственного устройства XIX века (суверенитет, легитимность, лояльность, самоопределение...) и порождающих многочисленные вопросы о демократической основе консолидации различных этнических групп в рамках одного государства/общества.

В то же время на Отделении этнологии и антропологии Философского факультета велась работа по проектам «Культурная идентичность в процессах интеграции и реинтеграции» (рук. Б. Жикић) и «Антропология в XX веке: теорические и методологические подходы» (рук. И. Ковачевић).

Работа по научным проектам осуществляется и в музеях. Этнографический музей Белграда работал по многолетнему проекту «Этнологические исследования народной культуры населения Пирота и окрестностей», а отдел этнологии Городского музея Нового Сада реализовывал проект «Современные модели обрядовой практики сербов Воеводины». В 2005 г. в Этнографическом музее была открыта выставка предметов из сербской коллекции Российского этнографического музея, которая была привезена в Россию на выставку 1867 г., приуроченную к Первому всеславянскому конгрессу (автор выставки В. Нишканович).

Важным направлением научной деятельности и значимым для страны культурным событием являются ежегодные международные фестивали этнографических фильмов, проводимые в Этнографическом музее Белграда с 1992 г. На них демонстрируются фильмы, снятые на разных континентах мира. Зрителями являются не только профессионалы, но и широкая общественность. В рамках фестиваля проходят дискуссии о методике съёмок этнографического кино и дальнейшем развитии визуальной антропологии, публикуется иллюстрированный каталог. Результатом проведения фестивалей стал богатый видеоархив, хранящий более 1400 этнографических фильмов из 80 стран. С 2012 г. в музее создан Центр по нематериаль-

ному культурному наследию, одна из задач которого заключается в организации фестивалей.

Ещё раз подчеркнём, что результаты работы сербских антропологов/этнологов по проектам первого десятилетия XXI в. свидетельствуют, что научно-исследовательская мысль и проблематика исследований были направлены на сопровождение и толкование процесса трансформации общества, культурных систем и идеологических формаций, на изучение динамики препозиции реальных общественных отношений и их символических интерпретаций, на анализ проблем этнических идентичностей в зонах миграционных процессов, интеграции групп меньшинств и большинства населения.

ОТРАЖЕНИЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ В ПУБЛИКАЦИЯХ

Этнология/антропология в Сербии в первом десятилетии XXI в. рефлексировует в связи с происходящими в обществе процессами, но в то же время она подвержена определённой саморефлексии, пересмотру самой научной дисциплины. Исследовательская смелость, научный расчёт и определённый человеческий авантюризм приводят к тому, что дискурс этнологии/антропологии множится или, можно сказать, фрагментируется, создаётся целый ряд самостоятельных антропологических направлений (антропология или этнология спектакля, антропология жестов, антропология потребления, антропология тела, антропология спорта, визуальная антропология, музейная антропология, региональная этнография и др). Происходит децентрализация подходов и направлений. Конкретные исследования продуцируют собственные методологии и инструментарии*. С точки зрения методологических подходов в современной этнологии/антропологии устанавливаются новые правила: актуальность и прикладная значимость, интенсивность и динамичность, фактологическая обоснованность и

* Применительно к сербскому контексту об исключительной широте современных этнологическо-антропологических подходов писал ещё в 1995 г. Драгослав Антониевич [*Антонијевић*, 1995].

эмпиричность. Антропология/этнология, как большинство социальных и гуманитарных наук, становится всё более междисциплинарной, использующей адекватные и подходящие для неё ресурсы различных научных сфер, всё это служит росту её эпистемологической зрелости. Вместе с тем, очевидна зависимость получаемых результатов от применяемой методики, речь в первую очередь идёт о полевой работе и исследовательских экспедициях.

Публикации и доклады на конференциях первого десятилетия XXI века наглядно демонстрируют всё более активное внедрение новых направлений, тем и проблем, становящихся год от года всё более аналитическими и проецирующими провокативную действительность. Как мы уже отметили, всё больше стали исследоваться современные процессы и явления.

Глобальные и турбулентные изменения в Сербии влияли на научные интересы антропологов/этнологов, позиционирование себя в международных кругах. Эксперты из Сербии были включены в актуальные дискуссии о культурном наследии, этнической идентичности, трансформации традиций и др. Результатами исследований, обусловленных актуальными социальными и политическими процессами в Сербии, стали, например, доклады М. Лукич-Крстанович (М. Лукић-Крстановић) – о массовых политических митингах, М. Малешевич (М. Малешевић) – о воспитании девочек в кризисный период, С. Недельковича (С. Недельковић) – об этничности и национализме, Д. Антониевич (Д. Антонијевић) – о символических элементах в предвыборной кампании [Лукић-Крстановић, 2009:206]. Выступления на научных форумах также посвящались анализу процессов, происходивших в социалистический период. В частности, конференцию на такую тему с участием коллег из Сербии организовал в 2002 г. Этнографический институт с музеем Болгарской академии наук. На ней выступали Д. Радойичич (Д. Радойичић) об идеологических обязательствах сербской этнологии, Й. Джорджевич (Ј. Ђорђевић) о гендерном равноправии при наследовании, М. Малешевич (М. Малешевић) о социальном равноправии мужчин и женщин при социализме и др.

Об общих тенденциях развития антропологии/этнологии в Сербии даёт представление издательская продукция. Учёные всё активнее обращают внимание на сложные явления периода кризиса и трансформации. К результатам подобных исследований можно отнести, в частности, ряд публикаций 2003 г.: Д. Бандич (Д. Бандић) писал о религиозной идентичности современных сербов, М. Малешевич (М. Малешевић) – об идентичности молодёжи Сербии; Й. Джорджевич (Ј. Ђорђевић) – об отношениях собственников, Л. Радулович (Л. Радуловић) – о конструкции гендерных идентичностей и теологической литературе, И. Эрдеи (И. Ердеи) – о связи потребления и идентичности и др. [*Лукић-Крстановић*, 2009:207]. Разнообразие подходов свидетельствует об определённом междисциплинарном диалоге в науке, который во многом задаёт полемический тон методологическому дискурсу.

Актуальная политическая сцена и повседневность, характерные для последнего десятилетия XX и начала XXI века, также были открыты для целого цикла этнографических исследований. В 2003 г. это были публикации на темы: сербский национализм в сербском исполнении – В. Рибич (В. Рибич); массовые политические и культурные сборища – М. Лукич-Крстанович (М. Лукић-Крстановић); – предложения по внедрению новых государственных праздников – С. Ковач (С. Ковач); политическая символика исторических личностей – Д. Антониевич (Д. Антонијевић) [*Лукић-Крстановић*, 2009:207]. Многолетние исследования этничности были продолжены в малоизученных анклавах сербов. Исследования этничности и культуры сербов в соседних странах (в частности, в Венгрии), начатые ещё в 80-е гг. XX века вошли в новую фазу систематизации и аналитики полученного в результате полевых выездов материала.

Среди работ 2005 г., свидетельствующих о росте популярности тем, связанных с трансформационными процессами в Сербии, можно отметить публикации в Вестнике Этнографического института САНИ и Сборнике Отделения этнологии и антропологии Философского факультета (Зборник ОЕА ФФ), посвящённые проблемам культурной идентичности населения современной Сербии. Особого внимания заслуживают следующие статьи: о религиозной идентичности сербской молодёжи – М. Малешевич (М. Ма-

лешевић); о влиянии церковной музыки на национальную идентичность – Г. Благоевич (Г. Благојевић); о религиозной науке и евронауке в образовании – Й. Бачевич (Ј. Баћевић); о взаимоотношениях в семье на примере беженцев – Л. Гаврилович (Љ. Гавриловић); об антропологическом изучении публики на одном из музыкальных фестивалей – М. Лукич-Крстанович (М. Лукић-Крстановић); о виртуальных сообществах и научной фантастике – И. Джорджевич (И. Ђорђевић); про дневник о цунами – С. Радович (С. Радовић) и т.д. [Гласник, 2005]. В сборнике Отделения этнологии и антропологии Философского факультета отметим статьи: Г. Горунович (Г. Горуновић) – об этнологической концепции изучения новых поселений; С Ковач (С. Ковач) – о значении нового государственного праздника Сретенья; В. Вучинич-Нешкович (В. Вучинић-Нешковић) – о праздновании Рождества в Боке Которской; Д. Антониевич (Д. Антонијевић) – о символическом использовании образов исторических личностей Караджорджа и князя Милоша в политике; И. Эрдеи (И. Ердеи) – о феномене богатства в переходный период. Опубликованы книги: Г. Благоевича о сербах в Калифорнии [Благојевић 2005], А. Крела о детских играх [Крел, 2005], И. Тодоровича о ритуале ума [Тодоровић, 2005], В. Рибича о сербском национализме [Рибич, 2005], Х. Здравковича о ситуации в Косово [Здравковић, 2005].

В 2006 г. сербские антропологи сконцентрировали своё внимание на нескольких темах: а) культурные явления и коммуникативные связи; б) культурные и идеологические процессы; в) культурно-историческая анатомия этнической идентичности и этнических маркеров; д) культурно-историческая трансформация традиции. К первой категории могут быть отнесены статьи, опубликованные в Гласнике Этнографического института САНИ и Сборнике Этнографического института САНИ о повседневной культуре постсоциалистического периода [Свакодневна, 2006], Л. Гаврилович (Љ. Гавриловић) – о восприятии книги «Код Да Винчи»; И. Джорджевич (И. Ђорђевић) – о традиционных мотивах в отечественной фантастике; Т. Цветичанин (Т. Цвјетичанин) – об электронном фольклоре тинеджеров и СМС; Д. Радойичич (Д. Радојичић) – об анализе СМИ от некрологов до рекламы; Л. Джапович (Л. Ђаповић) – о представлениях о смерти в некрологах; Д. Ан-

тониевич (Д. Антонијевић) – об анализе графити, СМС и электронной почты; Й. Джорджевич (Ј. Ђорђевић) – об интернет-коммуникациях; М. Стоянович (М. Стојановић) – о мифологической топографии в популярной культуре; Б. Жикич (Б. Жикић) – о гомосексуализме в среде наркоманов.

Ещё одно направление исследований касается анализа культурных и идеологических явлений переходного периода с позиций критической антропологии: новый взгляд на христианскую идентичность жителей Европы и православных посткоммунистической Сербии – М. Малешевич (М. Малешевић); предраасудки и реальность во взглядах Сербии на Европу – М. Прелич (М. Прелић); о поисках профессии – З. Дивац; молодёжь в переходный период – А. Павичевич (А. Павићевић). Этничность и вопросы этнической идентичности исследуются на примере этнических групп Сербии и соседних стран: М. Павлович (М. Павловић) – рождественские обычаи сербов в Темишваре, А. Крел – этническая идентичность немцев в Суботице, Г. Благоевич (Г. Благојевић) – сербы в Солуне. Культурно-историческое прочтение традиций отражено в статьях о религиозных шествиях – И. Тодорович (И. Тодоровић); о взаимодействии традиционной одежды и моды – М. Иванович-Боришич (М. Ивановић-Баришић); об одежде жителей Врчина, поселения вблизи Белграда – Д. Радойичич (Д. Радојичић) и т.д. [*Гласник*, 2006].

Продолжается публикация этнологических монографий. В 2006 г. опубликованы: Д. Радойичич (Д. Радојићић) – Между Востоком и Западом: северо-западная Бока Которска; Л. Гаврилович (Љ. Гавриловић) – Югославский этнограф Никола Арсеновић, А. Павичевич (А. Павићевић) – Под ударом идеология – брак, семья и гендерная мораль во второй половине XX века; И. Ковачевич (И. Ковачевић) – Миф и искусство, Б. Жикич (Б. Жикић) – Антропология СПИДа; И. Ковачевич (И. Ковачевић) – Традиция современности; А. Бошкович (А. Бошковић) – Миф, политика, идеология, взгляд из компаративной антропологии; И. Чолович (И. Чоловић) – Этнорассказы о музыке в интернете [см.: *Миленковић-Вуковић*, 2009].

В журналах «Етноантрополошки проблеми» и «Антропологија», издаваемых Отделением этнологии и антропологии Философского факультета, в 2006 г. опубликован целый ряд статей, содержащих размышления о

соотношении антропологии и этнологии, теоретических и методологических подходах в науке: Г. Горунович (Г. Горуновић) – псевдомарксизм и протофункционализм в этнологии; Б. Жикич (Б. Жикић) – когнитивная антропология и нематериальное культурное наследие; И. Ковачевич (И. Ковачевић) – применение теории Ван Генепа в сербской этнологии; М. Миленкович (М. Миленковић) – теория постмодерна в этнографии; С. Ковач – антропологические исследования на примере Догона (Ван Бек и Марсел Гриол); В. Рибич (В. Рибич) – прикладная антропология. В этих журналах этнологи/антропологи публикуют результаты исследований общественных и культурных процессов периода социализма и постсоциализма: Д. Велимирович (Д. Велимировић) – мода, идеология, политика (на примере Йованки Броз Тито); Л. Радулович (Л. Радуловић) – религия и гендер; И. Эрдэи (И. Ердеи) – взросление в период позднего социализма; С. Наумович (С. Наумовић) – влияние культуры на экономику; С. Неделькович (С. Недельковић) – миф, религия и национальная идентичность в период кризиса.

В 2007 г., примечательном тем, что это был год 60-летнего юбилея Этнографического института САНИ, опубликовано несколько сборников трудов и монографий, ещё раз подтвердивших, что этнология/антропология способна дать ответ на самые злободневные вопросы современности, оставляя место и для (ре)интерпретации традиционных тем. Юбилею был посвящён специальный выпуск Гласника Этнографического института, который наряду с другими текстами содержит биографии сотрудников и библиографию их трудов. [Гласник, 2007. № LV-2]. Состоялась международная конференция «Картины культуры некогда и сейчас» (Сликe културе некад и сад).

В 2007 г. в серии «Етнолошка библиотека», которую издает Сербский генеалогический центр (Српски генеалошки центар) опубликованы книги: М. Миленкович об истории антропологии постмодерна и теории этнографии [Миленковић, 2007], Г. Горунович о связи сербской этнологии с марксизмом [Горуновић, 2007] в Рибич о прикладной этнологии [Рибич, 2007], Л. Радулович об оккультизме [Радуловић, 2007], И. Ковачевич об антропологии переходного периода [Ковачевић, 2007], М. Малешевич о проблемах

женщин [Малешевих, 2007], Д. Синани об одержимости и эгоцентризме в Сербии [Синани, 2007] Д. Антониевич об исторических личностях, о преданиях, связанных с предводителем Первого сербского восстания Караджордже и князем Милошем [Антонијевић, 2007]. Этнографический институт САНИ издал монографии: М. Иванович-Баришич о календарных праздниках и обычаях в сёлах у подножья горы Авалы [Ивановић-Баришић, 2007] Л. Гаврилович о новой музеологии – культура на витрине [Гавриловић, 2007], Н. Пантелича – о семье и традициях в городах Сербии в к. XX века [Пантелић, 2007]; М. Бакумирич о жизни сербов в Горождевце [Букумирић, 2007]. [См.: Миленковић-Вуковић, 2009].

Значимы и актуальные научные результаты, опубликованные в Вестнике (Гласнике) в юбилейном 2007 г. Это оригинальные научные труды: М. Малешевич (М. Малешевих) – о христианской идентичности секулярной Европы; С. Радович (С. Радовић) – представление белградских студентов о Европе и Сербии; И. Джорджевич (И. Ђорђевић) – о баскетболисте Владе Дивце, как о не до конца рассказанной сказке; Й. Бачевич (Ј. Баћевих) – о дне влюбленных; А. Павичевич (А. Павићевих) – о политике по отношению к семье; В. Трифунович (В. Трифуновић) – о формировании социальных типов в теории Орина Клапа; Л. Стеванович (Л. Стеванових) – о чёрном юморе в эпиграммах античной Греции; Й. Чворович (Ј. Чворових) – об эволюционном подходе к нарративам и т.д.

В 2007 г. опубликовано несколько сборников и монографий. В сборнике Этнографического института САНИ «Култура у трансформацији» суммированы результаты исследований периода политических и социальных трансформаций: М. Малешевич (М. Малешевих) – культурные модели в формировании женской идентичности; М. Лукич-Крстанович (М. Лукић-Крстанових) – о методах и источниках исследования этничности; её же о спектаклях XX века; Л. Гаврилович (Л. Гавриловић) – балканская история о беженцах; М. Прелич (М. Прелић) – этническая идентичность сербов Венгрии; М. Павлович (М. Павловић) – ассимиляция и ассоциация сербов в Темишваре; Й. Чворович (Ј. Чворових) – кастовое поведение цыган в Сербии; С. Златанович (С. Златанових) – свадьба и конструирование идентичности; А. Павиче-

вич (А. Павићевић) – жизнь современной сельской молодёжи; Ы. Джорджевич (Ј. Ђорђевић) – о наследовании в одном из регионов Сербии; И. Тодорович (И. Тодоровић) – обряды и шествия; М. Иванович-Баришич (М. Ивановић-Баришић) – календарные праздники в сёлах близ Авалы.

В периодических изданиях Отделения этнологии и антропологии Философского факультета «Етноантрополошки проблеми» и «Антропологија» в 2007 г. были опубликованы статьи: Д. Антониевич (Д. Антонијевић) – легенды о краже органов как о моральной дилемме современного общества; З. Иванович (З. Ивановић) – об антропологической критике тезиса «брак через покупку женщины»; И. Ковачевич (И. Ковачевић) – о написании истории антропологии конца XX и начала XXI века; М. Миленкович (М. Миленковић) – о методологическом потенциале общественно zaangażованного исследования; В. Рибич (В. Рибић) – об использовании антропологии в развитии бывших колоний и др.

В Вестнике Этнографического института САНИ за 2008 г. опубликованы научные труды, разнообразие которых демонстрирует методологическое осмысление и тематическую широту современной этнологии/антропологии: И. Ковачевич (И. Ковачевић) писал об этимологическом подходе к вопросу о соотношении антропологии и этнологии; Ј. Гаврилович (Ј. Гавриловић) – о новом прочтении классических антропологических текстов на примере трудов Леви Стросса; Б. Йованович (Б. Јовановић) дал обзор трудов сербского учёного Веселина Чайкановича (Чайкановића); М. Митрович (М. Митровић) – о публичных выступлениях и социальной роли медийных звезд; С. Златанович (С. Златановић) – о силе категоризации: старожилы и переселенцы из юго-восточного Косово; Д. Радойичич (Д. Радојичић) – о занятиях населения Рисанского края на основе Кадастра 1704 г.; Ј. Стеванович (Ј. Стевановић) – о концепции героя в античной греческой религии и/или политике; Д. Николич (Д. Николић) – об этнокультурных стереотипах; М. Стойич (М. Стојић) – о жителях Словении, лишенных гражданства; М. Црнич-Пейович (М. Црнић-Пејовић) – о герцеговинских беженцах в Боке Которской; Ы. Джорджевич-Црнобрња (Ј. Ђорђевић-Црнобрња) – о наследноправном положении при усыновлении; Д. Йованович (Д. Јовановић) –

о формировании национальной идентичности для нужд туризма; Й. Чворович (Ј. Чворовић) – об автономии женщин и насилии в семье на примере Санжака и т.д. [*Гласник*, 2008].

Сборник Отделения этнологии и антропологии Философского факультета «Антропология современности» (Белград, 2007) содержит статьи: Д. Антониевич (Д. Антонијевић) – о меркантильных легендах постиндустриального общества; Г. Горунович (Г. Горуновић) – о локальных сообществах и идентичностях; И. Ковачевич (И. Ковачевић) – о десяти антитезах в одном из достижений в антропологии; С. Неделькович (С. Недельковић) – об этногенезе черногорцев; Л. Радулович (Л. Радуловић) – о концептах научных трудов Душана Бандича; Д. Синани – о ритуальных функционерах и культовых местах в Сербии и т.д. В сборнике Отделения этнологии и антропологии Философского факультета по антропологии постсоциализма [*Антропологија*, 2007] выделяются статьи: И. Ердеи – о приватизации как явлении социокультурной трансформации; В. Рибич (В. Рибић) – об этническом национализме; Б. Жикич (Б. Жикић) – о культурной концептуализации понятия частник в Сербии; Л. Радулович (Л. Радуловић) – о политическом использовании пророчеств в Сербии в 1990-е гг. и др.

В журналах, издаваемых Отделением этнологии и антропологии Философского факультета, наряду с другими, в 2008 г. опубликованы исследования: З. Иванович (З. Ивановић) – об изучении родственных отношений в последние десятилетия XX-го века; Д. Антониевич (Д. Антонијевић) – о Красной шапочке в контексте использования сказки при изготовлении рекламных роликов; И. Ковачевич (И. Ковачевић) – об отношении государства к гуманитарным наукам в начале XXI-го века; М. Миленкович (М. Миленковић) – об «идентичности» через проблему конституционализации мультикультурализма. Труды в издании «Этноантропологические проблемы» (Етноантрополошки проблеми) в номере за 2008 г. опубликованы на английском языке: Й. Бачевич (Ј. Баћевић) – пересмотр эволюционной парадигмы в антропологии; В. Вучинич-Нешкович (В. Вучинић-Нешковић) – анализ временных и пространственных аспектах обычаев Сочельника; М. Лукич-Крстанович (М. Лукић-Крстановић) – о политике современных

музыкальных фестивалей; И. Ердеи – о роли телевидения в создании политических сообщений; С. Неделькович (С. Недельковић) – миграции черногорцев в города Сербии; М. Симич (М. Симић) – государство и современность как антропологические темы.

Сборник Этнографического института САНИ «Культурные параллели» (Културне паралеле) (Београд, 2008) содержит материалы о повседневной культуре постсоциализма, появившиеся в результате сербско-болгарского сотрудничества: М. Малешевич (М. Малешевић) – о насилии идентичности, С. Радович (С. Радовић) – об оксидентализме в Сербии; И. Джорджевич (И. Ђорђевић) – о патриотизме в спорте; М. Лукич-Крстанович М. Лукић-Крстановић) – о музыкальном спектакле и его роли в политике; М. Митрович (М. Митровић) – о политике тела в турбо-фолке; З. Дивац – о семейной жизни и европейском рабочем времени; Л. Гаврилович (Љ. Гавриловић) – роль природоведческих музеев в формировании представления о нации; А. Павичевич (А. Павићевић) – о Слободане Милошевиче; М. Стойич (М. Стојић) – о бывших фабричных зданиях как креативных центрах на примере Словении; В. Трифунович (В. Трифуновић) – о феномене юмора и социальных типах; И. Тодорович (И. Тодоровић) – о феномене культурных систем.

Всё больше публикуется Этнографическим институтом САНИ монографических изданий. Назову некоторые из них, изданные в 2008-м г.: Д. Радойичич опубликовала этнографические очерки о жителях Боки Которской в Черногории [*Радойичић*, 2008]; М. Прелич писала об идентичности сербов Венгрии [*Прелић*, 2008]. В серии «Етнологска библиотека» вышли: монографии Б. Жикича о риске и насилии [*Жикић*, 2008], И. Ковачевича о страхе и культуре [*Ковачевић et al.*, 2008]. В серии «Библиотека XX-й век» опубликована книга И. Чоловича о культуре Балкан [*Чоловић*, 2008]; И. Эрдеи о культуре потребления [*Ердеи*, 2008]. В изданиях Этнографического музея опубликованы монографии: В. Марьянович о масках и ритуалах в Сербии [*Марјановић*, 2008] и В. Вучинич-Нешкович о традиции сжигания рождественского полена в Боке Которской [*Вучинић-Нешковић*, 2008]. Интенсивное мультидисциплинарное сотрудничество, прежде всего антропологов и историков, нашло отражение в издательском проекте СЛЮ о ча-

стной жизни сербов в XIX веке [*Приватни живот*, 2008]; изданиях Этнографического института, Исторического института и Института балканистики (Сборник трудов о курбане, отв. ред. Биљана Сикимић). В 2008 г. вышел и сборник, посвящённый современной культуре сербов Косово [*Савремена култура*, 2008].

Пересмотр понимания предмета этнологии происходил и в этнографическом музееведении. Так, Этнологическая секция Музейного общества Сербии в связи с новыми тенденциями в этнологии/антропологии организовала в ноябре 2006 г. научный семинар «О пересмотре понятия музейный предмет», который проходил в музее г. Крушевац. Кроме того, в 2006 г. в систематически издаваемом Этнографическим музеем г. Белграда журнале-сборнике Этнографического музея (Зборник Етнографског музеја) были опубликованы статьи по проблемам музееведения: М. Симич (М. Симић) – антропологический подход к модернистской музейной практике; С. Радович (С. Радовић) – о виртуальном этнографическом музее; М. Матић (М. Матић) – о коммуникативных манипуляциях этнологическими выставками; С. Срећкович (С. Срећковић) – о возможной музейной трансформации; Ж. Ромелич (Ж. Ромелић) – об этнологии в музеях Сербии в начале третьего тысячелетия.

ВРЕМЯ АНТРОПОЛОГИИ

Тематические и методологические революционные преобразования этнологии в антропологию во многих странах практически закончились в последней декаде XX века. На смену архаичным подходам новое поколение учёных своё исследовательское поле сделало открытым и неструктурированным, произошло размывание пространственных и культурных границ этой науки. Внешние причины влияли и на сербскую этнологию, которая всё активнее расширяла своё исследовательское поле и трансформировалась в антропологию*.

* Отметим, что сербская научная общественность имела возможность познакомиться с трудами ведущих мировых антропологов еще в 70-е гг. XX века. Многие книжные новинки были из-

Можно констатировать, что первыми обратили внимание на «новую» методологию (объяснение) и новую «территорию» (современная цивилизация, город) студенты. На Отделении этнологии и антропологии Белградского университета это проявилось в представлениях о модных предметах и в выборе тематики студенческих работ, таких как туристические места, приём в пионеры, уход на пенсию, поведение в офисах, заводской ритуал ввода в эксплуатацию производственной линии, празднование Первомая в Белграде, поведение футбольных болельщиков и т.п. [Ковачевић, 2005:17]. Тематика очень разнопланова – от роли запахов в культурном контексте и феномена сказки до крестного хода, этнической идентичности сербов в Венгрии, современных политических событий и т.д. Среди тем дипломных работ студентов Отделения этнологии и антропологии стали доминировать сюжеты, связанные с современностью, посвящённые городским и цивилизационным явлениям, сюжетам, позволяющим удовлетворить интерес молодёжи к окружающему миру.

Реформа преподавания в Университете сопровождалась не только изменением названия самой дисциплины – отныне это «этнология и антропология», но и полным пересмотром учебных программ 1975 и 2005 гг. В качестве иллюстрации отметим, что специальные предметы в 1975 г., а их тогда было всего четыре, назывались Общая этнология Югославии, Региональная этнология Югославии, Общая этнология и Региональная этнология. Перемены, произошедшие в науке и образовании, привели к тому, что ВУЗовская программа в середине первого десятилетия XXI века включала в себя уже 21 обязательный учебный предмет и 11 учебных предметов по выбору. Среди них Введение в этнологию и антропологию, Антропология этничности, Антропология тела, История сербской этнологии, Этноло-

даны в Югославии в переводе: Claude Levi-Strauss. *Tužni tropi*. Zagreb, 1960; Клод Леви-Строс. *Дивља мисао*. Београд, 1966; Margeret Mead. *Spol i temperament u tri primitivna društva*. Zagreb, 1968; Бронислав Малиновски. *Магија, наука и религија*. Београд, 1970; Едмунд Лич. Клод Леви-Строс. Београд, 1972; Ролан Барт. *Књижевност митологија семиологија*. Београд, 1971; Умберто Еко. *Култура, информација, комуникација*. Београд, 1973. Cl. Levi-Strauss, *Strukturalna antropologija*. Zagreb, 1977; Edmund Leach. *Culture and Communication. An introduction of the use of structuralist analysis in social anthropology*. Cambridge: University Press, 1976 (на серб. – 1983 г.)

гия Африки, Антропология общества, Антропология религии, Антропология материальной культуры, Методология этнологии и антропологии, Этнологические и антропологические теории, Антропология фольклора, Этнология балканских сообществ, Антропология пола и родства, Народные верования сербов, Политическая антропология, Антропология города, Прикладная антропология и т. д. [Барјактаровић, 1963:287–300; Павковић, 1998:479–484; Ковачевић, 2007:17].

По мнению сербского исследователя Ивици Тодоровича (Ивица Тодоровић), в современных условиях этнолого-антропологическая наука широтой своих интересов и предметом исследований практически заменила античную философию в смысле значения и её роли среди других наук. Как он отметил, этнолого-антропологическая наука в Сербии, как и в других странах, сегодня выполняет функцию междисциплинарного моста, который может связать ряд различных научных дисциплин и создать условия для всеохватывающего и многоуровневого рассмотрения различных феноменов и понятий [Тодоровић, 2005]. Другими словами, этнологическая наука, расширив, усложнив и развив сферу своих интересов, как и свою методологическую и теоретическую базу, произросла в научную дисциплину с неограниченным потенциалом, применительно к ней речь идёт о синтезе знаний и научных достижений в различных областях науки. В качестве подтверждения многовекторности этнолого-антропологических исследований в Сербии И. Тодорович тоже приводит тематику дипломных, магистерских и докторских работ, защищаемых на Отделении этнологии и антропологии Философского факультета Белградского университета.

Междисциплинарные перспективы современной антропологии стали главной темой номера Вестника (Гласника) Этнографического института САНИ за 2018 г. [Интердисциплинарне перспективе, 2018]. Как считает редактор темы Весна Трифунович (В. Трифуновић), в Сербии пока взаимодействие антропологии с естественными науками развито слабо, тогда как сотрудничество гуманитариев весьма плодотворно. По мнению исследователя, антропология обладает огромным прикладным потенциалом, который ещё более усиливается при её взаимодействии с другими научными дисципли-

нами [Трифуновић, 2018:241]. В блоке статей, о котором идёт речь, представлены исследования, рассказывающие о связи антропологии с археологией, фольклористикой, изучением античности, а также с медициной.

Сербскими учёными в последнее десятилетие переосмысливается и традиционный этнографический метод – полевая работа. Происходящим с ним изменениям посвящён, в частности, специальный сборник статей [Теренска, 2012]. Как пишет редактор этой книги Милина Иванович-Боришич (Милина Ивановић-Боришић), полевая работа долгое время для этологов была основным методом сбора данных. По её мнению, современная антропология в качестве поля рассматривает формы коммуникаций, которые предыдущим поколениям учёных были недоступны. В соответствии с новыми тенденциями, полем уже не считается только поездка в какую-либо местность для сбора материала, разговора с информаторами, наблюдения или участия в каком-либо событии. В антропологической науке всё чаще появляются работы, авторы которых делают заключения на основе таких источников, как интернет, печатные и электронные СМИ и т.п. Новое время открывает новые возможности [Теренска, 2012:10].

Как примеры современных антропологических исследований в Сербии можно привести проекты, которые реализовываются в Этнографическом институте САНИ с 2011 г.: «Культурное наследие и идентичность» (рук. Лиляна Гаврилович); «Мультиэтничность, мультикультурность, миграции – современные процессы» (рук. Младена Прелич); «Стратегии идентичности: современная культура и религиозность» (рук. Александра Павичевич); «Интердисциплинарное исследование культурного и языкового наследия Сербии и подготовка мультимедийного интернет-гlossария сербской культуры» (рук. Милина Иванович-Баришич). В этих проектах, финансируемых Министерством просвещения, науки и технологического развития Республики Сербии, проявляется синтез новых методологических подходов антропологии и традиционных для этнологии тем. В первом проекте акцент сделан на дискурсе конструирования и корреспондирования культуры прошлого в современную популярную и элитарную культуры. Второй проект сфокусирован на культурных процессах, прежде всего на кон-

струировании идентичности, а также на повседневной культуре и жизни общества через субъективный опыт участников этих процессов. Цель проекта – отследить различные функции (мульти)этничности и миграций в постсоциалистический период жизни сербского социума, т.е. в переходный период эпохи глобализации и евроинтеграции. Также авторы затрагивают тему диаспоры, в первую очередь той, которая связана с оттоком мигрантов из Сербии/Югославии в 90-е гг. прошлого века. Третий проект рассматривает вопросы реактуализации роли религии в жизни людей в конце XX века. Четвертый проект в соответствии с подзаголовком – этнологическое и антропологическое толкование традиций – сфокусирован на анализе традиций и идентичности жителей Сербии – моделей и стратегий, с помощью которых эти понятия под влиянием исторических и социальных явлений конструируются, сохраняются и трансформируются. Исследуются традиционные концепты прошлого и современности: повседневная жизнь, обряды и ритуалы, мифология, религия и новая религиозность, концептуализация идентичности и культурных практик в рамках сельской и городской культуры и субкультуры на локальном, национальном и региональном уровнях; гендерная идентичность, медийные практики, дуализм обычного и гражданского права, народная и альтернативная медицина, демография и репродуктивные стратегии, места коллективной памяти, модели культурных и биологических вариаций в разных популяциях, анализ социальных и микроэволюционных процессов, которые их вызвали, в частности, миграций. Охват тем довольно широк. Проинтерпретированные данные о культурном наследии презентуются в энциклопедическом издании.

Кроме того, в институте есть проекты, целиком направленные на сохранение культурного наследия прошлого и архивных материалов для последующих поколений. Речь идёт, прежде всего, о трёх проектах, выполняемых при поддержке Министерства культуры и информации республики Сербии: «Оцифровка и презентация видеоархива Этнографического института САНИ периода 1903–1939 гг. (из коллекции доктора Радивоя Симоновича)» (рук. Александра Павичевич), «Оцифровка полевых архивных материалов из г. Призрена» (рук. Драгана Радойичич), «Нематериальное куль-

турное наследие мультиэтнических сообществ исторической области Банат» (рук. Младена Прелич).

В тематике монографических исследований последнего десятилетия в сербской этнологии/антропологии тоже заметен крен в сторону антропологии. Из более 30 изданных в Этнографическом институте книг лишь несколько связано с традиционной этнической проблематикой, но и они отличаются новым ракурсом и подходом к научному анализу. Антропологии питания посвящена монография Драганы Радойичич [*Радойичић*, 2012]. Другая недавно изданная Д. Радойичич книга, по словам автора, является антропологическим прочтением трудов члена Сербской королевской академии Симо Мотовуля [*Радойичић*, 2014]. Милина Иванович-Баришич исследовала одежду населения пригородов Белграда [*Ивановић-Баришић*, 2017]. Этногеографическому и культурологическому анализу говоров в районе Копаоника посвящена монография Првослава Радича [*Радич*, 2009]. О сербах, живущих за пределами Сербии написаны книги Мирославы Лукич-Крстанович и Миряны Павлович о сербах в США и Канаде [*Lucić-Krstanovic, Pavlovic*, 2017], Миряны Павлович о сербах Венгрии (*Павловић*, 2012), Горданы Благоевич о сербах Греции [*Благојевић*, 2012], Сани Златанович о сербах Косово [*Златановић*, 2018]. Александр Крел исследовал немцев Сербии [*Крел*, 2013].

Новаторским подходом к выбору тематики и методики исследований отличаются три последние монографии Лиляны Гаврилович: о компьютерных играх [*Гавриловић*, 2016], о роли музеев в формировании идентичности [*Гавриловић*, 2009] и об антропологии научной фантастики [*Гавриловић*, 2011]. Антропологии научной фантастики посвящена также книга Ивана Джорджевича [*Ђорђевић*, 2009]. Компаративный анализ молодёжного музыкального сленга провела в своей публикации София Милорадович [*Милорадовић*, 2012]. Срджан Радович в антропологическом ключе изучал белградские топонимы, уделяя внимание роли городских кварталов и улиц в формировании идентичности (Радовић С. Београдски одоними. Београд: ЕИ САНУ, 2014). Им также выполнено исследование представлений молодёжи о Европе и Сербии в начале XXI века [*Радовић*, 2009]. Александра

Павичевич на протяжении последних десяти лет ведёт танатологические исследования, по результатам которых она опубликовала три монографии. Первая книга посвящена представлениям о смерти в сербской культуре [Павићевић, 2011]. Вторая книга, написанная на английском языке, делится на две тематические части. Сначала приводятся результаты исследования ритуального поведения простых людей, и анализируется, как различные исторические и культурные факторы влияют на восприятие ими смерти. Другая группа эссе рассматривает групповое поведение людей в общественных местах в обстоятельствах, связанных со смертью. Автор показывает влияние культурных, политических и религиозных обстоятельств на формирование коллективного образа смерти [Павићевић, 2015]. В третьей книге внимание сфокусировано на проблеме кремации покойников и рассматривает эту тему в исторической ретроспективе [Павићевић, 2016]. О смерти и потустороннем мире в проклятиях писала Ласта Джапович [Ђаповић, 2009].

Ивана Башич размышляет о поэзии языка, о её влиянии на разговорный язык [Башић, 2016; 2013] и об использовании нарративного анализа литературных текстов в антропологических исследованиях. Ядранка Джорджевич-Црнобрња посвятила свою монографию проблеме наследования [Ђорђевић-Црнобрња, 2011], а Лада Стеванович – гендерному исследованию греческой обрядности [Stevanovic, 2009]. Мирослава Лукич-Крстанович провела антропологический анализ музыкальных спектаклей XX века [Лукић-Крстановић, 2010]. О религии как культурном феномене писал Ивица Тодорович [Тодоровић, 2009].

Новые парадигмы и дискурсы антропологического исследования культуры можно наблюдать и в коллективных работах. Например, сборник, изданный Этнографическим институтом в 2013 г., посвящён фактору взаимопроникновений культур [Културна прожимања, 2013]. Конструирование границ и культур, переход через обозначенные границы, заимствования между людьми и культурами рассматриваются в книге на примере отдельных случаев или конкретных этнических, религиозных и других сообществ. Вместе с тем, ряд статей представляют собой теоретические рас-

суждения на тему конструирования/ разрушения антропологических границ. Сборник имеет международный характер, его авторы представляют антропологические школы семи стран – Сербии, Болгарии, Словакии, Словении, Чехии и др. Ещё один сборник посвящён традиционной для сербской этнологии теме – сербам Венгрии [*Етнологија*, 2013]. Книга подготовлена по итогам конференции, приуроченной к 50-летию научных исследований по данной теме.

В процессе развития и модернизации научной дисциплины появилось место для изучения микроисторий локальных обществ и отдельных людей, что заняло одно из центральных мест в новой концепции антропологии/этнологии. В частности, не обошла стороной сербскую науку такая тема, как культура памяти, ставшая самостоятельным научным направлением в Европе в конце XX века. Культура памяти, которая как научное направление была первоначально связана с исторической наукой, сделала возможным возвращение в этнологические исследования изучения тех или иных явлений в их историческом развитии, подхода, поставленного в последние годы под сомнение и маргинализованного. В Этнографическом институте САНИ был опубликован сборник о памятных местах, их истории и воспоминаниях очевидцев и потомков [*Спомен места*, 2009]. Это – результат этнологического, исторического и философского размышления о значении мемориальных объектов для коллективных воспоминаний на примере Сербии, Болгарии, Боснии и Герцеговины и Черногории. В отличие от трактовки Пьера Норе, инициировавшего эту тему на основе изучения географических мест, событий и письменных документов, авторы сборника свои ассоциации связали с памятниками, мемориальными парками, монастырями, кладбищами, склепами и другими секулярными объектами, овеянными риторикой прошлых времен. Памяти жертв Второй мировой войны посвящён ещё один сборник, изданный в 2017 г. Этнографическим институтом САНИ в сотрудничестве с Институтом сравнительного права и Министерством иностранных дел Республики Сербии. Авторы раскрывают правовые и антропологические аспекты культуры воспоминаний [*Право на незабывание*, 2017].

Ещё одно из центральных мест в современных антропологических, демографических, социологических, географических исследованиях, не только Сербии, но и мира, занимает проблема миграций населения. Эта тема в том или ином виде присутствовала в научных направлениях Этнографического института с самого начала его основания. По мнению Мирославы Лукич-Крстанович, в изучении миграций можно выделить несколько фаз: период исследования ареальных областей – время антропогеографизации (1947–1964), период исследования социокультурных изменений – время этнографизации (1964–1980), период исследования диаспоры, этничности и трудовых миграций – время этнологизации (1980–2000), исследование миграций периода кризиса и трансформаций – антропологизация (после 2000 г.) [*Гласник*, 2014:33]. О новом этапе в изучении миграций можно судить, в частности, по тому факту, что за последние несколько лет целый ряд номеров Вестника Этнографического института САНИ был специально посвящён этой теме [(*Гласник*, 2014:№ LXII (1) и LXII (2); 2015:LXIII (3); 2016:LXIV (1) и LXIV (3); 2017:LXV (3)]. Авторы опубликованных работ анализируют существующие концепции и пересматривают материалы предыдущих исследований. Они изучают различные аспекты миграций и исследуют их с разных сторон, с различных теоретических и методологических позиций. Учёные-антропологи представляют результаты конкретных эмпирических исследований различных типов миграций на разных территориях, в частности, в Сербии, Словении, Италии, Косово и др. Изучают причины миграций – экономические, политические, связанные с войной и трансформацией общественной системы. Новым аспектом темы, объясняемым актуальностью проблемы в т.ч. для Сербии, стал вопрос о лицах, ищущих убежище и об обеспечении прав человека применительно к ним. Исследование малочисленных этнических групп, живущих на территории Сербии, – ещё одна тема, привлекающая внимание современных этнологов/антропологов страны. Ведутся исследования, посвящённые воздействию миграций на семейные отношения, религиозную ситуацию. Также интересный, ранее не исследовавшийся сюжет – миссионерство как отдельный вид трудовых миграций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2017 г. Этнографический институт САНИ отмечал свой 70-летний юбилей. Юбилею был посвящён документальный фильм об Этнографическом институте и международная конференция «Ретроспективы и перспективы этнологии и антропологии» (Ретроспективе и перспективе этнологије и антропологије). Была учреждена премия Этнографического института за лучшую публикацию, которую вручили Мирьяне Прошич-Дворнич за монографию об одежде жителей Белграда в XIX – н. XX в. [*Прошић-Дворнић*, 2017] и Николе Пантелићу за общий вклад в развитие этнологии.

В 2018 г. в очередном номере Вестника (Гласника) Этнографического института САНИ (№ LXVI кн. 1) в рамках главной темы номера «Историческая ретроспектива этнологии и антропологии» (Историјске ретроспективе этнологије и антропологије) опубликованы статьи по материалам выступлений на юбилейной конференции. Это – своеобразный взгляд назад, на личности, учреждения и теоретико-методологические направления в сербской этнологии и антропологии, это – вклад в современную интерпретацию и понимание истории данной дисциплины в Сербии. Рассмотрение развития этнолого-антропологической науки в последние годы становится всё чаще объектом внимания, как в Сербии, так и в соседних странах. Часто этот взгляд критический. Авторы данного блока статей вносят свою лепту в изучение истории сербской этнологии/антропологии. Отметим, что все они с почтением относятся к своим предшественникам, ценят их научные достижения и видят много положительного в проделанной прошлыми поколениями этнологов и антропологов работе.

Подводя итоги, констатируем, что современная этнолого-антропологическая наука в Сербии сталкивается с многочисленными вызовами, связанными как с нынешним состоянием сербского общества, так и с глобальными процессами, имеющими планетарные масштабы. Общие направления развития этнологии/антропологии в мире и, в частности, вклад сербских ученых в неё свидетельствуют о том, что теоретико-методологический аппарат и тематика исследований не являются неизменяемой константой. Они корреспондируют с дискурсом социальных процессов и магист-

ральной линией развития современной науки. Анализ сербского контекста свидетельствует, в последние пару десятилетий, как и в других регионах мира, произошла модернизация научной дисциплины, учёные пересмотрели приоритеты развития этнолого-антропологической науки в Сербии и стараются действовать в соответствии с ними. В статье изложены основные направления антропологических/этнологических исследований сербских ученых последнего времени, список которых может быть, несомненно, расширен и продолжен.

Литература:

1. Антонијевић, 1995 – *Антонијевић Д.* Савремене теорије у етнологији // Гласник САНУ, CCCLXXVI / Одељење друштвених наука. Београд, 1995. Књ. 27.
2. Антонијевић, 2007 – *Антонијевић Д.* Карађорђе и Милош између историје и предања) Београд: Етнолошка библиотека, 2007.
3. Антропологија, 2007 – Антропологија постсоцијализма. Београд, 2007.
4. Барјактаровић, 1963 – *Барјактаровић М.* Катедра за етнологију // Сто година Филозофског факултета, Београд, 1963. С. 287–300.
5. Библиографија, 1997 – Библиографија, етнологија, антропологија и фолклористика 1995–1997 // Гласник Етнографског института САНУ. Београд, 1997. XLVI. С. 247–274.
6. Благојевић, 2005 – *Благојевић Г.* Срби у Калифорнији. Београд, 2005.
7. Благојевић, 2012 – *Благојевић Г.* Срби у Солуну у првој половини 20 века. О релијској припадности и етничком идентитету. Београд: ЕИ САНУ, 2012.
8. Букумирић, 2007 – *Букумирић М.* Живот Срба у Горождевцу. Београд, 2007.
9. Вучинић-Нешковић, 2008 – *Вучинић-Нешковић В.* Божић у Боки Которској: антрополошки есеји о јавном налагању бадњака у доба постсоцијализма. Београд, 2008.
10. Гавриловић, 2007 – *Гавриловић Љ.* Култура у излогу: ка новој музеологији). Београд, 2007.
11. Гавриловић, 2009 – *Гавриловић Љ.* О политикама, идентетима и друге музејске приче. Београд: ЕИ САНУ, 2009.

12. Гавриловић, 2011 – *Гавриловић Љ*. Сви наши светови. О антропологији, научној фантастици и фантазији. Београд: ЕИ САНУ, 2011.
13. Гавриловић, 2016 – *Гавриловић Љ*. Стварање од стварног – антропологија Азерота. Београд: ЕИ САНУ, 2016.
14. Гласник, 2005 – Гласник Етнографског Института САНУ. Београд, 2005. № LIII.
15. Гласник, 2006 – Гласник Етнографског Института САНУ. Београд, 2006. № LIV.
16. Гласник, 2007 – Гласник Етнографског Института САНУ. Београд, 2007. № LV. Кн. 1, 2.
17. Гласник, 2008 – Гласник Етнографског Института САНУ. Београд, 2008. № LVI. Кн. 1, 2.
18. Гласник, 2014 – Гласник Етнографског института САНУ. Београд, 2014. № LXII. Кн. 2.
19. Гласник, 2017 – Гласник Етнографског института САНУ. Београд, 2017. № LXV. Кн. 1, 2.
20. Гласник, 2018 – Гласник Етнографског института САНУ. Београд, 2018. № LXVI. Кн. 1, 2.
21. Горуновић – *Горуновић Г*. Српска етнологија и марксизам). Београд: Етнолошка библиотека, 2007.
22. Ђаповић, 1995 – *Ђаповић Л*. Земља – веровања и ритуали. Београд: ЕИ САНУ. 1995.
23. Ђаповић, 2009 – *Ђаповић Л*. Смрт и оностраност у клетвама. Београд: ЕИ САНУ, 2009.
24. Башић, 2013 – *Башић И*. Месечева граматика. Београд: ЕИ САНУ, 2013.
25. Башић, 2016 – *Башић И*. Слике у речима. Београд: ЕИ САНУ, 2016.
26. Ђорђевић, 2009 – *Ђорђевић И*. Антропологија научне фантастике: традиција у жанровској књижевности. Београд: ЕИ САНУ, 2009.
27. Ђорђевић-Црнобрња, 2011 – *Ђорђевић-Црнобрња Ј*. Наслеђивање између обичаја и закона. Београд: ЕИ САНУ, 2011.
28. Дрљача, Прелић, 2005 – *Дрљача Д., Прелић М*. Искуства Етнографског института у проучавању Срба у окружењу, Положај и идентитет српске мањине у Југоисточној и Централној Европи, Научни скупови СІХ, Одељење друштвених наука 25, Међуодељењски одбор за проучавање мањина и људских права. САНУ. Београд, 2005. С. 281–290.
29. Ердеи, 2008 – *Ердеи И*. Антропологија потрошње: теорије и концепти на крају XX века. Београд, 2008.
30. Етнологија, 2013 – Етнологија Срба у Мађарској: стање и перспективе. Београд: ЕИ САНУ, 2013.

31. Жиких, 1997 – *Жиких Б.* Антропологија Едмунда Лича. Београд: ЕИ САНУ, 1997.
32. Жиких, 2008 – *Жиких Б.* Ризик и насиље. Београд, 2008.
33. Здравковић, 2005 – *Здравковић Х.* Политика жртве на Косову. Београд, 2005.
34. Златановић, 2018 – *Златановић С.* Етничка идентификација на послератном подручју: српска заједница југоисточног Косова. Београд: ЕИ САНУ, 2018.
35. Ивановић-Баришић, 2007 – *Ивановић-Баришић М.* Календарски празници и обичаји у подавалским селима, 2007.
36. Ивановић-Баришић, 2017 – *Ивановић-Баришић М.* Одевање у околини Београда – друга половина 19 – прва половина 20 века. Београд: ЕИ САНУ, 2017.
37. Интердисциплинарне перспективе, 2018 – Интердисциплинарне перспективе етнологије и антропологије // Гласник Етнографског института САНУ. Београд: Етнографски институт САНУ, 2018. № LXVI (2).
38. Ковачевић, 1979 – *Ковачевић И.* Разбијање предмета као граница појединих фаза свадбеног ритуала / Симпозијум «Сеоски дани Сретена Вукосављевића». Пријепоље, 1979. VII.
39. Ковачевић, 1982 – *Ковачевић И.* Урбани ритуали, Култура, 52. Београд, 1982.
40. Ковачевић, 1983 – *Ковачевић И.* Волowska богомоља // Гласник Етнографског музеја. № 47. Београд, 1983.
41. Ковачевић, 1986 – *Ковачевић И.* Одлазак у војску // Етнoлошке свеске. Београд-Топола, 1986. VII.
42. Ковачевић, 2001 – *Ковачевић И.* Историја српске етнологије. Етнoлошка библиотека, Београд: Српски генеалoшки центар, 2001. Кн. 1, 2.
43. Ковачевић, 2001 – *Ковачевић И.* Семиологија мита и ритуала. Савремено друштво: Београд, 2001. Књ. 2. 17. Нап. 14.
44. Ковачевић, 2005 – *Ковачевић И.* Из етнологије у антропологију (Српска етнологија у последње три деценије 1975–2005) // Зборник радова Етнографског института САНУ Београд, 2005. № XXI. С. 11–19.
45. Ковачевић, 2007 – *Ковачевић И.* Антропологија транзиције. Београд: Етнoлошка библиотека, 2007.
46. Ковачевић at al. – *Ковачевић И., Жиких Б., Ђорђевић И.* Страх и култура. Београд, 2008.
47. Крел, 2005 – *Крел А.* Дечије игре. Београд, 2005.
48. Крел, 2013 – *Крел А.* Ми смо немци. Београд: ЕИ САНУ, 2013.
49. Културна прожимања, 2013 – Културна прожимања: антрополошке перспективе. Београд: ЕИ САНУ, 2013.

50. Лукић-Крстановић, Дивац, 2009 – *Лукић-Крстановић М., Дивац З.* Етнолошка/антрополошка научна продукција у периоду транзиције // Гласник Етнографског института САНУ. Београд, 2009. LVI I (1). С. 209–221.
51. Лукић-Крстановић, 2010 – *Лукић-Крстановић М.* Спектакли XX века. Музика и моћ. Београд: ЕИ САНУ, 2010.
52. Лукић-Крстановић, 2011 – *Лукић-Крстановић М.* Време (без)смрти. Представе о смрти у Србији XIX–XX века. Београд: ЕИ САНУ, 2011.
53. Лукић-Крстановић, 2016 – *Лукић-Крстановић М.* Пламенна тела. Спаљивање мртвих у Србији – од паганских ритуала до модерне кремације. Београд: ЕИ САНУ, 2016.
54. Lucic-Krstanovic, 2015 – *Lucic-Krstanovic M.* From Mystery to Spectacle. Essays on Death in Serbia from the 19th-21st Century. Belgrade, 2015.
55. Lucic-Krstanovic, Pavlovic, 2017 – *Lucic-Krstanovic M., Pavlovic M.* Ethnic Symbols and Migrations. Serbian Communities in USA and Kanada. Belgrade, 2017.
56. Малешевих, 2007 – *Малешевих М.* Женско. Београд: Етнолошка библиотека, 2007.
57. Марјановић, 2008 – *Марјановић В.* Маске и ритуали у Србији. Београд, 2008.
58. Миленковић, 2007 – *Миленковић М.* Историја постмодерне антропологије – теорија етнографије). Београд: Етнолошка библиотека, 2007.
59. Миленковић-Вуковић, 2009 – *Миленковић-Вуковић Б.* Библиографија: Етнолошка/ан-трополошка научна продукција у периоду транзиције // Гласник Етнографског института САНУ. Београд, 2009. LVII. Кн. 1. С. 287–314.
60. Милорадовић, 2012 – *Милорадовић С.* Музички жаргон младих и младежний музикални сленг. Компаративни поглед. Београд: ЕИ САНУ, 2012.
61. Наумовић, 2005 – *Наумовић С.* Национализација националне науке? Политика етно-логије/антропологије у Србији и Хрватској током прве половине деведесетих година двадесетог века // Проблеми културног идентитета становништва Савремене Србије (ур. Сенка Ковач) / Одељење за етнологију и антропологију, Филозофски факултет. Београд, 2005.
62. Николић, 1996 – *Николић Н.* Горње Драгачево, етнолошко проучавање културних промена. Београд: ЕИ САНУ, 1996.
63. Николић, 1997 – *Николић Д.* Теренска истраживања // Споменица Етнографског института 1947–1997. Београд, 1997.
64. Обичаји, 2002 – Обичаји животног циклуса у градској средини. Београд: ЕИ САНУ, 2002.
65. Павићевих, 2011 – *Павићевих А.* Време (без)смрти. Београд: ЕИ САНУ, 2011.

66. Павићевић, 2016 – *Павићевић А.* Пламена тела. Спаљивање мртвих у Србији – од паганског ритуала до модерне кремације. Београд: ЕИ САНУ, 2016.
67. Pavković at al., 1983 – *Pavković N., Bandić D., Kovačević I.* Težnje i pravci razvoja Etnologije u SR Srbiji (1945–1983) // Zbornik 1 Kongresa jugoslovanskih etnologov in folkloristov. Ljubljana, 1983. S. 115–116.
68. Павловић, 2012 – *Павловић М.* Срби у Тимешвару. Београд: ЕИ САНУ, 2012.
69. Павковић, 1998. – *Павковић Н.* Одељење за етнологију и антропологију // Филозофски факултет 1838–1998, Београд, 1998. С. 479–484.
70. Пантелић, 1991 – *Пантелић Н.* Наслеђе и савременост – друштвени живот у селима горњомилановачког и чачанског краја. Београд: ЕИ САНУ, 1991
71. Пантелић, 1997 – *Пантелић Н.* 50 година Етнографског института Српске академије наука и уметности // Споменица Етнографског института 1947–1997. Београд, 1997.
72. Пантелић, 2007 – *Пантелић Н.* Породица и традиција у градовима Србије крајем XX века. Београд, 2007.
73. Право на незаборав, 2017 – *Право на незаборав* (правни и антрополошки аспекти културе сећања на жртве НДХ у Другом светском рату). Београд: ЕИ САНУ, 2017.
74. Прелић, 2007 – *Прелић М.* Првих шездесет година Етнографског института САНУ (1947–2007) – осврт на пређени пут // Сlike културе некад и сад. Крушевац-Београд, 2007. С. 9–25.
75. Прелић, 2008 – *Прелић М.* (Н)и овде (н)и тамо: етнички идентитет Срба у Мађарској на крају XX века. Београд, 2008.
76. Приватни живот, 2008 – *Приватни живот у Србији у 19 веку.* Београд, 2008.
77. Прошић-Дворнић, 2017 – *Прошић-Дворнић М.* Одевање у Београду у XIX и на почетку XX века. Београд: ЕИ САНУ, 2017.
78. Радић, 2009 – *Радић П.* Копаонички говор. Етнографски културолошки приступ. Београд: ЕИ САНУ, 2009.
79. Радовић, 2009 – *Радовић С.* Сlike Европе. Истраживања представа о Европи и Србији на почетку XXI века. Београд: ЕИ САНУ, 2009.
80. Радојичић, 2008 – *Радојичић Д.* Сlike из Боке. Београд, 2008.
81. Радојичић, 2012 – *Радојичић Д.* Дијалози за трпезом. Антрополошка монографија о култури исхране. Београд: ЕИ САНУ, 2012.
82. Радојичић, 2014 – *Радојичић Д.* Медитерански свјети са мајстором приповедачем. Београд: ЕИ САНУ, 2014.

-
83. Радуловић, 2007 – *Радуловић Л.* Окултизам овде и сада. Београд: Етнолошка библиотека, 2007.
 84. Рибих, 2005 – *Рибих В.* Подељена нација: српски национализам и политички сукоби у Србији 1990–2000. Београд, 2005.
 85. Рибих, 2007 – *Рибих В.* Примењена антропологија. Београд: Етнолошка библиотека, 2007.
 86. Савремена култура, 2008 – Савремена култура Срба на Косову и Метохији / Отв. ред. Саша Недељковић. Београд: Баштеника, 2008.
 87. Свакодневна, 2006 – Свакодневна култура у постсоцијалистичком периоду – балканска трансформација и европска интеграција. Београд, 2006.
 88. Синани, 2007 – *Синани Д.* Опседнутост и егзорцизам у Србији. Београд: Етнолошка библиотека, 2007.
 89. Спомен места, 2009 – Спомен места – историја – сећања. Београд: ЕИ САНУ, 2009.
 90. Stevanovic, 2009 – *Stevanovic L.* Laughing at the Funeral. Gender and Anthropology in the greek Funerary Rites. Belgrade, 2009.
 91. Теренска, 2012 – Теренска истраживања – поетика сусрета. Београд: ЕИ САНУ, 2012.
 92. Тодоровић, 2005 – *Тодоровић И.* Приоритети савремене етнолошко-антрополошке науке // Зборник радова Етнографског института САНУ. Београд, 2005. XXI. С. 151–162.
 93. Тодоровић, 2005 – *Тодоровић И.* Ритуал ума. Београд, 2005.
 94. Тодоровић, 2009 – *Тодоровић И.* света структура. Трагање за јединственом основом културног феномена. Београд: ЕИ САНУ, 2009.
 95. Трифуновић, 2018 – *Трифуновић В.* Интердисциплинарна истраживања – антропологија у сарадњи са другим наукама // Гласник Етнографског института САНУ. Београд, 2018. № LXVI. Кн. 2. С. 249–244.
 96. Традиционално, 2003 – Традиционално и савремено у култури Срба. Београд: ЕИ САНУ, 2003.
 97. Чоловић, 1994 – *Чоловић, Иван.* Бордел ратника: Фолклор, политика и рат. Београд: Библиотека XX век, 1994.
 98. Чоловић, 1997 – *Чоловић, Иван.* Политика симбола: Огледи о политичкој антропологији, Београд: Радио Б92, 1997.
 99. Чоловић, 2008 – *Чоловић И.* Балкан терор културе. Београд, 2008.

М.К. Любарт

ЭТНОЛОГИЯ В БРЕТАНИ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Этнологическая наука Бретани является одной из самых интересных и старейших региональных этнологических школ в стране. Будучи во многом наукой «региональной», ориентированной прежде всего на изучение культурных особенностей своего региона, бретонская этнология насчитывает уже более двух столетий. И это неудивительно. Население Бретани – потомки кельтов древней Галлии и Британских островов, в силу географических и исторических обстоятельств долгое время сохраняли многие черты своей древней культуры. Эта сохранность архаических форм социальной жизни, самобытность и богатство своеобразной культуры объясняют то обстоятельство, что Бретань буквально с первых шагов формирования французской этнографии/этнологии заняла в ней особое место как объект изучения, являясь «заповедником» народных традиций.

Интерес к старине, тому, что во Франции называется «фольклором», развившийся на волне романтизма конца XVIII–XIX вв. предопределил довольно раннюю, даже по французским меркам, их фиксацию. Большую роль в собирании этнографического материала сыграли бретонские любители и собиратели народной старины. Ещё в 1804 г. такие энтузиасты, как Ж. Камбри и Ле Гониде, создали центр изучения кельтских культур – Кельтскую академию. По оценкам современных учёных, именно в этой организации впервые были провозглашены принципы изучения народной культуры, разработана первая анкета для исследования народных традиций, языков, песен и легенд. Эта работа затем на долгие годы предопределила направление научных этнографических исследований во Франции [См. об этом: *Ozouf*, 1981; *Belmont*, 1995].

Бретонская этнология имеет целую галерею знаменитых предтеч, в число которых входили писатели, художники, аристократы, которые являлись собирателями местного фольклора: это – государственный чиновник, основатель Кельтской академии Жак Камбри (1749–1800), оставивший яркие описания бретонского крестьянского дома и быта; художник Оливье Перрен (1761–1832), благодаря которому мы имеем целую коллекцию зарисовок повседневной жизни крестьян; это – аристократ Эймар де Блуа, фактически возглавивший целую плеяду собирателей народных бретонских песен разных жанров, граф Ж.-Ф. Кергарю, Б.-Э. де Сен-При, Ж.-М. де Пангерн, Г.-Р. Керамбран, мадам де Сен-При, У. Фейдо де Вожьян и многие другие. Это – виконт Теодор Эрсар Ла Вийльмарке (Т.Н. La Villemarqué, 1815–1895) – филолог, составитель знаменитого собрания бретонских народных песен «Barzaz-Breiz» [см. его работы: *La Villemarqué*, 1837; 1838; 1859]. Это – журналист и писатель Эмиль Сувестр (1806–1854), автор собрания сказаний «Бретонский очаг» [*Souvestre*, 1928; 1859; 1866], фольклорист Фанш Ан Ухель (Франсуа Люзель, 1824–1895), за полстолетия своей подвижнической деятельности он записал сотни сказок, песен, пьес народного театра. Его работа сопоставима с тем, что сделали для своей культуры бр. Гримм или Афанасьев. Это, также, выдающийся собиратель народного наследия, знаток бретонского языка, уже значительно уступавшего в то время место француз-

скому, – Анатоль Ле Браз. В 1890 г. вышли два тома «Народных песен Бретани» [*Le Braz*, 1890].

Огромная подвижническая работа, предпринятая этими собирателями и фольклористами, составила обширное этнографическое наследие, которое современные учёные считают богатейшим источником [*Cuisenier, Segalin*, 1986:9]. К концу XIX в. Бретань стала тем регионом Франции, где сбор фольклора дал наиболее существенные и впечатляющие результаты. Следствием этого явились фундаментальные работы П. Себийо (1843–1918) и других фольклористов, издание сводных многотомных трудов по французскому фольклору, где значительное место заняла бретонская тематика. Ссылаясь на эти достижения Арнольд Ван Геннеп, систематизировавший французский материал разных провинций, в своем фундаментальном труде «Учебник современного французского фольклора» назвал бретонское устное народное творчество изученным «благодаря усилиям трёх или четырёх поколений учёных столь хорошо, что его можно классифицировать практически для каждого департамента, вещь ещё невозможная для наших других провинций...» [*Van Gennep*, 1937. Т. 3:183].

В течение XX в. бретонская «почва» явилась неким «полигоном», на котором испытывался целый ряд методов и концепций французской этнологии, наиболее яркими среди которых являются общенациональные анкетирования первой половины XX в.; в 1939–47 гг. здесь были развернуты широкомасштабные этнографические исследования по инициативе Национального музея народных искусств и традиций. Здесь работала с большим успехом «Миссия музыкального фольклора Нижней Бретани» (1939), «Миссия народной этнографии в Бретани» (1942–1943), «Миссия в Скаер» (1943) [*Simon*, 2008–2009:37]. Новым веянием в 1960–70-е гг. во французской науке были т.н. междисциплинарные комплексные исследования, посвящённые изучению истории, природных особенностей, демографии и этнографии какого-то небольшого региона или населённого пункта. Первая такая мультидисциплинарная миссия, организованная по предложению Р. Жессана, директора Музея человека (Париж), имела место в 1961–67 гг. в бретонском местечке Плозевет (Plozevet). В исследовании приняли участие

представители многих наук о человеке – демографы, антропологи, историки, этнологи, социологи, биологи, генетики, экономисты, географы, их целью было изучение проблемы адаптации аграрного общества и французских крестьян к условиям современной жизни на примере всестороннего изучения жизни одного «изолята» – поселения на юге бретонского департамента Фенистер.

Отличительной особенностью бретонской этнологии было также то, что в Бретани довольно рано возникло **этнографическое музееведение**. Так, открытый в 1846 г. музей в г. Кампере (Западная Бретань), по инициативе археологического общества, уже в 1860–70-е гг. стал специализироваться на региональной этнографии и народном искусстве, коллекции традиционной материальной культуры начали выставляться с 1870-х гг. В этом отношении бретонские энтузиасты на несколько лет опередили открытие Музея этнографии Трокадеро в Париже (1878). Заметим, что в этом парижском музее его «бретонская часть» составляла наиболее значительную долю коллекции [Landrin, 1888:244]. Деятельность бретонских фольклористов конца XIX в., по мнению современных ученых, была очень плодотворной, а в области собирания объектов материальной культуры они создали «образцовые коллекции», ставшие в 1930-е гг. весьма значимой частью возникшего Музея народных искусств и народных традиций [Simon, 2008–2009].

В 1946 г. Дирекция музеев Франции инициировала музеографический проект, посвящённый Бретани и кельтским культурам, результатом которого стала открытая в 1958 г. экспозиция «История Бретани от истоков до наших дней» в музее Ренна [см. об этом: Chevalier, 2001]. Открытая в 1951 г. в Национальном музее народных искусств и традиций (Париж) первая временная экспозиция была посвящена именно бретонской культуре и называлась «Бретань. Народные искусства и региональная этнография» [Bretagne, 1951]. В настоящее время в Бретани действует целый ряд музеев, этнографические коллекции в которых являются значительными. В 1976 г. появился крупнейший Музей Бретани (г. Ренн), специализирующийся на археологии и этнологии. Начало формирования его коллек-

ций, насчитывающих сегодня 600 000 единиц хранения, было положено ещё во времена Великой французской революции, однако бóльшую часть этнографической коллекции составляют объекты, собранные в XX веке, импульс этой работе положили целенаправленные изыскания энтузиастов в 1909–1913 гг., а позднее и других.

Коллекция включает предметы повседневной жизни (мебель, костюмы, посуда, утварь и т.д.), а также предметы, связанные с профессиональными практиками (инструменты и рабочие приспособления и пр.). Упомянутый выше музей в Кампере имеет коллекции народного искусства и традиционного костюма, столь разнообразного в разных районах Бретани, бретонской традиционной мебели и интерьерного декора. Особое место в его собрании занимает местный камперский фаянс. Как и другие музеи Бретани, это учреждение связано научной работой с университетскими коллегами, здесь проходят конференции. И, также как в других музеях страны, для работы современных музеев характерна интерактивность, – мастер классы и мастерские, ориентированные в т.ч. и на юную аудиторию.

Кроме того, в регионе функционируют т.н. естественные парки – этнографические музеи под открытым небом разной тематики и размера. Именно в Бретани была выдвинута и реализована концепция (этнографических) **экомузеев**, первый из которых был организован в 1968 г. на бретонском о. Уэссан, «заповеднике» многих народных традиций. В 1969 г. был основан Региональный естественный парк Арморики – наглядное воплощение культуры старинной Бретани. Позднее, в начале 1970-х гг., в горах Арэ был создан второй экомузей. Затем их количество стало возрастать.

Значение экомузеев имеет несколько целей: сохранение культурного наследия – объектов старинного хозяйства/ремесла, научная работа, познавательно-рекреационная деятельность. В числе таких музеев – воссозданные и действующие в прежних традициях фермы, солеварни, ремесленные мастерские. Так, например, в 1987 г. был открыт экомузей-ферма «Бентинэ» (la Bintinais) в окрестностях Ренна, – старинная двухэтажная усадьба средневековой архитектуры с хозяйственными постройками, в экспозиции которой прослежены формы хозяйствования района начиная с XII в., агро-

техника, быт, практика разведения сельскохозяйственных животных (на ферме живут только птицы и животные пород, известных здесь в XIX в.). Здесь производится традиционный бретонский сидр из яблок и груш по старым технологиям. Эта действующая усадьба-музей является зоной интерактивности для посетителей и профессиональной работы исследователей, причём не только этнологов, но и специалистов в области биологии. В хозяйстве сохраняется и исследуется генетический фонд старинных пород животных и растений.

Ещё один из многих примеров – Музей живых ремёсел в местечке Арголь (деп. Финистер). Это – комплекс старинных помещений, где каждый день действуют около двадцати волонтёров, в основном пожилого возраста, владеющие старинными ремёслами и работающие в расположенных здесь мастерских. Они занимаются шитьём, прядением из шерсти и льна, вышивают и плетут кружева, ткут, плетут корзины, режут по дереву. Здесь работает кузнец, гончар, мастер по производству сельскохозяйственных инструментов и т.д. Здесь демонстрируют и играют в старинные игры.

Экомузеи действуют не только в интересах туристов, в них изучают этнографию и культурное наследие студенты, специалисты, проводятся научные мероприятия, помогающие, в свою очередь, в воссоздании подлинности экспозиций и практик. Связь этнографической науки с музееведением, в т.ч. интерактивным, – характерная черта современной этнологической науки в Бретани.

Заметим, что именно такой, научно-практической, приближённой к музейным нуждам, виделась этнология ещё в первые послевоенные годы известному этнологу и музеологу Жоржу-Анри Ривьеру, который выдвинул идею развития этнологии как «музея-лаборатории». По его мысли, этнографическая музеография, собственно полевые этнографические исследования, вузовское этнографическое обучение и этнокультурные акции (выставки, фольклорные праздники) должны представлять некое единое целое, некое единое поле деятельности учёных, педагогов и культурных деятелей.

Эта идея была реализована, в частности, в создании «экомузеев», которые стали появляться во Франции, и очень активно именно в Бретани в начале 1970-х гг. Эти музеи «ставили своей главной целью оптимальное

сохранение этнокультурной среды с учётом экологических проблем и особенностей данного региона. Этноэкологический подход требовал интеграции дисциплин для того, чтобы выявить и охарактеризовать отношения между природными условиями, техническим, экономическим и этнокультурным развитием территории» [Кимеев, 2008:222]. Как справедливо отмечает отечественный исследователь В.М. Кимеев, «экомузей создаёт условия для сохранения национальной самобытности местного населения, возрождения механизма воспроизводства жизненных ценностей и культурных традиций округа. Воспроизведение традиций становится потребностью населения, обеспечивает преемственность традиций и передачу их следующим поколениям» [Кимеев, 2008:222]. Именно эти их функции являются весьма значимыми для региона Бретань, где потребность в выражении своей культурной идентичности является весьма востребованной. Подчеркнём также весьма значимую черту деятельности экомузеев – междисциплинарность, а также некий синтез научных, культурных и социальных функций.

* * *

Несмотря на работу в Бретани больших и ярких фигур в области этнологии в послевоенные годы (как, например, Р.-И. Крестон, Ж.-М. Гильше и др.), этнологическая научная школа здесь конституировалась довольно поздно. Только в 1969 г. в Университете Западной Бретани (г. Брест) усилиями профессора Ива Ле Галло был образован Центр бретонских и кельтских исследований (Centre des recherches bretons et celtiques – CRBC), в который вошли учёные и преподаватели разных дисциплин, занимающихся изучением Бретани и регионов, населённых кельтскими народами. Именно этот центр сегодня является флагманом в изучении этнологии и культуры бретонцев, несмотря на то, что собственно этнологи не столь многочисленны в этом центре. CRBC (по французской исследовательской квалификации – EA 4451/UMS 3554) – это многопрофильная исследовательская лаборатория из 43 членов (историки, от древности до наших дней, филологи, этнологи, социологи, литераторы), которые задействованы в исследованиях в Бретани и других районах кельтской культуры. Однако ве-

дуются также индивидуальные или коллективные исследования и в других областях в масштабах Европы, в частности в Атлантике, или даже за её пределами.

В 2008 г. в CRBC вошла группа ученых из Университета Восточной Бретани (г. Ренн). Она включала историков, лингвистов, специалистов-кельтологов и англицистов, литературоведов, социологов и этнологов, всех, чьи научные усилия также обращены к Бретани и другим кельтским регионам.

По замыслу организатора CRBC Ива Ле Гало, Центр должен был в срочном порядке собрать материалы, относящиеся к уходящей бретонской традиционной культуре, какой она была известна до 1914 г. Для этого предполагалось разыскать и зафиксировать то, что ещё оставалось в памяти людей. Работа по этому собиранию, предпринятая с помощью лингвистов, носила самый срочный характер [*Simon, Postic*, 2015b:299–306]. В фокус собирания попадали те культурные явления, в бытовании которых исчезала (деградировала) традиционная манера – традиционный танец, пение, праздники, архитектура. Целью этой работы являлось понимание того, как работает народная традиция, каково её содержание, каковы условия её передачи. Собираание и изучение традиций происходило в стиле Гильше. По его мнению, в 1970-е гг. самой традиции бретонских танцев уже не существовало, но ещё были живы «традиционные» танцы, т.е. «традиционное» заменило «традицию».

Современный этап развития бретонской этнологической науки, вероятно, можно отсчитывать с рубежа 1980–90 гг., когда в тематике и выборе исследовательского поля произошёл заметный поворот. В течение нескольких десятилетий до этого внимание этнологов было обращено на другие страны и регионы, в т.ч. «заморские территории». Французская этнология в целом, и бретонская в частности, в послевоенные десятилетия посвящала себя изучению прежде всего отдалённых обществ и культур пяти континентов. В 1987 г. директор департамента исследований по социальным наукам в Школе высших исследований в Париже (*Ecole des Hautes études*) Исак Шива констатировал, что «французская этнология <...> вплоть

до недавнего периода пренебрегала французским обществом как объектом изучения» [Shiva, 1987. Цит. по: Postic, Simon, 2006:6]. Ярким примером тому был тот факт, что во время комплексных исследований в Плозеве (1960-е гг.) большинство работавших там этнологов были специалистами по зарубежным народам. Тем не менее благодаря ряду факторов, в т.ч. подъёму движения культурного возрождения, ярко проявлявшему себя в 1960–80-е гг., изучение собственной культуры в Бретани не прекращалось, но теперь получило новый импульс.

Этому новому обращению к изучению культуры своего региона весьма способствовало то обстоятельство, что в то время в CRBC работали такие корифеи бретонской этнографии, как, например, Жан-Мишель Гильше (1914–2016). Его фигура занимает очень большое и значимое место в бретонской этнологии, да и во французской этнологии в целом. Великий знаток бретонского народного танца, который стал основной темой его изысканий, он по сути дела явился создателем и патриархом этнохореографии в бретонской науке. Уроженец Западной Бретани, биолог по образованию, он еще в молодости увлёкся народным танцем, достигнув немалых успехов на этом поприще. Любовь к народной хореографии, а также острое чувство, что это многовековое наследие исчезает на его глазах, обратили его к самому серьёзному изучению танцевальной традиции Бретани, которую он застал ещё «живой», поскольку его работа началась сразу после окончания войны (1945), когда народный танец ещё бытовал в «естественном» варианте. На основе тщательного сбора полевого материала (согласно разработанному им самим анкетам) и письменным источникам, был создан его первый фундаментальный труд «Традиция народного танца в Нижней Бретани» [Guilcher, 1963:7].

Эта работа, благодаря богатству собранного автором материала, считается классической и не потеряла своего значения и сегодня. Гильше ставил себе целью собрать все танцы, их разновидности и версии, рудиментарные формы и модификации, не делая предварительных суждений об их ценности [Guilcher, 1963:9]. Он детально проанализировал их разновидности, подразделив танцы на общие (хороводного типа) и парные, а также

промежуточные типы (когда, например, в танец вступали парами, а затем «растворялись» в общей цепочке), показав, что первый тип является древнейшим. Гильше самым подробным образом описаны все известные бретонские танцы: бретонский гавот, «ан дро», «антердро», «ларидэ» и «фридэ», «тро плэн», трегерский танец, леонский, «ле баль» (мяч), «паспье», «жабадао» и др. Для каждого из этих видов он дал описание и анализ их формы, движения, шага, музыкального сопровождения (вокального, инструментального или смешанного), предпринял исследование их древних истоков, углубляясь в прошлое, насколько ему позволяли архивные и другие документы. Он не упускал из виду также эволюцию традиции и на примере танцев пытался осмыслить, что же есть «традиция» в народной культуре, каковы факторы ее складывания и модификации.

Важной частью его работы было также изучение контекста бытования танца, т.е. обстоятельств и случаев, в которых и по которым они исполнялись — окончание сельскохозяйственных работ, свадьбы, праздники, ярмарки и т.д. Гильше подчёркивал, что в традиционной сельской культуре, где интеллектуальная жизнь была ограничена, а телесная, двигательная активность высока, танец имел совсем иное значение, чем в современном обществе, в жесте и движении было заключено подчас большое психологическое содержание [Guilcher, 1963:7]. Именно потому Гильше интересовала также «субъективная составляющая» танца, т.е. сам танцор (в лице любого исполнителя): что он ожидает от танца, какие чувства и эмоции танец рождает, какую удовлетворённость он даёт. В одной из рецензий 1960-х гг. на его монографию отмечается, что по широте, строгости, тщательности описания народного танцевального наследия книга Гильше не имеет себе равных [Arts et, 1964. Т. 12:74]. Эта книга по праву считается «Библией» бретонского танца. Затем последовала серия работ, посвящённых и бретонскому танцу, и танцам других регионов Франции [Упомянем лишь самые существенные из них: Guilcher, 1965; 1969; 1984; 1994; 2003; 2009a; 2009b]. Следующий период (1963–1985) творчества Ж.-М. Гильше был посвящён изучению танца в других регионах страны. Более чем полувековая работа по сбору и изучению танцевального фольклора, народного

танцевального искусства сделали его классиком бретонской и французской этнохореографии.

Следует отметить также важную роль Ж.-М. Гильше в становлении современной бретонской науки. Этнолог Ж.-М. Гильше, бретонец по происхождению, работал в Париже, когда в 1969 г. в Бресте был организован Центр бретонских и кельтских исследований. Он возвратился в Бретань специально для того, чтобы создать в рамках этого Центра секцию этнологии, в которой он работал на посту содиректора вплоть до своего ухода на пенсию в 1979 г. Вклад Гильше в становление современной бретонской этнологии трудно переоценить. Начиная с 1971 г. он начал преподавание теоретической этнологии, которая явилась одной из дисциплин, формирующих специализацию «Бретонская цивилизация». Гильше привнёс высокий уровень теоретической науки Парижа на бретонскую почву.

В 2016 г. Ж.-М. Гильше в возрасте 102 лет ушёл из жизни, оставив настоящую школу изучения народной хореографии и воспитав целую группу молодых исследователей, уже зарекомендовавших себя на этом поприще, среди них – трое его детей – Ив Гильше, Наик Равьяр, Мон Гильше-Дюфур (Yves Guilcher, Naïk Raviart et Mône Guilcher-Dufourt).

Сфера этнологического образования была заметно усилена благодаря работе в этом центре известных и ярких этнологов и историков. Во второй половине семидесятых годов здесь, в Университете Западной Бретани, в рамках созданного в 1976 г. Центра этнологии Франции (Centre d'ethnologie française) преподавали уже упоминавшийся Ж.-М. Гильше, Николь Бельмон (N. Belmont), сферой интереса которой были обряды перехода, фольклорист Мари-Луиза Тенез (M.-L. Teneze), а также целая плеяда авторитетных историков – Жак Ле Гоф, Марк Оже, Мона Озуф, Франсуаза Эритье, Шарль Жуастан, Андрэ Буржьер, Жозеф Гуа, Луи-Венсан Тома, Франсуаза Лу, Мартина Сегалан, Анриета Вальтер... Это были представители той самой «новой истории», которая интересовалась реальной жизнью простых людей. Они сосредоточили свои усилия на истории повседневной жизни, семьи, быта, народной медицины прошлых веков [см. напр.: *Loux*, 1979; *Segalen*, 1980; *Thomas*, 1979a; 1979b; *Augé*, 1977]. Участие историков, в т.ч.

известных медиевистов, а также тех, кто разделял взгляды предтеч известной «Школы анналов», наложило свою печать на характер деятельности Центра и интересы поколения молодых учёных, способствовало «притяжению» в новую тогда ещё науку историков, специалистов близких направлений. На методику проведения исследований в этой сфере оказала немалое влияние ещё одна доминирующая во Франции того времени наука об обществе – социология. Помимо методов прямого, непосредственного наблюдения, при сборе полевого материала в Бретани широко использовалось анкетирование (опросы).

Год за годом в университете Бреста формировалась серьёзная научная база, на которой возникла собственная этнологическая школа Бретани. Особенностью её, кроме «магистральных» этнологических курсов, было функционирование проблемных семинаров, действовавших под руководством значительных учёных, уже упоминавшихся выше, – этнологов, социологов, историков, – сфокусировавшихся на этнологических проблемах.

Кроме того, в эти годы по инициативе и при Центре этнологии постоянно действовал семинар, который каждую пятницу собирал не менее 30 человек «студентов» всех возрастов (среди них были не только «настоящие» студенты, но и энтузиасты-любители – представители местной общественности), интересующихся родной бретонской культурой. Участники этого семинара были задействованы в исследованиях, основанных на полевом анкетировании, разработанном Ж.-М. Гильше. Его идея состояла в том, чтобы составить как можно более точные карты различных культурных фактов (*faits culturels*), с последующим их сравнением и наложением на лингвистические карты региона, что, по мнению Гильше, дало бы более глубокое понимание «культурного выражения» (*expressions culturelles*) бретонцев.

Представитель следующего поколения и в настоящее время уже корифей бретонской науки – Д. Лоран (*Donatien Laurent*), этнолог, музыковед, лингвист, ученик и во многом последователь Ж.-М. Гильше, воспринявший от него стремление зафиксировать последние оставшиеся следы живой народной традиции, выбрал основным доменом своей научной работы т.н. устную литературу, и в особенности – песенную поэзию. Особое

внимание Д. Лоран уделял специфическому жанру бретонских исторических песен – *gwerz*, исследованию их происхождения и содержания. Его диссертация (1989) была посвящена анализу источников сборника таких песен, как «Барзас-Брейз» (*Barzaz-Breiz*), известного собирателя фольклора XIX в. Т.Э. де ла Вийльмарке [*Laurent*, 1989], но ему также удалось и самому найти и зафиксировать несколько неизвестных науке песен [*Laurent*, 1974; 1977; 1994:64–83; 1995]. Уже в своей первой статье в периодическом издании «Народные искусства и традиции» о своём опыте сбора фольклора (народных песен – *gwerz*), он впервые показал, что устная традиция может значительно расширить представления учёных и даже в ряде случаев дать больше в изучении тех или иных явлений, чем архивные материалы. На протяжении всей своей деятельности Д. Лоран исследовал связь между устной традицией и историей, полагая, что все собранные песни были порождены реальными фактами, которые он стремился проверить и доказать (что ему удалось в ряде конкретных случаев), в результате изучения местных архивов. Он наиболее известен своим исследованием «Барзаза Брейза», который является самым известным сборником бретонской устной литературы.

С деятельностью Д. Лорана изучение того, что во Франции называется **устной литературой**^{*} становится ведущим направлением деятельности Центра. На волне подъёма интереса к культурному прошлому Бретани этого времени ещё раз проявилось стремление обратиться к её богатому фольклору. С этой целью не только в Бретани, но и в ряде других областей состоялись экспедиции, материалы которых публиковались. Весьма интересной в данной связи выглядит работа, сделанная Д. Лораном, «Народные рассказы и песни Бретани» [*Laurent*, 1978]. В сборник вошли фольклорные произведения, собранные в исторической местности (*parcs*) Понтиви департамента Морбиан. Ещё на исходе XIX в. бретонскими фольклористами была проделана огромная работа по записи старинного фольклора, поэтому любые новые обнаруженные песни были уже редкостью, однако Лорану удалось найти около 15 новых фольклорных единиц. Задачей, которую он

^{*} В отечественной науке близко к понятию «фольклор».

себе ставил, было выяснить, в какой форме в современной Бретани эти сказания дошли до нас. Народные певцы ещё продолжают исполнять эти произведения, причём часто воспроизводят их в достаточно сохранной форме, близкой к зафиксированной столетие назад, с сопровождением невербальных выразительных средств, создающих дополнительные планы пояснения – модуляциями голоса, мелодикой повествования, жестами, элементами актерской игры.

Разные по жанрам и сюжетам, они довольно ярко демонстрируют специфику бретонского фольклора. Это, конечно же, в первую очередь, богатство жанров. Песни и сказки, исторические и волшебные сказания, легенды, «истории» о феях и дьяволе, о волках и медведях, молитвы и магические заклинания, пословицы и речения, детские стишки и формулировки, и собственно песни. Несмотря на то, что среди бретонских сказок и повествований, немалую долю представляют те, которые имеют древнейшие общеевропейские сюжеты, эти тексты, и особенно легенды, настолько насыщены бретонскими реалиями, указаниями на лица с именами, названия местностей, что сюжеты эти кажутся рождёнными именно здесь.

1970–80-е гг. были отмечено сильным движением музыкального возрождения в Бретани. Участники специального семинара, организованного в Центре бретонских и кельтских исследований, поставили перед собой задачу срочного сбора народного музыкального наследия Бретани. Д. Лорану, в ходе его полевой работы удалось собрать большую коллекцию бретонской народной музыки, в особенности региона Ванн, которая стала основой музыкального фонда в Университете Западной Бретани. Как и некоторые другие бретонские этнологи, Д. Лоран является также «практиком» бретонской культуры, участником ансамбля бретонской музыки (*Bagad Bleimor*), играет на волынке, исполняет песни.

Будучи в течение 12 лет (1987–1999) руководителем лаборатории по изучению устной литературы в CRBC, Д. Лоран во многом повлиял на своих младших коллег – Мишеля Уари, Фанша Постика, Алена Танги, Даниэля Жиродона (*Michel Oiry, Fañch Postic, Alain Tanguy, Daniel Giraudon*), которые приняли участие в собирании образцов устной литературы и соз-

дании соответствующих коллекций в Центре CRBC [*Simon, Postic, 2015b:303*].

Другое направление в бретонской науке представляет Жан-Франсуа Симон (Jean-François Simon), видный бретонский этнолог, возглавлявший Центр бретонских и кельтских исследований в 2003–2011 гг., историк по образованию. С начала научной деятельности он был увлечён изучением того, что называется «историей ментальности», историей повседневной жизни, обычаев и практик обыкновенных людей, которая к тому времени была, несмотря на пути, указанные Школой анналов, изучена ещё весьма слабо. Однако от изучения повседневной жизни народа – один шаг до этнологических проблем. Ж.-Ф. Симон, на протяжении многих лет изучавший традиционные жилища крестьян, рыбаков, горожан [*Simon, 1985; 1986: 20–29; 1987:44–60; 1988*], определяет главную область своих интересов как «способы занятия и эксплуатации сельских и пригородных районов в Бретани (Франция): их изменения со временем, их символическое кодирование» [URL 4]. Его основным научным интересом на протяжении нескольких десятилетий были вопросы, связанные с изучением бретонского традиционного дома, поселений, организации и эксплуатации сельского и пригородного пространства. Автор фундаментальных, ставших уже классическими работ по бретонскому традиционному дому, включая его типологию, архитектуру, технику строительства, их изменениями во времени и т.д. [*Simon, 1988*], он никогда не ограничивался сферой материального, включая в понимание дома, крестьянской усадьбы также духовное и символическое пространство, сферу социального и культурного. На сегодняшний день ему принадлежат самые фундаментальные работы о бретонском жилище и окружающем его пространстве.

Вклад Ж.-Ф. Симона состоял именно в этнологическом изучении бретонского жилища, обращении внимания прежде всего на местные, локальные характеристики и особенности жилища. Его штудии начинались тогда, когда многое из бретонской традиционной культуры исчезало навсегда, происходили глубокие изменения в западном обществе в целом, и было необходимо заниматься т.н. «срочной этнологией» (*ethnologie d'urgence*).

Ж.-Ф. Симон изучал регионы Западной Бретани с сильно выраженной идентичностью – Леон, Корнуайль, впервые обращая внимание на каждый дом, вне зависимости от его архитектурной значимости. Им были изучены основные типы бретонского традиционного дома, каждый из которых имеет по несколько строительных техник: дом «обычный», в котором жили только люди; дом «длинный», в котором жили люди, а также, за перегородкой, ещё и домашние животные; дом «удлинённый», названный так за свою протяжённость в пространстве, но в котором также жили только люди.

Принцип «за изучаемым материальным объектом искать человека», внимание к связям жилища и человека с окружающей средой, связям материальным (функциональным) и символическим [Simon, 1998] привёл его также к пониманию того, что всё в доме должно быть объектом анализа, как с точки зрения форм, так и с точки зрения функциональности. Впрочем, необходимость комплексного изучения дома осознается и другими исследователями. Так, например, К. Бромберже обосновывает это тем, что дом это – «спрессованная цивилизация», «объект пересечения многих логик: экологической, технической, экономической, социальной, символической» [Bromberger, 1988: 3].

Объектом исследований Ж.-Ф. Симона стали не только дом, но и двор, пространство усадьбы, сельскохозяйственный «пейзаж» как совокупность практик, связанных с природопользованием. Топография и характер поселений, земельные участки и другие уголья разных типов, их диахронический анализ с целью выявить «динамику пространства» в т.ч. в долгой перспективе. Чтобы понять, как это пространство «жило» во времени, в разные эпохи, он использовал метод обращения к исторической этнологии и архивам, а также интерпретации исторических документов в свете устной информации, собранной при полевых исследованиях. Объектом его внимания стали также «трансформации пространства», происходившие вследствие урбанизации. Итак, можно говорить о том, что основной осью исследований Ж.-Ф. Симона является антропология пространства.

Названия коллективных работ, которыми он руководил, также обращены на изучение социокультурного пространства, которое видится всегда

«антропологически», в связи с человеком [*Simon*, 1982. Т. 1; 1988. Т. 2; 1995:115–112; 1996:107–122; 1998; 1999a:297–311; 1999b:317–334; 2000:109–124; 2003b:50–55; 2003c:250–261, etc.]: «Человек и дорога в Бретани» (*L'Homme et la route en Bretagne* – 2002), «Переосмысление земли и пейзажа» (*Réinventer pays et paysages* – 2003), «Пожары и дома в Бретани» (*Feux et foyers en Bretagne* – 2004) и «Конструирование в разнообразии. Архитектура, контекст и идентичности» (*Construire dans la diversité. Architecture, contexte et identités* – 2005). В этих и других работах Ж.-Ф. Симон и его коллеги обращаются также к изучению феномена «патримониализации», т.е. процессу осмысления традиционной культуры как культурного наследия, и тому, что это наследие означает для современного общества [*Simon*, 2003a:381–389; 2003b:50–55; 2005:31–45]. Отметим, что регион Бретань является ведущим по количеству общественных и научных инициатив в «инвентаризации» нематериального культурного наследия Франции.

Еще одним направлением, получившим большое развитие в годы руководства CRBC Ж.-Ф. Симоном, является история науки [*Simon*, 2006:19–32; 2010:189–206; *Méthodologie*, 2006; *Postic*, *Simon*, 2006:6–15; *Paillard*, *Simon*, 2010; *Rennes*, 2010; *Simon*, *Postic*, 2015a:249–262; 2015b:299–306]. Собственно его исследования и то внимание, которое он уделял этому направлению, инициировали ряд коллоквиумов, посвящённых выдающимся бретонским этнографам, о чём будет сказано ниже.

Заметной в деятельности Центра была работа Бернара Танги (*Bernard Tanguy*, 1940–2015), историка-медиевиста по образованию, специалиста по бретонской топонимике и антропонимии, агиографии и религиозной истории [*Tanguy*, 1975; 1991; 1992], который создал ряд работ, имеющих отношение и к этнологии. Речь идёт прежде всего о его исследовании «Бретонская топонимика» [*Tanguy*, 1975]. Эта работа явилась настоящим инвентарием бретонских названий поселений, местностей и населённых местечек, а также гидронимов и талассонимов, столь многочисленных в Бретани, где много рек, ручьев, источников, озёр, болот, заводей, морских заливов и т.д.; ходонимов – названий дорог и тропинок, издревле сохранившихся в Бретани; оронимов – возвышенностей, холмов и небольших гор и т.д. Ис-

следование имеет теоретическую и справочную части. В последней в алфавитном порядке представлено около трёх тысяч наименований с вариациями их написания и произношения. В первой на основе фундаментального круга источников, таких как топографические словари, собрания старинных и новых карт, данных архивов (многочисленных инвентарных сборников департаментских архивов, Счётной палаты Бретани, архивов сеньорий, замков, кадастров, и т.п.), а также нарративных источников автор реконструирует историю возникновения того или иного топонима. Важную роль в этой работе сыграла лингвистическая сторона исследования: Б.Танги прослеживает модификацию названий и влияние на них кельтских (прежде всего бретонского), латинского, французского языков, а также фонетические особенности словообразования и словоизменений – роль паронимии, амонимии и синонимии в образовании и утверждении топонимических названий. Этимологический анализ Б. Танги – это критическое и сравнительное исследование с учётом законов фонетической эволюции языков.

Один из последователей Д. Лорана в изучении устной литературы – Фанш Постик (F. Postic) является не только исследователем этого жанра литературы, но также историком создания этнографических архивов и коллекций знаменитых предтеч бретонской этнологии, издателем и комментатором трудов одного из них – Франсуа Кадика (F. Cadic, 1864–1929). Этому известному собирателю, священнику, профессору Католического института в Париже, зафиксировавшему значительное число песен, легенд, сказаний Бретани, знатоку её истории и традиций, была посвящена диссертация Ф. Постика. А с 1997 по 2003 гг. под его редакцией были изданы все труды Ф. Кадика [*Cadic*, 2010; 2012].

Помимо истории науки, Ф. Постик занимался также изучением традиционного сельского календаря и календарной обрядности [*Postic*, 1987. V. II:355–365; 1997:97–123; 1998:261–273; 1999; 2001b:15–25]. Долгое время он был ответственным за исследовательский и документационный центр по устной литературе, созданный в поместье Kernault в Меллаке, который является частью CRBC.

В русле изучения устной литературы находятся работы Даниэля Жиродона (Daniel Giraudon). В фокусе его внимания оказался один из самых демократичных жанров этой литературы, т.н. «летучие листки» (*feuilles volantes*), своего рода листовки бретонских народных песен. Народные песни, столь популярные на этой земле, согласно его изысканиям, долгое время передавались только изустно, но со временем их стали записывать и даже продавать. Практика продаж таких листков, прежде всего на рынках, появляется, видимо, в XVII в., (после 1620 г.) и впоследствии набирает обороты. Торговля ими достигает максимума на рубеже XIX–XX вв. [Giraudon, 2016]. Бретань была просто наводнена такими отпечатанными в типографиях листками, существовали также династии издателей, специализировавшихся на этой продукции. Поскольку часть песен всегда были религиозными, то определённую роль в их распространении играли и местные священники. Впрочем, эти песни могли иметь самые разные сюжеты, ведь пелись они не только в связи с религиозными событиями, но также и на ярмарках, рынках, народных праздниках и т.п. Их авторы (имена которых часто до нас не дошли) фиксировали в них радостные и грустные события своего времени, истории любви и кораблекрушений, другие радости и бедствия. С распространением местной прессы, песни находят место и на их страницах. Таким образом, в течение некоторого времени сосуществовали как бы два репертуара народных песен. Первый включает те из них, которые продолжают передаваться изустно, второй – репертуар более новых песен, в печатном формате, которые постепенно теснят первые. После Первой мировой войны эта практика несколько затухает, но в 1960–70-е гг., с наступлением времени «культурного возрождения», получает новый импульс [см. его работы по этой теме: Giraudon, 1985; 1999:22–34; 2004:171–176; 2005:103–115].

Изучение устной литературы вывело специалистов Центра к проблеме изучения того наследия, которое собрали и зафиксировали местные католические священники. Начиная с 1991 г. и в течение последующей четверти века эта тематика становится постоянной в деятельности Центра. В 2011 г. Состоялись две международные встречи бретонских и канадских

специалистов по теме «Вклад священников и других религиозных деятелей в наследие меньшинств».

Не приходится удивляться, что для Бретани, бывшей некогда одним из самых религиозных регионов страны, тема изучения религиозных практик, в числе которых приходские праздники «пардоны», религиозные паломничества к местным святыням и т.д., является весьма благодатной. Религиозные сюжеты традиционно находятся в сфере интересов бретонских этнографов, поскольку религия в ещё недавнем прошлом являлась важной частью жизни региона – духовной, социальной, политической. Если «пардоны» и некоторые религиозные составляющие народных праздников изучались еще фольклористами XIX в., то религиозные процессии, паломничества, «трומени» попали в сферу внимания не столь давно [Badon, 2012; Cariou, Le Stum, 1997; Celton, 2008; Denèfle, 1993:35–42; Guillou, 1997:181–190]. Над историей и «человеческим измерением» этих практик продолжают работать и французские историки [яркий тому пример работа: Provost, 1998]. Одна из последних заметных этнологических работ на эту тему – исследование Жозеля Аскоэта «Бретонские тромени. Способ антропизации пространства в изучении французских и бельгийских круговых процессий» [Hascoët, 2010]. Работа написана на стыке этнологии и религиоведения, представляет собой довольно тщательное изучение характерного для Бретани явления, которое существует до сих пор – процессий «трומени». Это религиозные круговые шествия, происходящие в отдельных религиозных общинах (иногда сразу в нескольких приходах), продолжающиеся в течение многих часов. Тромени имеют долгую традицию, подчас многовековую, отличаются в каждой местности своими особенностями, порядком, песнопениями, службами. В настоящее время «уцелели» лишь несколько из таких шествий. Автор детально изучил (принимая участие в шествиях, а также на материалах архивов и т.д.) ход этих процессий, их маршрут, связанную с каждым шествием агиографию, социокультурные практики, социальный состав участников этих шествий. Он приходит к выводу, что в настоящее время тромени – не только религиозное действо, но также событие, относящееся к культурной идентичности.

На границе изучения религии и языковых явлений находится исследование, посвящённое роли местной католической церкви Бретани в сохранении бретонского языка в XIX – начале XX в., когда процесс языковой унификации привёл к значительной утрате позиций бретонского [Brunel, 1995]. Действия «Бретонской академии», созданной в 1894 г. бретонскими семинаристами стало частью движения католического духовенства Бретани, которое развивалось в последнее десятилетие девятнадцатого века и ставило перед собой не только пастырские задачи, но и цель защищать, развивать и преподавать бретонский язык, сохраняя также бретонскую культуру. Для этого под патронажем Академии создаются организации бретонского образования в католических начальных школах, а также осуществляются иные инициативы. Курс бретонского входил также в программу образования местного духовенства. Поскольку большая часть населения (сельского и приморского) говорила только по-бретонски, понятно, что обязательным условием для клира было хорошее знание бретонского языка.

Заметным направлением бретонской науки является разработка проблем идентичности, в первую очередь, бретонской. В рамках собственно этнологического понимания она на протяжении ряда лет (особенно в середине 1990-х гг.) освещалась в статьях, публиковавшихся в журнале *ArMen*, в которых исследовалось значение т.н. (этнических) маркёров, как то языка, своеобразия природы и разных элементов культуры, влияющих на самоидентификацию бретонцев.

В последнее время обращают на себя внимание труды Р.Ле Коадика (Ronan Le Coadic), социолога из университета г. Ренна [Le Coadic, 1998; 2004; 2003, etc.]. Автор ряда монографий и статей на тему бретонской идентичности, он изучает это явление в разных аспектах, отмечая специфику и её «сложносоставной характер», когда речь идёт об идентичности бретонцев. Идентичность современного человека Ле Коадик предлагает рассматривать как **социальную репрезентацию** [Le Coadic, 2001:14–26]. Это отнюдь не тривиальный подход к изучению идентичности, о самой сути которой, содержании самого понятия идут споры. Кардинальные изменения в разных сферах жизни общества за последнее столетие, в т.ч. соци-

ально-экономических условий, быта, образования, моделей семейной жизни, питания, транспорта, и т.д., не могли не повлиять на изменение идентичности бретонцев. Огромная роль в этом процессе принадлежит также масс-медиа и в особенности, интернета. Эволюционировал характер мышления, религия и прежние представления больше не определяют жизнь в Бретани. Изменилась и языковая ситуация: основным стал французский язык. Изменения пришли и в другие сферы жизни: досуга и развлечений, сексуальности и обрядов, сопровождающих основные этапы жизни человека.

Но такие изменения – специфика не только бретонцев. Изменился весь «западный», развитый мир. Бретонцы остаются прежде всего представителями западного мира, но со своими особенностями. Их идентичность принадлежит к категории идентичности меньшинств, которая, кстати сказать, заметно эволюционирует в условиях глобализации, индивидуальная и коллективная идентичность по-новому проявляют себя в этих условиях. Сегодня для меньшинств характерно не столько эмоциональное отношение к своей идентичности, но осознанное построение проекта-идентичности. Глобализация делает устаревшей прежнюю идею, что мир состоит из замкнутых государственных сообществ и побуждает к размышлению, может ли существовать альтернатива национальному государству, которая позволила бы более равноправную интеграцию меньшинств? [*Le Coadic*, 2004:15]. В прошлом некоторые меньшинства жертвовали собственной идентичностью, получая «взаимен» модернизацию/прогресс. Сейчас же меньшинства (этнические) иногда мобилизуются с коммунитаристскими или даже фундаменталистскими целями. Что касается бретонцев, то они прошли путь от «пежоративной идентичности», стыдясь в XIX – начале XX в. своей (этнической) принадлежности, к конструированию новой идентичности, которая основана на гордости своей богатой культурой.

Идентичность бретонцев имеет свои особенности. Бретань обладает большим культурным разнообразием и сложной идентичностью. Речь идёт не только о лингвистическом разделении региона («автохтонными» считаются два языка – бретонский и галло), но культурная дробность выражает-

ся в отличиях на уровне «земель» (pays), отдельных районов и даже приходов, а каждая коммуна до сих пор имеет собственный костюм и культурные особенности. Такой культурной «многоформности» соответствует и многослойная идентичность. Кроме того, кто-то считает для себя самой важной принадлежность к определённой коммуне, кварталу, приходу, одной из исторических «земель», департаменту, Бретани в целом. Но есть и люди, находящие значительной разницу между жителями побережья и внутренними областями, между горожанами и селянами, Верхней и Нижней Бретанью [Le Coadic, 1998:306–307]. Согласно исследованию, проведённому в 2003 г. Ле Коадиком, 10% бретонцев заявляли, что они чувствуют себя прежде всего европейцами, еще 12% называли себя гражданами мира, для 18% самой важной была идентичность с коммуной, 28% считали себя прежде всего бретонцами и 32% – французами [Le Coadic, 2003]. Кроме того, идентичность населения Бретани ещё и довольно сильно меняется во времени, на неё оказывают влияние экономические и политические обстоятельства.

Для многих жителей региона общебретонская идентичность не имеет большого значения, она существует скорее «для внешнего» употребления, об этом писала в своих исследованиях еще в 1990-х гг. М. Джонс [Jones, 1998:129–142]. Ле Коадик же сравнивает бретонскую идентичность с русской матрёшкой, причём одни уровни идентичности в каких-то обстоятельствах оказываются важнее прочих. Среди особенностей бретонской идентичности – то, что в Бретани не существует прямой корреляции между знанием местного языка и осознанием себя бретонцем [Le Coadic, 2013:14].

Интересными и вызывающими дискуссии являются также размышления Ле Коадика о мультикультурализме. Политическая доктрина этой идеологии, нужно заметить, противоречит официальной концепции французской нации. В поле внимания этого исследователя оказываются вопросы бретонского языка как языка меньшинства [Le Coadic, 2006:363–374]. Обычно язык тесно связан с идентичностью. Но в случае с бретонцами ситуация совсем не так однозначна. Большинству бретонцев вовсе не обязательно говорить по-бретонски, чтобы чувствовать себя таковыми [Hoare, 2000:335].

Проблемы идентичности, национального движения, национализма, автономии, политических вопросов взаимоотношения бретонцев с Парижем поднимает в своих работах Жан-Ив Гиомар (Jean-Yves Guiomar) – политический деятель и историк, писатель, бретонец по происхождению [Guiomar 1970; 1974; 1979; 1987; 1990; 1991; 1996:2–71; 2015]. В своей книге «Народ. Регион. Нация» (Peuple, région, nation. CRBC, 2015) он возвращается к теме взаимоотношений Бретани и центра (Парижа). По его мнению, в наше время больших изменений и глобализации многие движения в Европе и в других странах требуют переоценки отношений между регионом и нацией, между «центром» и «нецентром». Эта проблема уже возникала во Франции при «Старом режиме», после Французской революции она приобрела остроту, и теперь вновь может стать одним из ключевых вопросов XXI века, играя за или против демократии.

Гиомар предлагает вернуться к осмыслению того, что такое народ. Это центральное понятие политического и научного дискурса, сложное и иногда неоднозначное. Его неоднозначность связана с выявлением аффективных и эстетических связей между пространством и населением и поиском способов отношений между ними, но он (народ) может прийти до выражения желания сформировать нацию, способную к приобретению государства. В конечном счёте, считает автор, в каждом обществе существует целый ряд процессов политического характера, Бретань в этом отношении является ценной обсерваторией. Необходимо разделить Бретань, как объект изучения, проследить региональное и националистическое развитие бретонской идеи в девятнадцатом и двадцатом веках в Бретани и за её пределами, разделить идеи бретонского движения и кельтизма, особенно во Франции и Великобритании, чтобы понять суть происходящих процессов. Особенностью бретонского движения является то, что на него оказало влияние французское универсалистское видение нации.

Для деятельности CRBC характерно также проведение больших семинаров (симпозиумов). В годы руководства центром этнолога Ж.-Ф. Симона главным тематическим стержнем таких семинаров была история науки, и в первую очередь – предтеч бретонской этнологии. CRBC организо-

вал за последние годы целую серию встреч учёных, студентов и заинтересованной общественности, посвящённых самым крупным фигурам собирателей фольклора в Бретани прошлых веков. Причём прошли эти мероприятия в разных департаментах Бретани. В числе замечательных фольклористов, которым были посвящены эти заседания – Эмиль Сувестр (2006) в Морлэ, деп. Финистер, Жан-Мари де Пангерн (2007) в Ланньоне, деп. Кот-д-Армор, Жак Камбри (2008) в Камперле, деп. Финистер, Поль Себийо (2009) в Фужере, деп. Иль-и-Вилэн, Франсуа Кадик (2010) в Понтиви, деп. Морбиан), Рене-Ив Крестон (2015) в Батз-сюр-Мер, деп. Атлантическая Луара, Теодор Эрсар де Вийльмарке (2015) в Камперле. Кроме обсуждения их вклада в дело собирания бретонского фольклора, участники дискуссий обсуждали теоретические вопросы процесса дисциплинарного перехода от фольклора к этнологии [*La Bretagne*, 1999; *Laurent at al.*, 1996]. Соответственно проведению этих семинаров вышли в свет ряд работ, посвящённых деятельности предтеч и выдающихся деятелей бретонской этнологии [*Emile Souvestre*, 2007; *Jacque Cambry*, 2008; *Paul Sébillot* 2011, *R.-Y. Creston*; 2017].

Изучение историографического прошлого сопрягается с размышлениями по поводу вклада бретонских учёных в формирование, развитие французской этнологии в целом. Эта тема близка М. Озуф, Н. Бельмонт, Д. Лорану, Ф. Постику, Ж.-М. Гильше, Ж.-Ф. Симону и др. Подобному осмыслению был посвящён ряд семинаров, основополагающего теоретического содержания, как, например, «Каково место Бретани в разработке этнологии настоящего?» (*Quelle place pour la Bretagne dans l'élaboration d'une ethnologie du proche ?*), который работал в 2009–2011 гг. в Университете Западной Бретани и Университете Южной Бретани (*l'Université de Bretagne occidentale (Brest) et à l'Université de Bretagne Sud (Lorient)*). Задача, сформулированная на одной из первых встреч, – отказ от стремления поддаться «локализму», и «перечитыванию» прошлого с целью вновь увидеть в Бретани место подтверждения, воспроизводства локальной идентичности, тем самым, возвращаясь к вопросам идентичности национальной в идеологической оптике. [*Hamton*, URL]. Какова же роль Бретани в формировании французской этнологии в целом и какое место занимает бретонская этноло-

гия в лоне социальных наук страны? Задача направления оценить историю и настоящее бретонской этнологии от истоков до сегодняшнего дня, в т.ч. и с компаративистских позиций.

Ещё одним вектором работы Центра является «ethnologie du proche» – «этнология ближнего пространства» – направление, о котором заговорили в начале XXI в., воплощает идею обращения не просто к современности, а к изучению того, что происходит в непосредственной близости к исследователю. Направление характерно не только для бретонской/французской этнологии, но также и соседних регионов – Великобритании, Бельгии (напр. Университет Льежа) и др. Французское название этого направления исследований в данном случае происходит от английского «anthropology at home», и указывает на объект изучения, находящийся «вблизи» – прежде всего в пространственном смысле слова. Это направление выражает собой идею «возвращения» европейской этнологии «домой», смещение акцента от изучения дальних заморских стран на изучение того, что «происходит у себя». Изучение не иных цивилизаций, культур, но своей, с которой у исследователя нет культурных барьеров, порождает вопросы теоретического характера: где проходит черта/граница между изучающим и изучаемым, как должны выстраиваться отношения между ними? Изучение современной реальности «вокруг себя» означает непосредственность восприятия и понимания исследователем происходящего. Работа в этом направлении, похоже ещё носит характер теоретических рассуждений, хотя уже появились и первые работы в этом ключе [об этом: *Abélès, Rogers*, 1992:7–13; *Desdouits, Roberge*, 2004:5–19; *Gardou*, 2010:15–26; *Segalen*, 2001:253–271].

Характерной чертой работы Центра являются исследовательские (коллективные) проекты, рассчитанные в среднем на 2–4 года. Наличие в Центре специалистов разных направлений позволяет осуществлять мультидисциплинарные исследования. Упомянем лишь те из них, в которых выражена этнологическая тематика. Это, например, недавно начатый пятилетний проект (2017–2021) «Политика и конфигурации идентичности», направленный на исследование идентичностей, возникающих как результат

набора определённых социальных, политических и культурных практик и как множество дискурсов и форм самовыражения, в т.ч. в области творчества, литературного или художественного, а также вопроса о языке и его формах, его бытовании и эволюции.

Это также проект, посвящённый т.н. «морской истории», направления, появившегося именно в Бретани еще в 1930–40-е гг., родоначальником которого является Р.-И.Крестон. Проект возник с созданием междисциплинарной группы учёных в сентябре 2005 г. в Университете Южной Бретани (г. Лорьян) (руководитель – историк Жерар Ле Буэдек (Gérard Le Bouëdec) [*Le Bouëdec*, 2006, № 37:267–285; 2008, № 9:11–26; 2012, № 2:161–185; 2015; *Le Bouëdec at al.*, 2014a:15–46; *Bourquin at al.*, 2014b:139–165; *Gens de mer*, 2013, etc.] и объединяет специалистов отнюдь не только Бретани, но всех учёных Франции, заинтересованных в этой тематике. Это около 70 специалистов из 22 исследовательских учреждений и 17 университетов страны (в т.ч. – исследователей из университетов Гавр, Кан, Брест, Лорьян, Нант, Анже, Ла-Рошель, Бордо III, Монпелье, Марсель, Ницца, Париж-Сорбонна, Париж VII и т.д.). Проект затрагивает многие аспекты средневековой и новой «истории моря» (в основном акватории Атлантики), включая историю капитализма, бизнеса, развивавшегося в связи с морским побережьем, торговлей и существованием морских путей. В этом исследовательском поле есть также этнологическая составляющая, относящаяся к изучению портов, жизни моряков в их плаваниях, торговцев, офицеров; к описанию/облику «заморских территорий». Историография «моря» до сих пор имеет много пробелов и сюжетов, практически неизученных, например, о судостроительных верфях нового и новейшего времени, прибрежных перевозках, мелкой рыбалке, жителях побережья. Сегодня области исследований, которые активно разрабатываются, – это те, которые касаются прибрежного судоходства, мелкого рыболовства и прибрежного населения. Периодическим изданием, которое отражает исследования этой научной группы является Журнал морской истории (*Revue d'Histoire Maritime*), издающийся с 1997 г. и получивший новый импульс в связи с осуществлением этого проекта.

Интересным и весьма характерным для бретонской науки является проект «Berose» (Base d'étude et de recherche sur l'organisation des savoirs ethnographiques, рук. Фанш Постик). Осуществляемый совместно с Институтом LANIC, он находится на самых передовых технологических рубежах современной науки. «Бероз» – прежде всего работа по созданию большой цифровой базы данных, которая отслеживает ситуацию с развитием этнологической науки с XVIII – по первую половину XX века. В этой совокупности оцифрованных источников – научная переписка, мемуары, журналы, разные виды научной коммуникации, этнографического картографирования и сопоставления с его помощью ряда научных процессов, и т.д. В проект вовлечены библиотеки и ряд университетских центров. Этот проект не только позволяет по-новому изучать историю науки, но и ставить ряд смежных с ней теоретических проблем, например, выявление моментов/времени появления этнографического знания в разных формах и на различных территориях, попытки объяснения «сингулярности возникновения культур», проблемы взаимосвязи возникновения государств-наций, колониальных держав и появления этнографического знания, и т.д. «Бероз» – это также платформа общения современных исследователей и место электронной публикации результатов, полученных в результате исследований по этим источникам. [URL 1]. Кроме того, группа проводит семинары, коллоквиумы, научные встречи. Участвуя в теме «Источники и генезис этнологии в Европе» (XVI–XX вв.), в сотрудничестве с ИАС (Institut interdisciplinaire d'anthropologie du contemporain – Междисциплинарный институт антропологии современности, исследовательская группа Lahic) и Министерством культуры, бретонские исследователи вносят таким образом свой вклад в работу междисциплинарного исследования европейских учёных, посвящённого истории наследия этнологии и антропологии в континентальном масштабе.

В рамках бретонского центра исследование подразделяется на четыре основные подтемы: История науки в связи с работой Кельтской академии (1799–1812), «Открытие» народного искусства (1840–1857), Научные журналы и исследовательские сети (1870–1920), Институционализация антропологии (1910–1940). Проект выявляет также модели развития этнологии во

Франции, Германии и Англии, проводит сравнение с другими европейскими регионами.

Для деятельности CRBC характерно также довольно активное международное сотрудничество, прежде всего с Великобританией (особенно с кельтскими регионами), соседней Бельгией, Нидерландами. Кроме того, немалый интерес к культуре Бретани проявляют исследователи Канады (прежде всего франкофоны, некоторые из которых являются потомками мигрантов из Бретани), в т.ч. осуществляющие сравнительные исследования (миграции, религиозно-культурные практики, языковой ситуации в Бретани и франкоязычных областях Канады [см. напр.: *Guidroux*, 2010; *Gaëlle*, 2013]. При сравнении социокультурного бытования бретонского языка в Бретани и французского в Канаде выявляются различия в терминологии (в особенности этничности и идентичности) в условиях практического табу на использование термина «этнический» во Франции.

С 2008 г., как отмечалось выше, в состав CRBC вошла также группа исследователей из университета г. Ренна, занятая также кельтскими и бретонскими исследованиями. CRBC (Ренн) – это многодисциплинарная лаборатория, специализирующаяся на изучении культур, языков и идентичности, преимущественно кельтских народов. Она образовалась сначала под названием «Лаборатория Бретани» и «Кельтские страны» (EA 3205), на основе трёх ранее существовавших исследовательских сообществ: «группа БК» – BC (*Breton et Celtique*), которая изучает Бретань и кельтские страны с лингвистического и литературного ракурса, Центр ирландских исследований (CEI – *Centre d'Études Irlandaises*), где ведётся изучение Ирландии на междисциплинарной основе: её литературы, страноведения, изобразительного искусства; группа «Эрмин» – (*Ermine – Équipe de recherche sur les minorités nationales et les ethnicités*), изучающая национальные меньшинства и этнические группы.

Сотрудники «Эрмин» (рук. Р. Ле Коадик) занимаются проблемами идентичности и меньшинств в мире с теоретической, сравнительной и региональной точек зрения. Эрмин – многодисциплинарная группа исследователей, которые с 2004 года изучают не только то, что происходит с мень-

шинствами (национальными или этническими), но и тем, как эти процессы, ситуации осознают сами эти народы [URL 2]. Судя по тематике семинаров на 2018/19 год акцент делается на изучение опыта разных стран при участии специалистов, среди заявленных тем – проблемы территориальной автономии в Колумбии, «активное гражданство» и референдум 2017 г. в Каталонии, меньшинства в Польше (лемки), политическая антропология и гражданство не евреев в Израиле, строительство общественной автономии в стране басков и т.д.

Организаторы семинаров смещают акцент с привычного ракурса рассмотрения меньшинств в призме миграций и политической борьбы в русло изучения возможности автономий и активной гражданственности [URL 2].

Ещё одним научным центром в Бретани, некоторые из исследователей которого занимаются тематически близкими нам вопросами, является Бретонское отделение Дома наук о человеке – MSHB, основное «тело» которого находится в Париже. Наиболее интересными здесь, на мой взгляд, являются международные проекты, ориентированные на изучение Бретани как историко-культурного региона, находящегося на своеобразном «перекрестке» нескольких ареалов культур – французской, кельтской, европейской в целом, а также принадлежащей к большому Атлантическому ареалу.

Неудивительно, что бретонская этнологическая наука включена не только во французскую этнологию, но и развивает связи с соседними и некоторыми дальними регионами. Общность ряда культурных явлений определяет её связи с соседними регионами – с научными центрами Бельгии; регионами кельтской культуры на Британских островах; Канадой, в особенности франкоговорящей её частью, где исторически оседали многие мигранты из Бретани, искавшие счастья в Новом Свете, а также другими странами Америки.

В этой связи интересным является поиск нового «цивилизационного полюса», который условно обозначается макронимом «ААА» и расшифровывается как «Арморика, Америка, Атлантика», сокращенно – «Атлантик». Регион «ААА» как географическое и культурное понятие очевидно отсылает нас к понятию «Средиземноморье», как его обосновал в своих работах

известный французский историк Фернан Бродель [*Braudel*, 1949], учитывавший в объяснении исторического процесса в регионе географические и экономические факторы, понимая этот регион как пространство обмена – экономического, культурного и иного. Исследование AAA, осуществляемое в настоящее время, является мультидисциплинарным, включает в себя историческое, юридическое, этнологическое и иные направления.

В этом институте, также как CRBC, а часто и совместно, периодически проходят интернациональные коллоквиумы, посвящённые рассмотрению той или иной темы с участием Ирландии, Шотландии, Уэльса, а также Канады.

* * *

CRBC сегодня концентрирует специалистов, занимающихся научной деятельностью. Однако этот центр не ограничивает свою миссию исключительно наукой. Это – открытая для общественности структура, здесь периодически проходят встречи ученых с теми, кто интересуется бретонской культурой, специализированная на кельтской тематике библиотека им. Ива Ле Гало, которая открыта не только для университетских деятелей и студентов. При центре действуют (на правах архивов) собрания рукописей известных собирателей фольклора предыдущих эпох, которые в значительной мере уже оцифрованы.

При центре собираются и организуются с помощью последних цифровых технологий и звуковые архивы – записи исполнителей разных жанров фольклорных произведений, каждая из единиц хранения описывается по 15 опциям и содержит резюме. В эти архивы привлекаются материалы культурных ассоциаций Бретани, в первую очередь, крупнейшей из них – Dastum. Такие звуковые архивы организованы как тематическим образом – в соответствии с темами больших исследовательских проектов, так и являются личными собраниями отдельных исследователей.

В настоящее время осуществляется проект, ориентированный на создание большой базы для научной рефлексии под названием «Сельские миры», которая предполагает объединить и сохранить данные междисциплинарных коллективных исследований прошлого (с 1960-х гг.). Проектом ру-

ководит Ж. Лаферте, участвует в нём ряд университетов Франции. Планируется разработать техническое и институциональное устройство для увековечения, документирования и обмена цифровыми данными, собранными в различных форматах (тексты, фильмы, фотографии, звукозаписи, карты и т. д.), которые находятся сейчас в разных учреждениях. Такой корпус документов должен быть доступен всему научному сообществу. Помимо использования наследия истории социальных наук в настоящее время, эта база данных должна служить в будущем и для возможности возвращения и их пересмотра с точки зрения новых достижений науки. [URL 3].

В проекте участвуют пять партнёров: Дом гуманитарных наук Дижона (MSH of Dijon), Центр экономики и прикладной социологии для сельского хозяйства и сельских районов (CESAER, UMR INA – AgroSup, Dijon), Лаборатория сельских исследований (LER, Университет Lumière Lyon 2), Центр исторических исследований Запада (CERNIO, Университет Ренна 2, UMR CNRS 6258), Центр бретонских и кельтских исследований CRBC (Университет Западной Бретани). Этот проект движим амбициозными целями: собрать все документы, касающиеся сельского мира в один корпус; актуализировать архивы как источник этнографической/этнологической работы; сделать этот корпус доступным для всех исследователей.

* * *

Ещё одной характерной чертой этнологии в Бретани, о которой бы хотелось упомянуть, является взаимодействие науки с общественностью через журналы, в которых представлена этнологическая тематика. Статьи в эти издания пишут исследователи, ведущие разговор в доступной, но довольно серьёзной манере. Таковым, например, является периодическое красочное издание «Le Chasse-Marée», которое имеет подзаголовок «Морская история и этнология». В написанных живым языком, доступным не только ученым, но и широкой заинтересованной публике, статьях, сопровождающихся как правило красочным «видеорядом», публикуются статьи о людях, живущих у моря, их образе жизни, культуре, и способах взаимодействия с морем. Торговля, рыбная ловля и морской промысел, повсе-

дневная жизнь, обычаи и суеверия моряков, исторические события и происшествия, происходившие в море, современные и традиционные ремёсла, связанные с мореходством и жизнью на берегу, постройки побережья, морская архитектура – от маяков, которыми начиная с XVIII в. славится Бретань, до кораблестроения.

Впрочем, не только море, но и этнология бретонцев в целом, находит своё отражение на страницах этого издания. С момента создания в 1981 г. «Le Chasse-Marée» выпустил тысячи статей по таким разнообразным темам, как история, морские промыслы сегодня, яхтинг, искусство, морская техника столярных работ, морская архитектура, литература, парусный спорт, рыболовецкие лодки... Тысячи читателей называют это издание настоящей «морской» энциклопедией. Несомненно, что журнал в течение почти 35 лет способствует распространению знаний о морской культуре, сохранению морского наследия.

Как и другие институты и организации, связанные с тематикой бретонской культуры, журнал сотрудничает с учёными и общественными деятелями региона. В 1985 г., по инициативе редакции «Ле Шас-Маре», был организован большой морской праздник «Дуарненэ 86», в финансировании и организации которого приняло участие также Общество Бретонской этнологии. Этот праздник явился началом целой серии историко-этнографических празднеств, которые теперь каждое лето происходят в Бретани.

«Ар Мен» (ArMen) – в переводе с бретонского значит «камень», – ещё один журнал, в котором уже на протяжении двадцати лет этнологическая тематика занимает большое место. По сути дела это т.н. региональный журнал, аналоги которого есть чуть ли не в каждой французской историко-географической провинции. Основной тематикой «Ар Мен» наряду с этнологией заявлены с самого начала и другие направления – история Бретани, её экономика, жилищное строительство, экология, археология, искусство, литература, и т.д. Журнал этот имеет научно-популярную направленность и рассчитан на широкую аудиторию. На первый план в нём поначалу вышли два основных направления, традиционно наиболее сильных в этнологии этого региона – фольклор (включая описание народных традиций и

праздников) и сельская архитектура. По соглашению с учёными, в дальнейшем был сделан акцент на следующие направления в этнологической тематике – типы социальной организации изучаемых обществ (прежде всего бретонского, но не только), традиционные технические знания, производственные навыки и техника, а также символические предметы и знаки. Эти темы были наименее изучены, и несмотря на внимание к ним, конечно же, в рамках журнала «Ар Мен» они существовали в неодинаковой мере. Интерес к материальной культуре вылился в ряд статей по изучению орудий труда, а также по традиционному животноводству, которое ещё существует, например, в Уэссане. Ряд авторов опубликовали статьи о бретонской народной кулинарии. В многочисленных статьях были представлены костюмы бретонских районов – Плугастель-Даулас, Понтиви, земли Бигуден, Дуарненэ и т.д. «Сквозной темой» продолжало оставаться и бретонское жилище: статьи, посвящённые его типологии, технологии строительства.

В значительной степени продолжала присутствовать и традиционная тематика – фольклор и народные праздники, календарные и семейные, музыка. Наибольший интерес был проявлен к инструментам, на которых исполнялась народная бретонская музыка.

Журнал отразил также интерес к специфическим этнологическим областям знания, таким как этнозоология, этноботаника и т.д. В нём появился целый ряд статей, посвящённых местной флоре и фауне: об исчезнувшем ныне волке, сороке, морских млекопитающих, малиновке и т.д.

Социальная же организация бретонского общества привлекала внимание исследователей в гораздо меньшей степени. Так, например, «бретонский матриархат», который, как считается, был в доиндустриальные эпохи весьма характерен для бретонского общества, остался вне поля внимания этнологов, несмотря на то, что при организации журнала эта тема анонсировалась как одна из важных. Возможно, большая теоретичность, концептуальность, которая должна быть свойственна для статей такого рода, ограничивали публикации на тему социальной организации в этом журнале, предназначенном в первую очередь для широкой публики. И тем не менее социальная тематика, в особенности социальные явления в жизни

современного бретонского общества, в виде наблюдений и зарисовок, представлены статьями журналистов. Метод наблюдений, использованный журналистами, близок и понятен этнологам, хотя, конечно же, на научные этнологические обобщения эти работы не претендуют.

Несмотря на то обстоятельство, что «Ар Мен» как журнал по региональной этнографии или даже, как привычнее звучит по-русски, краеведению, почти не публикует теоретических статей, а также новомодных концепций в этнологической науке, тем не менее его значение не ограничивается лишь просветительской, популярной ролью. На страницах этого издания в течение многих лет публиковались и результаты полевой работы, и научные изыскания, касающиеся прошлого. На протяжении ряда лет «Ар Мен» аккумулировал результаты исследований по народной музыке и о музыкантах, исполняющих народную музыку. И эта большая работа, завершилась в 1996 г. многотомной публикацией «Бретонская музыка», которая имеет и звуковую антологию, приложенную к ней в виде дисков.

Итак, бретонская этнологическая наука сегодня, являясь неотъемлемой частью науки французской, имеет, тем не менее, свои особенности, проистекающие из её истории, культурных особенностей региона, а также того обстоятельства, что университетская наука тесно связана с работой экомузеев, культурных ассоциаций, играющих немалую роль в выявлении и сохранении культурного наследия региона. Бретонская этнология, имеющая высокий профессиональный уровень, остается открытой для общественности, интересующейся своей культурой.

Литература:

1. Кимеев, 2008 – *Кимеев В.М.* Этнокультурные функции экомuzeя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: Музеология. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 222–234.
2. Abélès, Rogers, 1992 – *Abélès M., Rogers S.C.* «Introduction» au numéro consacré à l'anthropologie du proche // *L'Homme*. 1992. Vol. 32. № 121. P. 7–13.

* * *

3. Arts et, 1964 – Arts et traditions populaires. P., 1964. Т. 12. P. 74.
4. Augé, 1977 – *Augé M.* Pouvoirs de vie, pouvoirs de mort. P., 1977.
5. Badon, 2012 – *Badon E.* Pardons, Pilgrimage, and the (Re)Construction of Identities in Brittany // *Gender, Nation and Religion in European Pilgrimage.* Surrey. UK: Ashgate, 2012.
6. Belmont, 1995 – *Belmont N.* Aux sources de l'ethnologie française / L'Académie celtique. P.: Ed. CTHS, 1995.
7. Bourquin et al., 2014b – *Bourquin L., Hamon Ph., Hugon A., Lagadec Y.* La politique par les armes / Rapports à l'Etat, conflits et politisations des sociétés littorales du Ponant (XVII-e – XIX-e siècles). Rennes: PUR, 2014: 139–165.
8. Braudel, 1949 – *Braudel F.* La Méditerranée et le Monde Méditerranéen à l'époque de Philippe II. 3 v. P., 1949.
9. Bretagne, 1951 – Bretagne: art populaire, ethnographie régionale: première exposition temporaire / Rivière G.-H., Giot P.-R., Falc'hun F., et al. // Paris Musée national des arts et traditions populaires. 23 Juin – 23 Septembre 1951.
10. Bromberger, 1988 – *Bromberger Ch.* L'habitat et l'habitation: des objets complexes. Quelles directions pour une analyse? // «Habitat et espace dans le monde rural. P.: MSH, 1988.
11. Brunel, 1995 – *Brunel Ch.* L'Académie bretonne au grand séminaire de Quimper // Les parlers de la foi: Religion et langues régionales. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 1995.
12. Cadic, 2000, 2001 – *Cadic F.* Les récits légendaires / Textes réunis, présentés et préfacés par F. Postic. 2 vol. 2000, 2001.
13. Cadic, 2002 – *Cadic F.* Ça et là à travers la Bretagne. Traditions populaires, Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2002.
14. Cadic, 2003 – *Cadic F.* Histoire populaire de la Chouannerie. 2 vol. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2003.
15. Cadic, 2010 – *Cadic F.* Chansons populaires de Bretagne: La Paroisse Bretonne de Paris (1899–1929). Rennes: Presses universitaires de Rennes; Dastum et CRBC, 2010.
16. Cadic, 2012 – *Cadic F.* (1864–1929): Un collecteur vannetais, «recteur» des Bretons de Paris // Actes du colloque de Pontivy des 8 et 9 avril 2010. Brest: CRBC, Vannes, Archives départementales du Morbihan et Rennes, Dastum. Mars. 2012.
17. Cariou, Le Stum, 1997 – *Cariou A., Le Stum Ph.* Pardons et pèlerinages de Bretagne. Rennes: Ouest-France, 1997.
18. Celton, 2008 – *Celton Y.* L'Église et les Bretons. Quimper: Ed. Palantines, 2008.

19. Chevalier, 2001 – *Chevalier E.* Le Musée de Bretagne: Un musée face à son histoire. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2001.
20. Contes, 1998–2000 – Contes et légendes de Bretagne: Les Récits légendaires (textes réunis et présentés par Fañch Postic). Rennes: Presses universitaires de Rennes; Terre de Brume; T. 1–3. 1998–2000.
21. Creston, 2017 – *Creston, René-Yves* (1898–1964). Un artiste breton en quête d'altérité / Fañch Postic, Jean-François Simon (dir.). Brest: CRBC, 2017.
22. Cuisenier, Segalin, 1986 – *Cuisenier J., Segalin M.* Ethnologie de la France. P.: PUF, 1986.
23. Denèfle, 1993 – *Denèfle S.* Une épreuve d'endurance: La Troménie de Gouesnou, actualisation de la tradition // Ethnologie des faits religieux en Europe. Paris, 1993. P. 35–42.
24. Desdouits, Roberge, 2004 – *Desdouits A.-M., Roberge M.* L'ethnologie du proche // Ethnologies. 2004. Vol. 26. № 2. P. 5–19.
25. Emile Souvestre, 2007 – Emile Souvestre, écrivain breton porté par l'utopie sociale (1806–1854) // Actes du colloque de Morlaix, 3–4 février 2006. Bärbel Plotner-Le Lay, Nelly Blanchard dir. Brest: CRBC, 2007.
26. Gaëlle, 2013 – *Gaëlle V.* Héritage, patrimonialisation, revitalisation? : Approche ethnologique des transmissions de la langue bretonne en Bretagne (France) / Eclairée par celles de la langue française en Saskatchewan (Canada), dans les filiations // Anthropologie sociale et ethnologie. Brest: Univ.de Bretagne occidentale, 2013.
27. Gardou, 2010 – *Gardou Ch.* Une anthropologie du très proche // Journal des anthropologues. 2010. № 122–123. P. 15–26.
28. Gens de mer, 2013 – Gens de mer. Ports et cités aux époques ancienne, médiévale et moderne. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2013.
29. Giraudon, 1985 – *Giraudon D.* Chansons populaires de Basse-Bretagne sur feuilles volantes // Skol Vreizh. Morlaix, 1985. N 2.
30. Giraudon, 1999 – *Giraudon D.* Chanteurs de plein vent et chansons sur feuilles volantes en Basse-Bretagne / Colloque international «Musiciens des rues, Musiques dans la rue» / Paris, Musée des ATP 12–13 mars 1998 // Ethnologie française. 1999. T. XXIX. P. 22–34.
31. Giraudon, 2004 – *Giraudon D.* La chanson populaire de langue bretonne sur feuilles volantes // Cultures de Bretagne. Skol Vreizh. 2004. P. 171–176.
32. Giraudon, 2005 – *Giraudon D.* Chanteurs-chansonniers de Basse-Bretagne et feuilles volantes aux XIX-e et XX-e ss. / Actes du colloque de Gaillac des 28–30 novembre 2003 // Isatis cahiers d'ethnomusicologie régionale. La Talvera, 2005. P. 103–115.

-
33. Giraudon, 2016 – *Giraudon D.* La chanson populaire de langue bretonne sur feuilles volantes // *Bécédia* // <http://bcd.bzh/becedia/fr/la-chanson-populaire-de-langue-bretonne-sur-feuilles-volantes>. 2016. Novembre.
 34. Guidroux, 2010 – *Guidroux L.* Appartenances culturelle et ethnologie des migrations: Les Bretons migrants au Québec depuis 1950. Thèse: Brest, 2010.
 35. Guilcher, 1963 – *Guilcher J.-M.* La Tradition populaire de dances en Basse-Bretagne. Paris, 1963. P. 7.
 36. Guilcher, 1965 – *Guilcher J.-M.* Les Formes anciennes de la danse en Berry // *Art et traditions populaires*. 1965. Janvier–mars. P. 3–34.
 37. Guilcher, 1969 – *Guilcher J.-M.* La Contredanse et les renouvellements de la danse française. Paris La Haye: Mouton, 1969.
 38. Guilcher, 1984 – *Guilcher J.-M.* La Tradition de danse en Béarn et Pays basque français. P.: MSH, 1984.
 39. Guilcher, 1994 – *Guilcher J.-M., Guilcher Y.* L'Histoire de la danse, parent pauvre de la recherche. P., 1994.
 40. Guilcher, 2003 – *Guilcher J.-M.* Rondes, branles, caroles: le chant dans la danse. Brest: CRBC, 2003.
 41. Guilcher, 2009a – *Guilcher J.-M.* Danse traditionnelle et anciens milieux ruraux français. Tradition, histoire, société. Paris: L'Harmattan, 2009.
 42. Guilcher, 2009b – *Guilcher J.-M.* Danses traditionnelles en Pyrénées centrales. 2009.
 43. Guillou, 1997 – *Guillou A.* Approche sociologique des pardons et pèlerinages: ce que disent pardonners et pèlerins // *Hauts lieux du sacré en Bretagne*. Brest, 1997. P. 181–190.
 44. Guiomar, 1970 – *Guiomar J.-Y.* Régionalisme, fédéralisme et minorités nationales en France entre 1919 et 1939. Résumé d'un mémoire de maîtrise soutenu en 1968 sur «Les mouvements régionalistes et nationalistes et les partis de gauche en France entre les deux guerres» / Faculté des lettres de Paris / Jacques Droz dir. // *Le Mouvement social*. 1970. N 70. Janvier–Mars.
 45. Guiomar, 1974 – *Guiomar J.-Y.* L'Idéologie nationale. Nation, Représentation Propriété. P.: Ed. Champ libre (coll. la Taupe bretonne), 1974.
 46. Guiomar, 1979 – *Guiomar J.-Y.* La muraille ou l'exercice de la parole, récit. P.: Sagittaire, 1979.
 47. Guiomar, 1987 – *Guiomar J.-Y.* Le Bretonnisme. Les historiens bretons au XIXe siècle / Mayenne: Floch et Rennes, Société d'histoire et d'archéologie de Bretagne (Archives historiques de Bretagne), 1987.

48. Guiomar, 1990 – *Guiomar J.-Y.* La Nation entre l’histoire et la raison, P.: Ed. La Découverte, 1990.
49. Guiomar, 1991 – *Guiomar J.-Y.* Le nationalisme face à la démocratie // Une histoire de la démocratie en Europe. A.de Baecque dir. P.: Ed. Le Monde, 1991.
50. Guiomar, 1996 – *Guiomar J.-Y.* Nations, nationalités, nationalismes en Europe, 1850–1920 // Bulletin de la S.H.M.C. 1996. 1–2. P. 2–71.
51. Guiomar, 2015 – *Guiomar J.-Y.* Peuple, région, nation. Brest: CRBC, 2015.
52. Hammou, URL – *Hammou K.* Quelle place pour la Bretagne dans l’élaboration d’une ethnologie du proche? / Announcement // URL: <https://calenda.org/199188>
53. Hascoët, 2010 – *Hascoët J.* Les troménies bretonnes. Un modes d’anthropisation de l’espace à l’examen des processions giratoires françaises et belges: Thèses. Brest: UBO, 2010.
54. Hoare, 2000 – *Hoare R.* Linguistic Competence and Regional Identity in Brittany: Attitudes and Perceptions of Identity // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2000. 21(4). P. 324–346. P. 335.
55. Identité, 2003 – Identité et démocratie. Diversité culturelle et mondialisation: repenser la démocratie / Le Coadic R. dir. Rennes, 2003.
56. Jacques Cambry, 2008 – Jacques Cambry. Un Breton des Lumières au service de la construction nationale (1749–1807) // Actes du colloque de Quimperlé, 11–12 octobre 2007 / 'Anne de Mathan dir. Brest: CRBC, 2008.
57. Jones, 1998 – *Jones M.C.* Death of a Language, Birth of an Identity: Brittany and the Bretons // Language Problems and Language Planning. 1998. V. 22 (2). P. 129–142.
58. La Bretagne, 1999 – La Bretagne et la littérature orale en Europe // Actes du colloque international de mai 1995. Brest-Mellac: CIRCTO/CRBC, 1999.
59. La Villemarqué, 1837 – *La Villemarqué T.H.* Essai sur l’histoire de la langue bretonne. 1837.
60. La Villemarqué, 1838 – *La Villemarqué T.H.* Barzaz-Breiz. 1838.
61. La Villemarqué, 1859 – *La Villemarqué T.H.* La Légende celtique en Irlande, en Cambrie et en Bretagne. 1859.
62. Landrin, 1888 – *Landrin A.* Les Musees d’ethnographie // Revue des traditions populaires. 3-e année. T. III. N 5. Mai 1888. P. 241–246.
63. Laurent, 1974 – *Laurent D.* Aux origines du Barzaz-Breiz. BSAF, 1974.
64. Laurent, 1977 – *Laurent D.* Autour du Barzaz-Breiz: Le Faucon (Ar Falc’hon). BSAF, 1977.
65. Laurent, 1978 – *Laurent D.* Recits et contes populaires de Bretagne. P.: Gallimard, 1978.

-
66. Laurent, 1989 – *Laurent D.* Aux sources du Barzaz-Breiz: La mémoire d'un peuple. Douarnenez: Le Chasse Marée, 1989.
 67. Laurent, 1994 – *Laurent D.* Chant historique français et tradition orale bretonne / Autour de l'œuvre de Patrice Coirault // Actes du Colloque de Poitiers. Novembre 1994. P. 64–83.
 68. Laurent, Postic, 1995 – *Laurent D., Postic F.* La Bretagne et la Littérature orale en Europe // Actes du Colloque de Quimperlé. CRBC-Manoir de Kernault. Mai 1995.
 69. Laurent et al., 1996 – *Laurent D., Postic F., Prat P.* Les Passeurs de mémoire. Mellac: Manoir de Kernault, 1996.
 70. Le Bouëdec, 2006 – *Le Bouëdec G.* Produits vivriers et matières premières dans le développement du cabotage en Europe atlantique (de la péninsule ibérique à l'Europe du Nord) / Richezza del mare, secc.XIII-e – XVIII-e. Atti delle «Trentasettesima di Studi, Istituto internazionale di Storia Economica». Prato, 2006. № 37. P. 267–285.
 71. Le Bouëdec, 2008 – *Le Bouëdec G.* Les petits ports de la façade atlantique (XVI-e – XIX-e siècles) // A revista da Faculdade de Letras. Historia. III serie. Université Porto. 2008. № 9. P. 11–26.
 72. Le Bouëdec, 2012 – *Le Bouëdec G.* Dynasties et fratries de maîtres au cabotage dans le Golfe du Morbihan au XVIIIe siècle: Un système quiritaire à base familiale pour le contrôle de l'armement maritime // Annales de démographie historiques. Belin, Paris, 2012. № 2. P. 161–185.
 73. Le Bouëdec et al., 2014a – *Le Bouëdec G., Laget F., Vrignon A.* L'homme, la mer et le littoral du Moyen Age à nos jours // Les interfaces maritimes et littorales, évolution e la recherche. Rennes: PUR, 2014, P. 15–46.
 74. Le Bouëdec, 2015 – *Le Bouëdec G.* Histoire maritime et Histoire de l'environnement. P.: PUF, 2015.
 75. Le Braz, 1890 – *Le Braz A.* Chants et chansons populaires de la Basse Bretagne. 1890.
 76. Le Coadic, 1998 – *Le Coadic R.* L'identité bretonne. Rennes: PUR, 1998. 306–307
 77. Le Coadic, 2001 – *Le Coadic R.* L'identité bretonne, situation et perspectives // F. Elégoët. Bretagne, construire, Tud ha Bro. P.14–26, 2001 // URL: <hal-00498513> https://hal.univ-brest.fr/file/index/docid/498513/filename/Identite_bretonne_.pdf, p.2
 78. Le Coadic, 2003 – *Le Coadic R. & TMO.* Enquête sur l'identité bretonne / Sondage réalisé auprès de 1300 personnes dans les cinq départements bretons. Rennes: TMO et Ouest-France, 2003.
 79. Le Coadic, 2013 – *Le Coadic R.* A propos des relations entre langue et identité en Bretagne // International Journal of the Sociology of Language. De Gruyter, 2013. V. 223. P. 23–41 // <hal-00865001> p. 14

80. Le Coadic, 2004 – *Le Coadic R.* Modernité aigüe et minorité. Rennes, 2004.
81. Le Coadic, 2006 – *Le Coadic R.* Les Bretons face au destin de leur langue / Littératures de Bretagne: mélanges offerts à Yann-Ber Piriou. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2006. P. 363–374 <hal-00497973> // <http://www.pur-editions.fr/>
82. Loux, 1979 – *Loux F.* Le corps dans la société traditionnelle. Pratiques et savoirs populaires. P., 1979.
83. Méthodologie, 2006 – Méthodologie de la collecte de mémoire(s). Brest plateau des Capucins / Ph. Jarnoux, coordinateur / Brest: CRBC-UBO, 2006. 71 p.
84. Ozouf, 1981 – *Ozouf M.* L’Invention de l’ethnographie française: le questionnaire de l’Académie celtique // Annales. Economie. Sociétés. Civilisation. 1981. N 2. P. 210–231.
85. Paillard, Simon, 2010 – *Paillard B., Simon J.-F.* En France rurale. Les enquêtes interdisciplinaires depuis les années 1960 / Le Gall L. (dir.) Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2010.
86. Sébillot P. 2011 – *Sébillot, Paul* (1843–1918). Un républicain promoteur des traditions populaires // Actes du colloque de Fougères, 9–11 octobre 2008 / F. Postic dir. Brest: CRBC, 2011.
87. Postic, 1987 – *Postic F.* L’ère des collectes critiques (1870–1914) // Histoire Littéraire et Culturelle de la Bretagne / Sous la dir. de J. Balcou et Y. Le Gallo. Vol. II. Paris-Genève: Champion-Slatkine, 1987. P. 355–365.
88. Postic, 1997 – *Postic F.* Le Beau ou le Vrai ou la difficile naissance en Bretagne et en France d’une science nouvelle: La littérature orale (1866–1868) // Estudos de Litteratura Oral. Université d’Algarve. Portugal. 1997. N 3. P. 97–123.
89. Postic, 1998 – *Postic F.* Luzel et La Villemarqué d’après leur correspondance (1861–1894) // Chrétientés de Basse-Bretagne et d’ailleurs. Mélanges offerts au chanoine Jean-Louis Le Floch. Société Archéologique du Finistère. 1998. CXXVII. P. 261–273.
90. Postic, 1999 – *Postic F.* L’invention d’une science nouvelle: la littérature orale. D’après la correspondance entre Paul Sébillot et Théodore Hersart de la Villemarqué // Bulletin de la Société Archéologique du Finistère. 1999. T. CXXVIII. P. 285–306.
91. Postic, 2001a – *Postic F.* L’animal avalé vivant. Du récit de miracle moyenâgeux à la légende contemporaine // Penn ar Bed. 2001. N 178. Juin. P. 33–42.
92. Postic, 2001b – *Postic F.* La légende de la ville d’Is, une longue tradition orale // La ville d’Ys, une Atlantide bretonne. Catalogue d’exposition du Musée Départemental Breton à Quimper. Quimper: Musée départemental breton. Juin 2001. P. 15–25.
93. Postic, Simon, 2006 – *Postic F., Simon J.-F.* Bretagne et ethnologie // ArMen. 2006. N 11–12 (155). P. 6–15.

94. Provost, 1998 – *Provost G.* La fête et le sacré. Pardons et pèlerinages en Bretagne aux XVII-e et XVIII-e siècles. P., 1998.
95. Segalen, 1980 – *Segalen M.* Mari et femme dans la société. P., 1980.
96. Segalen, 2001 – *Segalen M.* Les études européennes // *Ethnologie. Concepts et aires culturelles.* Dir. de M.Segalin. Paris: Armand Colin, 2001. P. 253–271.
97. Shiva, 1987 – *Shiva I.* Ethnologie en miroir. La France et les pays de langue allemande. P., 1987.
98. Simon, 1985 – *Simon J.-F.* L'architecture rurale française: Bretagne. Corpus des genres des types et des variantes / Avec coll. de Trochet J.-R., Le Couëdic D. Paris: Berger-Levrault, 1985.
99. Simon, 1986 – *Simon J.-F.* Les maison à avancée du Finistère // *ArMen.* 1986. № 1. P. 20–29.
100. Simon, 1987 – *Simon J.-F.* La cheminée dans la maison traditionnelle // *ArMen.* 1987. N 11. P. 44–60.
101. Simon, 1988 – *Simon J.-F.* Tiez, le paysan breton et sa maison. T. 1: Le Léon, Douarnenez / Ed. de l'Estran, 1982 ; T. 2: La Cornouaille, Douarnenez, Le Chasse-Marée / Ed. de l'Estran, 1988.
102. Simon, 1995 – *Simon J.-F.* Rurbanisation et paysage. Le cas de Plouzané (Finistère) // *Paysage au pluriel. Pour une approche ethnologique des paysages.* P.: Ed.MSH, 1995. P. 115–122.
103. Simon, 1996 – *Simon J.-F.* Les «maisons anglaises» du littoral léonard // *Bretagnes. Art, négoce et société de l'Antiquité à nos jours / Mélanges offerts au prof. J. Tanguy.* Brest, 1996. P. 107–122.
104. Simon, 1998 – *Simon J.-F.* Contribution à une anthropologie de l'espace. L'exemple de la Basse-Bretagne. Brest: CRBC, 1998.
105. Simon, 1999a – *Simon J.-F.* Le rond-point «à l'anglaise»: Une ponctuation paysagère dans l'espace de vie de l'automobiliste // *Kreiz 11. La fabrication du paysage,* 1999. P. 297–311.
106. Simon, 1999b – *Simon J.-F.* Les maisons des «marchands et mesnagers» léonards. Une contribution de l'ethnohistoire à l'identification d'un groupe social sous l'Ancien Régime / *Actes du Colloque de Rennes 24–26 mars 1999 // Campagnes de l'ouest. Stratigraphie et relations sociales dans l'histoire.* Rennes: PUR, 1999. P. 317–334.
107. Simon, 2000 – *Simon J.-F.* Les maçons, des démiurges qui s'ignorent? // *Kreiz 12. Gens de métier Tud a vicher,* 2000. P. 109–124.
108. Simon, 2003a – *Simon J.-F.* Reconnaissance d'une culture régionale: la Bretagne depuis la Révolution / *En coll. avec F. Postic, D. Laurent et J.-Y. Veillard // Ethnologie française.* 2003/3. Juillet–septembre 2003. P. 381–389.

109. Simon, 2003b – *Simon J.-F.* L'essor de la 'ferveur' patrimoniale: le culte des ancêtres revisité // Actes du colloque international au château de Kerjean. Monuments, accueil et projets de développement. Les nouveaux enjeux. Saint-Vougay: Association pour l'animation du Château de Kerjean, 2003. P. 50–55.
110. Simon, 2003c – *Simon J.-F.* Quatre siècles de constructions paysannes // La Bretagne. La géologie, les milieux, la faune, la flore, les hommes / sous la dir. De Beaulieu F. Lausanne, 2003. P. 250–261.
111. Simon, 2005 – *Simon J.-F.* Entre sacré patrimonialisé et patrimoine sacralisé // Quel avenir pour nos églises? / F.Roudaut, dir. Brest, Québec, Montréal: Chicoutimi, 2005, P. 31–45.
112. Simon, 2006 – *Simon J.-F.* D'après Olivier Perrin, «ethnographe» avant l'heure: L'enfance en Breiz-izel à la fin du XVIIIe siècle. Du fin bâton de la mère au solide penn-baz du père // La famille change-t-elle? / D. Coum dir. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2006. P. 19–32.
113. Simon, 2008–2009 – *Simon J.-F.* Ethnologie de la France : Avant-première en Bretagne ou la marge comme terrain exploratoire ? / La résistance des marges. Exploration, transfert et revitalisation des traditions populaires des francophonies d'Europe et d'Amérique // Actes du colloque international organisé du 15 au 18 août 2007 à l'Université Sainte-Anne. Port Acadie, revue interdisciplinaire en études acadiennes. № 13–15, 2008–2009. P. 33–43.
114. Simon, 2010 – *Simon J.-F.* Les enquêtes de Plozévet. Quelle place dans les recherches bretonnes en ethnologie du proche? // En France rurale. Les enquêtes interdisciplinaires depuis les années 1960. Rennes: PUR, 2010. P. 189–206.
115. Simon, Postic 2015a – *Simon J.-F., Postic F.* Du folklore à l'ethnologie: traditions populaires et projet universitaire en Bretagne. La contribution fondamentale de Jean-Michel Guilcher // Rabaska. Revue d'ethnologie de l'Amérique française. 2015. V. 13. P. 249–262.
116. Simon, Postic, 2015b – *Simon J.-F., Postic F.* La recherche ethnologique au Centre de recherche bretonne et celtique, à Brest // Rabaska. Revue d'ethnologie de l'Amérique française. 2015. V. 13. P. 299–306.
117. Souvestre, 1928 – *Souvestre E.* Le foyer breton. Traditions populaires. Contes Bretons. Extraits du Foyer Breton. Stuttgart: Waldorschulspielzeug & Verl. G.M.B.H., 1928.
118. Souvestre, 1859 – *Souvestre E.* Histoires d'autrefois. P., 1859.
119. Souvestre, 1866 – *Souvestre E.* Contes et nouvelles. P., 1866.
120. Tanguy, 1975 – *Tanguy B.* Les noms de lieux bretons. Toponymie descriptive / Col. «STUDI» № 3. Rennes, 1975.
121. Tanguy, 1991 – *Tanguy B.* Dictionnaire des noms de communes, trèves et paroisses du Finistère Douarnenez / Éd. Chasse-Marée // ArMen, 1991. N 4.

122. Tanguy, 1992 – *Tanguy B.* Dictionnaire des noms de communes, trèves et paroisses des Côtes d'Armor Douarnenez / Éd. Chasse-Marée // ArMen, 1992. N 4.
123. Thomas, 1979a – *Thomas L.-V.* Civilisation et divagation. Mort, fantasmes, science-fiction. P., 1979a.
124. Thomas, 1979b – *Thomas L.-V.* Mort et pouvoir. P., 1979b.
125. URL 1 – URL 1 // https://www.univ-brest.fr/crbc/menu/Projets_de_recherche/BEROSE
126. URL 2 – URL 2 // <https://www.univ-rennes2.fr/crbc/seminaires-ermine>
127. URL 3 – URL 3 // <https://plozevet.hypotheses.org/tag/ethnologie>
128. URL 4 – URL 4 // [https://www.univ-brest.fr/crbc/menu/Membres+du+laboratoire / Enseignants-chercheurs/Jean-Fran_ois_Simon](https://www.univ-brest.fr/crbc/menu/Membres+du+laboratoire/Enseignants-chercheurs/Jean-Fran_ois_Simon)
129. Van Gennep, 1937 – *Van Gennep A.* Manuel de folklore français contemporaine. T. 3. P.: Picard, 1937.

М.М. Керимова, Г.П. Шантек

ЭТНОЛОГИЯ В ЗАГРЕБСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (2005–2017 гг.)

Этнологическая наука в Хорватии в течение многих десятилетий развивалась в рамках трёх основных учреждений: Отделения этнологии и культурной антропологии Философского факультета Загребского университета (Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju, основан в 1925 г.)^{*}, Загребского института этнологии и фольклористики (Institut za etnologiju i folkloristiku, основан в 1948 г.) и Хорватского этнологического общества (создано в Загребе в 1959 г.). [Подробно о Хорватском этнологическом обществе см.: Jelavić, 2009:7–12]. Кроме того, преподавание этнологии и культурной антропологии ведётся в Задарском университете. Эти учреждения издают эт-

^{*} Кроме того, преподавание этнологии и культурной антропологии ведётся в Задарском университете.

нологические журналы: «Исследования по хорватской этнологии» (*Studia ethnologica Croatica*, выходит с 1989 г. [Подробнее см.: *Studia ethnologica*, 2016:1–2]) – орган Отделения этнологии и культурной антропологии Загребского университета, «Этнологическая трибуна» (*Etnološka tribina*, с 1970 г.) – орган Хорватского этнологического общества и «Народное искусство: хорватский журнал этнологии и фольклористики» (*Narodna umjetnost: hrvatski časopis za etnologiju i folkloristiku*)₂ издается с 1962 г. Институтом этнологии и фольклористики. Кроме того, этнология в Хорватии формировалась в рамках множества этнографических музеев. В 1910 г. был создан Этнографический музей регионального значения в Сплите, в 1919 г. – Этнографический музей в Загребе с большой коллекцией неевропейских предметов, а в 1955 г. – такой же музей в Пазине. Этнографические коллекции хранятся также в городских музеях Осиека, Винковцев, Лаково, Славонского-Брода, Вировитицы, Слатины, Подравской Слатины, Беловара, Копривницы, Чаковца, Вараждина, Самобора, Великой Горицы, Сиска, Карловца, Госпича, Задара, Шибеника, Дубровника и др. Этнографический музей в Загребе с 1934 г. издаёт ежегодник «Этнологические исследования и материалы» (*Etnološka istraživanja i građa*), а Этнографический музей в Сплите с 1992 г. – журнал «Этнология Далматика» (*Ethnologica Dalmatica*).

Цель настоящей статьи: представить исторический обзор становления и развития этнологических знаний в хорватской образовательной сфере и, в частности, в Отделении этнологи и культурной антропологии Философского факультета Загребского университета, проанализировать проблематику лекционных курсов, методику и методологию преподавания в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре с 2005 по 2017 г., обозначить основные направления хорватской этнологии и оценить роль Отделения этнологии и культурной антропологии в хорватском общеобразовательном процессе. Выбор указанного отрезка времени определяется новым этапом институализации этнологических знаний в Хорватии в связи с переходом на общеевропейскую систему образования (бакалавриат+магистратура).

* * *

Первые этнографические сведения в хорватских источниках появились ещё в середине XII столетия в летописях попа Дуклянина и Фомы Архидиакона (первая треть XIII в.), писавших о верованиях и обычаях хорватов. В 1568 г. поэт-гуманист П. Гекторович опубликовал свои этнографические заметки «Рыбная ловля и рыбацкие присказки», но только во второй половине XIX в. интерес к этнографическим исследованиям резко повысился. Это время в хорватских землях было ознаменовано ликвидацией феодальных отношений, реформированием крестьянских хозяйств и становлением крестьянского сословия как важной политической силы, процессом создания национальных культур [Фрейдзон, 1993]. Всё это привело к усилению интереса ко всему народному, что отличает собственный народ от другого. Впоследствии изучение идентичности стало одой из важнейших предметных областей этнологии.

Внедрение этнографии/этнологии в образовательный процесс началось в хорватских народных, профессиональных, ремесленных и учительских школах и гимназиях во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в. в рамках преподавания географии. Первый (1874) и второй (1888) школьные Уставы об образовании предписывали вводить в народные и средние школы обязательные уроки землеописания. В середине XIX в. появились школьные хрестоматии, в которых были разделы о нравах, обычаях, традициях, материальной культуре родного края, фольклоре, общественных отношениях и т.д.

В последней четверти XIX в. большой вклад в развитие культурного наследия хорватов внёс реформатор школьного образования И. Кршняви (I. Kršjavi). Появились сведения о расах, языках населения земного шара, о других славянских народах. Начали издаваться многочисленные школьные учебники (например, П. Матковича, Й. Модестина), в которых содержались сведения не только об этносах Австро-Венгерской монархии, но и других народах земного шара.

Новым школьным Уставом 1929 г. было введено преподавание народной культуры в школах и гимназиях [Подробнее о преподавании этнологии в хорватских школах см.: Škrabalo, 2009:57–74]. А в 1930 г. решением Ми-

нистерства образования Королевства Югославии в новом учебном плане появилась обязательная дисциплина «этнология», которая преподавалась в 7-м классе средних школ, классических и реальных гимназиях в рамках общей географии [Rapo, 2007:12]. Это продолжалось до 1931/32 учебного года, когда этнография была включена в курс географии. В 1940-е гг. в школах продолжалось достаточно углублённое изучение этнографии.

Отметим, что ещё в 1932 г. Й. Эрдельянович издал учебник «Основы этнологии», который использовался в средних школах и ВУЗах (в приложении ко второму изданию учебника 1936 г. вышли «Методологические рекомендации»). Известный хорватский этнолог М. Гавацци опубликовал рецензию на учебник Эрдельяновича, в которой критиковал выдвинутые последним дефиниции этнологии, разделение её на общую и частную, предложение рассматривать в качестве предмета этнологии понятие «народ», а не «культура» и др., и в целом подверг критике этот учебник, как не имеющий фундамента для этнографии и этнологии хорватов и других южных славян [Rapo, 2007:14]. Через два года после переиздания учебника в средних школах Хорватии были введены даже семинарские занятия по этнологии, но проф. Гавацци считал это лишь «введением неразберихи» для учителей.

С образованием Бановины Хорватии (Banovina Hrvatska) начался новый этап в развитии этой учебной дисциплины, которая была выделена как особый предмет преподавания, а также призвана стать связующим звеном между городом и селом, заложить идеи и основы нового хорватского общества. В рамках обществ «Seljačka sloga» и «Klub ABC» начали свою многолетнюю деятельность два профессора – Милован Гавацци и Бранимир Братанич. Они в Народном университете Загреба с 1939 г. организовали курсы повышения квалификации учителей, а в 1940 г. был издан первый учебник Гавацци «Этнология хорватов», ставший в то время единственным учебником для школ и университетов; к нему прилагался список необходимой литературы. Кроме того, в журнале «Nastavni vjesnik» Гавацци опубликовал статью, в которой обозначил рамки этнологии как самостоятельной науки и писал о ней как предмете школьного обучения, критикуя при этом разделы «Этнография» в хорватских школьных учебниках.

В 1940 г. Министерство просвещения Хорватии постановило обязать сельских учителей вести т.н. «Этнографические памятные книги», в которых они фиксировали бы этнографические сведения в своём регионе. Для собирания информации в помощь всем школам было разослано «Собрание сочинений А. Радича» – известного политика, этнолога, знатока крестьянской народной культуры, в то время, как Гавацци и Братанич контролировали сбор информации. В 1940 г. организацией «Seljačka sloga» в сотрудничестве с «Klub ABC» и Этнологическим семинаром Загребского университета была организована конференция для учителей сельских школ и всех желающих, целью которой было подведение итогов преподавания этнологии. На конференции выступил Гавацци, который говорил о задачах развития преподавания этнологии, об издании научных книг, о сборе этнографической информации в рамках издания «Etnološke spomenice» (Этнологические памятные книги), углублённом изучении сельских культурных традиций. Некоторые из сельских учителей в начале 1940-х гг. даже издали по своим собранным материалам этнографические труды, такие как, например, М. Маркович «Народные обычаи из Славонской Посавины», Л. Бргич «Использование этнографии в преподавании в народных школах и сбор материалов для издания "Этнологических памятных книг"», З. Шполяр «Сборник народной жизни и обычаев», кроме того, были изданы «Инструкция и методические указания для изучения народной культуры».

В это же время появились новые учебники «Этнология для старших классов средней школы» В. Беленовича и справочник М. Гавацци «Этнография хорватов». В 1942–43 гг. преподавание этнографии в школах было прекращено, однако в 1944 г. вышло «Руководство для собирания сведений о народной жизни» Л. Бргича, а преподавание этнографии возобновилось только в классических и реальных гимназиях. В 1946–47 гг. в уроки географии 5-го класса средней школы включили раздел этнографии; во второй половине XX в. этнография преподавалась в рамках других дисциплин.

Обучение этнографии в школах подготовило почву для институализации этой науки. В 1874 г. на Философском факультете Загребского уни-

верситета было принято решение по включению этнологических и фольклорных тем в планы преподавания на разных кафедрах университета. Лекции по этнологической и фольклорной проблематике изначально были представлены на Кафедре славянской филологии где, например, известный хорватский лингвист и ректор Загребского университета Армин Павич* в 1875/76 академическом году читал цикл лекций «Хорватские народные песни», лингвист и филолог Томо Маретич «Верования древних славян» и «Историко-этнографический обзор южных славян с VI по IX в.», а филолог-славист, лингвист и этнолог Драгутин Боранич вёл семинары по проблемам славянского крестьянского жилища. Большой вклад в развитие этнологии и фольклористики на Философском факультете внёс Драгутин Боранич, который в 1927 г. стал деканом Философского факультета. С 1904 по 1955 г. под его редакторством на факультете выходил «Сборник о народной жизни и обычаях южных славян». В Отделении географии академик Петар Маткович с 1888 г. читал курс по антропогеографии и физической географии, публиковал материалы различных путешествий. Ранее, в 1867 г. он работал в качестве секретаря комитета по сбору материалов для Этнографической выставки в Москве, которая должна была стать образцом для подготовки экспозиции Этнографического отдела Национального музея в Загребе. В Отделении истории искусства и археологии И. Кршняви использовал в своих лекциях по истории искусства, археологии и истории культуры данные своих полевых исследований по хорватским ремёслам, особенно по производству текстиля, а также материалы из этнологической литературы и многочисленных источников. Проф. В. Ягич читал в Загребском университете лекции по народным говорам, В. Богишич – по юридической антропологии, Ф. Ксавер-Кухач – по этномузыкалогии, Н. Ноди́ло – по реконструкции религии на основе устного народного творчества, Ф. Краус по южнославянским обычаям, верованиям и преданиям [Рапо, 2007: 26].

* До А. Павича Матия Петр Катанчич (1750–1825), опираясь на Я. Коллара и говоря о классификации науки и ее связи с лингвистикой, на первом месте по близости к ней ставил этнологию или знание о племенах и народах. Согласно его пониманию, этнология исследует этногенез, судьбы и переселение племен.

Ф. Рачки – первый президент Академии наук Хорватии в 1888 г. основал «Комиссию по сбору памятников литературы», нацеленную на изучение хорватской истории, языка, народной жизни и обычаев. Все собранные материалы публиковались в «Сборнике народной жизни и обычаев южных славян» (*Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*), первый номер которого был издан в 1896 г. Таким образом, в конце 1890-х гг. формируется осознание этнологии как специальной научной дисциплины, а проф. А. Радич – главный редактор сборника становится первым профессиональным этнологом. С 1896 г. этот сборник является ежегодным изданием Комиссии по изучению народной жизни и обычаев (основана в 1888 г. в рамках Югославской академии наук и искусств). До Второй мировой войны издание публикует материалы о народной жизни, собранные по просьбе редактора А. Радича, а после войны в нём публикуются различные материалы по фольклору, этнологии и антропологии. Сегодня журнал посвящён критическому обзору книг по этнологии, а также научных работ, написанных на основе архивных материалов Комиссии по изучению народной жизни и обычаев.

В этот же период насущной проблемой стало составление инструкций по сбору полевых материалов. Для этого в 1897 г. были изданы «Основы для собирания и изучения материалов о народной жизни», утверждённые А. Радичем, позднее разосланные по всем регионам Хорватии учителям и священникам. В результате обобщения собранной информации появилось множество монографических исследований о хорватском селе.

Отметим, что в 1920-е гг. на Богословском факультете Загребского университета была основана Кафедра сравнительного изучения религий, которую до 1960 г. возглавлял А. Гах (*Gahs*), преподававший религиоведение и теологию. После него кафедру возглавил Т. Иванчић.

Наконец, 27 января 1925 г. по решению Министерства образования была основана самостоятельная Кафедра этнологии и этнографии Философского факультета. Первым лектором на ней стал доктор наук, филолог и фольклорист Петар Булат. В мае 1925 г. деканат Философского факультета предложил следующий план преподавания на кафедре: 1) Вве-

дение в этнологию (4 часа в неделю), 2) Избранное из славянского фольклора (1 час в неделю), 3) семинарские занятия (3 часа в неделю). В мае того же года доктор Булат предложил создать Этнологический семинар и Отделение для проведения семинарских занятий, которые планировалось проводить в специальных помещениях для экспонатов и книг. П. Булат разработал план Этнологического семинара, но ему не удалось осуществить это важное дело, поскольку в марте 1926 г., после трёх семестров, он ушёл на пенсию. Преподавание этнологии было прервано на 3 семестра и возобновилось в 1927/28 учебном году, когда (на место Булата) экстраординарным профессором этнологии и этнографии был назначен Милован Гавацци (1896–1992), который до этого работал в Этнографическом музее в Загребе. Таким образом на кафедре этнологии в 1927/28 учебном году вновь возобновились занятия. Гавацци полностью реформировал исследования этнологии на факультете и разработал методику семинарских занятий.

Уже в зимнем семестре 1927/28 гг. он начал читать курсы: 1) Введение в этнологию (2 ч. в неделю), 2) Жизнь и культура праславян (2 ч. в неделю), 3) семинарские занятия (по договоренности) (2 ч. в неделю). С приходом проф. Гавацци на факультете начинается новый этап издания учебных пособий и исследовательской работы. В следующие три года он издаёт исследование о научной деятельности Этнологического семинара, который в то время имел отдельные помещения для работы, богатую библиотеку с иностранной и хорватской научной литературой, фотолабораторию и внушительную коллекцию этнографических экспонатов. В 1930 г. завершается строительство нового здания факультета и Этнологический семинар перемещается в новое здание, где были созданы лучшие условия для хранения экспонатов и фотографического оснащения. Именно в эти годы были полностью разработаны планы преподавания этнологии и программы, которые включали историю этнографии/этнологии, вводные лекции с обзором национальной традиционной культуры, культуры славянских и других европейских и неевропейских народов. Некоторое время на кафедре велось преподавание физической антропологии, а с 1950 г. – этнографического

музееведения. Преподавались и вспомогательные дисциплины: введение в археологию и диалектологию. В качестве интенсивных курсов изучались языки балканских и других соседних народов с акцентированием связей этих языков с языками южных славян. В последующие десятилетия курсы дополнялись новыми предметами, увеличивалось количество кафедр, расширялся штат профессоров и научных сотрудников. Основной упор в преподавании этнологии делался в эти годы на изучение культуры южнославянских народов, особенно хорватов.

Кроме того, Гавацци и Братанич заложили основы этнографического картографирования, которое в течение нескольких десятилетий было одним из приоритетных проектов кафедры. В рамках этого проекта были изданы две карты: схематическая карта всего Балканского полуострова и карта Хорватии. В процессе их издания накапливался опыт, отрабатывались новые принципы и методология, что явилось стартом к созданию Этнологического атласа Югославии, которому проф. Братанич посвятил всю свою научную деятельность. Впоследствии его работу продолжил проф. В. Белай.

Необходимо отметить, что в Хорватской этнологии доминирующей традицией второй половины XIX в. – конца 1920-х гг. была родиноведческая тематика (*Volkskunde*), которая подразумевала углублённое и разностороннее изучение своего народа и различных элементов его культуры. Очень распространены были исследования традиционной материальной и духовной культуры. Для их изучения был характерен исторический подход: рассматривалась не только сохранившаяся в настоящее время традиционная культура, но и её функционирование при феодализме, капитализме, и даже в античную эпоху. Исследуя происхождение современных этнографических явлений, учёные «делали экскурсии в область древней истории и пытались реконструировать явления этнической истории народов» [Токарев, 1978:331]. С началом деятельности на кафедре проф. М. Гавацци этнология выходит за рамки родиноведения, круг изучаемых проблем расширяется на другие европейские и неевропейские народы. Гавацци прожил длинную жизнь и оставил огромное научное наследие: список его трудов насчитывает 240 позиций (они прижизненно переизда-

вались по несколько раз). До конца своей деятельности он был увлечённым полевым исследователем, собрал множество предметов быта, считая эти экспонаты необходимым подспорьем в преподавательской деятельности. В своих полевых выездах стремился использовать самые современные средства фотографирования, киносъёмки и другие медийные средства. Он объехал 220 хорватских, боснийских и герцеговинских сел, обследовал южную часть Италии, в которой проживало хорватское население. Все собранные им предметы передавались на хранение в Этнологический семинар. В настоящее время коллекция находится в Этнографическом музее Загреба.

Отметим, что изучение этнологии тогда включало в себя обзор истории этнологии, курс национальной традиционной культуры, культур славянских и других европейских и неевропейских народов. Кроме того, в рамках работы кафедры Гавацци поощрял развитие научной деятельности: сбор, публикацию материалов, съёмки этнографических фильмов и заложил, как мы уже отмечали, основы этнологической картографии. По новому указу на Философском факультете в 1928 г. было создано 30 исследовательских направлений, в каждое входило три предмета. Этнология изучалась в рамках антропогеографии, общей истории и исследования этнических групп. После реорганизации факультета в 1948 г. было утверждено 12 исследовательских направлений, а с 1952 г. ввели двустороннее исследование. Этнология изучалась по новым организационным правилам: был введён основной предмет, который преподавался на протяжении восьми семестров, второй предмет – шести семестров. Эта реорганизация в 1954 г. показала, что все исследовательские проекты были в принципе двудисциплинарными, что позволяло комбинировать и соединять предметы. Научная работа в области этнологии тогда в основном велась мужчинами, но и женщины постепенно начинали участвовать в исследованиях: первой женщиной, окончившей Кафедру этнологии была Боженка Полич (21 июня 1933 г.).

М. Гавацци, имея различные обязанности в Хорватском этнологическом сообществе, в 1950-е гг. сочетал их с должностью декана факультета, его репутация среди европейских этнологов была огромной. В 1970 г. Венский

университет наградил М. Гавацци премией Гердера^{*} за выдающуюся деятельность по развитию культурных связей между странами Центральной и Восточной Европы и за вклад в сохранение европейского культурного наследия и взаимопонимания между народами^{**}.

Ещё одной крупной научной фигурой Кафедры этнологии, о которой стоит написать подробнее, был Бранимир Братанич (1910–1986). [Подробнее см.: *Belaj*, 2005:5–6; *Pletenac, Tomislav* 2005:7–23; *Pletenac*, 2006; *Slavec Gradišnik*, 2012:7–30]. С 1936 г. он присоединился к преподаванию, которое тогда вёл практически один только Гавацци. Первоначально Братанич работал на кафедре этнологии в качестве первого ассистента, а в конце 1930-х гг. стал старшим ассистентом. Его учебная программа охватывала историю и теорию этнологии и культуры земледельческих народов Старого Света, кроме того, он способствовал развитию этнологической картографии. Основным научным интересом Братанича в области этнографии были земледельческие орудия^{***}. Кроме того, он написал труды общетеоретического характера^{****}. Интересны высказывания ученика и соратника Гавацци и Братанича, старейшего профессора Отделения этнологии и культурной антропологии Витомира Белая. В своём интервью он отмечает,

* Ежегодная международная премия Гердера выдается за достижения в науках, искусствах и литературе. Учреждена в 1963 г. и вручается учёным и художникам из стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

** Основными трудами, прославившими учёного были: «Годовой цикл хорватских народных обычаев» (*Godina dana hrvatskih narodnih običaja*, Zagreb, 1939, труд переиздавался в 1988 и 1991 гг.); «Обзор хорватской этнографии» (*Pregled etnografije Hrvata*, Zagreb, 1940); «Судьба древнеславянского наследия южных славян» (*Sudbina stare slavenske baštine kod Južnih Slavena*, Beograd, 1959); «Источники и судьбы народных традиций» (*Vrela i sudbine narodnih tradicija*, Zagreb, 1978); «Наследие хорватского села» (*Baština hrvatskog sela*, Zagreb, 1991). Весьма интересна, например, статья Гавацци «Построение хорватской народной культуры», где «автор тщательно рассматривает все элементы быта и культуры хорватского крестьянина, сопоставляя их с разными историко-культурными «слоями» [*Токарев*, 1978:337].

*** См., например, его труды «Орудия труда у хорватов» (*Orače sprave u Hrvata* (1939), «Происхождение орудий труда у хорватов» (*Podrijetlo oračih sprava u Hrvata* (1947), «Орудия труда Центральной части Балканского полуострова» (*Orače sprave centralnog dijela Balkanskog poluotoka* (1953), «Кое-что о древности плуга у славян» (*Nešto o starosti pluga kod Slavena* (1954).

**** «Проблема переселения Южных славян» (*Uz problem doseljenja Južnih Slavena* (1951), «Региональная и общая этнология» (*Regionalna i opća etnologija* (1952), «Взгляд на 200 лет развития этнографических знаний» (*Pogled na 200 godina etnološke znanosti* (1977).

что в блестящих лекциях Гавацци «о теории и методе он не говорил, эту задачу предоставил Братаничу». Гавацци чётко придерживался «культурно-исторического» метода в этнологии. О применении, особенностях и преимуществах культурно-исторического метода в хорватской этнологии [подробнее см.: Černelić, 2007]. «У Братанича было по-другому: у него были записи, которые он использовал при чтении лекций, но он всегда импровизировал... В своём "Введении в этнологию" Братанич представил историю этнологической мысли последовательно, следуя старым определениям этнологии как исторической дисциплины. Новые идеи он не анализировал, хотя говорил о них, подчёркивая только то, что соответствовало его видению этнологии» [Šantek, Komar, 2017: 260–268]. В этом же интервью В. Белай очень увлекательно рассказывает о встрече в Хорватии с академиком Ю.В. Бромлеем и общении последнего с Братаничем.

Основной тематикой его преподавания была история и теория этнологии и культура земледельческих народов (в 1947 г. он защитил докторскую диссертацию на тему: «Происхождение земледельческих орудий в Хорватии»). Параллельно в 1947–49 гг. он преподавал в высшей педагогической школе в Загребе. С 1949 г. читал регулярные курсы: 1) Народы и культуры Европы, 2) Народы и культуры Кавказа, 3) Народы Передней и Центральной Азии и Северной Африки, а также Введение в этнологию и вёл этнологические семинары. В 1951 г. он стал доцентом кафедры, с 1955 – экстраординарным профессором, а в 1960 г. – ординарным профессором и заведующим кафедрой Общей этнологии, в 1965 г. возглавил Отделение этнологии после ухода М. Гавацци на пенсию, оставаясь на этом посту до 1981 г. Параллельно он был директором Института этнологии, а в 1984 г. получил звание его научного руководителя.

После реструктуризации Философского факультета в 1960 г. Этнологический семинар был преобразован в Отделение этнологии (так продолжалось вплоть до 1982 г., когда было вновь изменено его название). В рамках Отделения этнологии существовала Кафедра национальной этнологии (изучение хорватской культуры и культуры соседних народов), которую возглавил Гавацци, а также Кафедра общей этнологии (исследования культур не-

европейских народов) во главе с Братаничем. В период с 1982 по 1992 г. Отделение этнологии носило название Институт этнологии (Etnološki zavod Filozofskog fakulteta). Здесь выходило серийное издание «Публикации Института этнологии Философского факультета Загребского университета» (Publikacije etnološkog zavoda Filozofskog fakulteta Sveucilista u Zagrebu). В 1993 г. Институт был переименован в Отделение этнологии. Как отмечает профессор В. Белай в 1993/94 учебном году в Отделении работало всего два профессора и два ассистента [Šantek, Komar, 2017: 264], а Институт этнологии влился в него как научно-исследовательское подразделение.

Проф. Братанич, как и Гавацци с 1935 по 1945 гг. вёл обширные полевые исследования в Боснии и Герцеговине, Прокупле (Сербия), Белой Крайне, Хорватском Загорье и Подравине, собирал экспонаты, фото и рукописные материалы для Этнологического семинара и Этнографического музея в Загребе, но особый вклад именно Братанич внёс в развитие этнографического картографирования. Он являлся членом и председателем Международной комиссии атласов, основанной в Бельгии в 1953 г., координировавшей работу по Этнологическому атласу Европы. Братанич стремился разработать технику картографии, поэтому в 1958–1960-е гг. при его деятельном участии был создан вопросник, включавший 90 вопросов и предварительное исследование 1660 населённых пунктов, охватывающих пять тем. В 1963 г. уже было охвачено 192 темы с 2500 вопросами, а в 1970-е гг. на основе огромного массива материалов он начал картографировать этнографические явления, но, к сожалению, I-й том Этнографического атласа Европы (ЕАЖ) был издан только после его смерти.

Отметим, что с 1953 г. начали делаться попытки скоординировать работу по созданию этнографических атласов, ведущуюся в ряде европейских стран. В 1961 г. Братанич на философском факультете в Загребе основал Центр подготовки этнологического атласа Югославии (ЕАЖ). С 1961 г. он возглавляет работу по его подготовке с центром в Загребе. С 1961 г. в Отделение этнологии был включен Центр этнологического атласа Европы и соседних стран, в 1984 г. переименованный в Центр этнологической кар-

тографии, объединивший в то время всю деятельность по картографированию и в 1999 г. включённый в состав Отделения этнологии.

С 1989 г. Центр выпускал журнал «*Studia ethnologica*». С пятого номера 1993 г. журнал стал носить название «*Studia ethnologica Croatica*». С 1970 г. Отделение в сотрудничестве с Хорватским этнологическим обществом создали журнал «Этнологическая трибуна» (*Etnološka tribina: Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva*).

С 1968 г. Братанич стал председателем Постоянной международной комиссии этнологического атласа. Начиная с 1966 г. работа по подготовке атласа значительно активизировалась, особенно благодаря его энергичной деятельности и при поддержке со стороны советских ученых, что заложило основы международного сотрудничества этнографов европейских стран в составлении национальных атласов общеевропейского этнографического атласа. В период с 1973 по 1977 г. объединёнными усилиями югославских этнологов было проведено полное картографирование (подготовлены карты по темам «Годовые ритуальные огни», «Виды пахотных орудий» и т.п.) [*Брук, Токарев, 1966; Бромлей, Каишуба, 1975:321*].

С 1961 г. на Философском факультете была впервые начата подготовка аспирантов по специальности «этнология». Количество сотрудников кафедры, занятых на преподавательской, научной и организационной деятельности постепенно увеличивалось; здесь трудились: А. Стоянович (1914–1985), М. Ишгум (1931–1999), Д. Палошья (1930-е – 2005), Я. Андрич (с 29 ноября 1934), В. Белай (с 8 ноября 1937) и др. В 1970 г. к преподаванию в Отделении подключается ассистент и сотрудник этнолог Витомир Белай, до этого служивший хранителем Градишчанского музея в Вараждине и областного музея в Птуе. Он также стал неоценимым помощником в работе по составлению атласа. С 1980 г. В. Белай становится руководителем Отделения этнологии и ведущим специалистом в реализации его различных научных проектов и в 1998 г. получает звание ординарного профессора этнологии. В. Белай с начала своей работы в Отделении этнологии и до выхода на пенсию в 2008 г. внёс огромный вклад в разработку разных проблем этнологии, внедрил новые направления исследований и расширил тематику препода-

давания, ввёл новые курсы, а также много времени уделил организационной деятельности Отделения, возглавив подготовку аспирантов, чем способствовал развитию этнологических знаний в Хорватии в целом. С 1989 г. он выпускал журнал «*Studia ethnologica Croatica*». 9 июня 2009 г. ему было присуждено звание почетного профессора Загребского университета.

В 2000 г. в Отделении этнологии к двум уже существующим (Кафедре общей этнологии и Кафедре национальной (хорватской) этнологии) прибавилась Кафедра этнологии и картографии. С 2004 г. Отделение институционально подтвердило своё расширение и внедрение современных теоретических течений и по решению Научно-образовательного совета было переименовано в Отделение этнологии и культурной антропологии [Šaro Žmegač, Gulin Zrnić, 2008:97–105].

Если рассмотреть историю термина «культурная антропология», то необходимо отметить, что он имеет американское происхождение и был введён в первой трети XX в. представителями т.н. культурно-исторической школы в антропологии. В США употреблялся наряду с ним термин «этнология». Культурной антропологией обычно обозначают часть универсальной науки о человеке и его культуре (антропологии). В последнюю входит, помимо культурной, физическая антропология, которая изучает телесные параметры человека (антропометрию, соматологию, расовую антропологию и др.), включая эволюцию человека. По мнению многих американских ученых, культурная антропология понимается как некая собирательная дисциплина, включающая в себя несколько научных дисциплин: археологию (изучение останков прошлого), этнографию (чистое описание привычек и обычаев народов), этнологию (сравнительное изучение прошлого и настоящего народов), фольклор (коллекционирование и анализ эпоса, музыки и повествований, сохраняемых устной традицией), социальную антропологию (изучение социальных процессов и социальной структуры), лингвистику (изучение живых и мертвых языков) и изучение культуры и личности.

Для европейской науки, характерны иные обозначения. В Великобритании и Франции дисциплина называлась первоначально «этнологией»,

а в XX в. более распространённым стал термин «социальная антропология» (social anthropology), введённый всемирно известным исследователем Д. Фрезером. В немецкоязычных странах традиционно различают Völkerkunde, изучающую заморские культуры и Volkskunde, ориентированную на европейские страны, на собственные народные культуры. В России под термином «антропология» традиционно понимали только физическую антропологию. Культурно-антропологические аспекты изучения различных культур и субкультур входили в комплексную дисциплину, которую более ста лет обозначали термином «этнография» [Васильев, 2002:6–7]. Аналогичной позиции придерживался А. Белик, считая, что культурная антропология состоит из археологии (материальная культура), антропологической лингвистики (дескриптивной, структурной и социо- или этнолингвистики) и собственно этнологии. Культурная антропология состоит из этнографии, основанной на полевых исследованиях, и этнологии, базирующейся на кросс-культурных сравнениях. Главный предмет исследования культурной антропологии – общее и особенное в различных культурах [Белик, 2009:37, 38].

В Хорватской этнологии, как часто и в советской, а сейчас в российской, обычно приравниваются понятия этнологии и культурной (социокультурной) антропологии [см. также: Бромлей, 1979:7–8; Milenković, 2014:5–23; Prica, 1998/1999:9–22].

В 2006 г. была создана четвёртая Кафедра культурной антропологии. С 2005/06 учебного года на Отделении по Болонской системе введены бакалавриат и магистратура (пятилетнее обучение 3+2), в которое были включены исторические и общественные дисциплины: этнология, археология, история, что подтвердило внедрение новых теоретических направлений, широко распространённых в других странах Европы и Америки.

Важно отметить, что при Отделении с 1927 г. существует богатая библиотека с коллекцией диапозитивов, фототекой, фильмотекой и архивом рукописных этнографических материалов [Kelemen, Rubić, 2006:99–114]. Научный архив библиотеки содержит важные материалы по подготовке Этнологического атласа, которые из-за их ценности имеют гриф: «охраняется Министерством культуры Республики Хорватии». Кроме

того, здесь отложились архивные материалы, связанные с широким кругом проблем, характерных для разных регионов Хорватии. Рукописные материалы собраны в рамках научно-исследовательской и преподавательской деятельности Отделения в период с 1930-х гг. и до наших дней, и содержат 2000 единиц хранения (записи профессоров Отделения, сотрудников, осуществлявших разные проекты, и студентов). Все эти материалы составляют шесть сборников («Старые записи», «Сельские и семейные общины», «Ассоциации и их этнологические показатели», «Студенческие семинарские работы», «Работы аспирантов», «Коллекция новых материалов»). Архив по-прежнему обновляется собранными материалами по текущим проектам. Кроме рукописного фонда здесь хранится большое количество фотографий. Чтобы облегчить поиск и использование документов в настоящее время планируется создание электронной базы данных в виде онлайн-каталога и оцифровка наиболее ценных и ветхих материалов.

Что касается собрания этнографических экспонатов, ранее хранившихся на факультете, то в 1964 г. оно было передано в Этнологический музей Загреба. Библиотека Отделения является неотъемлемой частью Общей библиотеки Философского факультета, а особо ценная её часть – собрание книг М. Гавацци, которое хранится как отдельная коллекция «*Ex libris* Милован Гавацци» [URL 1]. Библиотека оснащена кабинетами с использованием новых медийных технологий, это трёхмерные изображения этнографических предметов, оцифрованные старые кадры и т.п.

Для новых этнологических исследований последнего 20-летия характерны сохранение традиций прошлого наследия хорватской этнологии, ускоренные темпы развития хорватской науки в целом и связи её с европейскими исследованиями. В настоящее время сильно расширились границы проблематики исследований (по тематическому и по территориальному принципу). Таким образом был преодолен традиционный разрыв между *Volkskunde* и *Völkerkunde*.

Благодаря изучению только этнологии или этнологии в сочетании с одним или двумя другими исследовательскими направлениями более 1200

студентов (с момента образования Отделения) закончили магистратуру и аспирантуру. С 2005 по 2017 гг. только магистратуру окончили около 400 человек (примерно 30 чел. ежегодно). Богатые традиции, созданные и сформированные в Отделении многими поколениями профессоров и студентов, являются гарантией непрерывной преемственности в развитии этой профессии. С каждым годом растёт число этнографических экспонатов, собранных во время полевых исследований, фотографий, фильмов, которые служат наглядным пособием для студентов, выходит периодическое издание «Публикации Этнологического семинара» и многие другие.

В научно-образовательной работе Отделение опирается на национальное и культурное хорватское наследие, используя различные подходы и современные научные методы. Практическое применение результатов обучения в Отделении этнологии и культурной антропологии достигается через семинарские занятия, на которых обсуждаются различные проблемы, затронутые в курсах лекций. Выбирая более узкие темы исследований, студенты на семинарских занятиях активно участвуют в изучении разных методологических подходов, критически анализируют конкретные явления общественной жизни. Кроме того, в преподавании активно используются просмотры этнографических фильмов, изучение этнографических коллекций музейных собраний, посещение этнографических музеев под открытым небом, практика полевых работ.

* * *

Какова же проблематика, задачи и цели курсов лекций, подходы к обучению для студентов бакалавриата в 2005 и 2014–2017 гг.?

Программа подготовки бакалавров 2005 г. преследовала цель приобретения базовых знаний по этнологии и культурной антропологии. После окончания обучения студенты были полностью подготовлены к работе в поле и получали основы для анализа собранных материалов. В результате обучения в бакалавриате они приобретали: фундаментальные знания теоретических парадигм; понятия о предмете науки и культурно-антропологических методах; навыки аналитического и дескриптивно/нарративного

прочтения литературы и источников для уяснения основ культурных и социальных явлений. Кроме того, в процессе обучения они овладевали методологией и умением применять её на практике.

Полученные базовые знания помогали студентам правильно развивать навыки: организации учебы, работы в команде и самостоятельно; поиска и отбора необходимой информации; критического и аналитического чтения источников; участия в дискуссиях, через которые формируются их собственные взгляды. Навыки стройного письменного и устного выражения своих мыслей также являются важной задачей для написания письменного эссе/курсовой работы и подготовки устной презентации. Почти все экзамены в рамках учебной программы проводились в письменном виде. Итоговая оценка успешного завершения курса формировалась из суммы баллов, полученных на основе различных форм студенческого участия в проверке знаний.

В процессе учебы в бакалавриате студенты должны были прослушать следующие обязательные (базовые) курсы лекций: История хорватской этнологии; Введение в этнологию; Основные понятия хорватской этнологии; Введение в культурную антропологию; Этнокультурная картина мира; Теории культурной антропологии; Методология этнологии и культурной антропологии; Культуры Средиземноморья; Этнография Юго-Восточной Европы. Кроме того, в программу преподавания был включён иностранный язык (по специализации).

Студенты бакалавриата посещали следующие лекции по выбору: Этнология религии; Практика полевых исследований; Введение в визуальную антропологию; Сельское строительство и жилище; Антропология текстиля и одежды в Хорватии; Этнография народной культуры; Введение в гендерную антропологию; Культурная идентичность меньшинств; Антропология социальной памяти; Народы и культуры Северной Америки; Традиции и современность; Палеоэтнологический обзор Европы; Хорватское этнологическое наследие; Сравнительная славянская этнология.

Приведём содержание некоторых курсов лекций. Например, после прослушанного обязательного курса «Введение в этнологию» студенты

получали знания о предмете, истории и методах дисциплины. При изучении различий в образе жизни разных народов они должны были научиться аналитически, используя сравнительно-исторический метод, подходить к изучению документов (письменных и визуальных), понимать и оценивать культурное разнообразие, критически подходить к стереотипизации в описании культуры «другого», обоснованно выражать своё мнение о «культурной конструкции» образа жизни изучаемого ими народа. Этот курс помогал студентам усвоить основы дисциплины этнологии/ культурной антропологии, проследить её историческое развитие, рассмотреть европейскую и американскую науку в рамках социального контекста XIX–XX вв. В нём кратко освещался предмет, методы и теоретические подходы к исследованиям культуры повседневности, анализировался какой-то определённый аспект повседневной культуры в сравнении с аналогичными примерами из других культур в различные исторические эпохи, и наконец, говорилось о сохранении, исчезновении и изменениях культуры в условиях глобализации. Курс также знакомил студентов с проблемами возникновения и развития культуры древних цивилизаций, с особенностями средневекового подхода к науке. Затем освещалась эпоха открытий и закладывания основ современных знаний (Д. Скотт, Р. Бэкон, Ф. Бэкон, Р. Декарт), говорилось о реконструкции исторической науки (Ибн Хальдун, Жан Боден), эпохи Просвещения и появления неевропейской этнологии как науки об истории человеческой культуры (А.Ц. Шаванн (A. C. Chavannes). Затем в лекциях уделялось внимание панславизму Яна Коллара и росту внимания к славянской этнической общности, эволюционизму в этнологии и его классикам (А. Бастиан, Дж. Бахофен, Э. Тайлор, Л.Г. Морган), влиянию марксизма на этнологию.

Лектор также рассматривал проблемы преодоления эволюционизма, понимания исторического аспекта развития культуры и общества, диффузионизм Ф. Ратцеля, Ф. Гребнера, культурно-историческую Венскую школу В. Шмидта, Франкфуртскую школу «культурных кругов» Л. Фробениуса и другие этнологические школы и методы. Особое внимание уделялось таким направлениям, как функционализм и структурализм, попытке унифицировать

диалектические подходы и синхронные методы в современной этнологии/культурной антропологии. Новые культурно-антропологические направления, школы и принципы, проблемы и пути их решения в этом курсе не рассматривались, поскольку он представлял собой лишь введение в этнологию. Для оценки качества преподавания студентам раздавали опросные анкеты.

Базовый курс для бакалавров «Основные понятия хорватской этнологии» знакомил студентов с культурным наследием и ареалами традиционной культуры Хорватии. В результате прочитанных лекций они получали общее представление о культуре повседневной жизни в трёх основных культурных зонах Хорватии с конца XIX в. по настоящее время. Предусматривалось ознакомление студентов с монографиями и статьями по этой теме из различных периодов хорватской этнологии: конец XIX – начало XX столетия, середина XX в. – конец XX и начало XXI в. После завершения курса студенты получали представление о дескриптивных категориях в этнологии и о том, как они меняются на протяжении веков, приобретали знания о культурных характеристиках отдельных зон (ареалов) Хорватии, навыки чтения этнографических материалов на диалектах различных регионов этой страны.

В рамках курса рассматривались некоторые основные концепции хорватской этнологии, связанные с общественной жизнью человека. Особое внимание уделялось формированию различных социальных сообществ (семейно-задружным отношениям, братству, племени, этническим, субэтническим и конфессиональным группам, сельским общинам, национальным диаспорам). Часть лекций была посвящена некоторым аспектам материальной и духовной культуры. Так, например, формирование семьи рассматривалось по ряду аспектов: форма семьи, количество членов в ней, брачные отношения (возраст, родство и территориальная эндогамия, традиционные формы свадебных обычаев, невенчаный брак, левират, развод), имущественные аспекты семейных отношений, внутрисемейные отношения и т.д. В рамках курса студенты должны были написать несколько текстов-комментариев, относящихся к избранным темам, уметь критически оценить используемые источники и литературу,

активно участвовать в обсуждаемых на семинарах темах. Каждый из аспектов рассматривался в диахронном и синхронном срезе, анализировались целостные представления об определённых явлениях в контексте повседневной жизни (общение, возраст и пол, социальное и экономическое функционирование сообществ), а также через изучение годового цикла обычаев, религиозных обрядов, праздников и т.д. Кроме того, анализировалась оппозиция «мы» – «они», аспекты самоидентификации на разных уровнях: этническом, культурном, экономическом, историческом и т.д.

Ещё один обязательный курс для студентов бакалавриата «Методология этнологии и культурной антропологии» знакомил их с основными понятиями, методологией качественных и количественных исследований, с планированием и разработкой исследований, а также с различными методами и стратегией сбора информации (опрос, наблюдение, письменные документы и визуальные данные), применяемые в этнологии и культурной антропологии. Он начинался с характеристики эпистемологических знаний, целей, содержания исследований. Особое внимание уделялось вопросам этики в антропологическом исследовании. Помимо этого, преподаватель останавливался на анализе собранных данных и проблеме их интерпретации, говорил о создании корректных (точных) систематических описаний для объяснения культурных явлений. В семинарских занятиях в рамках этого курса студенты вели дискуссии по индивидуально выбранным темам.

В результате полученных теоретических и практических знаний учащиеся знакомились с основными методами этнологии и культурной антропологии; начинали понимать, как отличаются качественные методы исследования от количественных; умели составлять индивидуальный план темы; изучать теории и тщательно их прорабатывать, что впоследствии помогало работе в поле; приобретали основные навыки этнографического эмпирического исследования; узнавали, как документировать, классифицировать и анализировать собранную информацию; могли представить полученные результаты в устной и письменной форме (курсовая работа и эссе).

Задача курса заключалась также в том, чтобы ознакомить студентов с различными методологическими направлениями в истории этнологии

(эволюционным, функционалистским, структуралистским, постструктуралистским) и дать им знания, необходимые для проведения исследований и интерпретации данных. Затрагивались также проблемы авторства в этнологических дневниках и записках, этики в процессе этнологических исследований. Говорилось о том, как разные методологические подходы помогают изучить принципы составления вопросников, этнографического картографирования, освоить методы наблюдения. В лекциях акцентировалось внимание на методах изучения устной истории, т.е. на биографических методах (таких как описание некоторых жизненных событий, свидетельства различных людей, интервью, биографии и автобиографии).

Курс по выбору для бакалавров «Введение в визуальную антропологию», прочитанный в 2005 г., представлял собой введение в одну из ведущих субдисциплин – социокультурную антропологию. Как относительно молодая дисциплина, визуальная антропология, созданная в 70-е гг. XX в., опирается на использование визуальной методологии в этнологических исследованиях (видео или плёночная камера, фотоаппарат). Кроме того, эта дисциплина связана с антропологией визуального, т.е. с тем, как в различных культурах эмфатически воспринимается, визуализируется, оценивается повседневная жизнь. В лекциях также был представлен краткий обзор наиболее важных теорий и теоретических направлений визуальной антропологии и их наиболее значимых представителей. На лекциях, семинарских и практических занятиях студенты получали базовые знания по использованию визуальных медийных средств в этнологических исследованиях, навыки критического и теоретического анализа этнографических фильмов, опыт практической работы с видеокамерой и фотоаппаратом, что способствовало презентации этнографических знаний в СМИ. В курсе также анализировались преимущества и недостатки визуальной антропологии, критически оценивалась наиболее важная теоретическая и современная литература, проводились презентации и демонстрации этнографических фильмов. Всё это расширяло понимание предметной области этнологии, являлось новым в хорватской образовательной

системе и стало неотъемлемой частью практически всех современных исследований по этнологии/культурной антропологии в Европе и мире.

Студентам магистратуры в 2005 г. были предложены следующие курсы по выбору: Сравнительное изучение обычаев; Этнологическая картография; Антропология медицинских систем; Народные ремёсла в Хорватии; Культура постсоциализма; Феминистская методология в этнологии и культурной антропологии; Различные проблемы антропологии миграций; Формы хорватской народной культуры; Символы христианства в народной хорватской традиции; Культура Передней, Юго-Восточной и Центральной Азии; Сравнительная славянская мифология; Традиционное горное скотоводство; Этническая идентичность буневцев; Постколониальный феминизм; История феминизма.

Курс «Сравнительное изучение обычаев» состоял из 2-х частей: теоретической и практической. В первой студенты получали основные теоретические знания о сравнительных методах этнологических исследований, применяющихся в изучении обычаев – одной из центральных тем хорватской этнологии, в процессе освоения которой они должны были написать рефераты, демонстрирующие понимание ими терминов «обычай», «обряд», «ритуал» и т.д. Каждый учащийся должен был написать короткое эссе по указанной преподавателем литературе и затем представить его на обсуждение, а также курсовую работу на тему по выбору из области как традиционной, так и современной культуры. Семинарские занятия объединялись в тематические блоки и студенты поочередно представляли на них свои доклады по избранной теме, а остальные должны были принимать активное участие в обсуждении выступлений своих коллег.

Термины обычай, обряд, ритуал, церемония, праздник, торжество, фестиваль, прославление и др., являясь фундаментальными понятиями хорватской этнологии, подвергались критическому разбору начиная с А. Радича и до современных этнологов. Отмечалось, что особое усиление интереса к этой теме началось с 1990-х гг. В курсе были представлены различные подходы к изучению обычаев и обрядов в хорватской этнологии, что помогало студентам приобрести навыки самостоятельной работы и критической оценки используемых источников и литературы, теоретические и

практические знания и умение применять основы сравнительного и других методов при анализе и классификации собранных материалов.

Тема этнической идентичности также была одной из центральных в хорватской этнологии. В магистерском курсе по выбору «Идентичность буневцев» рассматривалось своеобразие этой этнической группы [об этой этнической группе см., например: *Мартынова*, 1988] с учётом разделения на три ветви: Дунайскую, Приморско-Ликскую и Далматинскую. Кроме того, анализировалась самая многочисленная хорватская диаспора буневцев в Воеводине, которая в конце XX – начале XXI столетия оказалась в центре политических событий. Феномен их идентичности освещался через исторический и современный дискурс, анализировались труды авторов, в которых использовались псевдонаучные концепции происхождения этой этнической группы и различные подходы к её этнологическим исследованиям. Вторая часть лекции была посвящена вопросу этногенеза и идентичности буневцев, методологии их исследования, рассматривался цикл свадебных обычаев, формирование этнических, национальных, региональных идентичностей на примере некоторых локальных групп: подунайских и приморских буневцев, а также семейных общин подунайских буневцев, переселившихся из Воеводины в Хорватию.

На итоговом магистерском экзамене учитывалась совокупность баллов, полученных в процессе работы на семинарских занятиях, при написании рефератов и экзаменационной оценки. Для допуска к написанию дипломной работы необходимо было набрать 60 баллов.

Теперь охарактеризуем проблематику и содержание курсов лекций на Отделении этнологии и культурной антропологии Загребского университета, прочитанных в 2014–2017 гг. и сравним их с курсами 2005 г.

Для студентов бакалавриата обязательными курсами являются: Введение в этнологию; История хорватской этнологии; Этнокультурная картина мира; Введение в культурную антропологию; Основные понятия хорватской этнологии; Методология этнологии и культурной антропологии; Теории культурной антропологии; Этнография Юго-Восточной Европы; Культурно-антропологические проблемы Средиземноморья. Предметами по выбору были: Этнография коммуникации; Основы фольклористики; Ан-

тропология текстиля; Сравнительная славянская этнография; Традиции и современность; Антропология воспитания и образования; Антропология семьи и родства; Антропология религии; Этнография народных культур; Этнологические и культурно-антропологические исследования; Различные проблемы антропологии миграций; Введение в визуальную антропологию; Антропология медицинских систем; Антропология места и пространства; Культурная идентичность меньшинств; Сравнительная мифология; Практика полевых исследований; Сельское строительство и жилище; Экспериментальная антропология; Антропология экономики. Все курсы рассчитаны на один семестр.

По сравнению с 2005 г. значительно расширился охват тем и проблем, включённых, например, в курс «Основные понятия хорватской этнологии». Теперь он состоит из 5 тематических разделов (15 лекций) и является одним из ключевых в сетке лекционных курсов отделения. Социальная жизнь человека, являющаяся весьма важной областью исследования хорватской этнологии, исследовалась в разные годы по-разному, но только в последнее время многие хорватские этнологи (А. Рихтман-Августин, О. Супек, Я. Грбич, Я. Чапо-Жмегач) углубленно изучают теоретические аспекты общественной жизни, начиная с ранней хорватской истории вплоть до современных эмпирических исследований, используя при этом критический анализ явлений, заостряя внимание студентов на разных подходах к исследованию общественных отношений. Каждый из терминов рассматривается с учётом синхронного и диахронного анализа для того, чтобы дать целостное представление о разных явлениях культуры в контексте повседневной жизни (формы общения в зависимости от возрастных показателей и пола, социально-экономическое функционирование общества через обычаи жизненного и годового цикла, религиозные праздники). Кроме того, рассматриваются отношения между индивидами в социальных сообществах («мы» и «они»), различные аспекты самоидентификации на разных уровнях – этническом, культурном, экономическом, историческом и т.д. В рамках этого предмета углублённо исследуются и проблемы идентичности.

Тематические разделы курса: семья и родство; локальное сообщество; социальные аспекты обычаев (от семьи до локального сообщества);

взаимоотношения внутри сообщества; этничность и множественная этническая идентичность.

Каждую неделю, параллельно с чтением лекций проводятся тематически совпадающие с ними семинарские занятия, включающие обсуждение фильмов, посещение музеев, практическую работу.

Лекции начинаются с общей характеристики содержания этого учебного курса и объяснения обязанностей студента (организация семинарской работы, сроки, возможность сдачи экзамена в виде коллоквиума и т.п.). Далее следуют лекционные курсы: семья; обзор исследований, касающихся семьи в хорватской этнологии и смежных науках (В. Богишич, М. Гаваци, Ф. Мосли (Ph. Mosely), Д. Рихтман-Августин (D. Rihtman-Auguštin), Я. Чапо-Жмегач (J. Čapo-Žmegač) и др.; основные характеристики семейного быта: задружные и нуклеарные семьи (сходство и различие); формы семьи, структура, численность, родственные связи внутри семьи; разные аспекты семейной жизни в древности (род, братство, племя); имущественно-правовые аспекты взаимоотношений в семье: коллективная и частная собственность, собственность женщины в семье, распределение собственности, наследование имущества. Затем студентов знакомят с принципами руководства в семье (способы руководства, авторитет и репутация домохозяйина (*domaćina*), его права и обязанности, роль хозяйки, права и обязанности других членов семьи, разделение труда в семье (по полу и возрасту); отношения в семье между мужем и женой, мужчинами и женщинами, родителями и детьми, матерью и дочерью, старыми и молодыми, отношение к старикам, детям, вдовам; вдовство, положение женщины в семье (незамужние, замужние, мать, бабушка); мир и конфликты внутри семьи (их причины); раздел задруг; отношения семьи и общества: наёмные работники (слуги, пастухи, рабочие), деревня и / или городское сообщество (соседская община, местные власти, частные собственники).

Кроме того, в лекциях характеризуются самые последние этнологические исследования о семье, основные результаты исследований, проведённых в 2005–2006 гг. в сельской местности (вблизи г. Беловар) и в городской среде (Загреб) в рамках международного научного проекта «КАСС – семья и

социальная защита», проектов 2006 и 2010 г. «Идентичность и этногенез приморских буневцев», «Идентичность и этнокультурный облик буневцев в районах Приморья и Лики».

Тема этого курса «Локальные сообщества» знакомит студентов с концепциями сельской общины, изучением этой темы в хорватской этнологии; формами общения в рамках сельской общины (с учётом возраста и пола, экономических различий); с управлением деревней; рассматриваются также связи в сообществе на экономической основе (различные формы сельской взаимопомощи, помочи); неродственные отношения (кумовство, побратимство); религиозные общины; связи между ближними и более отдалёнными локальными сообществами; экономические связи в сообществе (ярмарки, торговля).

Кроме того, в лекциях, сопровождающихся показом фильмов, рассматриваются социальные аспекты обычаев (от семьи до локального сообщества): темы рождения ребенка, родильных обычаев; воспитания в семье; добрачной жизни молодёжи и подготовки к вступлению в брак девушек и парней; способов знакомства молодых; брачного возраста; мотивов выбора брачного партнера; территориальной эндогамии. Студентов также знакомят с формами досупружеской и внебрачной жизни (экспериментальный брак); необычными видами заключения брака; вирилокальными и уксоорилокальными принципами заключения брака; также говорится о внебрачных отношениях и внебрачных детях; о заключении брака в рамках обычной процедуры; о смерти и похоронных обычаях; обычаях годового цикла. Часто лекции проводятся в Этнографическом музее Загреба (музейная презентация обычаев). Этот курс охватывает также этнонимистику в хорватской этнологии и других дисциплинах; обзор хорватских диаспор; разъяснение понятий народ, нация, транснационализм, транслокальность, национальные меньшинства и т.д.

Обязательный курс для бакалавров в 2014–2017 гг. «История хорватской этнологии» является частью общего исторического обзора хорватского научного наследия. В нём обстоятельно представлен исторический взгляд на этнологическое мышление в целом, его развитие и влияние на науку соответствующего исторического периода. Студентов знакомят с научным творчеством тех учёных и путешественников, которые способствовали развитию этнологии в целом, с историей самого предмета и его введения в преподавание

средних школ и университетов, с исследовательскими методами в хорватской этнологии и современными национальными этнологическими исследованиями, что даёт возможность получить знания о становлении этнологии в контексте других наук, о специфике развития этнологической науки в различных регионах и научных центрах Хорватии в разные временные периоды.

Программа этого курса разделена на два основных блока: первый посвящён периоду до 1927 г., второй – с 1927 г. до конца XX в., когда этнология сформировалась как академическая дисциплина. В курсе освещается вклад отдельных учёных в развитие этнологических знаний в Хорватии и роль учреждений этнологического профиля в общественной и экономической жизни страны. Благодаря такому подходу студенты получают представление о существующей методологии, методах и подходах к этнологическим исследованиям, что хорошо встраивает этот цикл в тематику других лекционных курсов.

В рамках семинарских занятий, дополняющих лекции, студенты получают информацию о том, как выбирать, формулировать, сравнивать, классифицировать и анализировать некоторые темы и проблемы. Активная семинарская работа является необходимым условием для допуска к экзамену, при его сдаче учитывается также критический подход к используемой литературе. По некоторым конкретным темам проводятся выезды в поле. Курс рассчитан на 60 часов (4 часа в неделю): 2 часа лекций и 2 часа семинарских занятий. Итоговый балл складывается из оценки на письменном экзамене и устных ответов на вопросы открытого типа, при этом он может быть улучшен на устном экзамене. Окончательная оценка учитывает: регулярность посещаемости занятий (10%), подготовку и презентацию работы на семинаре и письменный экзамен (40%), сдачу устного экзамена (50%). Для проверки качества преподавания среди студентов проводится мониторинг, выбирается научный консультант компетентный в области истории хорватской этнологии, оценивающий структуру курса, анализирующий учебные программы и присутствующий на определённом количестве занятий. Кроме того, внутренний контроль качества преподавания осуществляется с помощью двух анкет-вопросников: первая, связанная с ожиданиями и потребностями,

заполняется студентами в начале курса, вторая – в конце для оценки того, насколько этот курс содействовал выполнению общих и конкретных задач.

Курс «Введение в культурную антропологию» также являющийся обязательным предметом для студентов бакалавриата, был задуман как вводный, в котором они знакомятся с наиболее важными теоретическими направлениями и методами культурной антропологии и анализируют наиболее важные проблемы и исследования в этой области.

Какова же цель курса в контексте общей учебной программы? Этот курс впервые знакомит студентов с культурной антропологией как самостоятельной дисциплиной. В сочетании с «Введением в этнологию» и «Теорией культурной антропологии» он представляет собой один из основных вводных курсов, из которых учащиеся выносят знания основных теорий и понятий, что помогает им в дальнейшем обучении, курс расширяет определение этнологии/культурной антропологии как науки, знания которой применимы на практике. Учащиеся знакомятся с научной деятельностью ведущих антропологов и их трудами, внесшими значительный вклад в развитие науки. В рамках этого курса рассматривается, например, тема «Развитие антропологической науки и мысли», в которую входят подтемы: Антропология как дисциплина; Разделы антропологии; Культурная/социальная антропология/этнология; Развитие антропологии в начале XX в. (Малиновский, Рэдклиф-Браун, Боас, Мосс); Развитие антропологии в середине XX столетия (Мид, Бенедикт, Дуглас, Эванс-Причард, Леви-Стросс). Студенты также получают фундаментальные знания об основных культурно-антропологических понятиях, таких как культура, личность, этническая принадлежность, религия, родство и право наследования, социальная и экономическая системы и др., что помогает учащимся уяснить динамику процессов социальных и культурных изменений. Культурная антропология как дисциплина, дающая представление о человеке в контексте общественных отношений, чрезвычайно важна для всех наук, которые изучают кросскультурные и внутрикультурные проблемы. Преподаватель также останавливается на понимании хорватской культурной идентичности как части европейской идентичности. В процессе обучения студентам предоставлено 30 часов лекционных и семинарских занятий в семестр (2 часа

лекций и 2 часа семинаров в неделю). Каждая лекция сопровождается презентацией по программе Power Point, при этом студенты активно участвуют в обсуждении предложенной темы.

Например, тема этого курса «Культура – ее концепции и дефиниции» включает подтемы: понятия и определения культуры; понятия аккультурация, инкультурация, интеграция, адаптация; культурный релятивизм, культурный шок. Тема «Язык и культура» включает разделы: этнолингвистика; от радикальных до современных теорий языка и познания. Тема «Семья, родство и брак» включает следующие подтемы: социальная организация; формы и типы родства; эндогамия, экзогамия; запрет на инцест; виды наследования; формы брака; полигамия, полиандрия, полигиния; нормы сексуального поведения. В тему «Экономическое устройство общества» включены подтемы: способы выживания; разделение труда; специализация труда; дарение и обмен; потлач. Тема «Политическая организация» состоит из разделов: политические системы; типы политических систем; политический контроль, регулирование конфликтов; формы политической власти. Тема «Магия и религия» включают подтемы: определения магии и религии; медицина, магия, религия – понятия и теории; типы и формы магии и религии; религиозные и магические ритуалы и обычаи. В лекциях на тему «Прикладная антропология» рассматриваются: развитие прикладной антропологии; культурное будущее человечества. В итоге этот курс поможет студентам широко применять антропологические знания в будущей работе.

В результате прослушанного обязательного курса «Этнография Юго-Восточной Европы» в 2014–2017 гг. студенты бакалавриата приобретают определённый объём знаний по этнографии этого региона, учатся аналитическому и критическому осмыслению материала в контексте мультикультурных и межкультурных отношений, сходств и различий, составляющих мозаику универсализма культур.

В лекциях представлен систематический обзор различных региональных, этнических и национальных особенностей культурного наследия в диахронном и синхронном измерении. В этом курсе, который затем продолжается в магистратуре, рассматриваются структура и содержание этно-

графических явлений в культурно-историческом контексте, материальная и духовная культура народов Юго-Восточной Европы. Уделено внимание и традиционной экономике (животноводство, формы ведения сельского хозяйства, охота, рыболовство, традиционные ремёсла и т.д.), верованиям, обычаям, обрядам жизненного цикла (семейные, свадебные, похоронные, относящиеся к значимым датам литургического года).

Значение этого курса в общей сетке учебной программы Отделения состоит в углублённом изучении этнологии этих стран и методологии этнографических исследований, являющихся основой для понимания общей картины традиционных культур Юго-Восточной Европы, самобытности носителей этих культур, изменений, которые произошли в течение XIX и XX вв. Благодаря этому студенты могут интерпретировать особенности разных культур, проводить сравнительные исследования, расширяя и углубляя знания, полученные в ходе обучения в бакалавриате.

Кроме того, студентов знакомят с этноареалами региона и их этнографическими характеристиками (альпийский, динарский, паннонский, адриатическо-средиземноморский, северный, центральный и южно-адриатический, ионический, эгейский, восточно-дунайский, балканский, родопский, фракийский, поморавский вардарский, южноалбанско-эпирско-пиндский).

Также проводится анализ и систематизация отдельных особенностей этих культур в контексте пространства и времени (диахронном и синхронном срезе); рассматриваются культурные слои: древнебалканский, римский, старосредиземноморский, старославянский, славянский, восточно-левантийский, итальянский, западно- и средневропейский; анализируется вопросник по регионам бывшей Югославии и значение этих вопросов для типологической классификации и картографирования; рассматривается общественная и семейная жизнь и обычаи в сельской местности, задружный быт, исторический, социально-экономический и этнографический подходы к этой теме, традиции и их трансформация; говорится о взаимопомощи и кооперации в основных видах экономической деятельности (сельское хозяйство, животноводство, рыболовство), о супруге как трудовой кооперации, совместном лове рыбы, выпасе скота.

Преподаватель знакомит студентов с основными данными по материальной и духовной культуре народов Юго-Восточной Европы:

- с виноградарством и производством оливкового масла;
- с формами и видами перегона скота (альпийский и др. типы), формами кооперации и нормами обычного права (совместный сбор урожая, покос, становища на горных пастбищах);
- с традиционным сельским строительством (светском, сакральном);
- с этнопарками, этно- и экомузеями, музеями под открытым небом, с состоянием и защитой сельского архитектурного наследия.
- с праздниками и обычаями годового цикла (литургический год: Адвент, Сочельник и Рождество, Пасха, колядование, День Св. Георгия, Пятидесятница, Иванов день, Св. Мартин и др.); с разнообразием традиций и их структуры;
- с ежегодными обходами сёл (масленичные, на День Св. Георгия, кралице-леле);
- с похоронными обычаями и ритуалами (от момента смерти до надгробного памятника и мемориалов).

Курс «Теории культурной антропологии», также являющийся обязательным для студентов бакалавриата, занимает ключевую позицию в учебном плане, поскольку изучает историю культурной антропологии и её зависимость от социального и политического контекста, в рамках которого она зародилась и развивалась. В лекциях представлен обзор культурно-антропологических теорий с конца XIX в. до сегодняшнего дня: от возникновения теории эволюционизма и её влияния на развитие культурной антропологии до возникновения политических идеологий, таких как расизм и колониализм. Затем рассматривается диффузионизм, который возник как ответ на эволюционную теорию, американские и английские направления в культурной антропологии, такие как функционализм и психологическая антропология (М. Мид и Р. Бенедикт). Одной из центральных тем лекций является структурная антропология Клода Леви-Стросса и его последователей (когнитивная, символическая антропология М. Дуглас и В. Тёрнер). Благодаря сильному влиянию семиотики на культурную антропологию рассматриваются труды У.

Эко и Р. Барта. Отдельной важной темой лекций является неопценное влияние на современную мысль американского антрополога и социолога, основателя интерпретативной антропологии К. Гирца. Лекционный курс завершает объяснение теории посткультурализма в культурной антропологии, как сменя парадигмы. Последняя тема отчасти затрагивает философию Ж. Деррида и обобщает весь теоретический блок, который представлен в сборнике «Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography» [Clifford, Marcus, 2014].

Лекционные темы затем дополнительно прорабатываются на семинарах, на которых демонстрируются этнографические фильмы, проводится обучение на конкретных примерах (case study) и практические занятия (workshop).

Остановимся на содержании некоторых курсов по выбору для студентов бакалавриата в 2014–2017 гг. Например, в лекциях «Проблематика антропологии миграций» студенты получают теоретические знания о концепциях, типологии и последствиях миграционной мобильности. Разъясняются причины и факторы миграции с территории Хорватии на протяжении пяти столетий, что помогает ознакомлению студентов с миграционной мобильностью в более широком европейском и мировом контексте. Хорватия рассматривается как страна эмиграции, транзита и страна иммиграции.

Поскольку миграционная мобильность населения – междисциплинарная тема, для её изучения студентам рекомендовано использовать приобретённые знания из других дисциплин. Целью всего курса является изучение проблем этнического и культурного многообразия современных обществ и миграций как важного аспекта глобализации. Студенты знакомятся с историей миграций, источниками по теме, основными теориями, спецификой методологии. В лекциях представлен обзор причин и последствий миграции из Хорватии: хорватские диаспоры (старая диаспора с XV по XVIII в., градишчанские хорваты, молизские хорваты в Италии, хорваты в Чехии, Румынии, Словакии, Венгрии); рассматривается также трансконтинентальная эмиграция (в Северную и Южную Америку, Австралию, Новую Зеландию, Африку) и эмиграция в Западную Европу, рассказывается о внутренних миграциях в Хорватии.

Помимо добровольной экономической миграции, представлен обзор политической миграции, а также вынужденной миграционной мобильно-

сти (беженцы, нелегалы и перемещённые лица). Бóльшая часть лекции посвящена проблемам современной миграции в контексте глобальных миграционных потоков: утечке мозгов, виртуальной миграции, миграции репатриантов, миграции по этническому признаку и т.д.

В контексте темы миграции обсуждаются такие концепции как: детерриториализированное сообщество, мультикультурализм, культурный плюрализм, американская модель этнического развития («плавильный котел»), транс-национализм, аккультурация, ассимиляция и т.д. Миграционная мобильность рассматривается с точки зрения таких аспектов как: позиция самих мигрантов и их потомков, события в регионе, из которого они вынуждены уехать, их влияние на население страны-реципиента.

После прослушанного курса и выполнения всех требований преподавателя студент может выявлять и объяснять мотивы, причины и последствия миграционных процессов в Хорватии с XVIII столетия по настоящее время; представить сравнительный анализ хорватских диаспор и иммигрантских сообществ, их культурные особенности; показать Республику Хорватию как страну эмиграции, транзита и иммиграции; связь миграционной мобильности из Хорватии с глобальными миграционными перемещениями.

Какова же роль этого курса в общей учебной программе? Учитывая, что Хорватия является страной с большой численностью зарубежной диаспоры, высоким процентом внутренней мобильности, а в настоящее время как член ЕС становится всё более привлекательной страной для иммиграции, студенты получают знания о миграционных процессах и детерриториализированных культурах, они расширяют свои знания, полученные в основных курсах, таких как: «Основные концепции хорватской культуры», «Теории культурной антропологии».

Поскольку этот курс знакомит учащихся с методологией исследований миграций, он служит дополнением к курсу «Методология этнологии и культурной антропологии». Кроме того, «Проблематика антропологии миграций» предшествует близкому по тематике курсу «Идентичность этнических меньшинств», и таким образом в совокупности они дают представление о сравнительном подходе к исследованию хорватских диаспор и иммиграции с другими

миноритарными культурами, об отношении иммигрантов к Хорватии, о политике интеграции разных этнических сообществ на территории этой страны.

Некоторые лекции сопровождаются презентациями документальных материалов (видео и DVD-записи). В ходе семинарских занятий учащиеся выбирают тему, опираясь на дополнительную литературу и собственные полевые исследования или на работу в архивах, на анализ интернет-форумов и т.д. На каждом семинаре студенты поочередно делают презентацию, обсуждают и оценивают работу коллег, проводят критический анализ материалов с помощью дискуссии и презентаций PowerPoint. На некоторые занятия приглашаются лекторы других курсов (гость семинара).

Ещё один курс по выбору для студентов бакалавриата «Антропология медицинских систем». Для записи на этот курс студент должен предварительно сдать экзамены по «Теории культурной антропологии» и «Методологии этнологии и культурной антропологии». Тематика курса охватывает введение в изучение медицинских знаний в рамках социальных наук и концепций культуры, краткий обзор научных дисциплин, касающихся проблем медицинской антропологии (этномедицины, традиционной медицины), знакомит студентов с наиболее важными теориями и теоретическими направлениями и даёт обзор современных тем и исследований в рамках этих дисциплин. В результате прослушанного курса студенты получают знания общественных дисциплин, связанных с медицинской антропологией и в целом с социальными науками; учатся критическому и теоретическому осмыслению этнографических данных; получают представление о новой дисциплине, истоки происхождения которой лежат в области медицинской практики, а это, в свою очередь, помогает раскрыть ещё одну сферу этнологии/антропологии как дисциплины, ориентированной на рынок сбыта лекарственных средств.

Данный курс является первым в Отделении этнологии и культурной антропологии, изучающим медицинские системы в ракурсе гуманитарных наук, что расширяет предмет этнологии. В тему «Медицина в гуманитарных науках» входят подтемы: медицинская антропология, историческое развитие и основные теории; традиционная/национальная медицина в контексте Юго-Восточной Европы; концепции здоровья и болезней в меди-

цинских системах (этнографические примеры); нарративные аспекты здоровья и болезни; исторический обзор медицины в системе этнографических знаний и здравоохранения. В теме «Что такое медицинские системы?» интерпретационный метод рассматривается как противовес эмпирическому, анализируются методы когнитивной и символической антропологии и семиотики в медицинской антропологии. На семинарах изучаются труды по медицинской антропологии (М. Фуко), проблемы веры и понятия её причинности (Э. Эванс-Причард и У. Риверс). В лекциях раздела «Феноменология лечения» говорится о колдунах, ведьмах, врачей, профессиональных целителей и их «тайных знаниях», об исцелении словом, музыкой, магией. Тема «Здоровое тело, здоровый дух» знакомит студентов с понятиями телесного здоровья в прошлом и настоящем, здоровья и/или красоты, психического здоровья, изгнания безумия и нечистой силы.

В разделе «Медицина и границы» идёт речь о медицине эпохи империализма, проблемах гигиены, политики и медицины, о лечении СПИДа, тяжелых острых респираторных синдромов (SARS), сибирской язвы и т.п. В лекциях на тему «Медицинский плюрализм» преподаватель разъясняет понятия «альтернативная» и «комплиментарная» медицина, говорит об идеологии новой эпохи – «ложных медицинских практиках». В рамках этой темы проводятся семинарские занятия «Виртуальное или реальное поле исследования». В разделе «Медицина и семья» рассказывается о контрацепции и рождении человека в прошлом и настоящем, рассматриваются религиозные, социальные, политические, экономические факторы и приводятся этнографические примеры, анализируется вопрос: «женщина-воспитательница, мужчина-врач или наоборот?».

Для студентов магистратуры в 2014–2017 гг. были предложены следующие курсы по выбору: «Антропология власти»; «Антропология социальной памяти»; «Этнологическая картография»; «Сравнительное изучение ритуально-обрядовых практик»; «Формы религии и современные социокультурные процессы»; «История антропологии»; «Антропология путешествий»; «Этнокультурная идентичность – теоретические методы»; «Хорватское кружевоплетение»; «Антропология Индии»; «Культуры Передней,

Юго-Восточной и Центральной Азии»; «Постколониализм и гендер»; «Шаманизм»; «Антропология детства»; «Антропология праздника»; «Антропология спорта»; «Глобализация и локальные культуры»; «Культуры постсоциализма»; «Экономическая антропология»; «Этнография общения»; «Глобализация и местные культурные практики»; «Формы религиозности в современных социокультурных процессах»; «Этнологические и культурно-антропологические подходы к защите и сохранению культурного наследия»; «Антропология детства»; «История антропологии»; «Антропология социальной памяти»; «Хорватское кружевоплетение».

Например, в результате прослушанного курса по выбору «Сравнительное изучение ритуально-обрядовых практик» магистрант должен уметь устанавливать взаимосвязь между ключевыми этнологическими концепциями и более широким теоретическим подходом разных авторов, применять теоретические концепции и методы к анализу социальных и культурных явлений, уметь объяснять особенности этнокультурных процессов, понимать культурное разнообразие, уметь интерпретировать меняющиеся культурные явления и их локальные особенности, контекстуализировать культурные явления и идентичность, уметь использовать методы активного ведения беседы с информантами, обучиться письменному и устному общению на иностранных языках, уметь подготовить письменную и устную презентацию своего материала, анализировать основные понятия, которые рассматриваются в ходе курса (обычай, ритуал, церемония, празднование, праздник, торжество), интерпретировать и оценивать различные подходы к изучению практики обычаев, применять основные параметры сравнительного метода и других методических подходов к исследованию обычаев, анализировать, классифицировать и критически оценивать современные ритуально-обрядовые практики, а также их роль в сохранении идентичности.

Какова же конкретная роль этого курса в общей сетке преподавания? В теме «Изучение традиций» и связанной с ней терминологией (ритуал, церемония, торжество, праздник) – одной из основных в хорватской этнологии, анализируются различные подходы к ней, начиная с А. Радича до современных этнологов. Особый интерес к этой теме возник в 1990-е гг.

Значительное внимание уделяется сравнительно-историческому и картографическому методам исследования, проведению сравнительных исследований на практике. Поскольку курс изучает обычаи, ритуалы и связанные с ними явления в расширенном объёме, он охватывает и проблематику других курсов Отделения («Методология этнологии и культурной антропологии», «Антропология религии»), в рамках которых обычаи интерпретируются как часть повседневной жизни, анализируется соотношение ритуала и обычая в контексте религиозности.

Ещё один курс по выбору для магистрантов – «Этнокультурная идентичность: теоретические подходы» направлен на ознакомление студентов с теоретическими принципами в исследовании этнокультурной идентичности и проблем идентичности как в хорватской, так и европейской и американской этнологии и культурной антропологии, которые в разное время оказывали большое влияние на хорватскую этнологию. В связи с этим курс начинается с изложения хронологического развития этнологии как науки и, в частности, с объяснения основных особенностей хорватской этнологии в период её формирования, когда А. Радич впервые начал писать об этносе и пытался доказать справедливость гипотезы о том, что двойственная социокультурная структура хорватского народа (дуальная модель) была создана как основа для изучения взаимосвязи социальной, национальной и культурной самобытности (идентичности), и что она имела политическое и культурное влияние на систематические исследования хорватского села. С конца XIX до середины XX в. этот подход был воспринят преемниками Радича в рамках культурно-исторической парадигмы (Гавацци, Братанич) и их последователями в других науках.

И наконец, лектор обычно останавливается на критической оценке развития научных знаний в югославский период, ориентированный на существовавшие тогда аспекты идеологии в трактовке этнической общности, народа и нации (Чулинович), что отличалось от хорватских учёных, исследовавших эту проблему в 1980-е гг. (Рихтман, Супек, Грбич-Якопович, Чапо-Жмегач). Наконец, анализируются последние тенденции в развитии хорватской науки, связанные с западной этнологией и антропологией. Кроме

того, в этом курсе изучаются параметры определения следующих понятий: «этническая принадлежность», «этническая идентичность» и «этничность», анализ и интерпретация значений терминов и синтагм, таких как, например, «внутреннее примордиальное стремление к собственной инакости», «естественное состояние социальной среды», «код, посредством которого человек идентифицирует себя», «границы идентичности» и т.д. Помимо разъяснения основных понятий и умения студентов свободно ориентироваться в данной теме, курс направлен на развитие способностей в сравнительном анализе различных методов изучения хорватского общества и этнокультурной картины мира. Магистранты знакомятся с терминологией и обзором теоретико-методологического дискурса, хронологией развития этнологической мысли от античности до настоящего времени, с состоянием проблемы в Хорватии XIX в.; разъясняются термины «народ» и «культура» в старой хорватской этнологии (А. Радич и А. Гах (A. Gahs); народ, культура и идентичность в понимании М. Гавацци и Б. Братанича; интерпретация теорий Радича, Гавацци и Братанича в современной хорватской этнологии; исследования идентичности в современной хорватской этнологии (О. Супек, А. Рихтман-Августин, Я. Чапо-Жмегач, Я. Грбич); полевые исследования в области изучения идентичности. Оценка знаний формируется следующим образом: активность участия (20%); работа на семинаре (20%), итоговый экзамен (60%).

К программе каждого лекционного курса прилагается список обязательной и дополнительной литературы¹.

Итак, сравнение программ 2005 и 2014–2017 гг. демонстрирует значительное расширение тематического и проблемного диапазона лекционных курсов. Например, курс по выбору (в бакалавриате 2005 г.) «Этнография буневцев» в 2014–2017 гг. был расширен и преобразован в курс «Идентичность этнических меньшинств», курс лекций 2005 г. «Сравнительное изучение обычаев» был преобразован в курс «Сравнительное изучение ритуально-обрядовых практик».

Кроме того, появились новые курсы, такие, как «Антропология туризма», «Антропология медицинских систем», «Проблемы антропологии миграций», «Антропология семьи и родства», «Основы фольклористики»,

«Сравнительная мифология» и др. К сожалению, из сетки преподавания предметов для бакалавров 2014–2017 гг. были изъяты курсы 2005 г., такие как «Народы и культуры Северной Америки», а для магистров – курс «Культура Передней, Юго-Восточной и Центральной Азии».

Среди соискателей диплома по специальности «этнология и культурная антропология» основное внимание уделяется применению этнологических и антропологических знаний в индустрии туризма, средствах массовой информации и во всех областях, требующих качественных исследований. Рынок труда для закончивших Отделение в основном – государственные учреждения, такие как институты по охране памятников, музеи и т.д., а также сфера туризма.

За последние годы также несколько изменились цели, стратегия, методика и методология преподавания. Отделением этнологии и культурной антропологии в 2016 г. были утверждены цели и задачи преподавания для студентов магистратуры. Отмечалось, что они должны уметь анализировать процесс развития этнологии и культурной антропологии, её понятия, концепции и теории; применять критические методы к осмыслению исторической периодизации, различных направлений в национальном и глобальном контексте; уметь использовать смежные дисциплины в разрешении научных споров; проводить аналитическое сопоставление этнологии и культурной антропологии со смежными дисциплинами; уметь интерпретировать современные теоретические подходы, используемые в этой дисциплине; правильно применять теорию для концептуализации, сбора, обработки и интерпретации данных; критически подходить к анализу литературы и источников; аргументировать использование выбранных методов исследования и обрабатывать данные с применением определённой исследовательской стратегии; уметь сопоставлять и комбинировать различные теоретические и методологические концепции и подходы; самостоятельно разрабатывать план комплексных этнографических исследований; уметь анализировать, интерпретировать и оценивать культурные явления и процессы, культурное разнообразие народов мира; понимать взаимообусловленность социокультурных процессов на локальном и глобальном уровнях;

уметь разрабатывать инструментарий для развития культурной политики в учреждениях, занимающихся культурным наследием, инновационными предложениями по презентации культурного наследия в учреждениях и средствах массовой информации; отстаивать разнообразие культур и критически оценивать различные государственные подходы к этой проблеме; разрабатывать предложения по решению вопросов, касающихся уязвимых групп; рекомендации по созданию межкультурного диалога; творчески применять приобретенные знания и навыки в профессиональной деятельности; критически подходить к оценке вклада этнологов в работу государственных и общественных учреждений; совершенствовать неформальные программы и неформальные формы обучения; разрабатывать и реализовывать социально значимые проекты; способствовать разработке и продвижению новых идей; уметь дать оценку своей профессиональной деятельности и способности к работе; рассматривать какую-либо проблему, используя плюрализм мнений для получения чётких логических выводов; уметь самостоятельно управлять коммуникационным процессом; использовать различные средства информации и информационные технологии; выражать своё мнение и идеи перед различными аудиториями на родном и иностранных языках; координировать работу со своими коллегами; представлять и распространять этнологические и профессиональные знания в научном и научно-популярном формате.

Основные *методы преподавания* в Отделении – лекции и семинарские занятия. Кроме того, большинство курсов сопровождается проведением полевых исследований, занятий в музее под открытым небом, где приобретает непосредственный опыт исследования, ознакомления, например, с принципами традиционного строительства и т.п. Часть каждой лекции обычно посвящена критическому разбору предлагаемой темы, а семинарские занятия включают активное участие студентов в дискуссиях, подготовке к написанию курсовых работ и текстов, в которых излагается позиция студента по заданной теме. Часть работы на семинаре выглядит как практикум по обсуждению определённой литературы (одни студенты делают доклады, а другие участвуют в их обсуждении). По завершению не-

которых курсов выдвигаются особые требования, в соответствии с которыми курсовая работа должна быть основана на собственных полевых или музейных исследованиях, что помогает проверить освоение студентами изучаемых теоретических и методологических установок. В рамках семинара они тренируются в написании короткого текста и устной презентации на заданную этнологическую тему, кроме того, на занятиях проводятся дискуссии по конкретным темам, используется аналитический метод «studija slučaja» (case studies, метод ситуационного анализа) для изучения конкретной реальной ситуации или воображаемого сценария.

С 2005 г. по настоящее время степень бакалавра по специальности «этнология и культурная антропология» получили 232 человека, степень магистра – 195.

* * *

При Отделении этнологии и культурной антропологии существует аспирантура, обучение в которой ведётся по новым программам (обучаются как хорваты, так и учащиеся из соседних стран). В 2007/08 гг. в рамках Болонской системы образования были введены новые принципы обучения: к образовательному процессу подключены зарубежные профессора и сотрудники Загребского института этнологии и фольклористики, возникло сотрудничество с Кафедрой этнологии Задарского, Люблянского университетов, университетов в Бергене, Гёттингене, Гётебурге, Кракове, с Лондонской школой экономики.

Аспирантура и её конечный результат – получение докторской степени является заключительным сегментом высшего образования. Однако весомость докторантов, защитившихся в разных университетах Хорватии и ЕС, часто неравноценна, она оценивается в соответствии с серьёзностью подготовки докторанта к диссертации в конкретном университете, а также с репутацией отдельных преподавателей университета и рейтингового уровня самого университета. В некоторых странах, как и в Хорватии, в последнее время всё чаще проводятся реформы системы образования.

Сегодня мы наблюдаем стремление многих, в основном европейских стран, к взаимодействию и гармонизации образовательного процесса на

всех уровнях с целью большего притока студентов и преподавателей в вузы. Это способствует созданию единого европейского научного пространством (European Higher Education Area – EHEA), для чего необходимо синхронизировать законодательства отдельных стран, что даст возможность студентам, невзирая на государственные и языковые границы, в процессе учебы переходить из университета в университет с целью ускорения приобретения знаний и расширения контактов с учёными разных стран.

Ещё одна цель новой европейской системы высшего образования – создание международной конкурентоспособности, содействующей организации в Европе уникальной в научном и технологическом плане подготовки, равноценной или даже опережающей другие наиболее развитые страны мира. Старт этим усилиям дала Magna Charta Universitatum^{*} в 1988 г., а основой нового европейского академического пространства явилось соглашение от 19 июня 1999 г., которое на исторической встрече в Болонье подписали министры 29 европейских государств, отвечающие за высшее образование. Была принята Болонская декларация, в соответствии с которой процедура синхронизации стала называться «Болонским процессом». Вскоре после этого к нему примкнули и другие страны, среди которых была и Хорватия. Сегодня в Декларацию входит уже 47 участников.

Присоединение Хорватии к этой системе повлекло за собой создание новых программ для аспирантов этнологии и культурной антропологии. Они разработаны профессорами Загребского университета в сотрудничестве с коллегами и экспертами из Отделения этнологии и культурной антропологии Люблянского университета, Института культуры и истории искусства (Institut für Kulturstudien und Kunstgeschichte) Университета Бергена. Именно они представили концепцию новой совместной программы, учитывая принципы старой программы для аспирантов и докторантов по специальности «этнология/культурная антропология». Таким образом ещё до

^{*} В сентябре 1988 г. ректоры европейских университетов, собравшиеся в Болонье в честь 900-летия Болонского университета, подписали документ, ставший концептуальной основой развития университетского (высшего) образования. Документ этот получил название Великой хартии университетов.

принятия Болонской декларации и запуска болонского процесса была разработана программа получения степени PhD.

В 2001 г., когда стало ясно, что в короткие сроки в Хорватии невозможно принять новый закон о высшем образовании, было разработано временное Положение об аспирантской подготовке по специальности «этнология/культурная антропология», в которое вводились и некоторые изменения, отражённые в Болонской декларации. Закон о научной деятельности и высшем образовании в Хорватии, принятый в июле 2003 г., позволил, наконец, создать совершенно новое Положение об аспирантуре и защите докторской диссертации по этнологии и культурной антропологии, которое в мае 2006 г. было утверждено Учёным советом Философского факультета Загребского университета.

В чём же заключаются существенные различия между старой и новой программой аспирантуры по этнологии/культурной антропологии и процедуры получения степени доктора? По старой системе студенты учились до защиты диплома четыре года, а затем получали двухлетнее образование в магистратуре (4+2), затем писали докторскую диссертацию вне учебного процесса после окончания магистратуры. Благодаря новому Положению появилась возможность после завершения магистратуры учиться ещё три года в аспирантуре, и в конечном итоге защитить докторскую диссертацию.

В процессе обучения предусмотрено руководство аспирантом и мониторинг/аттестация. Работа основана на индивидуальном учебном плане, который адаптирован для каждого отдельного учащегося. Сотрудничество с университетами Задара, Любляны, Сараево, Бергена и др. даёт возможность осуществления на международном уровне масштабных научных исследований, возможность более широкого выбора руководителей для подготовки докторских диссертаций и осуществления контроля их качества. Новой в программе обучения в аспирантуре стала и модульная система, которая помогла привести хорватскую программу обучения в соответствие с программами зарубежных университетов (joint study programme)*.

* Модульная система обычно включает пять модулей (блоков) продолжительностью 8 недель (два модуля до Нового года и три после). Экзамены проводятся в конце каждого семестра и модуля.

В аспирантуру могут записаться студенты, которые защитили диплом и получили степень магистра со средним баллом не менее 3,5. В настоящее время ежегодно выделяется около 10 мест в аспирантуру, обучение в ней платное. К поданному на зачисление заявлению прилагается 3–4 страницы обоснования избранной темы исследования и текст, отражающий степень её разработанности. Текст должен содержать описание научной проблемы, основной идеи исследования, вопросов, составленных соискателем и мотивации выбора именно такой темы диссертации. Обучение в первом и втором семестре, как правило, проводится на хорватском, словенском и английском языках. Аспирант (с помощью руководителя) разрабатывает проект диссертации в течение первого модуля и представляет его на утверждение Учёному совету отделения. В настоящее время он имеет возможность выбирать руководителя в течение первого модуля из числа преподавателей, имеющих надлежащее научное звание и степень. В течение модуля преподаётся основной предмет и несколько дополнительных по выбору.

Обязательными предметами в аспирантуре являются: этнология и культурная антропология; информационные и коммуникационные научные знания; поэзия, исполнительское искусство, кинематография и культура; медиэвистика; современная хорватская история в европейском и мировом контексте; история искусства; археология; философия; глоттодидактика; хорватская культура; информационные и коммуникационные знания; языкознание; педагогика; психология.

Дополнительно аспиранты могут прослушать специальные курсы: практика перевода; теория перевода; немецко-хорватские деловые коммуникации; клиническая психология; ЕС и его организации; компьютер в переводе; лексикология и лексикография.

Наиболее интенсивное преподавание осуществляется в течение первых двух семестров, когда читаются курсы по основным предметам, а в следующих, как правило, слушают лекции по дополнительно выбранным предметам, которые должны соответствовать научным интересам и теме диссертации.

С третьего модуля начинается интенсивная работа по написанию текста диссертации. Деятельность каждого аспиранта (успешно сданный обя-

зательный и дополнительный курс, презентация или публикация научных результатов, активная помощь преподавателю в проведении занятий) даёт дополнительные баллы (ECTS). После прохождения полного курса аспирантуры, предусмотренного программой, и получения установленного количества баллов, аспирант представляет на заседании сначала своим коллегам, а затем Ученому совету проспект диссертации. Её изложение должно содержать краткое введение, в котором обосновываются задачи и цели исследования, его теоретическое обоснование и мировые научные достижения в этой области, методология исследования, структура работы, а также практическое применение ожидаемых научных результатов. После одобрения Ученым советом аспирант допускается к защите диссертации. Завершённую диссертацию оценивает Экспертная комиссия и после положительной оценки соискателю дают допуск к защите, и затем он получает диплом учёной степени доктора наук (dr. sc.) в научной области гуманитарных наук по специальности «этнология и культурная антропология» [Belaj, 2006:21–28]. С 2005 г. по сегодняшний день эту учёную степень получил 61 соискатель [Upisnik doktorata].

* * *

Анализ проблематики лекционных курсов Отделения этнологии и культурной антропологии Загребского университета и публикационной активности двух ведущих этнологических журналов «Этнологическая трибуна» (Etnoloska tribina) и «Исследования по хорватской этнологии» (Studia ethnologica Croatica) дал возможность выявить широкий спектр проблем, затронутых в хорватских современных этнологических исследованиях, обозначить глубину и многообразие научных вопросов, разрабатываемых хорватскими этнологами за последнее 10-летие. Это – проблемы этногенеза и этнической истории, современного этнического состава населения и этнических групп, этнических меньшинств в Хорватии, хорватской диаспоры в разных странах мира, проблемы идентичности хорватов, вопросы межэтнического взаимодействия, исследования многообразия традиционных культур, изучение их исторической транс-

формации (материальной, духовной культуры, форм хозяйства, семейной и общественной жизни), историко-монографическое изучение какого-либо региона Хорватии или отдельного села, этнология города, этномедицина, история этнологической науки в Хорватии и зарубежных странах, антропология детства, народное искусство, гендерные исследования в этнологии, миграционные процессы, проблемы этики в культурной антропологии, этническая картография, этномузеология, этнолингвистика, этномузыкалогия, антропология пищи и питания, аудиовизуальная антропология, этноэкология (проблемы старения и долгожительства и др.), религиозные верования и шаманизм, народные игры и игрушки, антропология народного танца, этно- и агротуризм, антропология путешествий, антропология спорта [URL 2, 3].

Подводя итог скажем, что сегодня Отделение этнологии и культурной антропологии Загребского университета является ведущим учебным и научным учреждением в этой области в стране. Его сотрудники, студенты и аспиранты поддерживают и развивают разные формы международных контактов. В первое десятилетие XXI столетия здесь работало 14 человек: профессора, доценты, научные сотрудники и библиотекарь, сегодня в Отделении 20 преподавателей (17 доцентов и штатных профессоров и 3 ассистента) [URL 4]. В 2005 г. в него входило 4 кафедры: Общей этнологии; Национальной (отечественной) этнологии; Этнологических методов и картографии; Культурной антропологии. В настоящее время их уже шесть: к прежним четырем добавились Кафедра этнических меньшинств и общностей и Кафедра прикладной антропологии [URL 5].

Отделением, как мы уже отмечали, издаётся ежегодный журнал «*Studia ethnologica Croatica*», который публикует статьи, способствующие развитию методологических и теоретических знаний в области этнологии и культурной антропологии, а также статьи из смежных дисциплин с акцентом на культурные явления и процессы, обзоры книг. Журнал издаётся при поддержке Министерства науки и образования Республики Хорватии и ориентирован на аналогичные международные издания. С марта 2018 г. (№ 29 за 2017 г.) он индексируется в международной системе цитирования *Emerging Sources Citation Index (ESCI)* и *Web of Science*.

Современные этнологи в Хорватии используют разные методологические подходы или когерентный набор методов: феноменология, установленная теория, теория влияния (*afekta*), автоэтнография, феминистская этнография. [Об этом подробно см.: *Škrbić et al.*, 2016].

Отличительной особенностью Отделения стала его ориентация на современные проблемы антропологии, а также пристальное внимание к междисциплинарному подходу изучения антропологических проблем, что позволяет не только расширять кругозор студентов и аспирантов, но и использовать в исследовательской работе методы и приемы, применяющиеся в сопредельных областях гуманитарного знания – фольклористике, лингвистике, семиотике, социологии и т.п. Специфика Отделения во многом связана с необходимостью включения молодых хорватских учёных-антропологов в мировое научное пространство и, соответственно, предполагает владение терминами и методами, которые используются в современной антропологии, знание ключевых проблем антропологических исследований.

Отделение этнологии и культурной антропологии Загребского университета является ведущим центром в Хорватии, в котором подготовка специалистов по этой дисциплине организована с учётом всей совокупности теоретических и практических достижений современной европейской и мировой этнологии/антропологии. В ряде курсов использованы результаты научно-исследовательской работы преподавателей Отделения², многие, относительно новые курсы лекций, знакомят с передовыми достижениями в таких областях как экономическая, медицинская, визуальная антропология, антропология спорта и др. В рамках Отделения помимо бакалавриата и магистратуры существует трёхлетняя аспирантская подготовка, которая подразумевает итоговую защиту докторской диссертации по специальности «этнология и культурная антропология». Изложенное выше даёт основание считать, что обучение в Отделении этнологии и культурной антропологии Философского факультета Загребского университета демонстрирует весьма высокий уровень европейского этнологического образования и может, в известной степени, способствовать продвижению этнологических знаний и новейших научных концепций.

Литература:

1. Белик, 2009 – *Белик А.А.* Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие. М., 2009.
 2. Бромлей, 1959 – *Бромлей Ю.В.* Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959.
 3. Бромлей, 1964 – *Бромлей Ю.В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.
 4. Бромлей, 1979 – *Бромлей Ю.В.* О предмете культурной-социальной антропологии и этнографии в трактовке англо-американских и советских ученых (опыт сравнительного анализа // *Этнография за рубежом.* М.: Наука, 1979.
 5. Бромлей, Кашуба, 1975 – *Бромлей Ю.В., Кашуба М.С.* Современная этнографическая наука в Югославии // *Этнография в странах социализма.* М.: Наука, 1975. С. 321.
 6. Брук, Токарев, 1966 – *Брук С.И., Токарев С.А.* Проблемы составления европейского историко-этнографического атласа // *Советская этнография.* 1966. № 5.
 7. Васильев, 2002 – *Васильев М.И.* Введение в культурную антропологию. Великий Новгород, 2002. С. 6–7.
 8. Мартынова, 1988 – *Мартынова М.Ю.* Хорваты. Этническая история XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1988.
 9. Токарев, 1978 – *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978.
 10. Фрейдзон, 1993 – *Фрейдзон В.И.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – начала XX в. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993.
- * * *
11. 50 godina, 1959–2009 – 50 godina Hrvatskoga etnološkog društva (1959–2009). Zagreb, 2009.
 12. Belaj, 1998 – *Belaj V.* Povijest etnološke misli u Hrvata // *Etnografija: Svagdan i blagdan hrvatskoga puka.* Zagreb: Matica hrvatska, 1998. S. 337–357.
 13. Belaj, 2005 – *Belaj V.* Riječ urednika: Spomen na profesora Branimira Bratanića // *Studia ethnologica Croatica.* 2005. V.17. № 1. Prosinac.
 14. Belaj, 2006 – *Belaj V.* Novi program poslijediplomskoga doktorskog studija na Odsjeku za etnologiju i kulturnu antropologiju // *Studia ethnologica Croatica,* Zagreb, 2006. V. 18. S. 21–28.
 15. Bošković, 2010 – *Bošković A.* Kratak uvod u antropologiju. Zagreb: Jesenski i Turk, 2010. 227 str.
 16. Braica, 2005 – *Braica S.* Utemeljenje etnologije u Hrvatskoj // *Ethnologica Dalmatica.* 2005. V.14. №1. Prosinac.
 17. Čapo Žmegač, Gulin Zrnić, 2008 – *Čapo Žmegač J., Gulin Zrnić V. A.* Curriculum of Cultural and Social Anthropology // *Studia ethnologica Croatica,* Zagreb: 2008. V. 20. S. 97–105.

18. Černelić, 2007 – *Černelić M.* Prilog poznavanju kulturnopovijesne metode u hrvatskoj etnologiji i raspravi // *Studia ethnologica Croatica*, Vol. 19, S. 5–16, Zagreb, 2007.
19. Etnološka tribina – Etnološka tribina // URL : <https://hrcak.srce.hr/etnoloska-tribina>
Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju;
<http://www.ffzg.unizg.hr/etno/odsjek/nastavnici>
20. Jelavić, 2009 – *Jelavić Ž.* Uz 50-tu obljetnicu Hrvatskog etnološkog društva // *Etnološka tribina*. 2009. V. 39. № 32. S. 7–12.
21. Kelemen, Rubić, 2006 – *Kelemen P., Rubić T.* Arhiv Odsjeka za etnologiju i kulturnu antropologiju // *Studia ethnologica Croatica*. 2006. V. 18. S. 99–114.
22. Clifford, Marcus, 2014 – *Clifford J., Marcus G. E.* Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography. Oxford, 2014.
23. Milenković, 2014 – *Milenković M.* Povratak «dvorskoj nauci»? – Ka konsekvencijalističkom promišljanju... // *Studia ethnologica Croatica*. Zagreb, 2014. Vol. 26. S. 5–23.
24. Pletenac, 2005 – *Pletenac, Tomislav.* Dvojnost etnološkog diskursa i pozicija etnologije Branimira Bratanića / Duality of Ethnological Discourse and the Position of Ethnology of Branimir Bratanić // *Studia ethnologica Croatica*, 2005. Vol. 17. S. 7–23.
25. Pletenac, 2006 – *Pletenac T.* Između paradigmi: Je li Odsjek postao dobro mjesto za krizu? // *Studia ethnologica Croatica*. Zagreb, 2006. Vol. 18. S. 9–20.
26. Prica, 1998/1999 – *Prica I.* Etnologija ali antropologija // *Studia Ethnologica Croatica* 10/1 (1998/1999). 2001. S. 9–22.
27. Prijedlog, URL – Prijedlog preddiplomskog i diplomskog studija etnologije i kulturne antropologije // URL : www.ffzg.unizg.hr/.../preddiplomski/silabusi-preddiplomski
28. Rapo, 2007 – *Rapo V.* Etnologija u nastavi: U povodu 80 godina studija etnologije i kulturne antropologije filozofskog fakulteta u Zagrebu. Zagreb, 2007.
29. Šantek, Komar, 2017 – *Šantek G. P., Komar T.* Razgovor s Vitomirom Belajem // *Etnoloska tribina*. 2017. V. 40. Prosinac.
30. Škrabalo, 2009 – *Škrabalo M.* Etnologija kao nastavni predmet u Hrvatskoj 1931–1945 // *Etnološka tribina*. 2009. V. 39.
31. Škrbić at al., 2016 – *Škrbić Alempijević N., Potkonjak S., Rubić T.* Misliti etnografski. Kvalitativni pristupi i metode u etnologiji i kulturnoj antropologiji. Zagreb, 2016.
32. Slavec Gradišnik, 2012 – *Slavec Gradišnik I.* Ethnologia Europaea u Hrvatskoj i Sloveniji: Branimir Bratanić (1910–1986) i Vilko Novak (1909–2003) // *Studia ethnologica Croatica*. 2012. V. 24. Prosinac.
33. *Studia ethnologica*, 2016 – *Studia ethnologica Croatica*. 2016. Vol. 28. S. 1–2. Zagreb. URL : https://hrcak.srce.hr/index.php?show=toc&id_broj=15500

-
34. Upisnik doktorata – Upisnik doktorata. Arhiv Filozofskog fakulteta u Zagrebu.
35. URL 1 – prof.www.ffzg.unizg.hr/etno/odsjek/povijest-odsjeka
36. URL 2 – Номера журнала «Studia ethnologica Croatica» за 1997–2017
https://hrcak.srce.hr/index.php?show=toc&id_broj=15500
37. URL 3 – <https://hrcak.srce.hr/etnoloska-tribina>, номера журнала «Etnološka tribina» за 1997–2017
38. URL 4 – <http://www.ffzg.unizg.hr/etno/odsjek/nastavnici>
39. URL 5 – <http://www.ffzg.unizg.hr/etno/odsjek/katedre>

Примечания:

¹ *В качестве литературы, например, по курсу «История хорватской этнологии» для студентов рекомендуется:*

Обязательная литература:

- Belaj V. Plaidoyer za etnologiju kao historijsku znanost o etničkim skupinama // Studia ethnologica. 1989. №1. S. 9–17.
- Belaj V. Hrvatska etnologija i etnogeneza. Starohrvatska spomenička baština, Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža, Zbornik radova znanstvenog skupa održanog 6–8. listopada 1992. Zagreb, 1996. S. 115–119.
- Belaj V. Povijest etnološke misli u Hrvata // Etnografija : Svagdan i blagdan hrvatskoga puka. Zagreb : Matica hrvatska, 1998. S. 337–357.
- Belaj V. Die Kunde Vom kroatischen Volk: eine Kulturgeschichte der kroatischen Voklskunde // Studia croatica Br. 1. St. Augustin Gardez! Verlag, [Germany], 1998.
- Petrović L.T., Leček S. Država i znanost: jugoslavenstvo na III. slavenskom kongresu geografa i etnografa 1930. godine // Studia ethnologica Croatica. V. 23. S. 149–182.
- Čapo Žmegač J. Dvije znanstvene paradigme u hrvatskoj etnologiji: Antun Radić i Milovan Gavazzi // Narodna umjetnost. 1995. V. 32/1. S. 25–38.
- Čapo Žmegač J. Hrvatska etnologija – stanje, s osvrtom na svjetsku znanost. Zbornik radova simpozija o fundamentalnim istraživanjima. Zagreb: HAZU, 1997. S.191–198.
- Leček S., Petrović L.T. Znanost i svjetonazor – Etnologija i prosvjetna politika Banovine Hrvatske 1939–1941. Zagerb: Srednja Europa, 2010.

Дополнительная литература:

- Belaj V. Čevapovićev doprinos etnologiji // Zbornik radova o fra Grguru Čevapoviću. Osijek: 1990. S. 219–231.
- Belaj V. Relkovićevo mjesto u povijesti hrvatske etnologije / Vrijeme i djelo Matije Antuna Reljkovića. Osijek: 1991. S. 63–69.
- Belaj V. Milovan Gavazzi, sein Leben und Werk // Studia ethnologica Croatica: 1995–96. V. 7/8. S. 7–19.

- Braica S. 90 godina Etnografskog muzeja Split. Split: Etnografski muzej, 2000.
- Čapo Žmegač J. Etnologija i /ili (socio) kulturna antropologija // *Studia ethnologica Croatica*. 1993. V. 5. S. 11–25.
- Čapo Žmegač J. Antun Radić und die Volkskunde der Gegenwart // *Kroatische Volkskunde/ Ethnologie in Neunzigern*. Wien : Institut für Europäische Ethnologie, 2001. S. 69–92.
- Gavazzi M. Razvoj i stanje etnografije u Jugoslaviji // *Lud Słowianski*. T. I. Z. 2. Krakow : 1930. Str. B 266–B 106.
- Grbić J. Etnografsko-etnološki rad Ivana Milčetića // *Zbornik Milčetiću, književnom povjesničaru, filologu i etnologu*. Zagreb: Matica hrvatska Varaždin, 2002. S. 113–119.
- Gjetvaj N. Etnografski muzej u Zagrebu. Etnološka istraživanja. Zagreb: Etnografski muzej. 1989. 143 s.
- Majcin V. Etnološki filmovi Milovana Gavazzija i hrvatski etnološki film u prvoj polovini 20. stoljeća. *Studia ethnologica Croatica*. 1995/1996. № 7/8. S. 121–134.
- Matković P. Moskovska etnografička izložba u svibnju 1867 // *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. Rad 1. Zagreb , 1867. S. 189–228.
- Muraj A. Josip Matasović u svjetlu hrvatske etnologije // *Etnološka tribina*. 1993. V. 16. S. 11–34.
- Muraj A. Tragom Antuna Jirouška: etnografija u kulturnim i inim praksama // *Etnološka tribina*. 2001. V. 24. S. 35–47.
- Pederin I. Jadranska Hrvatska u austrijskim i njemačkim putopisima. Zagreb : Nakladni zavod Matice hrvatske, 1991.
- Petrović T. Iso Kršnjavi kao etnograf. *Etnološka tribina*, 1992. V. 15. S. 149–156.
- Petrović T. Milko Cepelić – istraživač hrvatskoga seljačkog tekstila // *Zbornik muzeja Đakovštine*. 2001.V. 5. S. 61–76.
- Pletenac T. Etnologija u službi politike: Pozadina sukoba Franić – Gavazzi // *Studia ethnologica Croatica*. 1995/1996. V. 7/8. S. 83–93.
- Prica I. Mala europska etnologija. Zagreb: Golden marketing. 2001.
- Rapo V. Etnologija u nastavi / U povodu 80 godina studija etnologije i kulturne antropologije Filozofskog fakulteta u Zagrebu / Hrvatski školski muzej. Zagreb : 2007. S. 12.
- Supek O. Osnovne značajke etnologije u Hrvatskoj od 1945 do danas / 18. kongres SEDJ. Rogaška Slatina. 1983. Ljubljana, 1983. S. 51–66.
- Supek O. Etnologija u svijetu i mi: pogled s periferije. *Etnološke sveske*. 1987. VIII. S. 65–70.
- Supek O. Ethnology in Croatia // *Etnološki pregled*. 1988. V. 23/24. S. 17–35.

² *Профессора и доценты Отделения параллельно с преподаванием ведут активную научно-исследовательскую работу. За последние годы ими изданы труды:*

Rubić T.: Nezaposleni u gradu – antropologija rada i neformalne ekonomije. Zagreb: Hed biblioteka, 2017.

Šantek G.P. Dinamo – to smo mi! Antropološki ogledi o Dinamu i njegovim navijačima. Zagreb: FF Press, 2017.

Černelić M. Bunjevci – ishodišta, sudbine, identiteti. Zagreb: FF Press, Subotica: Zavod za kulturu vojvođanskih Hrvata, 2016.

Alempijević Škrbić N., Potkonjak S., Rubić T. Misliti etnografski. Kvalitativni pristupi i metode u etnologiji i kulturnoj antropologiji. Zagreb: hed biblioteka i FF press, 2016.

Petrović D. Izbjegništvo u suvremenom svijetu. Od političkoteorijskih utemeljenja do biopolitičkih ishoda. Zagreb: Naklada Ljevak, 2016.

Zanki J., Ferenčić M.P., Alempijević Škrbić N., Potkonjak S., Belaj M. Od državne umjetnosti do kreativnih industrija / Transformacija rodnih, političkih i religijskih narativa. Zagreb: Hrvatsko društvo likovnih umjetnika, 2015.

Perić, Boris i Pletenac, Tomislav. Zemlja iza šume. TIM Press, Zagreb, 2015.

Černelić M., Grbić Jakopović J., Rajković M. I.; Rubić T., Dronjić M., Gotal M. Bunjevci u vremenskom i prostornom kontekstu. Zagreb: FF Press, Subotica: Zavod za kulturu Vojvođanskih Hrvata. 2014.

Černelić M. (gl. ur.) / Uredništvo: K. Čeliković, B. Poljaković, M.I. Rajković, T. Rubić, D. Šokčević, T. Žigmanov. Tradicijska baština i etnokulturni identitet podunavskih Bunjevaca. Zagreb: FF Press, Subotica: Zavod za kulturu Vojvođanskih Hrvata. 2014.

Jakopović Grbić J. Multipliciranje zavičaja i domovina. Hrvatska dijaspora: kronologija, destinacije, identitet. Zagreb: FF Press, 2014.

Potkonjak S. Teren za etnologe početnike. Zagreb: Hed biblioteka i FF press, 2014.

Roksandić D., Rajković M. I., Rubić T. Kula Jankovića: Spomenik kulture – pokretač održivog razvoja Ravnih kotara. Zagreb: Centar za komparativnohistorijske i interkulturene studije – FFZG – Plejada d.o.o. Zagreb, 2014.

Rajković M.I. Česi u Jazveniku / Češi v Jazveniku. Daruvar, NIU Jednota, 2013.

Е.А. Сорокина

ШВЕДСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ И РЕАЛИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Судя по истории формирования науки этнология, можно предположить, что она существует не сама по себе, представляя чисто абстрактный интерес для пытливому уму, а как ответ на вполне конкретные запросы общества. Другими словами, процесс формирования предмета исследовательской деятельности этнолога, как правило, тесно связан с современной ему реальностью и зависит от т.н. «вызовов времени» и обусловлен политическими и экономическими интересами общества, что, в свою очередь, предопределяет свои особенности развития этнологии в каждой из стран. Разумеется, что и проблематика различных исследований в шведской этнологии формировалась в зависимости от запросов и потребностей и в связи с конкретными событиями того или иного периода жизни общества и страны. Основные темы

исследований – это, во многом, поиск ответов на вопросы, задачи и проблемы, которые требуют понимания и решения. И такие решения призваны найти (на основе эмпирического материала, исследований, анализа и пр.) учёные-этнологи.

История развития шведской этнографии/этнологии уходит корнями в древность – начиная от изучения саг до институализации её как науки в начале XIX века. Первым шведским исследователем народной культуры считается Йоханес, который известен также как составитель первой грамматики древнешведского языка (1636). Великий шведский ботаник Карл Линней в своих путевых заметках в 1749 г. писал: «Сельский житель имеет привычку ещё от времён язычества в ночь перед Вальборгом разводить повсюду костры, танцевать и радоваться предстоящему наступлению лета...». В 1819 г. Л. Хаммаршёльд и Й. Имнелиус издали небольшую по объёму работу, которую называли «Шведские народные сказки». С 1842 г. в журнале «Руна» публиковались предания и песни, собранные Р. Дюбеком во время многочисленных фольклорных экспедиций. В 1843 г. шведский учёный Г.У. Хюльтен-Каваллиус и англичанин Г. Стеффенс основали Общество древних рукописей, а в 1853 г. увидел свет их совместный труд «Исторические и политические баллады Швеции». С 1863 по 1868 гг. фольклористы выпустили работу Г.У. Хюльтен-Каваллиуса, посвящённую крестьянскому быту и культуре Смоланда, «Вэрэнд и его жители. Изыскания шведской этнологии» [Сафрон, 2015:18–19].

В 1868 г. шведский врач и антрополог Густав фон Дюбен организовал первую из двух экспедиций в шведскую Лапландию в целях изучения народа саами. Собранный им материал лёг в основу фундаментальной монографии под названием «О Лапландии и лопарях» (1873).

Основоположником же шведской и шире – скандинавской этнологии считается Артур Хацелиус. Старейший в Швеции музей – Северный (Nordiska Museet), основан им в Стокгольме в 1872 г. Сейчас это – один из богатейших этнографических музеев в мире. В 1873 г. было основано Антропологическое общество Швеции, позже оно стало называться Шведское общество по антропологии и географии.

В 1891 г. этнографом Артуром Хацелиусом был создан первый в Европе этнографический музей под открытым небом – Скансен, где были собраны памятники народного шведского зодчества XVI–XIX вв., послуживший впоследствии образцом для создания аналогичных парков-музеев в других европейских странах. Многие годы им, как и «Северным музеем», руководил крупнейший учёный Сигурд Эриксон (1888–1968).

Уже с 1926 г. функционировали кафедры этнологии в университетах Стокгольма, Лунда, Упсалы. А с 1937 г. увидел свет журнал «Folkliv», основанный С. Эриксоном (с 1971 г. – «Ethnologia Scandinavica»). В 1951–55 гг. выходили сборники «Laos», в котором региональные проблемы скандинавской этнографии трактовались в тесной связи не только с европейской наукой, но и общемировой [Токарев, 1978; Морозова, Павленко, 1976:177–192; Березина, 1990].

Всемирную известность приобрёл Эрланд Норденшельд (1877–1932) – шведский археолог, этнолог, антрополог, чьи исследования охватывали этнографию и ранний исторический период Южной Америки (Боливия, Аргентина, Перу, Колумбия и Панама).

Шведская этнология прославлена такими именами, как Оке Хульткрантц (Åke Hultkrantz, 1920–2006), всемирно известный ученый, историк и феноменолог религии, один из основателей «экологии религии», крупнейший исследователь культуры индейцев Латинской Америки [Барашков, URL].

Широко известен Бенгт Эммерик Даниэльссон (Bengt Emmerik Danielsson (1921–1997), шведский этнограф, директор Шведского национального музея этнографии (1967–1971), участник экспедиции на плоту «Кон-Тики» (Восточная Полинезия). Б. Даниэльссон является автором множества работ о Полинезии, включая шеститомное издание по истории островов, и популярных книг, многие из которых переведены на различные языки.

Как видим, шведская этнология на протяжении XVII–XIX веков, как и этнология/этнография в других странах мира с самого своего зарождения была тесно взаимосвязана (можно сказать – переплетена) с другими научными дисциплинами: естествознанием, физической антропологией и археоло-

гией, языкознанием и философией, религиоведением и психологией и др. И только в XIX в. она заявила о себе как о самостоятельной науке.

* * *

Для шведской этнологии первой половины XX-го века было характерно обращение к различным темам, касающимся, в первую очередь, материальной культуры, быта и традиций, исконных ремесленных производств как в самой Швеции, так и в Скандинавском регионе в целом. Основным её направлением до середины XX века было «скандинавское и сравнительное изучение народной жизни» («folklivsforskning»), термин, предложенный шведским учёным Хаммаршtedтом в 1909 г. [Морозова, Павленко, 1976:182]. В этот период основная деятельность этнографов сводилась к музейной работе и накоплению полевого материала. Теоретические проблемы и обобщения появились позже, и связаны они с именем С. Эриксона.

Шведский этнолог Сигурд Эриксон (1888–1968), ставший лучшим знатоком материальной культуры Скандинавии, приобрел мировую известность и создал школу, направленную на преодоление разрыва между описательными и теоретическими методами в европейской этнографии.

Он изучал постройки, декор жилища, поселения, социальные отношения, общинный и семейный быт. Явления и понятия скандинавской этнологии он увязывал с общепринятой в мировой науке терминологией, последовательно отстаивал применение количественных методов в изучении народной жизни. Он считал изучение своего народа, т.е. «региональную этнологию», частью единой этнологической науки, а под изучением «народной жизни» (folkliv), он понимал все стороны жизнедеятельности человека. С именем Эриксона связана и тенденция к сближению родоноведческой этнографии с общими задачами и понятиями этнографической науки. Эриксон доказывал универсальность человеческих культур, т.е. все культуры – это составные части человеческого единства, а задача этнологии – «сочетание исследований культуры и жизни человека».

В своих печатных и устных выступлениях по программным и принципиальным вопросам этнологии Эриксон не отделял задач родоноведче-

ских исследований от общих проблем этнографии. Он-старался уложить явления и понятия скандинавской этнографии в рамки общэтнологической терминологии; пользовался заимствованными из новейшей западной теоретической литературы категориями «социальная группа», «функция» и пр.; критиковал других этнографов за недостаток историзма в их исследованиях. Он также настойчиво рекомендовал применять количественные методы в изучении народной жизни.

Со своим широким пониманием задач этнографии/этнологии как единой науки, изучающей все народы Земли, со своим пониманием «народа» и его «культуры» как вполне конкретных явлений (в отличие от весьма абстрактного толкования этих категорий многими другими учёными) Эрикссон сделался признанным главой этнографов-европеистов того времени.

Последователями школы Сигурда Эриксона, сохранявшими традиции в изучении материальной и духовной культуры своего народа, стали такие известные шведские учёные, как Оке Хульткрантц, Геста Берг, Анна-Мария Нулен, Нильс-Арвид Брингеус, Ларсен и мн. др.

В 1950–60-е гг. были изданы многотомный историко-этнографический атлас, первый и второй тома «Международного словаря по европейской этнологии и фольклору» под ред. О. Хульткрантца. В конце 1960-х гг., по инициативе С. Эриксона, стал издаваться журнал «*Ethnologia Europaea*», посвящённый теоретическим проблемам этнологии.

К середине XX века в шведской этнологии разворачивается изучение всего европейского ареала, ведётся научная работа при университетах, музеях и Королевской академии наук, создаются многочисленные общества и союзы по изучению истории, этнологии и фольклора, Государственный архив народной песни. Ведётся активная научная жизнь – издаются документы, проводятся симпозиумы, встречи, активная публикационная деятельность научно-исследовательских учреждений. Большое место в научной жизни занимает издание различных источников. Шведская историография особенно сильна в области филологической и палеографической критики источников, отличается тщательной статистической обработкой материалов и высокой техникой исследования [Кан, 1955]. Изучаются тра-

диции и культурное наследие страны, изменения в материальной культуре, динамика деревенской культуры, в то же время уделяется всё большее внимание социальным исследованиям.

До начала 1970-х гг. в шведской науке основное внимание уделялось исследованиям крестьянской народной культуры, главным образом материальной (folkklivsforskningar), т.е. бытоописаниям сельской жизни и анализу её традиций, обычаев, но главным образом – материальной культуре: одежде, орудиям труда и т.п. и всему с ней связанному (folkklivsformer).

Помимо изучения своего народа шведские этнографы продолжали уделять внимание изучению традиционной культуры лопарей, живущих в северных районах Скандинавии.

* * *

Со второй половины XX века интерес шведских этнологов широко стали привлекать и другие темы – положение в современном обществе различных этнических групп, проблемы их культуры и идентичности, а также исследования, посвящённые изучению проблем детства, молодёжи, гендера. Более подробная разработка указанных проблем, а также появившихся в 1970-е гг. новых направлений (гендерные исследования, изучение этничности и проблем глобализации) стали широко осуществляться несколько позже – в 1980-е гг.

Шведскими учёными стала осознаваться необходимость этнологического изучения не только деревни, но и города. Постепенно расширяя сферу своих интересов, этнологи стали изучать города, городскую культуру, городское население. Они старались охватить социальную жизнь всех слоёв общества, втягиваясь в такие области знания, как культурная география, экономическая история и социология.

В 1960–70-е гг. неуклонно расширялась не только сфера исследований, стали привлекаться новые методы культурной и социальной антропологии. Всё более важную роль в развитии мирового научного знания, включая и социально-гуманитарное, приобретают возможности, связанные с использованием новых информационных технологий. Хотя на протяжении целого

ряда лет для шведской этнологии всё ещё оставались актуальными традиционные исследования, посвящённые описанию культуры и быта.

Таким образом, как и прежде, шведская этнология сохраняла свою связь с реальными общественными процессами, что является прямым свидетельством высокой степени важности этой науки. Даже поверхностный анализ основных исторических событий XX века позволяет сделать вывод о возрастании роли этнического фактора в культурно-историческом процессе. Традиционно внимание этнологов фокусировалось в большей степени на различных проблемах современного исследователю общества непосредственно в самой Швеции. Шведская этнология 1960–70-х гг. – это очень конкретная и тесно связанная с реальной жизнью наука.

По мнению ряда исследователей, начиная с 1970-х гг., началось становление т.н. «новой шведской этнологии». В то же время можно сказать, что «новая шведская этнология» выросла на основе традиционных исследований, не отвергая, но расширяя и дополняя их.

Важную роль в развитии и становлении шведской этнологии имела деятельность с середины 1960-х гг. «Группы Понедельник» в г. Берген, на заседаниях которой речь шла о самых важных для молодых исследователей проблемах. На совместных встречах обсуждались разнообразные вопросы и темы. Постепенно, сначала в ходе дискуссий, начинали формироваться и разрабатываться новые исследовательские подходы, которые позже переросли в разнообразные проекты по различным направлениям – от изучения городской среды, жизни различных слоёв горожан и до принципиально важных работ по изучению шведского менталитета [Daun, 1989; 1992; Daun, 2005:218]. Если обобщить цели исследований молодых шведских этнологов 1960–70-х гг., то надо отметить, что они задались целью найти некий алгоритм для понимания и решения многих проблем современного общества в целом.

Важную роль для шведской этнологии 1970–80-х гг. играли сравнительно-исторические работы молодых социальных и культурных антропологов, посвящённые самым разнообразным темам и сюжетам: изучению условий жизни и труда рабочих и крестьян, сельского населения и жителей

городов, здоровью и положению женщин, живущих в пригородах крупных городов [Etnologiska visioner, 1993].

Одним из идеологов новой шведской этнологии стал известнейший шведский учёный Оке Даун (Åke Daun, 1936–2017) – активный и непосредственный создатель и участник этого процесса. О. Даун и его молодые коллеги, начиная с 1970-х гг. стали постепенно расширять сферу этнологических исследований. Так, впервые помимо традиционных для этнографов сюжетов изучения материальной культуры и быта были включены также изучение города как явления материальной и духовной культуры, исследования городской культуры и городского населения.

Сам же О. Даун, будучи ещё молодым исследователем, в эти годы начинал свою карьеру с работ, посвящённых изучению небольших шведских промышленных поселков [Daun, 2003]. Он внёс огромный личный вклад в становление т.н. «новой» шведской этнологии. Благодаря усилиям молодых шведских исследователей этнология становилась наукой всё более сфокусированной в т.ч. и на социологических сюжетах и всё в большей степени занимающейся изучением положения и состояния людей, жителей конкретных посёлков и мест. В ранних работах О. Дауна, к примеру, изучались причины и последствия протестов работников при закрытии лесопильного завода в Норботтене (север Швеции) или повседневная жизнь жителей одного из районов Стокгольма и прочие вполне конкретные темы и сюжеты. Одним из важных практических следствий его этнологических изысканий стало также то, что при проектировании новых жилых районов стали учитываться особенности проживающего населения в данном конкретном месте [Daun, 1974; Boende och livsform, 1980]. Впоследствии такие сюжеты нашли свое отражение и в исследованиях по шведскому менталитету, месту и положению в современном обществе «новых шведов».

Именно О. Даун один из первых занялся разработкой новых тем по исследованию культуры большого города и пригородов, разных слоёв населения (в социальном, гендерном, возрастном и других аспектах) [Сорокина, 2010, № 2:170–173]. В те годы проводились работы, посвящённые, в частности, изучению проблем здоровья и положения женщин, живущих в пригоро-

дах крупных городов, что было также новым сюжетом для шведских учёных. О. Даун также сделал интересные наблюдения относительно образа жизни жителей крупных городов. Так, типичным здесь он считает разграничение ролевых отношений. Даже приватные отношения в городах требуют иных параметров, чем в маленьких, изолированных сообществах.

В результате тщательной полевой работы был собран материал, позволяющий исследователям сделать вывод о том, что у жителей крупных городов в межличностных отношениях преобладает дезинтеграция и очень слаба социальная интеграция, но в маленьких поселениях – совсем иная ситуация.

Даже приватные связи в городах требуют иных параметров, чем, скажем, в маленьких изолированных сообществах (маленькие города, деревни). Анонимность жителей крупного города, в отличие от маленьких поселений, даёт им свободу личной жизни [Daun, 2005. Kapitel 7:137]. В небольших (по числу проживающих) поселениях индивид в большей степени привержен к традиционным общественным структурам, и на него в значительно большей степени влияют традиционные общественные нормы и правила, чем на тех, кто проживает в крупных городах. Такой подход шведских этнологов к изучению современного общества, а также шире – шведской культурной и социальной истории, давал основу для понимания причин изменения жизненных стандартов, образа жизни, культурной традиции общества и отдельных людей [Daun, 2005. Kapitel 7:92].

Изучение материальной, бытовой культуры большого города и его пригородов, исследование условий жизни и труда разных слоёв населения (в различных аспектах – социальном, гендерном, возрастном) позволило исследователям сделать выводы о том, что люди, переезжая из маленьких посёлков в большие города, зачастую сохраняли свои привычки, традиции и нормы повседневной жизни из прежней деревенской жизни [Daun, 2005. Kapitel 7].

Расширение исследовательского поля постепенно привело к появлению новых (по сравнению с прежними) тем и сюжетов этнологических изысканий, как, к примеру, городская среда, жители городов и посёлков, которые прежде никогда не были предметом специального изучения традиционных этнографов. А традиционное для этнографа изучение условий

труда, быта, повседневной жизни, профессиональных навыков в доиндустриальном обществе стало приобретать новое значение и смысл.

Необходимо отметить, что этнологов стало также интересоваться изучение проблем качества жизни и потребностей «маленького человека». Это позволяет фиксировать наличие определенных социальных индикаторов благосостояния (например, количество комнат, наличие телефона и др.). Жилище – это индивидуальный центр жизни человека. Здесь человек ведёт хозяйство и проводит свободное время. Именно здесь проявляются его личные вкусы и пристрастия. Антропология современной городской жизни позволяет сделать выводы о качестве жизни старшего поколения шведов, которое недостаточно интегрируется в современную жизнь с её техническими новациями [Daun, 2005:177, 127]. Всё чаще отмечается социальный разрыв между поколениями. Прежде старшее поколение могло в значительно большей мере использовать свой опыт и знания. Сегодня же их зачастую недостаточно для активного участия в жизни, сегодня нужны ещё и такие знания, которыми, как правило, старшее поколение не обладает или обладает в недостаточной степени [Daun, 1998:128].

Как отмечал Оке Даун, условия жизни отдельных людей и общества в целом претерпевают изменения вместе с самой жизнью. По этой причине этнологам важно изучать человеческую деятельность и её последствия в разных проявлениях как для людей, так и для окружающей среды. Так, новое поколение этнологов стало изучать особенности отдельных местностей и взаимодействие современных городских поселений с традициями и обычаями. В частности, сам О. Даун впервые использовал материалы церковных архивов для изучения городской культуры.

Интересны конкретные замечания антрополога о поисках и выборе тем городских антропологических исследований. Так, О. Даун обращает внимание на то, что в 1960-е гг. в Норботтоне все ещё продолжали существовать небольшие фабричные поселки (*industrisamhällerna*), которые необходимо было спешно исследовать, т.к. они могли исчезнуть практически в любое время (по причине значительного укрупнения промышленных производств). А вместе с ними могли исчезнуть и особенности их быта и детали социальных от-

ношений. Этому способствовали и структурные изменения, происходившие в то время в шведской промышленности. Своевременные этнологические исследования могли бы помочь сохранить информацию об исчезающих культурно-антропологических особенностях. Люди, родившиеся и живущие в маленьких городках и посёлках и принадлежащие к одной социальной структуре, как раз и образуют то культурное сообщество, которое охватывает весь комплекс жизни и взаимоотношений, – от типа одежды, манеры говорить и до способов принимать гостей и воспитывать детей.

Работы шведских этнологов дают возможность лучше понимать и осознавать современное шведское общество и искать решения многих проблем, встающих перед его гражданами в современных условиях, определяемых зачастую политическими мотивами и факторами. Шведские этнологи изучают человеческую жизнь и деятельность, последствия этой деятельности в самых различных, как для людей, так и для окружающей среды, проявлениях.

Вследствие углубления знаний и расширения тем исследований (прежде, как уже отмечалось, в основном интерес вызывало доиндустриальное общество) постоянно появляются новые сюжеты. Традиционное для этнографа изучение условий труда, быта, повседневной жизни, профессиональных навыков приобретало, по мнению Оке Дауна, практически политическое значение [*Daun*, 2003:249, 218]. Важным представлялось исследование конторских профессий, условий труда и жизни в крупных городах Швеции. Необходимо было проводить и сравнительно-исторические работы и исследования о рабочих, сельском населении, крестьянах и жителях городов.

В то же время появившиеся на протяжении последних десятилетий XX века направления исследований зачастую были посвящены во многом новым, не привлекавшим внимание ранее, исследовательским объектам. Основными направлениями становления этой «новой» (по сравнению с традиционной) этнологии стало не только изучение общескандинавских проблем и их проявлений конкретно в Швеции, но и проведение разного рода компаративных исследований.

* * *

Для современной шведской этнологии в наше время является актуальнейшей задачей анализ значительного комплекса проблем, связанных с миграционной политикой и практикой Швеции как в историческом, так и современном контексте.

Прежде (в течение XX века) в фокусе шведских исследований по миграционной тематике находились вполне определённые категории иммигрантов. Так, наибольший интерес вплоть до последней трети XX века шведские исследователи проявляли к изучению истории финских и прибалтийских диаспор. В более поздний период и, особенно начиная с 2000-х гг. и на протяжении последних лет, поток мигрантов сильно увеличился и качественно изменился в связи с известными мировыми событиями. Однако эти мигранты – беженцы (речь идёт о прибывших легальным путём), а не трудовые мигранты. И эта категория вновь прибывших, как правило, остаётся вне рынка труда и живёт исключительно на социальные пособия и в максимальной степени использует социальную систему страны.

В последние десятилетия, с увеличением потока иммигрантов, демографическая картина Швеции претерпела значительные изменения. Из почти 10-миллионного населения страны значительно более 20% – не коренные шведы. И до 2004 г. инвандраре (т.е. приехавшими) считались даже те, кто, несмотря на то, что родились в Швеции, имели одним из родителей некоренного шведа [Karaveli, 1997].

В начале XX века, как известно, аграрная Швеция испытала очень сильный отток своих граждан, направлявшихся на поиски работы в разные страны и, в частности, в Америку. Вплоть до 1930-х гг., когда сюда устремились беженцы от фашизма, Швеция оставалась гомогенной в этническом и языковом отношении. Но эта волна иммиграция не повлияла на этнокультурный облик страны.

Однако, как только растущее после Второй мировой войны производство и экономика потребовали новых рабочих рук, на рынок труда вышли женщины, прежние домохозяйки, а с 1950–60-х гг. в Швецию стали прибывать иммигранты, имевшие своей целью, в первую очередь, найти

работу. С юга Европы в Швецию поехали на заработки итальянцы, греки, турки, югославы и пр. Впоследствии многие из них остались в стране, став шведскими гражданами. Это была трудовая иммиграция.

На протяжении второй половины XX века поток трудовой миграции в Швецию постоянно увеличивался. Во второй половине XX века вновь прибывающие в Швецию иммигранты имели возможность выйти на рынок труда и сразу начинали принимать участие в трудовом процессе.

В 1970–80-е гг. последовала новая волна иммиграции. По политическим, экономическим и религиозным мотивам в Швецию устремились мигранты почти из всех частей света. Данные переписей показывают, что в начале XXI в. до 25% населения Швеции были лица, рождённые за границей, и их дети. В некоторых коммунах каждый четвертый или третий житель был иммигрантом, а в некоторых районах их – более 75% [*Вопиловская*, URL].

К концу XX века характер иммиграции в Швецию несколько отличался от иммиграции в другие европейские промышленно развитые страны, он был больше сосредоточен на нуждах рынка труда. Иммигранты (особенно приехавшие раньше) в значительной степени участвуют в бизнесе, который развивается в сфере торговли и сервиса, перевозках, ресторанном, гостиничном и туристическом деле, в торговле продуктами питания и одеждой. Производственные предприятия иммигрантов, если и создаются, то главным образом в строительстве, швейной, кожевенной и пищевой промышленности.

Традиционно Швеция принимает иммигрантов-беженцев, обустроивает их жизнь, обеспечивает социальные гарантии. Надо отметить, что в этой связи нагрузка на финансовые, социальные и прочие службы страны сильно возросла [*Сайт Центрального*, URL]. И это зачастую вызывает критическую реакцию общества. Однако пока ещё принципы приёма и обустройства беженцев в шведском обществе не ужесточаются. Наоборот, в последние годы иммиграция в Швецию выросла ещё больше в результате того, что её правила стали ещё более толерантными по сравнению с предыдущим периодом: правительством было принято решение о свободной миграции рабочей силы. С 15 декабря 2008 г. гражданам других стран, не только ЕС, стало легче получить разрешение на работу в Швеции [*Плевако, Чернышева*, 2012].

К концу XX-го века массовая иммиграция не только изменила этнокультурный облик страны, но и породила целый ряд социальных проблем. В промышленных районах больших городов наблюдается сегрегация населения, распространяются реальные или вымышленные предубеждения об образе жизни приезжих. Из-за высокого уровня преступности в районах проживания иммигрантов, шведы предпочитают там не появляться. С другой стороны, это вызывает ещё бóльшую изоляцию иммигрантов в своих общинах, ограничивает их возможности в изучении шведского языка и знакомства с культурой. Иммигранты нередко первыми лишаются работы, а предприниматели предпочитают нанимать шведов. Почти миллион иммигрантов, получивших шведское гражданство, ощущают себя дискриминированными. В Швеции также наблюдается рост т.н. сегрегированных районов, где уровень занятости не превышает 60% [Константинов, Зелев, 2007. № 6:64–70]. Это, как правило, – бедные коммуны, где проживают преимущественно «новые граждане». В таких пригородах Стокгольма, как Ринкебю или Тенста иммигранты составляют до 70% населения [Сайт Центрального, URL]. Шведы считают за лучшее оттуда уезжать.

В 1996 г. в Швеции была введена должность государственного уполномоченного – омбудсмана по борьбе с этнической дискриминацией. Его основная задача состоит в том, чтобы защищать иммигрантов от проявлений расовой дискриминации, в т.ч. на рабочем месте.

Стиль поведения второго поколения иммигрантов отличается от поведения иммигрантов первого поколения. В пригородах, населённых иммигрантами, выросла молодёжь, утратившая связи со своей национальной культурой, традициями и не обрела прочных связей с новой родиной. Здесь наибольшее число правонарушений, насилия, распространения наркотиков и т.п. Например, в тюрьме г. Кумла примерно 75% заключённых – иммигранты [Сайт Центрального, URL].

Такие противоречия подготавливают почву для национализма и ксенофобии с обеих сторон. Замкнутость и закрытость мигрантских сообществ порой вызывают агрессию и недовольство со стороны местных жителей, а стычки между ними иногда переходят в экстремистские выступления.

Необходимо всё же подчеркнуть, что, невзирая на достаточно значительный приток мигрантов в Швецию, основная часть шведского населения доброжелательно принимает и поддерживает «новых шведов». Однако на этом фоне в Швеции, как и в других европейских странах, отмечается рост националистических сил. В Швеции это – партия «Демократы Швеции» (*Sverigedemokraterna*). На последних выборах в сентябре 2018 г. она набрала почти 18 % голосов избирателей [*Swedish news*, 2018].

Многие современные шведские учёные обращаются к анализу того или иного периода формирования миграционной политики страны и факторов, влиявших на неё в конкретный исторический период и по отношению к определённой группе/категории иммигрантов. Большое внимание привлекают проблемы адаптации мигрантов в Швеции, где в настоящее время уже достаточно велико число новых жителей и где каждый 4-й ребенок – потомок иммигрантов. Поэтому проблемы адаптации в принимающем обществе и восприятие новыми жителями культуры этого общества становятся важным и актуальным фактором общественной жизни страны. Практически востребованными становятся вопросы как восприятия шведами и шведским обществом вновь прибывших, «новых граждан», так и указанное выше – восприятие этими «новыми шведами» культуры и норм принимающего общества.

* * *

В дальнейшем происходило расширение и углубление сферы этнологических исследований в Швеции – от сюжетов по изучению больших городов и пригородов до постановки и разработки проблемы национальной идентичности и культуры и взаимосвязи шведской и европейской культур.

Новое поколение этнологов стало изучать особенности жизни отдельных городков и посёлков и взаимодействие современных городских поселений с традиционными обычаями. С начала 1990-х гг. внимание шведских этнологов переместилось на изучение менталитета и идентичности различных групп населения, разработку их отличительных характеристик. Об этом говорит большая часть исследований этого периода.

Шведские культурные и социальные антропологи находят всё новые и новые темы для городских антропологических исследований. Исследовательскими объектами, предоставляющими широкие возможности для полевой работы по изучению взаимодействия т.н. коренных шведов и «новых шведов» – иммигрантов становятся пригороды крупных городов и Стокгольма (в частности, районы заселённые в подавляющей своей части мигрантами, к примеру, Ринкебю, Тенста под Стокгольмом, Фитья в Упсальском лене, Русенгорд в Мальме, пригороды Гётеборга и Седерталье) [*Blandsverige*, 1988].

В контексте социально-демографических перемен проблемы идентичности привлекают ещё большее внимание и исследователей, и всего общества в целом. Постепенно в шведской научной литературе стало формироваться представление о шведском менталитете как типическом для шведов и подразумевающим существование определённых норм и традиций в мышлении, поведении, общественной жизни. Вопросы о сохранении шведской культуры в самом широком смысле особенно актуализировались на протяжении последних десятилетий в связи с ростом потока мигрантов [*Hägg*, 2003]. Специалисты-исследователи даже формулируют понятие шведской политики по отношению к иммигрантам как часть шведской идентичности и важный элемент традиционной шведской модели [*Плевако, Чернышева*, 2012].

Поскольку Швеция стала фактически мультикультурной страной, то взаимоотношения и взаимопонимание коренных шведов и новых граждан, проблемы встречи культур и интеграции стали важными вопросами внутренней политики в целях достижения мира и стабильности. В то же время, растущая озабоченность шведов о сохранении национальных особенностей страны уже в 1980–90-е гг. стимулировала внимание учёных к проблемам шведского менталитета. Разработанная О. Дауном концепция «шведскости» и шведского менталитета, получила окончательное оформление в конце 1980-х–90-е гг. [*Сорокина*, 2010, № 2:170–173].

О. Даун много писал о шведском менталитете, подразумевающим определённые нормы и традиции в мышлении, поведении, общественной жизни. Он отмечал, что повседневная жизнь людей определяет и их социальную жизнь. Именно поиск механизмов, регулирующих общественную

жизнь, жизнь людей в конкретных, различающихся по типам, этническому составу и другим составляющим общества, и привёл его, по собственному признанию, в этнологию.

Особое место среди исследовательских работ по ментальности и кросс-культурным проблемам занимают некоторые труды О. Дауна, в частности – «Шведский менталитет. Сравнительная перспектива» (Стокгольм, 1989; 2-е изд. 1994) [*Daun*, 2005] и «Европейская идентичность. Пособие к разговору о будущем Швеции» (Стокгольм, 1992). В них автор, сравнивая итальянскую и шведскую ментальности, демонстрирует трудности взаимопонимания, которые возникают при соприкосновении столь различных культур – городской средиземноморской и северной шведской со сравнительно недавней урбанизацией.

Разнообразные и многовекторные исследования шведских этнологов конца прошлого и начала XXI вв. позволяют сделать выводы о том, что изменения, происходящие в обществе, влекут за собой изменения менталитета граждан данного общества [*Den svenska*, 2001]. Вместе с тем, в конце прошлого века ещё продолжала существовать традиция рассматривать скандинавские страны как некую единую общность, сформированную сходными географическими, историческими, социально-экономическими и культурными условиями. По этой причине в фокусе внимания шведских этнологов к 2000-м гг. и стали появляться проблемы межкультурной коммуникации, которые стали важными исследовательскими проектами.

Обращает на себя внимание широкое изучение шведского национального характера (так обозначается комплекс вопросов, имеющий отношение к идентичности и самосознанию шведов). Надо сказать, что эта тема привлекала внимание шведских исследователей ещё в XIX веке, что было связано с изучением историками процессов становления шведского национального государства, начавшегося с XVI века. Отмечалась значимость для формирования национального характера таких событий, как принятие Швецией в конце XVI века лютеранства с его строгими моральными нормами, успешная внешняя политика и военные победы Швеции в войнах XVII века, а также чётко работающие бюрократическая и финансовая системы страны

[Рогинский, 2008:88]. Стереотипные представления скандинавов друг о друге в 1980-е гг. были представлены в книге известного шведского этнолога Карла-Улова Арнстберга «Шведскость. Культура, отрицающая культуру» [Arnsberg K.O., 1989]. Глава «Между скандинавами» по сути и основана на большом эмпирическом материале, собранном автором.

Исследования идентичности (вкл. этническую), отождествления собственной личности с определённым окружением приобретают сегодня всё большее значение. Обращение к этничности видится как важный психологический фактор современности. Описаны и систематизированы проявления «шведскости», дано понимание этнической идентичности в Швеции последних двух десятилетий, проанализирована связь идентичности с изменением национального менталитета. Изучаются также соотношение между менталитетом и социумом, менталитетом и культурой, межкультурные коммуникации, язык и идентичность, стереотипы восприятия и национальный имидж и мн. др. вопросы [Чеснокова, 2008:185].

Вернёмся к истории исследования этнической идентичности, находящей свое выражение в менталитете [URL 1]. В 1911 г. Густав Сундберг выпустил одну из наиболее переиздаваемых книг – «Шведский народный характер» [Sundbärg, 1915]. Главной чертой шведского характера он считал любовь к природе. Эта главная положительная черта имеет свою противоположность: шведы не интересуются людьми, их психологией, они плохо разбираются в человеческих отношениях. Карл Лорин издал в 1915 г. книгу «Народные характеры» [Laurin, 1915]. В ней автор также пишет о чувстве природы, которую шведы ставят выше знания людей. Он усматривал в этом выражение индивидуализма шведов.

Шведский этнолог Оке Даун, профессор Стокгольмского университета, на протяжении почти четырех десятилетий занимался изучением шведской идентичности и проблемами мультикультурализма. Его книга «Высвечивая проблему: Развитие новой этнологии в 1960–70-е гг. Личные заметки» посвящена становлению «новой этнологии» в Швеции [Daun, 2003]. Автор не только даёт полный и серьёзный академический анализ становления современной этнологии в Швеции, формирования проблематики и методики

исследований, но и излагает свой взгляд на конкретные события и весь процесс формирования предмета исследовательской деятельности, с точки зрения одного из активных его участников.

В 1990-е г. издаются работы Оке Дауна о шведском менталитете и идентичности. Понятие этнической идентичности, непосредственно связанное со «шведскостью», наиболее полно представлено в книге О. Дауна «Шведский менталитет». Культура формируется в человеческих взаимоотношениях, существует в определённом социуме, и «шведское содержание» этих отношений О. Даун выявляет в следующих личностных характеристиках: застенчивость, независимость, уход от конфликтов, честность, коллективизм и вместе с тем индивидуализм, непритязательность [*Daun*, 1998].

М. Теландер, например, пишет о том, что возможны два метода исследования национального характера и менталитета. Можно исходить из «характера» и искать его отражение в языке. Второй способ, который можно выбрать, – это идти от языка и пытаться найти культурные объяснения особенностям шведского языка [*Thelanders*, 2000:51–67].

Основные черты шведского национального характера – меланхоличность, уступчивость, вежливость, глубокое уважение к личности и к внутреннему миру каждого человека – оказывают воздействие на их отношение к окружающему миру и людям, способу их взаимодействия с реальностью.

Важнейшей чертой шведской модели национального характера исследователи считают понятие *lagom*. В современном шведском языке оно означает «достаточно» (или «довольно», «в меру», «вполне», «сносно») и стало в настоящее время символом (а часто и синонимом) шведской умеренности. Это понятие пронизывает жизнь шведов и помогает решать многие проблемы. В экономической сфере эта черта помогла шведам найти средний путь между стремлением к экономическому росту и проведением социально ориентированной политики, (некоторые называют этот путь «между капитализмом и социализмом»). «*Lagom*» также означает сдержанную эстетику. В социальной сфере это – граничащая с конформизмом умеренность, отсутствие проявлений всякого индивидуально-

го превосходства, lagom сглаживает контрасты между богатством и бедностью, а самих шведов делает спокойными и довольными и собой, и другими [Берлин, 2001].

Исследователи особо отмечают, что вполне конкретные черты шведского национального характера и менталитета способствовали успешному существованию современного шведского общества. Среди важных составляющих элементов отмечаются такие, как стремление шведов к бесконфликтному решению различных вопросов, последовательное проведение с конца XIX века государственной антиалкогольной политики, успешная реализация политики гендерного равноправия, неукоснительное соблюдение законов во всех сферах общественной и частной жизни, отсутствие коррупции в различных структурах, соблюдение общественного порядка, доступность информации, соблюдение в трудовой практике коллективного договора как основного регулятора рынка рабочей силы [Шведы, 2008:159–161].

Нельзя обойти вниманием то, что отмечают исследователи как своеобразие шведского менталитета и что явилось в конечном итоге следствием культурного и исторического развития страны. Речь идёт о сотрудничестве со странами Европейского союза. Однако и в этой ситуации Швеция старается сохранять свою независимость в национальной политике, что проявляется в т.ч. и в сохранении своей национальной валюты – кроны.

Шведы ощущают себя во многом достаточно обособленно в рамках Европейского союза. За последние десятилетия, и особенно в 1990-е гг., проходил целый ряд разного рода голосований и референдумов по поводу вхождения в еврозону, в единый валютный союз и т.п. И исследователи отметили, что за вхождение в единое европейское пространство выступали, как правило, жители больших крупных городов. В то же время жители маленьких населённых пунктов и особенно расположенных далеко от центра, были против распространения влияния единой европейской бюрократии на свою страну [Шведы, 2008:158]. Одним из важных аргументов в таком голосовании было то, что интересы простого населения страны не смогут учитываться в должной мере. Другими словами, жители крупных городов чаще поддерживают европейскую глобализацию. Но значительная часть шведов, особенно прожи-

вающих в маленьких населённых пунктах(будь то город или деревня), что процессы глобализации могут препятствовать сохранению ими своей национальной идентичности [*Lindahl, Naurin, 2003*].

Современные исследователи в целом отмечают, что население страны – шведы, проявляя свои традиционные черты характера: осмотрительность, независимость и самостоятельность, принимают государственную политику и поддерживают в целом реализацию экономической и социальной политики. При этом отмечается, что многие моменты социальной политики вызывают и критику населения, особенно в последнее время в связи с сильным ростом миграционного потока. Шведы считают важным для успешной государственной политики страны и практику реализации социальной политики, и соблюдение в целом внешнеполитического нейтралитета.

* * *

К формулированию сложных культурологических и этнологических проблем, определяющих во многом облик современного шведского общества, привлечено внимание шведских этнологов [*Arnsberg, 1989*]. Культура стала одним из важнейших мάρкеров понимания и осознания шведами своей идентичности и истории, универсальным инструментом для понимания особенностей развития Швеции [*Arnsberg, 1989:27*]. Вместе с тем отмечается и парадокс, предполагающий опасность такого явления, как культура, т.к. каждый носитель определённой культуры имеет свой закрытый идейный мир и выносит оценки, основанные на своем жизненном опыте, вкусах и т.п. И в этом смысле культура может стать препятствием к пониманию другого индивида [*Daun, 2005:102–103*], поскольку определяющим элементом понимания и оценки индивидом окружающего мира и своего места в нём является именно культура, в которой он воспитан с детства. И это относится в полной мере и к пониманию шведского менталитета и определению «новыми шведами» места в шведском обществе и культурных традициях [*Svenska vanor, 1991; Svenska främlingar, 1997*].

Шведские этнологи занимаются исследованиями и изучением различных вариаций культуры в разнообразных контекстах, которые лежат в

основе поведения людей и, шире – оценки различных явлений и событий, общественных процессов и социальных проявлений в обществе [Svenska krusbär, 1995].

Гомогенная и однородная прежде шведская культура на протяжении последних десятилетий всё в большей степени воспринимает новые культурные образцы. Это находит своё проявление практически во всех сферах жизни – питание, одежда, музыка, способы проведения свободного времени и прочее. И опять трудно не согласиться с О. Дауном, который писал, что «шведскость – это вопрос о частности» [Daun, 1998:14].

Разработка концепции культуры как одного из важнейших определяющих элементов идентичности или менталитета индивида – результат многолетних исследований О. Дауна, и в этом качестве она находит применение при анализе тех или иных явлений социальной жизни страны.

Крупнейший шведский антрополог О. Даун на протяжении всей своей научной карьеры обращался к понятию «культура» и её роли в этнологии, к пониманию культуры как универсального определяющего элемента формирования общества и самоопределения его членов. Но именно в начале 1960-х гг. он впервые стал вычленять понятие «культура» как некую универсальную составляющую формирования личности индивида и, соответственно, оказывающую значительное влияние на общество в целом. Важнейшим он считал вывод о том, что именно культура, в которой воспитан человек, и является определяющим элементом понимания и оценки индивидом окружающего мира и своего места в нём. По его мнению, именно «культура» в широком понимании, и является некой универсальной составляющей формирования личности индивида. И, в таком случае, соответственно, оказывает значительное влияние и на всё общество в целом. Иными словами, культурная среда, в которой с детства рос и воспитывался индивид, является определяющим элементом для понимания и оценки самим человеком окружающего мира и своего места в нём и общим, универсальным, как для понимания человека (его природы, идентичности и др.), так и общества в целом. Таковым являлось, по мнению О. Дауна, представление о «культуре» как антропологическом явлении, что важно и необходимо для чёткого пред-

ставления о менталитете и идентичности членов каждого определённого общества. Все формы культуры возникают в особых исторически обусловленных «образах жизни», которые развиваются на основе общепринятых истин, ценностей, событий и способов мышления, которые должны быть восприняты и широко распространены.

Важным для понимания всей концепции является и восприятие культуры как совокупности различных локальных образцов, что также являлось новым подходом для шведской науки. Обычно культура осуждает чужое, незнакомое, и зачастую отстраняется от него. Универсальными показателями являются лишь пол и возраст индивида. Всё остальное, связанное с идентичностью, в т.ч. и со шведскостью как частным её проявлением – это культурно обусловленное переживание своих особенных качеств тем или иным человеком, в данном случае шведом. Возможными, практически применимыми и значимыми критериями для О. Дауна являются пол, возраст, а этническая идентичность, принадлежность к той или группе со своими особенностями, национальной культурой и национальными чувствами – это уже культурно обусловленный феномен, который подразумевает влияние и нравов, обычаев, моральных и других общественных норм жизни на человека. Таким образом, каждая конкретная культура существует в определённом обществе и находит своё проявление, в первую очередь, в межличностных отношениях и взаимоотношениях индивида и социума.

В данном контексте представляется важным упомянуть мысль О. Дауна о том, что культура – это то, что позволяет «людям идти в одном направлении» или «понимать друг друга, оценивать, мыслить и адекватно существовать в конкретной социально-экономической и политической реальности». Ему близки взгляды других исследователей о том, что культура в широком смысле – как система восприятия мира и поведения, как система ценностей – во многом имеет свои истоки и определяется детством или воспитанием человека в детстве. Впоследствии эта проблема нашла своё развитие в различных исследованиях самых разнообразных направлений, в частности вылилось в особую тематику – «антропология детства», включающая исследования детей в детских садах, их адаптацию, игры,

формирование личности и т.п. Изучение детства стало одной из приоритетных задач в современной шведской этнологии [Daun, 2005:11].

Современные исследования в этнологии, посвящённые проблемам разнообразия, культурного наследия, фольклора или культурной истории, сосредотачиваются на шведских материалах с использованием инструментов и модели для анализа, основываясь на международной теории культуры и общества. Сегодня этнология в Швеции это – исследование культуры в самом широком смысле. Её традиционная область – доиндустриальная культура Швеции и других скандинавских стран продолжает изучаться в сравнительной историко-географической перспективе.

В качестве любопытной детали приведём одно замечание уже упоминавшегося шведского этнолога О. Дауна о важной роли социальной антропологии как части культурной антропологии. Для традиционных этнографов всегда было важно описание быта, материальной культуры конкретных локальных сообществ, поселений, географически ограниченных районов со специфическими особенностями, отражающими культурные различия. Так, в одних городах и посёлках существуют высотные жилые дома, в других – малоэтажная застройка. Но любая сфера проживания оказывает своё влияние на людей. И, с другой стороны, – она сама является отражением опыта и деятельности людей с разным социальным и культурным багажом [Daun, 2005. Кар. 8].

* * *

Исследования, посвящённые изучению различных аспектов и тем шведского общества, экономики, политики, истории, имеют важное практическое значение для понимания и формулирования определённых тезисов государственной политики и вплоть до настоящего времени проводятся по государственным заказам. Результаты таких исследований публикуются в различных изданиях, в т.ч. в сериях «Государственные публичные отчёты» (*Statliga offentliga utredningar* – SOU) [SOU]. Это – официальные серии докладов, подготовленные по заказу правительства Швеции для анализа проблем, назначенных к обсуждению в парламенте страны. Серии

этих публикаций издаются с 1922 г. и по настоящее время, и были начаты по инициативе крупнейшего профессора экономической истории Ели Хекшера (Eli F. Heckscher, 1879–1952).

Существуют многочисленные публикации SOU по самым разным политическим, демографическим, гендерным, экономическим, историческим и прочим актуальным темам. К примеру, исследования по энергоэффективности энергоёмких производств, различных вопросов жизни локальных муниципалитетов (коммун), о Фонде общего наследия для Министерства социальных дел [SOU, 2018:76; Pressmeddelande; SOU 2018:74; Lite mer lika; SOU 2018:73; SOU 2018:70; En arvsfond]. Нередко такого рода исследования и материалы, проведённые по правительственным заказам и опубликованные в SOU, имели целью дать исследовательский обзор и оценку ситуации конкретных вопросов и проблем перед тем, как должно было состояться обсуждение и принятие тех или иных решений на заседаниях комитетов парламента (риксдага). Именно публикации такого рода материалов, имевших официальный статус, помогали, с одной стороны, собрать разнообразные сведения по широкому спектру вопросов, с другой – такого рода сборники – великолепный источник для анализа широкого круга актуальных проблем шведской действительности.

Особое значение для развития новых направлений антропологических исследований имели феминистские, позже получившие название гендерные, исследования. Среди авторов таких исследований – Анн-Софи Оландер, Ивон Хирдман, Гунилла Фюрст, Леннарт Флуд, Ульф Мелльстрем и другие. В фокусе этих исследований находятся социальные и культурные конструкции субъектов обоего пола в обществе. Эта тематика начала широко распространяться с конца 1960-х гг., когда на рынок труда вышло значительное число женщин (бывших домохозяек), что было связано с растущими потребностями производственного и потребительского рынков страны и стало своеобразным вызовом времени. Экономическая и социальная реальность ставила свои вопросы и требовались адекватные ответы и решения поставленных задач. Именно тогда стали очень популярны разного рода исследования по положению женщин на работе и рынке труда, в семье, социально-экономические и

политические условия жизни женщины-матери [Daun, 1998:92]. Вследствие большой заинтересованности общества в гендерных исследованиях, они охватывают всё большее разнообразие методологических и теоретических стратегий (сравнительный, филологический, интерпретационный, этнографический, социологический и т.д.).

Широкий профиль исследований по религиоведению включают антропологические, этнографические, исторические, и филологические ракурсы. Так, например, вследствие своего эмпирического разнообразия, лишённого любых пространственных или временных ограничений, история религий обычно требует, чтобы исследователь расширил свою специализацию, овладев, например, определённым языком или культурой. В процессе исследований учёные стремятся к дальнейшему развитию терминологии в религиоведении, к выявлению места религии в культуре. Особым вниманием пользуются такие направления в религиоведении, как соотношение религии и экологии, место и роль женщины в религиозных обрядах, концепции души и народных религий. Особое внимание уделяется дохристианским религиям и верованиям скандинавских стран, включая верования саамов; новым религиозным движениям и западному эзотеризму; азиатским религиям, особенно буддизму и индуизму.

Особенностью новой шведской этнологии стало то, что исследования культурной и социальной истории давали основу для изучения изменения жизненных стандартов, образа жизни, культурной традиции общества и отдельных людей. Пристальное внимание уделяется проблеме культуры как совокупности различных локальных образцов, что также стало для шведской науки новым подходом. Темы этнологических исследований были непосредственно связаны с жизнью и её проблемами, и зачастую именно этими конкретными потребностями и обуславливались.

В 1970-е гг. политический климат страны способствовал усилению внимания официальных властей к происходящим в обществе изменениям, а также к этнологическим исследованиям. В те годы проходили бурные публичные дискуссии по социально-политическим вопросам, появилось большое количество публикаций, посвящённых шведскому обществу и распро-

странению новых мультикультурных тенденций вследствие увеличения числа иммигрантов и их постепенной адаптации в Швеции. Тогда же фокус шведских этнологических исследований начал смещаться в сторону социальной антропологии, стали разрабатываться такие темы, как традиции и новации в общественной и культурной жизни Швеции, создание исторических реконструкций, культурологические особенности современной ситуации, вопросы глобализации и в т.ч. – растущая роль ислама в современном мире. Один из важнейших выводов, который следует из работ шведских антропологов, – культурные традиции общества и страны надо сохранять и беречь и в наши дни. Именно живое и активное восприятие исторической памяти, культурного наследия современниками – важная константа в целом достаточно неустойчивой и непостоянной жизни. Задача этнолога, по мнению уже не раз упоминавшегося О. Дауна, – исследование различных вариаций культуры, которые и лежат в основе нашего поведения в обществе и оценки нами различных явлений и событий, а также общественных процессов и социальных проявлений [*Сорокина*, 2010. № 2: 170–173].

* * *

В заключение хочется отметить, что существенной особенностью шведских этнологических трудов является также то, что темы таких исследований не являются чисто умозрительными, а имеют непосредственную связь с жизнью и её проблемами, а зачастую именно этими конкретными потребностями и обусловлены. Местная делимитация утратила своё значение в пользу исторических и культурных процессов. Культура различных социальных групп, культурные изменения и культурные конфликты стали новой доминирующей темой для исследователей 1980-х гг.

На примере шведских этнологических исследований видна прямая, непосредственная связь этнологии с экономическими, социальными и политическими проблемами страны и поисками путей их разрешения. В то же время проблемы сохранения шведской идентичности приобретают особую актуальность на протяжении последних десятилетий, что связано как с качественными изменениями характера миграций, так и значительным количественным

ростом числа вновь прибывающих жителей страны [Hettne, Sörlin, 1999]. Особенностью новой шведской этнологии стало то, что исследования шведской культурной и социальной истории давали основу для изучения изменения жизненных стандартов, образа жизни, культурной традиции как общества, так и отдельных людей [Daun, 1998:49].

Одним из важнейших направлений шведской этнологии является изучение многообразия культур в жизни современного общества. И переход из одного культурного сообщества в другое означает, в свою очередь, смену локальной культуры, смену среды обитания и привычных традиционных норм. И это, в свою очередь, свидетельствует о множественности культур, существующих в любом обществе. К пониманию роли этих проблем в жизни современного шведского (и шире – любого другого) общества и роли менталитета и культуры в формировании идентичности шведские этнологи продвигаются на протяжении последних десятилетий. Так, уже в конце 1990-х гг. О. Даун писал о возможности говорить о народной культуре рыбаков или локальной культуре рабочих норландских лесопилок [Daun, 1998:132].

Современные этнологи в своих исследованиях используют и количественные, и качественные методы исследований, чтобы создать прочный фундамент для своих научных работ о шведском обществе, а также экспертиз, разрабатываемых для управленческих структур в целях выработки ими правильных решений возникающих в обществе проблем, а иногда и в целях перспективного планирования.

Литература:

1. Барашков, URL – *Барашков В.* Оке Хульткрантц // URL: <http://religious-studies.fzrw.info/doku.php>
2. Березина, 1990 – *Березина Т.А.* Шведская этнография: Учёные, концепции, школы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, М.: ИЭА АН СССР, 1990.
3. Берлин, 2001 – *Берлин П.* «Эти странные шведы». М., 2001.
4. Вopiловская, URL – *Вopiловская Е.* Кризис миграционной политики Швеции // URL : <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/krizis-migracionnoi-politiki-shvecii>
5. Кан, 1955 – *Кан А.С.* Шведская этнография в 70-х годах // Вопросы истории. № 11. 1955.

6. Константинов, Зелев, 2007 – *Константинов В.В., Зелев М.В.* Проблема интеграции мигрантов в принимающее общество в постиндустриальных странах и в России // *Полис: научно и культурно-правовой журнал.* 2007. № 6. С. 64–70.
7. Морозова, Павленко, 1976 – *Морозова М.Н., Павленко А.П.* Основные этапы развития Скандинавской этнологии // *Концепции зарубежной этнологии.* М., 1976. С. 177–192;
8. Плевако, Чернышева, 2012 – *Плевако Н.С., Чернышева О.В.* Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй Мировой войны. М.: КРАСАНД, 2012. 320 с.
9. Рогинский, 2008 – *Рогинский В.В.* Исторический путь Швеции в Новое время: от многонациональной мини-империи в национальному государству // *Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности.* М., 2008, стр.88.
10. Сафрон, 2015 – *Сафрон Е.А.* Скандинавский фольклор. Петрозаводск: Изд-во Петргу, 2015. С. 18–19.
11. Сорокина, 2010 – *Сорокина Е.А.* Рец. На кн.: Ake Daun. Med rorligt sokarljus. Den nya etnologins framvaxt under 1960-och – 1970-talet. En personlig tidsskildring. Stockholm, 2003. 249 s. // *Этнографическое обозрение.* 2010. № 2. С. 170–173.
12. Токарев, 1978 – *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978.
13. Чеснокова, 2008 – *Чеснокова Т.А.* Шведская идентичность. Изменение национального менталитета. 2008. 185 с.
14. Шведы, 2008 – *Шведы.* Сущность и метаморфозы идентичности / Сборник. М.: РГГУ, 2008. С.159–161.

* * *

15. Arnsberg, 1989 – *Arnsberg K.O.* Svenskhet. Den kulturförnekande kulturen. Stockholm, 1989.
16. Blandsverige, 1988 – *Blandsverige / Red. Å. Daun, B. Ehn.* Stockholm, 1988.
17. Boende, 1980 – *Boende och livsform.* Stockholm 1980.
18. Daun, 2005 – *Daun Å.* En stuga på sjätte våningen. Svensk mentalitet i en mångkulturell värld. Stockholm, 2005.
19. Daun, 2003 – *Daun Å.* Med rörligt sökarljus. Den nya etnologins framväxt under 1960-och 1970-talet. En personlig tidsskildring. Stockholm/Stehag, 2003.
20. Daun, 1998 – *Daun Å.* Svensk mentalitet. Stockholm, 1998.
21. Daun, 1969 – *Daun Å.* Upp till kamp i Båtskärsnäs. Stockholm, 1969.
22. Daun, 1992 – *Daun Å.* Den europeiska identiteten. Stocholm, 1992.
23. Daun, 1999 – *Daun Å.* Det allmänmänskliga och kulturbundna. Stockholm, 1999.
24. Daun, 2005 – *Daun Å.* En stuga på sjätte våningen. Svensk mentalitet i en mångkulturell värld. Stockholm, 2005.

-
25. Daun, 1974 – *Daun Å. Förlortsliv*. Stockholm, 1974.
 26. Den svenska, 2001 – *Den svenska framgångssagan?* / Red. K. Almqvist, K. Glans. Stockholm, 2001.
 27. En arvsfond, 2018 – *En arvsfond i takt med tiden En översyn av regelverket kring Allmänna arvsfonden till Socialdepartementet. Mer information. SOU 2018:70.*
 28. Etnologiska, 1993 – *Etnologiska visioner. Femton forskare reflekterar kring sitt ämne* / Red. L. Gerholm. Stockholm, 1993.
 29. Hägg, 2003 – *Hägg G. Svenskhetens historia*. Stockholm, 2003.
 30. Hettne Sörlin, 1999 – *Hettne B., Sörlin S. Den globala nationalismen. Nationalstatens historia och framtid*. Stockholm, 1999.
 31. Karaveli, 1997 – *Karaveli M. Blågul framtid. En essä om nationen och det svenska*. Stockholm, 1997.
 32. Laurin, 1915 – *Laurin C.G. Folklynnnet*. Stockholm, 1915.
 33. Lindahl Naurin, 2003 – *Lindahl R., Naurin D. Gemenskap; utanförskap och inflytande i EU:s Ministerråd. Resultatrapport. Göteborgs universitet, 2003.*
 34. Lite mer lika, 2018 – *Lite mer lika. Översyn av kostnadsutjämnningen för kommuner och landsting SOU 2018:73;*
 35. Pressmeddelande, 2018 – *Pressmeddelande: Regeringen satsar på energieffektivisering SOU 2018:74;*
 36. SOU – *SOU – Statens Offentliga Utredningar (SOU).*
 37. SOU, 2018 – *SOU: Mindre aktörer i energilandskapet – förslag med effekt, SOU 2018:76.*
 38. Studiemedel, 2018 – *Studiemedel för effektiva studier SOU 2018:70.*
 39. Sundbärg, 1915 – *Sundbärg G. Det svenska folklynnnet*. Stockholm, 1915.
 40. Svenska främlingar, 1997 – *Svenska främlingar* / Red. L. Liljeroth, M. Rojas. Stockholm, 1997.
 41. Svenska krusbär, 1995 – *Svenska krusbär*. Stockholm, 1995.
 42. Svenska vanor, 1991 – *Svenska vanor och ovanor* / Red. J. Frykman, O. Löfgren. Stockholm, 1991.
 43. Swedish, 2018 – *Swedish news. Se. 3.10.2018.*
 44. Thelander, 2000 – *Thelander M. Svenska språket mitt i världen // Svenskt kynne. En konferens anordnat av Humanistisk-samhällsvetenskapliga vetenskapsområdet vid Uppsala universitet den 29 februari 2000. Uppsala, 2000.*
 45. URL – *URL // Сайт Центрального миграционного управления Швеции. [Электронный ресурс] // www.migrationsverket.se*
 46. URL 1 – *URL // www.kunstkamera.ru/files/lib/987-5-88431-196-1/987-5-88431-196-1_43.pdf*

Н.Г. Деметер

Европейская ромистика

Традиционное научное знание о цыганах, цыганология, ромология или ромистика (как называют историографию по цыганскому вопросу за рубежом) прошла долгий путь развития и стала объектом исследования представителей самых разных учёных – этнографов, антропологов, фольклористов, социологов. Наиболее значимые комплексные историко-филологические исследования появились во второй половине XIX века. Немецкие исследователи И. Рюдигер, Г.М. Грельманн [*Rudiger*, 1782–1793; *Grellmaan*, 1783] высказали гипотезу о родстве цыганского языка с санскритом и, следовательно, верную мысль о том, что цыгане – выходцы из Индии.

В течение XIX века предварительные выводы Рюдигера и Грельманна подтверждаются блестящими работами А. Потта, Г. Асколи [*Pott*, 1844;

Ascoli, 1865], в которых на основании лингвистических данных, путём анализа и сопоставления цыганского языка с другими языками прослеживаются пути миграции цыган из Индии. Особенно крупный вклад в изучение цыганского языка сделан Фр. Миклошичем [*Miklosich*, 1874], которому мы обязаны первой научной теорией происхождения цыганского языка.

Выводы этих учёных о родстве цыганского языка с новоиндоарийскими поддержаны всеми современными индологами и цыгановедами. В последнее время теория индийского происхождения цыган подтверждается данными этнологии. Таким образом, в истории цыгановедения огромные успехи были достигнуты, в первую очередь, в области языкознания. Ничего более фундаментального в дальнейшем не появлялось ни в одной стране мира. Более того, многие из последующих работ, так или иначе, пересказывали выводы Рюдигера и Грельманна, повторяя при этом и некоторые ошибочные утверждения.

Существенный вклад в изучение различных цыганских диалектов Европы и Азии внесли такие европейские исследователи XIX века как А. Граффундер, А. Пухмайер, Ф. Бишофф, А. Паспати, Р. фон Сова и др. Анализируя литературу о цыганах этого времени можно констатировать, что в изучении цыган сделано немало: установлены их происхождение, пути миграций из Индии в Европу, факт неоднородности цыган, наличия множества этнических групп; досконально изучены некоторые диалекты цыганского языка.

Во многих странах Европы сформировались достаточно мощные научные центры, в которых комплексно изучаются история и культура цыганского народа (Университет Гринвича в Лондоне, один из старейших университетов Европы, Сорбонна в Париже, Карлов университет в Праге (благодаря усилиям талантливого цыгановеда Милены Хюбшмановой в 1991 г. было открыто отделение изучения цыган (ромистики) на философском факультете), Грацевский университет в Австрии и др. Раз в два года проходит большая международная конференция по цыганскому языкознанию. В 1888 г. в Англии возникает первое научное общество по изучению цыган – «The Gypsy Lore Society» [*Journal of the Gypsy*], существующее по сегодняшний день, издающее специальный этнологический журнал, проводящий большие ежегодные конференции, посвящённые исследованиям цыганской истории и фольклору.

Новый этап в развитии цыганологии наступил во второй половине прошлого столетия. Появляются серьёзные исследователи из среды самих европейских цыган, а также России и Америки – Я.Ф. Хэнкокк, М. Максимофф, Р. Джурич, Р. Деметер, Х.Х. Назаров и др. [*Hancock*, 1991:251–268; *Maximoff*, 1995; *Duric*, 1988; *Деметер Р.*, *Деметер П.*, 1990; *Назаров*, 1970]. Работы, посвящённые цыганам, появляются на страницах научных изданий. Публикуются библиографии Г. Блака, А. Германо, Р. Макфи, Л. Андреича [*Black*, 1914; *Герман*, 1930; *Macfie*, 1936; *Андреич*, 1970:209–270].

В настоящее время цыганский язык преподаётся в вузах Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, Сербии, Франции, Великобритании, в школах Финляндии, Румынии, Венгрии, Чехии, Словакии, Швеции, Австрии. Во многих странах публикуется большое количество монографий о цыганах, статьи о них в периодических научных изданиях, выпускаются специальные номера этнологических и социологических журналов, посвящённые цыганским проблемам. Эта работа всё больше активизируется в последние годы.

Мы уже писали о развитии цыгановедческой историографии ранее [*Деметер*, 1999:7–15]. Данная статья посвящена обзору некоторых работ о цыганах, опубликованных в Европе, Америке, странах СНГ и России за последние двадцать лет.

В первую очередь, нельзя пройти мимо работ известных европейских цыганологов Елены Марушиаковой и Веселина Попова, которые работают в Институте этнологии, фольклористики и этнографии Болгарской академии наук. Они проводили исследования в Берлинском университете Гумбольдта, в Школе истории Университета Сент-Эндрюс и многих других. Елена Марушиакова – обладатель премии им. Фулбрайта нового века 2009 г. от Бюро по вопросам образования и культуры Государственного департамента США и Совета по международному обмену учёными. Марушиакова и Попов – авторы нескольких книг и многочисленных статей в области истории, социальной структуры и культуры цыган Болгарии, Балкан, Центральной и Восточной Европы. Они также много сделали в области сохранения фольклора и устной истории цыган (*Studii Romani*) [*Марушиакова*, *Попов*, 2007а].

Именно эти учёные предложили определение цыган как МЕГРЭО – «межгрупповое этническое образование» – которым пользуются многие этнологи Европы. Это обозначение характеризует особенности мозаичного расселения цыганских групп среди населения разных стран и связанную с этим специфику формирования их современных идентичностей [Марушиакова, Попов, 2008а:275–298]. Е. Марушиакова и В. Попов показали, что цыгане не изолированная группа, они имеют многогранную идентичность и национальную индивидуальность.

Для того чтобы определить характер и детерминанты миграции цыган, им следует уделять внимание как этнически специфической общине. Миграция цыган в прошлом и настоящем диктуется коллективными стратегиями в ответ на политические и экономические изменения. В настоящее время основными участниками миграции являются не общины кочевников, а представители оседлых цыганских общин. Причиной такого положения является значительное расширение интеграции цыган в странах Восточной Европы. Это ведёт к включению цыган в глобальные миграционные процессы. Цыганский вопрос является частью общеевропейской миграционной политики, которая до сих пор стратегически не выстроена, и консенсус или хотя бы компромисс государств-членов по этому сюжету не достигнут.

У разных слоёв цыганского населения проявляется различный уровень сохранности собственно цыганской культуры, с чем связаны различные наборы признаков цыганской идентичности. Например, некоторые группы цыган утратили цыганский язык, пользуясь в качестве родного венгерским, испанским, турецким и др. Владение цыганским языком, таким образом, не является признаком цыганской идентичности у этих групп. У тех же цыган, которые цыганский язык сохраняют в качестве родного, он является важнейшим маркером их принадлежности к группе.

Одним из ключевых, на протяжении всей истории научных исследований о цыганах, является вопрос о внутренней структуре цыганской общности. Немало авторов считает довольно спорным, можно ли вообще говорить о цыганах как об единой общности в глобальном масштабе или скорее речь должна идти о различных цыганских общностях, чьим материнским языком являются не только различные диалекты цыганского языка, но и

армянский, арабский, турецкий, албанский, румынский, венгерский, украинский, испанский и т.д. Нередко в мире встречаются общности, которые окружающее население считает цыганами, но они сами имеют различную публично декларируемую или реально ощущаемую или даже активно конструируемую в наши дни другую, не цыганскую идентичность [Марушиакова, Попов, 2001:9–17]. В ряде случаев может отсутствовать не только самосознание об единстве цыганской общности, но вообще знание о наличии других её подразделений [Марушиакова, Попов, 2007б].

Для нас не подлежит сомнению тот факт, что цыгане не гомогенная социокультурная целостность, а внутренне дифференцированная, иерархически структурированная общность, которая подразделяется на ряд отдельных, более или менее ограниченных, а иногда даже и противостоящих друг другу этнических групп с различными этнокультурными характеристиками [Деметер, Бессонов, Кутенков, 2000].

В последние годы вопросам истории и современного положения цыган в разных странах мира стало уделяться много внимания. Более пристально рассматривается история многовековых преследований цыган в Европе, наиболее заметные сдвиги происходят в области социальных наук: социальной и культурной антропологии, истории. И всё же есть значительные пробелы в изучении цыганской истории и культуры, которые заполняются только в последние годы. В первую очередь, это – исследования о геноциде цыган во время Второй мировой войны.

Этой теме посвящены работы многих профессиональных этнологов в разных странах. Не обошли этот вопрос и Марушиакова и Попов, которые затронули вопрос о современном восприятии темы Холокоста в цыганской среде. Однако трудно согласиться с утверждением этих исследователей о том, что «тема Холокоста цыган, объединённая с основными этиологическими легендами прошлого, должна конструировать новую коллективную идентичность и ромскую нацию» [Марушиакова, Попов, 2008б].

Да, действительно, общая история формирует этническую идентичность. Но, объективный процесс формирования новой идентичности у цыган протекает независимо от того, хотим мы этого, или нет. Современные

технологии – интернет, скайп и другие формы коммуникации помогают развивать понятие этнической идентичности на межэтническом уровне, позволяет мобилизоваться не только в культурном отношении, но и социально, и политически. Цыгане стали этнически мобилизованной группой, имеющей общую позицию и интересы, они начинают понимать, что не могут существовать в отрыве от окружающего населения и его экономики. Появились основные символы цыган – гимн и флаг, предпринимаются попытки создания стандартизованного литературного языка. Такая этническая мобилизация цыган – явление абсолютно новое. Холокост (или геноцид) – важная часть цыганской истории, но на признании холокоста цыган вряд ли возможно «сконструировать новую коллективную идентичность и цыганскую нацию», этот тезис надуманный и не отражает истинного положения вещей.

Авторы этой концепции утверждают далее, что при помощи международных правозащитных организаций формируется образ цыган, в котором они предстают как «вечная жертва» мировой истории, а на основании этого в Германии правозащитные деятели, политически ангажированные учёные и активисты синти (этническая группа немецких цыган) создали концепцию «антицыганизма», используемую современными лидерами цыган, которые работают на межгосударственном уровне и пытаются расставить акценты в политике по отношению к цыганам в общеевропейском масштабе. Да, нам тоже не нравится образ цыган как «вечной жертвы», но утверждать, что концепцию антицыганизма создали активисты синти наряду с политически ангажированными учёными, по меньшей мере, странно.

Антицыганизм, к большому сожалению, исторический факт, и, если он существует, то вполне естественно, что об этой проблеме говорят и политики, и активисты, и учёные. Нельзя отрицать и то, что впервые в XX веке появилась цыганская интеллигенция, профессионально образованные историки, этнологи, филологи. Такая элита есть в любой стране, в любой этнической общности, и неудивительно их желание знать историю своего народа. Разве это можно воспринимать как негативный фактор?

И уж совсем сомнителен тезис о том, что признание «концепции ромского (цыганского. – *Н.Д.*) холокоста» может «упрочить положение этой элиты». Но самое главное, на наш взгляд, это то, что профессиональное изучение цы-

ганской истории этнологами (а не квазиисториками) как науки – это одно, а создание неомифологии в среде самих цыган – это абсолютно другое, это две абсолютно разные темы и надо всегда помнить об этом разделении. Не будем углубляться в дискуссию, тем более, что мы с огромным уважением относимся ко всем другим профессиональным исследованиям авторов этой концепции. Конечно, они имеют право на любую точку зрения, но нам принять её сложно.

Историю геноцида цыган исследуют многие историки в разных странах. Одна из наиболее значимых работ, посвящённая этому вопросу, книга Дональда Кенрика и Грэттана Паксона «Цыгане под свастикой» [Кенрик, Паксон, 2001], в которой раскрыта и к настоящему моменту уже практически воссоздана история нацистского преследования цыган. В книге приводится много новых документов и воспоминаний очевидцев, вводится в оборот много неизвестных фактов, а события XX-го века рассматриваются в контексте столетий притеснения цыган, вызванных глубоко укоренившимися предрассудками в европейском обществе. После 2000 г. Дональд Кенрик опубликовал ещё несколько работ о цыганах, посвящённых их происхождению из Индии, их миграции на запад, на берега Темзы, а также тех дальних «родственников», которые остались в Индии или остановились на пути на запад, и которые ведут кочевой образ жизни в Персии и соседних с ней странах [Kenrick, 2004].

Много публикаций последних лет посвящено изучению основного элемента традиционной соционормативной культуры цыган – институту этнического суда, который у многих цыганских групп функционирует в настоящее время, хотя и трансформируется, оставаясь важнейшим и универсальным регулятором соблюдения и сохранения внутриэтнических норм [Caffrey, Mundy, 2001:104].

Опубликованное исследование цыганского права Вейрауха и Белл [Weyrauch, Bell, 2001:11–87] привлекло общее внимание цыганской интеллигенции. Соавторы Вейраух и Белл рассмотрели пример «автономного правотворчества», используя этнологические данные о цыганах (главным образом североамериканских), и показали, что разработанные этими группами системы позволяют им поддерживать порядок, по большей части обходясь без обращения к юридическим институтам окружающего обще-

ства. Авторы пытаются показать, что ценности, присущие культуре народа и его правовым нормам, лежат глубже, чем культура и право, в которых они лишь проявляются.

К сожалению, это исследование ограничивается рассмотрением системы «крис» (цыганского суда), практикуемой у влашских цыган, и не принимает во внимание формы общественного регулирования, принятые у других цыганских этнических групп; это мешает авторам достаточно полно оценить правовые возможности утверждения цыганских ценностей. Но, если рассматривать правовые нормы каждой группы по отдельности, неизбежно теряется понимание цыганской правовой культуры в целом. До опубликования работы Вейрауха и Белл правоведы практически игнорировали наличие цыганских организаций, могущих служить примером «автономного правотворчества» внутри современных государственных границ.

В рассмотрении внутренней структуры этнического суда особый интерес представляют работы финского исследователя, доктора философских наук, профессора университета в Хельсинки Мартти Грёнфорса (Martti Gronfors), которые скорее можно хронологически отнести к более раннему периоду [Gronfors, 1981]. Но они нам любопытны тем, что Грёнфорс описывает систему кровной мести у цыган Финляндии «кале» (Kaale), которой не существует у других этнических групп цыган. Финские цыгане заметно отличаются от цыган других стран многими характеристиками культуры и языка. Культурная и социальная обособленность цыган-каале проявляется также в их традиционной правовой системе, основанной на межгрупповой кровной мести.

Система «крис» – цыганского этнического суда заметно отличается от обычаев группы «кале», рассмотренных Грёнфорсом. Свой институт права (крис) есть даже у их ближайших соседей – цыган «таттаре» в Швеции. Но из ныне живущих финских цыган никто не помнит о «крисе». Автор высказывает предположение о том, что цыганские группы, прибывавшие в Финляндию порознь, не смогли договориться между собой о едином правовом органе. «Крис» можно рассматривать как зачаточную форму государственного аппарата, а у «кале» каждый сам защищает свои интересы против любого нарушителя.

Грёнфорс излагает результаты подробного полевого исследования; он показывает воочию стройную систему, позволяющую свести к минимуму

кровопролитие и довести до максимума индивидуальную свободу. Из данных Грэнфорса о кровной мести видно, что эта система, основанная на «моральной правоте», вовсе не ведёт к произволу и анархии; напротив, она позволяет поддерживать порядок. Исследования Грэнфорса объясняют, как на практике действует такое регулирование, как система кровной мести.

Изучая культуру и социальную организацию финских цыган, этические аспекты полевой работы в цыганской среде, Мартти Грэнфорс описал этику отношений исследователя и информанта. Он считает, что в ходе исследования этнолог должен суметь объединить две интенции: извлечь важную для науки информацию, но при этом не нанести вреда, т.к. цыгане склонны осуждать тех, которые дают исследователю слишком детальную информацию о своём народе.

За последние два десятилетия в мире значительно возрос интерес к истории, этнографии, литературе и, особенно языку, цыган. Заметна в этом отношении книга Я. Матраса, «Романи: лингвистическое введение» [*Matras, 2005*], в которой автор подробно анализирует цыганский язык: его происхождение, грамматику, морфологию, фонологию, а также современные диалекты и ареал их распространения. Исследование включает множество тщательно составленных диаграмм и огромный аппарат ссылок. Конечно, книга предназначена, в первую очередь, для лингвистов, хотя цыганское языкознание представляет интерес и для учёных в других областях. Издание этой книги – оригинальный вклад в продвижение как цыганской науки, так и различных теоретических проблем в лингвистике.

Работа швейцарского автора Стефана Ледериха и россиянина Льва Черенкова «Цыгане» [*Tcherenkov, Laedrich, 2004*], изданная в Базеле на английском языке, интересна тем, что она основывается на большом количестве этнографических, лингвистических и статистических источников, достоверных документов. Комплексный подход к материалу позволил авторам с исторической и лингвистической точек зрения объединить цыганские этнические группы в четыре большие общности: балканскую, влашскую, карпатскую и северную и проанализировать не только их общие черты, но и различия. Большое внимание в исследовании уделено традицион-

ным занятиям, культуре и обычаям. Во втором томе издания приведено большое количество фольклорных текстов на разных цыганских диалектах (песни, бытовые рассказы, сказки т.п.). Это очень важный и интересный материал для фольклористов и этнологов, которые могут использовать его для сравнительного анализа, тем более, что цыгане никогда не фиксировали свою историю и фольклор, и таких изданий немного.

За последние годы зарубежными авторами опубликовано большое количество статей, описывающих на основе полевых исследований разные по локальной культуре и численности этнические группы цыган, ранее не представленные в научной литературе. Более подробно, на основании собственных полевых исследований, изучены цыгане, проживающие в разных странах [*Losemann, Schwanke*, 2005; *Марушиакова, Попов*, 2009:593–601]. Эти статьи показывают, что существуют некоторые общие характеристики разных исследованных общностей, позволяющие сделать важные выводы об их историческом развитии.

Профессор Техасского университета, цыган по происхождению, Ян Хэнкок опубликовал более 300 книг и статей по лингвистике, истории, антропологии и генетике цыган, некоторые из них – на влашском диалекте. Хэнкок допускает военные истоки предков цыган [*Hancock*, 2000; 2002; 2010; 2014], и в попытке сравнить их с социально-экономические характеристики с таковыми у кочевого торгового населения индийской диаспоры, он предлагает следующий сценарий: раджпутские группы смешанного среднеазиатского и дравидийского происхождения, которых во время похода сопровождали неприкасаемые, низкокастовые группы, будучи частью антиисламской военной кампании, двинулись на запад к Персии. Когда они значительно отделились от своей родины, кастовые различия перестали играть важную роль, и в отношениях между группами определяющей стала этническая идентичность. (Kenrick в своих работах излагает похожую точку зрения [*Kenrick*, 2004].)

Сторонники этой позиции утверждают, что цыгане действительно могут быть потомками военных каст, или раджпутов, которые оказывали сопротивление мусульманскому вторжению. Было выдвинуто предположение о связи цыганских миграций на запад с разгромом раджпутов в битве против мусульманских правителей Газневидов, обосновавшихся в Аф-

ганистане в XII веке. В частности, Хэнкок соглашается с тем, что члены касты Dom (цыгане Сирии и Палестины, отсюда – «домари») покинули Индию до 1000 года нашей эры. Он утверждает, что индийские музыканты, упомянутые в Шах-наме и «атсингане» (принято считать, что это – первое упоминание о цыганах в Византии, и относится оно к 1054 г. [*Марушиакова, Попов*, 1993:29; *Soulis*, 1961:145]).

Созданное в Грузии «Житие святого Георгия», в котором упоминаются «ассасины» (Atcingani), члены религиозной секты, которую официальная церковь считала еретиками и к упомянутому времени уже почти полностью подавила её деятельность. Именно от греческого «Atcingani» произошли русское «цыган», немецкое «Zigeuner», французское «Tsigane» и проч.). Описанные в житии святого великомученика Георгия-отшельника, которых раньше считали предками цыган, возможно, были предками цыган «Domari», но не тех цыган, самоназвание которых «Рома».

Он считает возможным, что цыгане, носящие самоназвание «лом» (цыгане Армении), отделились от цыганского народа, достигнув Армении. Вопреки распространённому мнению о том, что цыгане происходят от индийцев низкой касты, которые привезли свои занятия в Европу, он уверен, что цыгане происходят от индийских военнопленных Махмуда Газневи. Ян Хэнкок даже связывает этимологию слова «гажё», которое существует у всех цыган мира и в переводе означает «не цыган», с именем Махмуда Газневи. В качестве доказательства Ян Хэнкок указывает на присутствие индийских слов, в частности, военного происхождения и устное предание раджпутов, которые покинули Индию через Гималаи во время нашествия Газневидов и не вернулись.

Исследователь Бакленд Рэйдмон жил в Англии в 1930-е гг. и был свидетелем постепенного исчезновения таборов, кочующих по этой стране. В своей книге «Цыгане: тайны жизни и традиции» он утверждает, что цыгане теряют и этническую самобытность. И, хотя в целом книга посвящена «цыганской магии», автору удалось запечатлеть некоторые любопытные этнографические факты [*Бакленд*, 2003].

В последние десятилетия появились публикации, в которых фиксируется фольклор и устная история цыган [*Bari*, 1999; *Stojka et al.*, 2000]. У некото-

рых западных авторов, также как и в современной социологической школе в Сербии, например, в условиях современного общества цыгане превращаются постепенно из первоначально этнической общности в маргинальный «этно-класс» [Mihok, 1999; Boscoboinik, Giordano, 2005:7–18; Đorđević, 2003].

Постоянный рост количества исследований о цыганах в Европе в последние годы не случаен. В 2004 г. после расширения Евросоюза за счёт стран Центральной и Восточной Европы 1,4 млн. цыган стали гражданами ЕС и, следовательно, в соответствии с Маастрихтским договором 1992 г. получили те же права, что и остальные европейцы. Они были официально признаны национальным меньшинством. Возникла необходимость социализации цыган, проблема, которая носит масштабный характер, т.к. цыгане составляют на территории ЕС самое крупное этническое меньшинство (около 6 млн., а на территории всей Восточной Европы, включая Молдавию, Украину и Россию, – более 12 млн. чел.[Roma, URL].

В Хельсинки в октябре 2001 г. был сделан вывод о необходимости создания исследовательской группы для изучения вопроса об учреждении представительного и консультативного органа цыган в СЕ. В целях реализации данной инициативы в декабре 2001 г. была сформирована исследовательская группа, в состав которой вошли независимые цыганские эксперты, представители крупнейших цыганских ассоциаций Европы и международных организаций (кстати, в составе группы работала и автор данной статьи). Группу возглавил депутат парламента Финляндии, председатель Комитета Парламентской ассамблеи Совета Европы по юридическим вопросам и правам человека г-н Гуннар Янссон.

В результате проделанной работы был подготовлен проект документа о целях создания Европейского форума цыган, принципах формирования его состава и т.д. Этот документ был представлен на рассмотрение Комитета министров Совета Европы и утверждён. В 2004 г. при Совете Европы, в Страсбурге, согласно французскому закону, был зарегистрирован Европейский форум цыган и путешественников (European Roma and Travellers Forum – ERTF). Комитет Министров СЕ подписал соглашение, согласно которому форум обеспечивает цыганам возможность участвовать и открыто влиять на касающиеся их процессы принятия решений. В 2003 г. – утверждён и подпи-

сан 55 государствами План действий ОБСЕ по участию цыган и «синти» в общественной и политической жизни [*Решение ОБСЕ*, URL].

Многие европейские государства реализовывали программы поддержки цыган. 2005–15 годы объявлены в Европе цыганской декадой, основная цель которой – интеграция цыганского меньшинства и разработка новых законов для их адаптации в Евросоюзе, улучшение социально-экономического статуса. Для обеспечения финансирования декады мобилизованы соответствующие институты и финансовые средства, в т.ч. и национальные бюджеты.

В 2008 г. в Брюсселе впервые состоялся саммит, специально рассмотревший цыганский вопрос – «Европейская платформа за интеграцию цыган в общество». Пресса единодушно приветствовала намерение руководства ЕС серьёзно взяться за решение одной из самых горячих проблем XXI века. Руководство ЕС в 2010 г. созывает второй саммит, посвящённый цыганскому вопросу, в Корду (Испания). В 2009 г. европейские институты от анализа проблем перешли к исследованию механизмов комплексного воздействия на положение цыган в рамках политики, учитывающей одновременно вопросы занятости, социальной интеграции, здравоохранения, образования, жилья и культуры.

Европейским парламентом, Европейским экономическим и социальным комитетом был принят документ «Социально-экономическая интеграция цыган в Европе» от 7 апреля 2010 г., согласно которому государства-члены ЕС несут специальную ответственность перед цыганами. В свете миграций данная проблема была включена в стратегию ЕС до 2020 г. и подробно прописана в Европейской платформе по борьбе с нищетой.

По данным отчёта Европейской комиссии, полная интеграция цыган будет иметь важные экономические выгоды для общества, и особенно для тех стран, в которых происходит сокращение населения и которые не могут себе позволить исключить большую часть своей потенциальной рабочей силы. В целях фиксации европейской финансовой поддержки для интеграции цыган был принят проект «Многолетние финансовые рамки 2014–2020» [*Финансирование*], который призван использовать фонды ЕС для интеграции цыган. Положение европейских цыган вновь оказалось в

центре внимания общественности после недавней депортации французскими властями нескольких тысяч цыган – граждан Румынии и Болгарии.

Для того, чтобы принять все перечисленные выше документы, был необходим анализ проблем, проведение специальных цыгановедческих исследований, обзор положения цыган в Европе, знакомство с экономическим, политическим, культурным и правовым контекстом их существования, вопросов современной цыганской идентичности и многих др. Именно этим, прежде всего, мы можем объяснить стремительный рост в Европе исследований о цыганах в последние 20 лет.

Результаты исследований по цыганской истории, культуре, фольклору систематически издаются в странах СНГ, например, в Беларуси [*Бартош*, 2008; 2011:17–22; *Чаквин, Бартош*, 2008:448–454], Украине [*Зіневич*, 2015; *Беликов*, 2003; *Заатов*, 2008; *Тяглый*, 2005], в Молдавии [*Думинику*, 2008; *Думинику*, 2009; *Этнофольклорное наследие*]. Современные интересы российских цыганологов сфокусированы в области изучения языка [*Шаповал*, 2007; *Торопов, Калинин*, 2006; *Цветков*, 2008:57–59; 2001], этнографии [*Деметер*, 2000; 2014; *Черных*, 2003; *Черных и др.*, 2005], культурологии и социокультурной антропологии [*Смирнова-Сеславинская, Цветков*, 2009; *Смирнова-Сеславинская*, 2010; *Цветков*, 2008а:471–488], фольклора [*Махотина*, 2008:315–326; 2009:56–70; 2011:73–82], религиоведения [*Трофимова*, 2017:164–167]. Особенно много работ, изданных в России, посвящено изучению языка этнической группы «кэлдэраров».

Прежде всего надо отметить работу филолога В.В. Шаповала. Изданный им самоучитель цыганского языка – важная веха в изучении цыганской лингвистики. Трудно переоценить необходимость такого рода самоучителя, ведь цыганский язык нигде у нас в России не преподается. Это серьёзная языковедческая работа, предназначенная для самостоятельного изучения диалекта русских цыган. Самоучитель содержит грамматику, упражнения, тексты с параллельным переводом, и, что особенно ценно, полный цыганско-русский и русско-цыганский словарь. Приведены и подробно разобраны тексты более 50 старинных и популярных песен, прозы, имеется разговорник и другие вспомогательные материалы. Издание представляет интерес для лингвистов и фольклористов, подобного труда не издавалось в России более ста лет.

Особый интерес представляет книга профессионального этнолога, член-корр. РАН А.В. Черных, который провёл интересное исследование об обычаях, истории и современной жизни одной из цыганских этнических групп – «кэлдэраров». В научный оборот введён большой, совершенно оригинальный материал.

В специальном историко-этнографическом издании о цыганах «История цыган – новый взгляд» [Деметер, Бессонов, Кутенков, 2000] сконцентрирован целый спектр историко-этнологических проблем, разработка которых позволила авторам достаточно полно охарактеризовать основные этапы этнической, социальной и политической истории цыган, и рассмотреть в динамике различные аспекты культуры цыган в странах Европы.

В 2006 г. опубликовано издание архивных материалов И.М. Андрониковой «Язык цыганский весь в загадках» [*Язык цыганский*, 2006]. В большой по объёму представленных материалов книге, к сожалению, огромное количество ошибок и неточностей, что приводит к опасению, что будущие исследователи, используют этот труд в качестве достоверного источника, а в литературе навсегда останутся такие небрежные переводы (в том, что все пословицы – переводы, «калька» с русских пословиц, сомнений нет), а, значит, они могут называться цыганскими очень условно. Как образец цыганской речи они просто неприемлемы – так много ошибок в тексте.

Совершенно иное хотелось бы сказать о «Приложении», которое дано в конце книги и представляет собой 35 страниц текста – в основном, отрывки из неопубликованных статей Андрониковой, за издание которых можно только поблагодарить составителя книги Кучепатову. Конечно, это не диссертация, но очень ёмкое, информативное описание материальной культуры цыган, основанное на её собственных полевых материалах, где детально раскрывается тема, вводятся в научный оборот новые, достоверные данные по материальной культуре цыган, исчезающей буквально на глазах и уже невозможных.

Очень информативна статья доктора исторических наук и доктора педагогических наук В.Н. Шкунова [*Шкунов*, 2010], посвящённая торговой деятельности цыганского народа как во внутренней, так и во внешней тор-

говле России на протяжении XVII–XIX вв. Это совершенно новый взгляд на участие цыган в экономической жизни России.

В книге доктора исторических наук Н.Ф. Бугая «Цыгане России» [Бугай, 2012], собран богатый фактический материал из государственных архивов РФ, а также архива бывшего Министерства по делам национальностей РФ и личного архива автора. Н.Ф. Бугай анализирует события, связанные с переходом цыган к оседлому образу жизни, репрессии в отношении советских цыган, зарождении первых цыганских организаций в постсоветской России.

Таким образом, в начале третьего тысячелетия продолжают исследования в области истории, фольклора, этнографии цыган, проживающих в разных странах Европы. Публикуются специальные номера этнологических и социологических журналов, посвящённых цыганским проблемам. Во многих работах зарубежных авторов много внимания уделяется обзору положения цыган в центральной части Европы, изучению экономического, политического, культурного и правового контекста их существования, а также процесса маргинализации, с которым цыгане сталкиваются практически во всех странах проживания. В научный оборот вводятся материалы по языку, фольклору и культуре цыган, их современной идентичности. Эти исследования, несомненно, имеют и прикладное значение, особенно в случаях принятия законов и специальных решений, касающихся этого народа.

В целом, анализ историографии в контексте различных отраслей знаний позволяет сделать вывод о том, что цыгановедение прошло долгий путь развития, начиная с фиксации отдельных свидетельств о цыганах до комплексных научных исследований цыганской истории, этнографии, языка, фольклора.

Цыгане – народ специфический и, в своем роде, уникальный. Нет единой цыганской культуры. Есть очаги очень разных культур, окрашенные в национальные цвета тех мест, где цыгане проживают. Различные этнические группы цыган сформировались на стыке самых разных этнических, социальных, религиозных сфер, а их этническая идентичность развивалась в зависимости от территориального и политического факторов, в процессе многовековых взаимодействий разных культур и языков.

При этом локальные отличия в положении цыган в разных странах, связанные с национальной политикой, языковой и этнической ситуацией,

бывают чрезвычайно значительны. Дальнейшие углублённые этнологические исследования цыган в различных странах позволят уточнить пути развития этого народа, представить его региональную специфику, осуществить прогноз на дальнейшее развитие.

Литература:

1. Адам, Зейкан, Навроцька, 2006 – *Адам А., Зейкан Ю., Навроцька С.* Білий камінь з чорної катівні: Голокост ромів Закарпаття. Ужгород: Вид-во О. Гаркуши, 2006. 146 с.
2. Андрејух, 1970:209–270 – *Андрејух Л.* Прилог библиографији о циганима // Гласник Етнографског музеја. Београд. 1970. № 33. С. 209–270.
3. Бакленд, 2003 – *Бакленд Р.* Цыгане: тайны жизни и традиции. М., 2003.
4. Бартош, 2008 – *Бартош О.Э.* Белорусские цыгане: история и традиции // Фокус. 2008. № 4 (8).
5. Бартош, 2011:17–22 – *Бартош О.Э.* Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI вв. / Материалы междунар. науч.-практ. конф. / редкол. : Т.А. Новогродский (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2011. С. 17–22.
6. Беликов, 2003 – *Беликов А.В.* Цыганское население Украины (XVI–XX вв.): Автореф. дис. канд. ист. н. / Донецкий гос. ун-т. Донецк, 2003.
7. Бугай, 2012 – *Бугай Н.Ф.* Цыгане России. М., 2012.
8. Герман, 1930 – *Герман А.В.* Библиография о цыганах: Указатель книг и статей с 1780 по 1930 гг. М., 1930.
9. Деметер Р., Деметер П., 1990 – *Деметер Р.С., Деметер П.С.* Цыганско-русский и русско-цыганский словарь. М. 1990.
10. Деметер, 1999:7–15 – *Деметер Н.Г.* Этнографическое изучение цыган в России. Историографический очерк. Цыгане // Сборник статей. М.: ИЭА РАН, 1999.
11. Деметер, 2014 – *Н.Г. Деметер.* Образование как способ адаптации цыган в российское общество. М., 2014.
12. Деметер, Бессонов, Кутенков, 2000 – *Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В.* История цыган – новый взгляд. Воронеж, 2000.
13. Думинику, 2008 – *Думиника И.* Аудио-интервью с цыганом-лэутаром Николаем Андреевичем Раю (р. 25.06.1954), проживающим в городе Дурлешть (пригород Кишинёва). Кишинёв, 2008.
14. Думинику, 2009 – *Думиника И.* Лэутары из Дурлешть в «пространстве истории». Этнофольклорное наследие Республики Молдова // Институт української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2009.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

15. Заатов, 2008 – *Заатов И.* Публикация Важдип Оджа «Материалы по этнографии и истории крымских цыган» // Наукові записки. Т. 15. Тематичний випуск «Роми України: із минулого в майбутнє». Київ, 2008.
16. Зіневич, 2015 – *Зіневич Н.* Голоси призабутої пам'яті // Уроки Голокосту. 2015. Жовтень–грудень. № 4 (44).
17. Кенрик, Паксон, 2001 – *Кенрик Д., Паксон Г.* Цыгане под свастикой. М., 2001.
18. Марушиакова, Попов, 1993:29 – *Марушиакова Е., Попов В.* Циганите в България. София, 1993. С. 29.
19. Марушиакова, Попов, 2001:9–17 – *Marušiakova E., Popov V.* Historicky osud a súčasne problémy Ciganov/Romov v strednej a východnej Európe // Etnologické rozpravy, 2001. 8 (2). Р. 9–17.
20. Марушиакова, Попов, 2007а – *Марушиакова Е., Попов В.* Studii Romani. Т. VII. София, 2007.
21. Марушиакова, Попов, 2007б – *Марушиакова Е., Попов В.* Историческа съдба и съвременна картина на циганските общности в Източна Европа // Studii Romani. Т. VII. София, 2007.
22. Марушиакова, Попов, 2008а:275–298 – *Марушиакова Е., Попов В.* Идентичность цыган/ромов в новом европейском контексте (на примере Восточной Европы) // Сохань, Павел и Наталья Зіневич. (Ред.) Роми України: із минулого в майбутнє // Наукові записки. Т. 15. Київ, 2008. С. 275–298.
23. Марушиакова, Попов, 2008б – *Марушиакова Е., Попов В.* Холокост и цыгане. Конструирование новой национальной мифологии // Голокост і сучасність. 2008. № 2 (4).
24. Марушиакова, Попов, 2009:593–601 – *Марушиакова Е., Попов В.* От локальной к общей истории (на примере двух цыганских микрогрупп в Карпатском регионе) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2009. Т. 19 (2). С. 593–601.
25. Махотина, 2008:315–326 – *Махотина И.Ю.* Устный репертуар русских цыган по материалам архива семьи Панковых // Наукові записки: Збірник праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Т. 15: Тематичний випуск «Роми України: із минулого в майбутнє». Київ, 2008. С. 315–326.
26. Махотина, 2009:56–70 – *Махотина И.Ю.* Устный репертуар русских цыган по материалам архива семьи Панковых // Тверское фольклорное поле 2007: Доклады и публикации. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 56–70.
27. Махотина, 2011:73–82 – *Махотина И.Ю.* Песни литературного происхождения и жестокий романс в репертуаре русских цыган // Известия Саратовского университета / Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. Вып. 3. С. 73–82.
28. Назаров, 1970 – *Назаров Х.Х.* Влияние Октябрьской революции на положение и быт среднеазиатских цыган: Автореф. ... канд. ист. н. М., 1970.

29. Решение ОБСЕ, URL – Решение ОБСЕ № 3/30. План действий по улучшению положения рома и синти в регионе ОБСЕ // URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/17558>.
30. Смирнова-Сеславинская, 2010 – *Смирнова-Сеславинская М.* Традиционная экономика и уклад как факторы брачной политики и этносоциальных процессов у цыган // Антропологический форум. 2010. № 13.
31. Смирнова-Сеславинская, Цветков, 2009 – *Смирнова-Сеславинская М.В., Цветков Г.Н.* Цыгане. Происхождение и культура. Социально-антропологическое исследование. М.; София: Парадигма, 2009.
32. Торопов, Калинин, 2006 – *Торопов В., Калинин В.* Феномен обычного права цыган России. Иваново: ИГУ, 2006.
33. Трофимова, 2017 – *Трофимова К.П.* Отчуждённый «свой»: позиция маргинального наблюдателя в сообществе цыган-мусульман Македонии // Балканский тезаурус: взгляд на Балканы извне и изнутри / Москва, 18–20 апреля 2017 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 164–167.
34. Тяглый, 2005 – *Тяглый М.* «Расовые враги» и «асоциальные элементы»: политика нацистских оккупантов в Крыму в отношении евреев и цыган // Историческое наследие Крыма. 2005. № 10.
35. Финансирование, URL – Финансирование со стороны ЕС // URL: http://ec.europa.eu/justice/discrimination/roma/index_en.htm&prev=search
36. Цветков, 2001 – *Цветков Г.Н.* Романэ ворби. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (ловарский диалект). М., 2001. 192 с.
37. Цветков, 2008а:471–488 – *Цветков Г.Н.* История и социальное развитие цыган-ловаря // Наукові записки. Тематичний випуск «Роми України: із минулого в майбутнє». Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2008. Т. 15. С. 471–488.
38. Цветков, 2008:57–59 – *Цветков Г.Н.* Проблема формирования проторомов через призму семантического развития названия dom в древней и средневековой Индии // 84 International Conference on Romani Linguistics. Saint Petersburg, 4–6 September 2008: Abstracts. Saint Petersburg: Néstor-Historia, 2008. С. 57–59.
39. Чаквин, Бартош, 2008:448–454 – *Чаквин И.В., Бартош О.Э.* Цыгане в Беларуси. Особенности этнокультурной адаптации и социокультурной интеграции // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі / Навук. рэд. А.І. Лакотка. Вып. 4. Мінск: Права і эканоміка, 2008. С. 448–454.
40. Черных, 2003 – *Черных А.В.* Пермские цыгане. Очерки этнографии цыганского табора. Пермь, 2003.
41. Черных и др., 2005 – *Черных А.В., Вайман Д.И., Имайкина Е.А.* Этносоциальные процессы в цыганских общинах Пермской области на современном этапе (по

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

-
- результатам этносоциологического исследования цыган Пермской области). Пермь: Изд-во Перм. обл. науч.-исслед. центра авитальности, 2005. 51 с.
42. Шаповал, 2007 – *Шаповал В.В.* Самоучитель цыганского языка: русска рома: севернорусский диалект: учеб. пособие. М.: Астрель: АСТ, 2007. 447 с.
 43. Шкунов, 2010 – *Шкунов В.Н.* Цыгане и торговля в Российской империи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6.
 44. Язык цыганский, 2006 – Язык цыганский весь в загадках [Текст]: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и справочный аппарат С.В. Кучепатовой. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. 648 с.
- * * *
45. Acton, 2003 – *Acton T.A.* A Three-cornered Choice: Structural Consequences of Value-Priorities in Gypsy Law as a Model for More General Understanding of Variations in the Administration of Justice // The American Journal of Comparative Law, 2003, 51/3.
 46. Ascoli, 1865 – *Ascoli G.* Zigeunerisces. Halle, 1865.
 47. Bari, 1999 – *Bari K.* Gypsy Folklore. Hungary. Romania. CD I-IX. Budapest: VTCD, 1999.
 48. Black, 1914 – *Black G.F.* A Gypsy bibliograraphy. London, 1914.
 49. Boscoboinik, Giordano, 2005:7–18 – *Boscoboinik A., Giordano C.* Roma's Identity and the Political Arena // Ethnobarometer. Working Papers. 2005. Ser. 9. S. 7–18. см. 64 эта в тексте есть
 50. Caffrey, Mundy, 2001:104 – *Caffrey S., Mundy G.* Informal System of Justice: The Formation of Law within Gypsy Communities / W.O. Weyrauch (Ed.). Gypsy Law. Romani Legal Traditions and Culture. Berkeley: University of California Press, 2001. P. 104.
 51. Đorđević, 2003 – *Đorđević D.* The Roma of Serbia // Roma Religious Culture / Đorđević, D. (Ed.). Nis: YSSSR & YURoma Center & Punta, 2003.
 52. Duric, 1988 – *Duric R.* Cigani sveta. Beograd, 1988.
 53. Gronfors, 1981 – *Gronfors M.* Ethnic Minorities and Deviance: The Relationship Between Finnish Gypsies and Police // Suomen Mustalaiskanssa, 1981.
 54. Grellmaan, 1783 – *Grellmaan H.* Die Zigluner. Leipzig, 1783.
 55. Hancock, 1991:251–268 – *Hancock I.* The East European Roots of Romani Nationalism // The Gypsies in Eastern Europe. Fall, 1991. V. XIX. № 3. P. 251–268.
 56. Hancock, 2000 – *Hancock I.* The Emergence of Romani as a Koīné Outside of India // Scholarship and the Gypsy Struggle: Commitment in Romani Studies. Hertfordshire, Great Britain. University of Hertfordshire Press, 2000.
 57. Hancock, 2002 – *Hancock I.* We are the Many people. Are some Romana desene. Hatfield: University of Hertfordshire Press, 2002.
 58. Hancock, 2010 – *Hancock I.* Danger! Educated Gypsy. Selected Essays. Hatfield: University of Hertfordshire Press, 2010.

59. Hancock, 2014 – *Hancock I.* On Romani Origins and Identity. RADOС. Retrieved 24 December, 2014.
60. Journal of the Gypsy – Journal of the Gypsy Lore Society. Old series. Liverpool. V. 1–3.
61. Kenrick, 2004 – *Kenrick D.* Gypsies. University of Hertfordshire Press, 2004.
62. Losemann, Schwanke, 2005 – *Losemann A., Schwanke H.* Eine Karpatenreise. Tsiganologische Beobachtungen. Arbeiten aus dem Institut für Ethnologie der Universität Leipzig. Bd. 5. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2005.
63. Loss, 2002 – *Loss S.* The Romani Kris. Research Report. Miskolc, 2002.
64. Macfie, 1936 – *Macfie R.* A catalogue of the Gypsy books. Liverpool, 1936.
65. Marushiakova, Popov, 2007:67–101 – *Marushiakova E., Popov V.* The Gypsy Court in Eastern Europe // *Romani Studies*. 2007. № 17 (1). S. 67–101.
66. Matras, 2005 – *Matras Y.* Romani. A Linguistic Introduction. Cambridge, 2005. 308 p.
67. Maximoff, 1995 – *Maximoff M.* E nevi vastia. Paris, 1995.
68. Mihok, 1999 – *Mihok B.* Vergleichende Studie zur Situation der Minderheiten in Ungarn und Rumänien (1989–1996) unter besonderer Berücksichtigung der Roma. Frankfurt am Main, 1999.
69. Miklosich, 1874 – *Miklosich Fr.* Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas. Wien, 1874.
70. Pott, 1844 – *Pott A.E.* Die Zigeuner in Europ und Asien. 1844.
71. Roma, URL – Roma. European Union Agency for Fundamental Rights // URL: <http://fra.europa.eu/en/theme/roma>
72. Rudiger, 1782–1793 – *Rudiger Y.Gh.* Heuster Zuwachs der deutschen brenden und allegemeinen Sprachkunder. Leipzig, 1782–1793.
73. Soulis, 1961:145 – *Soulis G.C.* The Gypsies in the Byzantine Empire and the Balkans in the Late Middle Ages. *Dumbarton Oak Papers*. Washington, 1961. № 15. C. 145.
75. Stojka et al., 2000 – *Stojka P., Davidová E., Holub K., Hübschmannová M., Jelínková D.* Dural me avilem. Z dalky jsem přišel. Avri kidine le vlašika d'i'la. Vybór z Olašské písňové poezije. Praha: Karel Holub Ars Bohemica, 2000.
74. Tcherenkov, Laedrich, 2004 – *Tcherenkov L., Laedrich S.* The Rroma. Basel, 2004. V. 1, 2. 1098 p.
75. Weyrauch, Bell, 2001:11–87 – *Weyrauch W.O., Bell M.A.* Autonomous Lawmaking: The case of the «Gypsies» / W.O. Weyrauch (Ed.) // *Gypsy Law. Romani Legal Traditions and Culture*. Berkeley: University of California Press, 2001. P. 11–87.
76. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013online/13_online_seslavinskaya.pdf

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Современная европейская культурная антропология и этнология. Историографические очерки / Отв. ред. М.Ю. Мартынова / Кол. авт.: Э.Г. Александренков, М.А. Андрюнина, А.Вл. Верещагина-Гурко, Р.А. Григорьева, Н.Г. Деметер, И.Ю. Заринов, М.М. Керимова, А.Н. Кожановский, М.К. Любарт, М.Ю. Мартынова, В.В. Руднев, Е.А. Сорокина, О.Д. Фаис, Г.П. Шантек. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 426 с.

Ответственный редактор и составитель
доктор исторических наук М.Ю. Мартынова